ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2015 № 2 (139)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2015 № 2 (139)

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1920 г.

СЕРИЯ ВЫХОДИТ С 1999 г.
4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. А. Кокшаров, ректор УрФУ, председатель совета

Д. В. Бугров, директор Института гуманитарных наук и искусств УрФУ

М. Б. Хомяков, директор Института социальных и политических наук УрФУ

В. В. Алексеев, акад. РАН

А. Е. Аникин, чл.-корр. РАН

В. А. Виноградов, чл.-корр. РАН

А. В. Головнев, чл.-корр. РАН

С. В. Голынец, акад. РАХ

К. Н. Любутин, проф. УрФУ

А. В. Перцев, проф. УрФУ

Ю.С. Пивоваров, акад. РАН

А. В. Черноухов, проф. УрФУ

Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)

Д. Беннер, проф. (Германия)

Дж. Боулт, проф. (США)

П. Бушкович, проф. (США)

М. М. Гиршман, проф. (Украина)

Л. Инчуань, проф. (Тайвань)

А. Ковач, проф. (Румыния)

Н. Коллман, проф. (США)

Дж. Майклсон, проф. (США)

А. Мустайоки, проф. (Финляндия)

Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)

М. Перри, проф. (Великобритания)

Х. Рюсс, проф. (Германия)

Г. Саймонс, проф. (Швеция)

К. Хьюитт, проф. (Великобритания)

А. Федотов, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Т. В. Кущ,
докт. ист. наук, доц.

Заместители главного редактора

Е. П. Алексеев,
канд. искусствоведения, доц.

Ю. В. Матвеева,
докт. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева

Ответственные за направления

История

Н. Н. Баранов,
докт. ист. наук, доц.

Е. М. Главацкая,
докт. ист. наук, доц.

Ю. А. Русина,
канд. ист. наук, доц.

А. В. Шаманаев,
канд. ист. наук, доц.

Филология

О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.

А. В. Маркин,
канд. филол. наук, доц.

А. М. Плотникова,
докт. филол. наук, доц.

Д. В. Спиридонов,
канд. филол. наук, доц.

Искусствоведение

Л. А. Будрина, канд. искусствоведения, доц.

Г. В. Голынец, канд. искусствоведения, чл.-корр. РАХ

М. В. Капкан, канд. культурологии, доц.

Л. С. Лихачева, докт. социол. наук, проф.

Перевод на английский

Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук

© Уральский федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТИЖЕНИЕ ВОСТОКА:
КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Елихина Ю. И. Ранняя буддийская скульптура из Гандхары и Хадды в собрании Государственного Эрмитажа 8

Деменова В. В. Буддийская бронза в коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств: проблемы атрибуции 15

Кринская З. А., *Рабинович Е. И.* Богиня художников и интеллектуалов: культ Сарасвати в культурах буддийского Востока 23

Пронина М. Г. Половцовы как создатели восточной коллекции музея ЦУТР барона А. Л. Штиглица 36

Возчиков Д. В. Слоны и бубенчики: государства Мьянмы глазами итальянских путешественников XV в. 44

Абашев В. В. «Мыслящий реалист» в Святой земле. Записки Д. Д. Смышляева о Синае и Палестине в контексте русской паломнической литературы 56

Куликова Е. Ю. «Восток и нежный и блестящий...»: *пантуны* и *павлины* Николая Гумилева 71

Проскурина Е. Н. Функция китайской темы в провинциальной прозе Галины Климовской (на материале повести «Синий дым Китая») 80

Кибальник С. А. Миф о Джамбуле (по материалам современной казахстанской печати) 89

ИСТОРИЯ

Дмитриев А. В. Командный состав полевых полков Сибирского корпуса во второй половине 1760-х гг. 100

Главацкая Е. М. Лютеране Среднего Урала в XVIII — второй половине XIX в.: институты, расселение, численность 112

Неклюдов Е. Г. Горнозаводские округа на Урале: формирование и состав в XVIII — начале XX в. 119

Шаманаев А. В. Коллекция древностей монастыря Св. Владимира в Севастополе (вторая половина XIX — начало XX в.) 134

Мазур Л. Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в советской России 146

Тупчиенко-Кадырова Л. Г. Письма С. С. Богатырева к Ю. С. Мейтусу из эвакуации (1941–1942) 159

Хренов В. В. Участие Турции в Корейской войне в турецкой историографии 168

Екатеринбург:
из истории города

Поршнева О. С., *Казакова-Апкаримова Е. Ю.* Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII — начале XX в. 178

Мангилева А. В. Преподаватели Екатеринбургского уездного духовного училища в воспоминаниях Д. Н. Мамина-Сибиряка 191

ФИЛОЛОГИЯ

Маштакова Л. В. «Существование» числа: числовая символика в книге Вяч. Иванова «Rosarium» 197

Ковтун Н. В. Книга — автор — читатель в поздних текстах В. Распутина 208

Язык и образы
Ф. М. Достоевского

Медведев А. А. «Сердце милующее»: образы праведников в творчестве Ф. М. Достоевского и св. Франциск Ассизский 222
Ружицкий И. В. Еще раз о «небрежении словом» Достоевского 234
Турышева О. Н. Ларс фон Триер как Иван Карамазов 241

РЕЦЕНЗИИ

Рюсс Х. Не новое исследование характера и имиджа княжеской власти в Киевской Руси 255
Ларкович Д. В. «Неразменный и непреходящий бренд России» 260
Рабинович В. С. Незавершимая незавершенность 263

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новая страница в жизни уральских филологов: XI Всероссийская научная конференция «Дергачевские чтения» (*О. В. Зырянов*) 271

MEMORIA

Памяти румынского коллеги профессора Альберта Ковача (29.02.1928–27.04.2015) 276

Список сокращений 278
Сведения об авторах 279
Summary 283

TABLE OF CONTENTS

THE COMPREHENSION OF THE EAST: CULTURAL MEANINGS AND INTERPRETATIONS

Yelikhina Yu. I. Early Buddhist Sculpture from Gandhara and Hadda in the Hermitage Collection 8
Demenova V. V. Buddhist Bronze Sculpture in the Collection of the Yekaterinburg Fine Arts Museum: Problems of Attribution 15
Krinskaya Z. A., Rabinovich E. I. The Goddess of Artists and Intellectuals: The Worship of Saraswati in the Cultures of the Buddhist East 23
Pronina M. G. The Polovtsov Family as Founders of Eastern Art Collection in the Museum of Baron Stieglitz' School of Technical Drawing 36
Vozchikov D. V. Elephants and Bells: The States of Myanmar in the Eyes of 15th Century Italian Travellers 44
Abashev V. V. A Thoughtful Realist in the Holy Land. Sketches of D. D. Smyshlyayev on Mount Sinai and Palestine in the Context of Pilgrim Literature 56
Kulikova E. Yu. '*The East Is Both Gentle and Brilliant...*': Pantuns and Peacocks of Nikolay Gumilyov 71
Proskurina E. N. The Function of the Chinese Theme in the Provincial Prose of Galina Klimovskaya (with Reference to *The Blue Smoke of China*) 80
Kibalnik S. A. The Myth of Jambyl (Based on Contemporary Kazakh Press) 89

HISTORY

Dmitriev A. V. Commanding Officers of the Field Troops of the Siberian Corps on the 2nd Half of the 1760s 100
Glavatskaya E. M. Lutherans of the Middle Urals in the 18th — 2nd Half of the 19th Century: Institutions, Boarding and Numbers 112
Neklyudov E. G. Mining Districts of the Urals: Establishment and Structure in the 18th — Early 20th Century 119
Shamanaev A. V. The Collection of Antiquities of St Vladimir's Monastery (2nd Half of the 19th — Early 20th Century) 134
Mazur L. N. Rural Bureaucracy in Soviet Russia: Development Peculiarities 146
Tupchiyenko-Kadyrova L. G. Letters from S. S. Bogatyrev to Yu. S. Meitus from Evacuation (1941–1942) 159
Khrenov V. V. Turkey's Participation in the Korean War in Turkish Historiography 168

Yekaterinburg: From the City's History

Porshneva O. S., Kazakova-Apkarimova E. Yu. The Capital of the Urals: Yekaterinburg's Administrative Status and Citizens' Identity Evolution between the 18th — Early 20th Century 178
Mangileva A. V. Teachers of Yekaterinburg Uyezd Seminary in the Memoirs of D. N. Mamin-Sibiryak 191

PHILOLOGY

Mashtakova L. V. The Existence of Number: Numeral Symbols in Vyacheslav Ivanov's *Rosarium* 197
Kovtun N. V. The Book — the Author — the Reader in V. Rasputin's Late Works 208

The Language and Images of F. M. Dostoyevsky

Medvedev A. A. The Forgiving Heart: The Images of Righteous People in F. M. Dostoyevsky's Creative Work and St Francis of Assisi 222
Ruzhitsky I. V. Once again on Dostoyevsky's *Negligence of the Word* *234*
Turysheva O. N. Lars von Trier as Ivan Karamazov 241

REVIEWS

Russ H. Not a New Study of the Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus' 255
Larkovich D. V. "Russia's Unspendable and Imperishable Brand" 260
Rabinovich V. S. Incompletable Incompleteness 263

ACADEMIC CURRICULUM

A New Page in the Life of Ural Philologists: 11th All-Russian Academic Conference 'Dergachev Readings' (*O. V. Zyryanov*) 271

MEMORIA

In Memory of a Romanian Colleague, Professor Albert Kovács (29.02.1928–27.04.2015) 276

List of abbreviations 278
On the authors 279
Summary 283

ПОСТИЖЕНИЕ ВОСТОКА: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

УДК 730(58):24 + 730(59)

Ю. И. Елихина

РАННЯЯ БУДДИЙСКАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ГАНДХАРЫ И ХАДДЫ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В статье рассказывается о коллекции скульптуры из Гандхары и Хадды, описывается стилистика и иконография образов. Автор проанализировала и рассмотрела ранние памятники буддийского искусства Гандхары и Хадды, хранящиеся в коллекции Государственного Эрмитажа. Коллекция насчитывает 32 предмета, относящихся к раннему этапу становления и формирования буддийского искусства. Скульптура датируется II–V вв. и представляет собой образы будд, бодхисаттв и монахов. Изучение этих археологических находок особенно важно, т. к. они демонстрируют процесс сложения иконографических и иконометрических канонов буддийского искусства, взяв за основу античные и поздние эллинистические традиции. Искусство Гандхары и Хадды послужило своего рода эталоном изображений Будд и бодхисаттв. Подражание этим произведениям можно видеть среди памятников Кашмира, долины реки Сват, Среднего Востока, Восточного Туркестана, Китая, Кореи, Японии, Непала, Тибета и Юго-Восточной Азии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: буддизм; каменная скульптура; Гандхара; Хадда; бодхисаттвы; иконография.

Ранняя буддийская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа представлена достаточно скромно. Этот факт объясняется тем, что Россию в политическом аспекте больше всего привлекала территория Центральной Азии. Индия и Афганистан в XIX — начале XX в. затрагивали интересы Российской империи в меньшей степени, поэтому археологические и исследовательские экспедиции в эти регионы не отправлялись. Коллекция памятников ранней буддийской скульптуры происходит из Гандхары и Хадды. Эти произведения в основном были подарены Эрмитажу или приобретены у частных лиц. Всего насчитывается 32 предмета.

Вопросы, касающиеся изучения искусства Гандхары и Хадды, затрагивали разные исследователи. Первые публикации, посвященные проблемам искусства этого региона, были написаны А. Грюнведелем и А. Фуше. Самым

© Елихина Ю. И., 2015

фундаментальным трудом в настоящее время является всестороннее исследование коллекции Британского музея, выполненное В. Цвальфом. Эта публикация состоит из двух томов: первый содержит историю искусства Гандхары, стилистический анализ произведений и описание сюжетов, историю коллекции; во второй том включены изображения самих памятников Гандхары и Хадды. Коллекция Британского музея насчитывает более 600 предметов. Сама большая в мире коллекция гандхарской скульптуры хранится в Музее г. Пешавар (Пакистан).

В российском искусствоведении памятники Гандхары и Хадды описывали Г. А. Пугаченкова [Пугаченкова, с. 1–196], С. И. Тюляев [Тюляев, с. 171–208], В. С. Сидорова [Сидорова, с. 64–73], Г. М. Бонгард-Левин [Бонгард-Левин, с. 185–191], Т. К. Мкрытчев [Мкрытчев, с. 13, 48, 155–159], И. Ф. Муриан [Муриан, с. 54–68] и др. Нужно отметить, что в российских музеях подобные произведения практически не представлены.

На рубеже нашей эры в индийском искусстве антропоморфные образы Будды Шакьямуни еще не встречаются. В сценах, повествующих о прошлых рождениях Просветленного, он представлен в виде оленя или других животных. Согласно легендам, Будда еще при жизни запретил делать его образы. Традиционно вместо Будды изображали на каменных рельефах три драгоценности, символизировавшие Будду, Учение и общину, дерево бодхи, под которым он достиг просветления, пустой трон, колесо Учения (чакру), отпечатки его ладоней или стоп.

Отсутствие изображений Будды в человеческом облике объясняется ранней традицией предпочтения аллегорических образов конкретным изображениям. В таком случае происходит замещение конкретной фигуры определенным символом, подобно тому, как ранние христиане изображали крест вместо Христа.

Вероятно, появление первых образов Просветленного связано с традиционным буддийским желанием приумножить благие заслуги. Монахи использовали изображения крайне редко, но миряне нуждались и в руководстве, и в визуальном напоминании об Учении. Поэтому именно светское покровительство буддизму стало движущей силой для его развития и распространения искусства [Фишер, с. 45].

Антропоморфные образы Будды появились во время Кушанской династии (I–III вв.). Одним из центров, где развивалось буддийское искусство, была Гандхара (территория современного Пакистана). Именно здесь Александр Великий закончил свой восточный поход. Уже позже под влиянием этого похода провинциальные классические стили из римских колоний распространялись по торговым путям между Западом и Востоком и достигли Гандхары и прилегающих территорий. Они оказали сильное влияние на культуру этого региона, начиная от строительства городов и заканчивая чеканкой монет.

Пантеон буддийского искусства Гандхары весьма обширен: в него входят и индуистские божества, такие как Индра, Брахма, Сканда-Карттикея, локапалы, якши и якшини. На иконографию многих божеств существенное влияние оказала античная иконография, и это относится не только к образам Будды и Ваджрапани, но и к Харити. Происхождение культов некоторых божеств исследователи связывают с иранской и шумерской традициями [Zwalf, vol. 1, p. 44].

Под влиянием римских и поздних эллинистических стилей появляются первые изображения Будды. Он наделен особыми иконографическими признаками (лакшанами). В Гандхаре работали вместе греческие и местные мастера, приспосабливая античные традиции под привычные индийские образы и представления. Будда имеет тридцать два основных и восемьдесят второстепенных признаков. К ним относятся стройное тело, пропорциональное тело, длинные пальцы, округлые плечи, широкая грудь, удлиненные мочки ушей и др. На макушке у Будды имеется особый выступ — ушниша, между бровей расположен завиток волос — урна, символы просветленной сущности и духовного видения. Не найдя эквивалента ушнише в римском искусстве, мастера Гандхары собрали волосы в прическу, напоминающую пучок из вьющихся прядей. Одеянием Будды служит тога. За основу его изображений в Гандхаре был взят образ Аполлона. В античной традиции атлетически развитое тело означало гармонично развитую личность. В искусстве Гандхары особенности образа связаны с индийской эстетикой. Скульптуры должны были передавать, в первую очередь, внутреннее совершенство, гармонию и сосредоточенность при внешнем спокойствии и бесстрастии, при этом сохранялось и совершенство форм для образов Будд и бодхисаттв.

В сюжетах Гандхары часто встречаются большие рельефные изображения Будды со сценами из его жизни и джатаками. К этому времени уже сформировался буддийский канон, была написана масса сочинений, описывающих жизнь Будды Шакьямуни. Самыми ранними сочинениями, связанными с житием Будды, являются джатаки — рассказы о прошлых воплощениях Будды и аваданы, поучительные истории. Очень сложно обозначить различие между джатаками и аваданами, их главное значение в том, что они оказали сильное влияние на формирование махаянской философии и способствовали созданию понятия бодхисаттва. Джатаки вошли в раннюю махаянскую традицию [Hirakawa, p. 268]. Жизни Будды Шакьямуни посвящено много публикаций [Андросов, с. 64–147; Ашвагоша, с. 42–262, и др.]. В жизни Будды выделяют 12 основных деяний: 1) нисхождение с небес Аканишта на небеса Тушита; 2) зачатие, мать видит во сне белого слона, входящего в ее бок; 3) рождение, согласно легендам, Будда появился из бока матери, сразу же сделал семь шагов и указал пальцем на небо, что свидетельствовало о его небесном происхождении; 4) накопление мирских знаний; 5) жизнь в удовольствиях; 6) отказ от жизни, полной удовольствий; 7) уход из дворца; 8) аскетизм; 9) победа над Марой, демоном зла; 10) просветление; 11) проповедь учения; 12) достижение нирваны.

Все эти сюжеты являлись основными для произведений Гандхары. Они изображались на рельефах и служили украшениями буддийских ступ[1] и храмов. Скульптура Гандхары всегда является частью архитектурной композиции,

[1] Ступа — буддийское культовое сооружение, которое выполняет функции: 1) реликварий, в них могут храниться останки святых и предметы, которыми они пользовались при жизни; 2) мемориала, отмечающего памятные события буддийской истории; 3) вотивного объекта, возводимого по обету ради получения религиозной заслуги; 4) символа Учения Будды.

неразрывность скульптуры и архитектуры является одной из важнейших особенностей индийского искусства [Дешпанде, с. 328].

В коллекции Эрмитажа имеется только один фрагмент скульптуры из Гандхары, который представляет собой изображение головы Будды (ил. 1, инв. № ГА-937, II–III вв., Тахт-и-Бахи, сланец, размер 15 × 9 см, дар востоковеда А. Н. Кознакова, 1914 г.). Для лица Будды характерны правильные эллинистические черты. Уши и нос скульптуры отбиты. На этом фрагменте хорошо просматривается ушниша, но урна отсутствует. Лицо бесстрастное, глаза полуприкрыты и смотрят вниз, что характерно для личности, погруженной в глубокое созерцание. Отсутствие украшений является типичным признаком Будды, отказавшегося от всех удовольствий и земных благ. Практически целая фигура Будды, происходящая из этого же места, хранится в Британском музее [Serinde, с. 37].

С образом Будды связан фрагмент скульптуры, представляющий собой левую кисть руки, зажимающую край одеяния (инв. № ГА-941, II–III вв., сланец, размер 17 × 10,5 см, поступил из МАЭ в 1931 г.). Среди скульптурных памятников Гандхары Будда имеет несколько иконографических типов: он может изображаться стоящим или сидящим, правая рука находится в жесте защиты (абхайя-мудра), в левой зажат край одеяния; или в правой Будда держит чашу для сбора подаяния (патру). Среди жестов Будды встречаются еще поворот колеса учения (дхармачакра-мудра) и медитации (дхьяна-мудра).

Достаточно часто среди памятников Гандхары встречаются образы Будд прошлых кальп[2]. В раннем буддизме они могут иметь одинаковую иконографию. Такая иконография представлена на фрагменте каменного рельефа (ил. 2, инв. № ГА-938, II–III вв., сланец, размер 27 × 19,5 см, поступил из МАЭ в 1931 г.). Вдоль левого края рельефа сверху вниз сохранились сидящие фигуры двух Будд и верхняя половина третьего. Справа от них находятся две коленопреклоненных человеческих фигурки. Над ними расположен растительный орнамент. Поскольку Будда ушел из мира и избрал путь аскета, он изображается без украшений. Только оттянутые мочки ушей Будды напоминают о том, что он когда-то был принцем и носил массивные золотые серьги.

Кроме Будды в искусстве Гандхары значительное место отведено образам бодхисаттв, начинается процесс их персонификации. Бодхисаттвами считаются существа, отказавшиеся от достижения нирваны ради спасения всех живых существ. Наиболее характерными особенностями бодхисаттв стали роскошные одеяния и украшения.

Фрагмент скульптуры представляет собой изображение головы бодхисаттвы и части нимба (ил. 3, инв. № ГА-2996, II–III вв., сланец, размер 30 × 26 см, дар короля (падишаха) Афганистана Мухаммеда Захир-шаха[3], 1957 г.). Край нимба

---

[2] Кальпа — единица измерения времени в индуизме и буддизме. В каждой кальпе, цикличной единице времени, которая охватывает промежуток от возникновения мира до его разрушения, существует свой земной Будда. В нашей кальпе таким Буддой считается Шакьямуни.

[3] Закир-Шах — Мухаммед Захир-Шах (16 октября 1914 г., Кабул, Афганистан — 23 июля 2007 г.) — король (падишах) Афганистана с 8 ноября 1933 г. по 17 июля 1973 г. Реформатор, правивший страной 40 лет, до июля 1973 г., был свергнут своим двоюродным братом, Мухаммедом Даудом.

декорирован треугольным геометрическим орнаментом, символизирующим сияние, исходящее от образа. На голове бодхисаттвы надет тюрбан. Лицо бесстрастное, с усами, между бровей находится урна, типичная в более поздней иконографии только для Будды. В Гандхаре происходил процесс формирования иконографии основных божеств буддийского пантеона, поэтому допускались различные неточности [Дьяконова, с. 60–61].

В коллекции имеется еще один фрагмент миниатюрной скульптуры бодхисаттвы (инв. № ГА-940, II–III вв., сланец, размер 11 × 10 см, поступил из МАЭ в 1931 г., привезен из Восточного Туркестана С. М. Дудиным[4] в 1908 г.). Сохранилась только голова и часть левого плеча, нос и подбородок оббиты. Хорошо видны украшения: серьги и части ожерелий, на голове надет тюрбан. Образы бодхисаттв характеризуют различные украшения: ожерелья, браслеты и серьги.

К фрагментам скульптуры относится и престол со стоящими на нем ступнями ног. Судя по тому, что ноги обуты в сандалии, этот фрагмент изображал бодхисаттву (ил. 4, инв. № ГА-942, II–III вв., сланец, размер 30 × 28 см, поступил из МАЭ в 1931 г., привезен из Восточного Туркестана С. М. Дудиным в 1908 г.). В отличие от Будды, который всегда представлен босым, бодхисаттвы изображаются в искусстве Гандхары в сандалиях. На престоле изображена сцена поклонения бодхисаттве. Он восседает на престоле, вокруг него четыре фигуры, по две с каждой стороны. Двое обмахивают бодхисаттву опахалами, двое стоят с молитвенно сложенными руками. С одной стороны сохранилось изображение колонны.

В коллекции имеется еще одна небольшая фигурка человека, поклоняющегося Будде (ил. 5, инв. № ГА-16, II–III вв., сланец, размер 15,5 × 10 см, дар музея Гимэ, 1936 г.). Его фигура развернута на три четверти к центральному персонажу, который не сохранился. Сохранилась только верхняя часть фигуры. Человек одет в упавасу и паридхану[5], правое плечо обнажено. На нем надеты украшения в виде браслетов, ожерелья и серег. Руки молитвенно сложены перед грудью. На голове высокая прическа, которая является достаточно типичной для гандхарской скульптуры. Сверху сохранилась небольшая часть фриза с листьями аканфа.

Среди памятников Гандхары исследователи персонифицируют только двух бодхисаттв: Майтрею, грядущего Будду, и Авалокитешвару, божество милосердия. Встречаются изображения и неперсонифицированных бодхисаттв. Прообразом для Ваджрапани в искусстве Гандхары является Геракл [Zwalf, vol. 1, p. 34, 43 и др.].

В Гандхаре, помимо буддийских божеств, сохранилось достаточно много резных архитектурных украшений в виде фризов. На подобных фризах обычно изображены арки, под которыми находятся фигурки будд или людей [Zwalf, vol. 1, p. 266–274; vol. 2, p. 222–231]. Вероятно, к такому типу образов относится рельеф с изображением двух пар человеческих фигур, стоящих под арками (ил. 6,

[4] С. М. Дудин (1863–1929) — художник и фотограф, в 1908 г. возглавлял экспедицию в Восточный Туркестан.

[5] Упаваса и паридхана — традиционные индийские одеяния. Верхняя часть тела закутывалась в покрывало — упаваса, нижняя часть тела оборачивалась тканью, называемой паридхана.

инв. № ГА-939, II–III вв., сланец, размер 30,5 × 12 см, поступил из МАЭ в 1931 г.). Между арками находятся колонны.

Именно Гандхара дала импульс для развития буддийского искусства Центральной Азии и Китая. Искусство Гандхары достаточно разнообразно по количеству образов, но в коллекции Эрмитажа представлены только единичные произведения.

Реминисценцией буддийского искусства Гандхары стали памятники, происходящие из Хадды (территория современного Афганистана) и датируемые III–V вв. Они выполнены из штука, материала более мягкого и хрупкого по сравнению со сланцем и шифером, которые использовали мастера Гандхары. Мелкую пластику Хадды изготавливали в форме.

Всего в коллекции имеется 23 предмета: три из них были приобретены Государственным Эрмитажем у частного лица в 1938 г., одна подарена Захир-шахом и остальные были подарены в 1936 г. Музеем Гимэ (Париж). Предметы, переданные Музеем Гимэ, относятся к археологическим раскопкам французской экспедиции под руководством Ж. Барто, которая работала в Хадде в 1923–1928 гг., раскапывала и изучала объекты семи монастырей в местности Тапа Калан. Это место было описано китайским пилигримом Фасянем около 400 г. и монахом Синьцзяном (602–664), посетившим святыни в 640–645 гг.

Из фрагментов скульптуры в коллекции Эрмитажа 15 представляют собой головки или части лица Будды (инв. № ГА-1, 3-14, 19, 2997, III–V вв., штук, размеры от 6 до 27 см). Искусство Хадды является более поздним по времени по сравнению с памятниками Гандхары, поэтому на этих образах Будда имеет и ушнишу, и урну. Лица также наделены правильными эллинистическим чертами, подчеркивая то, что перед нами находится идеал, божество, внутреннее состояние которого достигло предела человеческого совершенства (ил. 7, инв. № ГА-4, IV–V вв., размер 11 × 7 см).

Еще один фрагмент лица изображал, скорее всего, монаха (инв. ГА-2, IV–V вв., размер 10 см). Черты несколько грубоватые и примитивные. Вероятно, отражают местный этнический тип. Все лица Будд и монаха первоначально были раскрашены, но к настоящему времени сохранились только незначительные следы краски. Традиция раскрашивать скульптуру, вероятно, тоже пришла из античности, т. к. типично индийская скульптура из Матхуры, второго центра во времена Кушанской династии, не имеет никаких следов краски.

Сохранился фрагмент небольшой скульптуры, представляющий верхнюю часть Будды (ил. 8, инв. № ГА-20, IV–V вв., размер 13 × 8 см), ноги отбиты. Будда показан сидящим, его руки сложены в жесте медитации (дхьяна-мудра). Нужно отметить, что для ранней иконографии это был самый распространенный образ Будды Шакьямуни. Особенно часто такой образ встречается в Восточном Туркестане.

В коллекции представлены четыре торса Будды, имеющего разные жесты рук. Два представляют его сидящим в медитации (ил. 9–10, инв. № ГА-18, 21, IV–V вв.). Поза сидящего Будды со скрещенными и поджатыми ногами являлась типично индийской. «Лотосовая поза» считалась характерной для индийских

йогов и философов. Еще один фрагмент тела имеет жест поворота колеса учения (дхармачакра-мудра) (инв. № ГА-17, IV–V вв., 11 х 14 см). Но самым необычным является образ, у которого правая рука Будды находится перед грудью и придерживает складки одеяния (ил. 11, инв. № ГА-23, IV–V вв., 16 х 8,8 см). Левая нога слегка согнута в колене. Вероятно, такая свобода движений и некоторый отход от канона обусловлен античным влиянием. Подобная иконография встречается у одного из будд прошлых кальп на каменном рельефе из Гандхары [Дешпанде, с. 331]. На одеяниях Будды сохранились следы красной краски, соответствовавшей цвету монашеского одеяния.

В коллекции имеется и еще один фрагмент торса (инв. № ГА-22, IV–V вв., 10 х 10,5 см) без одеяния, правая рука согнута в локте и прижата к груди. Вероятно, это был торс монаха или какого-то божества.

Также характерным мотивом искусства Гандхары и Хадды являлись листья аканфа. Подобные листья служили архитектурными украшениями, ими декорировали карнизы, фризы и ордера капителей колонн. В коллекции представлен фрагмент архитектурного украшения в виде листа аканфа. Это растение тоже часто присутствует среди античных изображений.

Таким образом, в коллекции Государственного Эрмитажа представлены археологические находки, относящиеся к раннему этапу становления и формирования буддийского искусства. Они датируются II–V вв. и представляют собой образы будд, бодхисаттв и монахов. Изучение этих находок особенно важно, т. к. они демонстрируют процесс сложения иконографических и иконометрических канонов буддийского искусства, взяв за основу античные и поздние эллинистические традиции. Искусство Гандхары и Хадды послужило своего рода эталоном изображений Будд и бодхисаттв. Подражание этим произведениям можно видеть среди памятников Кашмира, долины реки Сват, Среднего Востока, Восточного Туркестана, Китая, Кореи, Японии, Непала, Тибета и Юго-Восточной Азии [Дешпанде, с. 328; Фишер, с. 44–45; Zwalf, vol. 1, p. 58].

Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М., 2001. [Androsov V. P. Budda Shak'jamuni i indijskij buddizm. M., 2001.]

Ашвагхоша. Жизнь Будды. М., 1990. [Ashvaghosha. Zhizn' Buddy. M., 1990.]

Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001. [Bongard-Levin G. M. Drevnjaja Indija. Istorija i kul'tura. SPb., 2001.]

Дешпанде О. П. Индийский поход: его последствия для Запада и Индии // Александр Великий: путь на Восток. Каталог выставки. СПб., 2007. С. 325–339. [Deshpande O. P. Indijskij pohod: ego posledstvija dlja Zapada i Indii // Aleksandr Velikij: put' na Vostok. Katalog vystavki. SPb., 2007. S. 325–339.]

Дьяконова Н. В. Дар короля Афганистана Мухаммада Захир-шаха Эрмитажу // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1959. Вып. 15. С. 60–61. [D'jakonova N. V. Dar korolja Afganistana Muhammada Zahir-shaha Jermitazhu // Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha. 1959. Vyp. 15. S. 60–61.]

Мкрытчев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002. [Mkrytchev T. K. Buddijskoe iskusstvo Srednej Azii (I–X vv.). M., 2002.]

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 5

Ил. 4

Ил. 6

Ил. 7

Ил. 8

Ил. 9

Ил. 10

Ил. 11

Муриан И. Ф. Китайская раннебуддийская скульптура IV–VIII вв. в общем пространстве «классической» скульптуры античного типа. М., 2005. [Murian I. F. Kitajskaja rannebuddijskaja skul'ptura IV–VIII vv. v obshhem prostranstve «klassicheskoj» skul'ptury antichnogo tipa. M., 2005.]

Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М., 1982. [Pugachenkova G. A. Iskusstvo Gandhary. M., 1982.]

Сидорова В. С. Скульптура Древней Индии. М., 1971. [Sidorova V. S. Skul'ptura Drevnej Indii. M., 1971.]

Тюляев С. И. Искусство Индии. М., 1988. [Tjuljaev S. I. Iskusstvo Indii. M., 1988.]

Фишер Р. Искусство буддизма. М., 2001. [Fisher R. Iskusstvo buddizma. M., 2001.]

Hirakawa A. A History of Indian Buddhism: From Sakyamuni to Early Mahayana / transl. and ed. by P. Groner. Honolulu, 1990. (Asian Studies at Hawaii, no. 36).

Serinde, Terre de Bouddha. Dix siecles d'art sur la Route de la Soie. P., 1995.

Zwalf W. A Catalogue of the Gandhara Sculpture in the British Museum. L., 1996. Vol. 1–2.

Статья поступила в редакцию 19.02.2015 г.

УДК 739.5(58):24 + 069(470.54-25)

В. В. Деменова

БУДДИЙСКАЯ БРОНЗА В КОЛЛЕКЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Статья посвящена описанию и атрибуции буддийской металлической скульптуры из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств. В рамках статьи также рассматривается вопрос попадания подобных произведений на территорию уральских городов, истоки формирования провинциальных коллекций на Урале.

К л ю ч е в ы е с л о в а: буддийское искусство; атрибуция; буддийская иконография; коллекция Екатеринбургского музея изобразительных искусств.

Коллекции буддийского искусства на Урале представляют для исследователя особый интерес. Бронзовая скульптура, реже живопись (тханки), входят в государственные музейные собрания Екатеринбурга, Ирбита, Челябинска, а также в несколько частных коллекций. До настоящего времени вопрос происхождения предметов из буддийских алтарей, история их попадания в регион остаются малоизученными. Требуется также кропотливая работа по их описанию, экспертизе и атрибуции.

В Екатеринбурге предметы буддийской бронзы сегодня входят в состав собрания Свердловского областного краеведческого музея (87 единиц хранения) и в фонды Екатеринбургского музея изобразительных искусств (8 единиц хранения).

Буддийское собрание ЕМИИ сложилось на основе переданных 30 декабря 1959 г. из Свердловского краеведческого музея в Свердловскую картинную галерею (ныне Екатеринбургский музей изобразительных искусств) 5 бронзовых восточных скульптур. Данные скульптуры входили в общий список переданных

© Деменова В. В., 2015

тогда из СКМ в СКГ 47 экспонатов, и были зафиксированы в акте передачи в последнем разделе — «изделия из бронзы».

Заметим, что ядро коллекции буддийской бронзы Свердловского областного краеведческого музея формировалось на основе собрания музея Уральского общества любителей естествознания, существовавшего в Екатеринбурге с 1870 г. по 1929 г., включавшего в себя выставочную деятельность и поощрявшего коллекционирование. В дальнейшем эта коллекция попала в Свердловский антирелигиозный музей. Как свидетельствуют архивные документы, в 1946 г. антирелигиозный музей передал в фонды краеведческого музея 51 бронзовую скульптуру из буддийской ламаистской кумирни (храм-коллекция ламаистских божков и предметов ламаистского культа, медных и бронзовых, вывезенных из Монголии и Тибета бывшим царским посланником Поклевским-Козелл).

Возвращаясь к формированию коллекции ЕМИИ, отметим, что выбор именно этих экспонатов, вероятно, был связан с желанием сотрудников музея представить в коллекции ЕМИИ вещей с различной иконографией (мирные и гневные божества), а также, скорее всего, опирался на достаточно высокое качество литья и проработку деталей скульптуры. На тот момент в фондах Свердловской картинной галереи уже имелись три бронзовые буддийские скульптуры. Одна из них — Зеленая Тара — была приобретена у частного лица в г. Свердловске в 1948 г. (акт от 2.10.1948. Книга поступления 414. Цена 100). Две другие были подарены частным лицом в 1955 г. (дар от частного лица по акту от 1955 г. Книга поступления 1263).

Важной проблемой для исследования коллекции является вопрос самого появления восточных вещей, в том числе восточной бронзы, в уральских городах.

«Первая волна» собирательской деятельности предметов из Китая, Японии, Монголии, Тибета в уральских городах была связана преимущественно с активной деятельностью купцов и отчасти промышленников, стремившихся по примеру меценатов и коллекционеров Санкт-Петербурга и Москвы XIX в. создавать собственные провинциальные коллекции искусства и тем самым достойно вписать себя в существующую систему высших кругов общества. Разумеется, среди них были и подлинные радетели красоты и искусства. Процессу собирательства способствовала и Ирбитская ярмарка, куда через Кяхту, кроме чая и прочих товаров, попадали в качестве сувениров и предметы буддийского культа. Также важную роль играла исследовательская и просветительская позиция уже упомянутого Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

Среди исследованных нами произведений из коллекции ЕМИИ несколько скульптур связаны с этим временем. Одна из них — изображение Амитаюса (СКГ 647-п, КП 1545, см-969)[1] имеет небольшой намек на провенанс. В инвентарной книге отмечено, что скульптура имеет происхождение «из коллекции предметов буддийско-ламаистского культа, вывезенные из Монголии бывшим русским

[1] Аббревиатура СКГ означает Свердловскую картинную галерею, КП — книга поступлений, СМ — номера Свердловского областного краеведческого музея. При описании скульптур аббревиатура указывается нами так, как она изображена краской на предметах, и может включать в себя знаки «-» (дефис) или «/» (слеш).

посланником Козел-Поклевским, во время его путешествия по Монголии и Тибету. Передана из Свердловского краеведческого музея. Акт от 30 декабря 1959 г. Номер книги поступления 1545».

Сложно сказать, действительно ли данная скульптура была в собрании Станислава Альфонсовича Поклевского-Козелл (1868–1939(?)), действительного статского советника, чиновника Министерства иностранных дел, сотрудника ряда дипломатических миссий царской России, сына известного золотопромышленника и мецената Альфонса Фомича Поклевского-Козелл (1809–1890). В инвентарных книгах СОКМ об этой передаче записана краткая информация: «см 969. Статуэтка Будды, бронзовая, изображает ново-брахманское ваяние Будды, сидящего на лотосе. Сохранность хорошая. Передана Свердловской картинной галерее по акту от 30.12.1959 на основании протокола по распределению музейных фондов от 12.05.1959 и приказа Областного управления культуры № 26 от 24.02.1959.» [Инв. книга]. Поэтому принадлежность ее к старому собранию С. А. Поклевского-Козелл вероятна, но все же носит предположительный характер, т. к. запись в инвентарных книгах ЕМИИ сделана, по всей вероятности, на основании устного комментария к данным скульптурам. Косвенным подтверждением происхождения изображения Амитаюса (СКГ 647-п, КП 1545, см-969) из коллекции С. А. Поклевского-Козелл служит и тот факт, что в собрании СОКМ скульптуры с близкими инвентарными номерами представляют собой наиболее старые и ценные экспонаты. Например, следующие за ней в порядке поступления скульптуры из собрания СОКМ Будды Амитабхи (инв. № с/м 970), атрибутированная нами как Непал, XVIII в., и скульптура Акшобхьи (инв. № с/м 971), которую можно отнести к тибетской школе XVI в., имеют записи в инвентарных книгах СОКМ об их «старом поступлении», а также старые инвентарные номера.

«Вторая волна» попадания буддийской бронзы на Урал связана со временем Великой Отечественной войны и послевоенным периодом. В этот период на уральские заводы на переплавку с востока (предположительно из Бурятии и Монголии) пришло несколько эшелонов металлической пластики. Скульптура эта наряду с огромным количеством самоваров и православных крестов долгое время оставалась бесхозной на пунктах сдачи металлолома при заводах Вторчермет. По словам очевидцев, в голодное послевоенное время мальчишки из соседних с заводами районов по ночам нередко воровали и самовары, и скульптуру, а утром вновь сдавали их на пункт металлолома. Что-то терялось, что-то попадало в семьи, а потом передавалось в музеи. Ряд металлических скульптур, попавших на Урал в этот период, долгое время оставался в литейной лаборатории кафедры литья Уральского политехнического института (ныне УрФУ) в качестве эталонных образцов для студентов. Своеобразная экспозиция, в которой были представлены пятнадцать скульптур, просуществовала до 2000 г., дальнейшая ее судьба неизвестна [Хазов, с. 460–465]. Поэтому частные дары 1946–1958 гг. в коллекциях уральских музеев (Свердловский областной краеведческий музей, Челябинская картинная галерея, Екатеринбургский музей изобразительных искусств) не редкость. В собрании ЕМИИ это три скульптуры: Зеленая Тара (инв. № 492), Яма Дхармараджа (инв. № 562), Лхамо (инв. № 563).

Прежде чем непосредственно перейти к проведенной атрибуционной работе, необходимо сделать несколько пояснений.

Состояние исследования и первичного описания коллекции буддийской бронзы ЕМИИ соответствовало уровню многих провинциальных музейных собраний середины XX в., в которых, как правило, не было специалистов в области буддийского искусства. Иконография большинства вещей отсутствовала и их атрибуция в этом аспекте проведена впервые. Исключение составляет скульптура Зеленой Тары (инв. № 492). Инвентарные описания в старых книгах поступлений также крайне скудны и приблизительны, однако они представляют определенный самостоятельный исторический интерес, т. к. фиксируют уровень знаний и представлений о восточной культуре (иногда очень любопытных) среди музейных работников Свердловска в послевоенное время. Этим объясняется их включение в данную статью.

Само атрибуционное описание построено по следующему принципу: Иконография. Страна происхождения (художественная школа). Время. Металл (материал). Параметры в сантиметрах. Инвентарные номера. Качество металла в новой атрибуции указывается обобщенно как бронза либо, в случае темного незолоченого металла, как латунь, и требует дополнительного спектрального анализа состава. Что касается инвентарных номеров, то они идут в последовательности от современных к более старым.

В процессе исследования коллекции ясно выделились две проблемы: проблема иконографии и определения художественных школ, из которых происходят данные вещи. Они проецируются на всю коллекцию, однако в логике статьи кажется целесообразным представить их определенными группами, т. к. для специалистов одни вещи более интересны с точки зрения анализа иконографии, другие же — с точки зрения принадлежности к художественной школе.

С точки зрения определения иконографии наибольший исследовательский интерес представляют скульптуры с инв. № 643, 645, 646.

Во время поступления в коллекцию в инвентарной книге Свердловской картинной галереи для скульптуры под № 643 сделана следующая запись: «Буддийская богиня Лакшми. Монголия, XVIII в. Литье из бронзы, кустарная работа. Передана из Свердловского краеведческого музея. Акт от 30 декабря 1959 г. Номер книги поступления 1538. Фигурка из светлой бронзы изображает представительницу ламаистского культа — буддийскую богиню Лакшми в исполнении священного танца. На голове украшение в виде изображения “спурги-собурган”. Стоит на цветке лотоса».

В процессе исследовательской работы в 2014 г. автором статьи данная скульптура была определена следующим образом:

Ваджрадака. Китай, XVIII в. Латунь, литье. Высота с подставкой 16 см (инв. № СКГ 643, КП 1538, см 995) (ил. 1).

Ваджрадака — гневное тантрическое божество огненных ритуалов очищения (огненной пуджи). Изображен сидящим на однолепестковом лотосовом троне, со скрещенными ногами согнутыми в коленях. Руки перекрещены в области груди. Атрибуты (ваджра и колокольчик) утрачены. Голова откинута назад, открытый

рот обнажает четыре клыка. Еле заметная борода выполнена в виде небольших завитков. На голове корона из пяти черепов. Черепа искусно сделаны и отстоят на некотором расстоянии друг от друга, крайние украшены навершиями в виде лепестков, их глаза заполнены красной краской. Божество облачено в шкуру тигра. Морда тигра выгравирована и находится сзади, в ее межбровье располагается китайский знак «ван» — владыка. Украшения-перевязи спереди на округлом животе соединяет чакра, сзади они соединены стилизованной четырехчастной ваджрой. Лента-шарф в районе плеч и головы имеет утраты. Сзади пьедестала лепестки отсутствуют, его поверхность декорирована орнаментом. Последний элемент так же, как и знак «ван», позволяют с уверенностью атрибутировать данную скульптуру как китайскую.

Пластина для запечатывания отсутствует; предположительно, ввиду использования в ритуале.

Изображение Ваджрадаки нечасто встречается в коллекциях, однако в собрании СОКМ имеется иконографический аналог (инв. № с/м 1004, м 4986), высота которого с подставкой 9,3 см.

Скульптура под № 645 во время поступления в коллекцию в инвентарной книге Свердловской картинной галереи описана как «Китай, XVIII в. Бронза, литье. Статуэтка буддийского идола Доу-му. Буддийское божество изображено с 10-тью головами и 24-мя руками в виде вееров в обеих. В левой верхней руке божество держит солнце, в правой — луну. В других руках лотос, раковина, огненное колесо, сосуд богини милосердия. Производство мастерских по изготовлению богов южных произведений Китая. Передана из Свердловского краеведческого музея. Акт от 30 декабря 1959 г. Номер книги поступления 1543».

В процессе атрибуционной работы автором статьи данная скульптура определена следующим образом:

Авалокитешвара, 11-ликий, 24-рукий. Китай, XVIII в. Бронза, литье, золочение. Высота 40 см (инв. № СКГ 645, КП 1543, с/м 984) (ил. 2).

Авалокитешвара, 11-ликий и 24-рукий — бодхисаттва мудрости и сострадания. В данной иконографической форме изображен сидящим в позе падмасана. Руки сложены перед грудью в жесте анджалимудра, вторая пара — в жесте дхьянамудра (патра утрачена). Руки, идущие от плеч вверх, образуют собой форму ромба и держат изображение Будды Амитабхи, чьей эманацией является бодхисаттва Авалокитешвара. Десятый лик — голова Будды Шакьямуни. В правых руках (сверху вниз) он держит солнце, миниатюрное изображение храма, ваджру, цветок лотоса, зеркало, топор, стрелу (лук утрачен), книгу. В левых руках (сверху вниз): луну; миниатюрное изображение Будды (частично утрачено); колокольчик; сосуд-кундика; чакру; жезл, увенчанный черепом; книгу; аркан. Нижние руки с обеих сторон в жесте варадамудра. Складки одежды вокруг ног бодхисаттвы образуют полукруг. Скульптура тонко орнаментирована, в том числе сзади. Данная иконография встречается не слишком часто. Очень близкий образец по стилю и иконографии находится в собрании Государственного Эрмитажа (инв. № КО-845). Лишь чуть больший размер — 73 см, немного другие атрибуты и характер орнамента не позволяют назвать его полным аналогом [Елихина, с. 51].

О скульптуре под № 646 при поступлении в коллекцию в инвентарной книге Свердловской картинной галереи отмечено следующее. «Индия, 18 век. Бронза. Кустарное производство. Богиня Лакшми. Статуэтка из светлой бронзы, изображающая одну из вариаций буддийской богини красоты Лакшми. Производство мастерских по изготовлению бронзовых богов и предметов в Сиринчаме. Передана из Свердловского краеведческого музея. Акт от 30 декабря 1959 г. Номер книги поступления 1544».

В процессе исследовательской работы автором статьи данная скульптура определяется как:

Авалокитешвара (?). Китай, XVIII в. Бронза, золочение, синий пигмент. Высота 16 см (инв. № СКГ 646-пр, КП 1544, с/м 989) (ил. 3).

Авалокитешвара в данной иконографической форме изображен в позе «отдыхающего царя» — махараджалиласана, левая рука опирается на пьедестал позади бедра в жесте нидратахаста и держит текст (в виде прямоугольных листков на тибетский манер), правая возлежит на колене в жесте урусанстхитамудра. Через левое плечо бодхисаттвы перекинута шкура антилопы. Данная иконографическая деталь — традиционный атрибут бодхисаттвы Авалокитешвары. Близкие по иконографии изображения опубликованы в каталоге собрания Государственного музея Востока (инв. № 51541, 51521) как Авалокитешвара в форме Кхасарпана[2] [Ганевская, Дубровин, Огнева, с. 156, 275]. Однако, в указанных скульптурах присутствует лотос — непременный атрибут Авалокитешвары. В исследуемой скульптуре левая рука опирается на текст (атрибут бодхисаттвы Манджушри, что обязывает поставить иконографический вопрос в атрибуции), следов крепления дополнительных деталей (например, лотоса) не обнаружено. Бодхисаттва Манджушри, действительно, нередко изображается в подобной позе и жестах (например, [Schroeder, p. 282, изображение 69B] — Манджушри, XII в., стиль Пала Сена, или скульптура из коллекции ГМВ — работа монгольских мастеров XIX в., инв. № 18631, с. 269), однако чаще текст (пустака), символизирующий собой Праджняпарамиту, изображается лежащим на лотосе, также Манджушри никогда не изображается со шкурой антилопы. Скульптура цельнолитая, тщательно выполнена, сзади двойного пьедестала лепестки отсутствуют, обе части декорированы характерным для XVIII в. орнаментом.

Скульптура вскрыта, запечатывающая пластина и вложения отсутствуют.

Ввиду уровня современных исследований и опубликованных справочных материалов, в том числе в сети Интернет, определение иконографии следующей группы скульптур не представляло затруднений.

Во время поступления в коллекцию в инвентарной книге Свердловской картинной галереи для скульптуры под № 492 сделана следующая запись: «Монгольский или тибетский мастер конца 18 — нач. 19 века. Богиня Зеленая Тара. Бронза, чеканка, золочение. Размер 16,1 × 10,5 × 7,5. На обеих руках на завиточках

[2] В форме Кхасарпана традиционно правая рука в жесте варада-мудра ладонью вверх, в данном случае — спокойно лежащая на колене ладонью вниз.

не хватает цветков. Приобретена у частного лица в г. Свердловске акт от 2.10.1948. Книга поступления 414. Цена 100».

В процессе исследовательской работы в 2014 г. автором статьи данная скульптура была определена следующим образом:

Зеленая Тара. Китай, XIX в. Бронза, литье, золочение одежды. Высота 17 см. Параметры подставки 10,6 × 7,3 см (№ СКГ 492-1948, КП 414) (ил. 4).

Зеленая Тара изображена в одежде и украшениях бодхисаттвы, в позе лалитасана: со спущенной с пьедестала правой ногой в знак готовности прийти на помощь людям и оберегать все живое. Спущенная правая нога покоится на поставке в виде лотоса. Правая рука богини в жесте варадамудра, левая — в жесте витаркамудра (лотос утрачен). Золочение скульптуры частичное (только одежды и атрибуты). Орнаменты одеяний выполнены насечками в грубой манере. В районе локтевых сгибов находятся крепления для утраченных лотосов. Лепестки лотосового пьедестала выполнены плоскостно, сзади двойной пьедестал без лепестков и без орнамента. Лепестки пятичастной короны выполнены в виде крестообразного рисунка, сзади прическа перехвачена лентой.

Скульптура вскрыта, запечатывающая пластина отсутствует.

Для скульптуры под № 562 во время ее поступления в коллекцию СКГ сделана следующая запись: «Индия. Бронза. 18 х 14 х 6. Получена в дар от частного лица по акту от 1955 г. Книга поступления 1263».

Новая атрибуция может быть определена следующим образом:

Яма Дхармараджа. Китай, XVIII в. Латунь. Высота 12 см. Параметры подставки 14 × 6 см (№ СКГ 562, КП 1263) (ил. 5).

Яма Дхармараджа — гневное быкоголовое божество (дхармапала) изображен в позе алидха стоящим на быке, попирающем человека; на левом бедре сидит обнаженная Ями, которая делает божеству подношение в виде капалы. Жесты рук — тарджанимудра, в правой руке — кхатванга (палица), атрибут левой руки (паша) утрачен. Украшения гневного дхармапалы в виде ленты черепов дополнены особым иконографическим знаком Ямы — чакрой, которая скрепляет перевязь на груди. Скульптура состоит из двух частей (изображение божества и бык с лотосовым пьедесталом), которые соединены друг с другом штырями на подошве божества (правый обломлен). Тело быка декорировано тремя «пучками» жемчужного орнамента, спускающимися по двум бокам животного. Центры крайних орнаментальных включений на спине животного служат отверстиями для крепления фигуры божества. Лепестки лотосового пьедестала в один ряд. Сзади пьедестала лепестки отсутствуют, плоскость декорирована характерным для XVIII в. орнаментом.

Запечатывающая пластина и вложения отсутствуют, скульптура вскрыта.

Во время поступления в коллекцию в инвентарной книге Свердловской картинной галереи для скульптуры под № 563 сделана следующая запись: «Индия. Бронза. 18 х 12 х 5. Получена в дар от частного лица по акту от 1955 г. Книга поступления 1263».

В процессе исследовательской работы в 2014 г. автором статьи данная скульптура была определена следующим образом:

Лхамо (Шри Деви). Китай, XVIII в. Латунь, литье. Высота с подставкой 19,5. Длина подставки 11,5 см (№ СКГ 563, ПК 1262) (ил. 6).

Дхармапала Лхамо — гневная защитница — изображена сидящей на муле в позе праламбападасана. Правая рука в жесте тарджанимудра, предмет (кхатванга) утрачен. Левая рука держит перед грудью капалу. Богиня изображена в короне из пяти черепов, в огненной прическе — полумесяц и три стилизованных по форме павлиньих пера. В правом ухе — изображение тигра (льва). На теле украшения в виде змеи и гирлянда из человеческих голов. На крупе мула, по бокам от хвоста — два глаза.

Для обозначения скульптуры под № 647 при поступлении в коллекцию в инвентарной книге Свердловской картинной галереи сделана запись «Монголия, 18 век. Бронза, литье. Будда, сидящий на лотосе. Из коллекции предметов буддийско-ламаистского культа, вывезенных из Монголии бывшим русским посланником Козел-Поклевским, во время его путешествия по Монголии и Тибету. Передана из Свердловского краеведческого музея. Акт от 30 декабря 1959 г. Номер книги поступления 1545».

В процессе работы над новой атрибуцией данная скульптура может быть определена следующим образом:

Амитаюс. Китай, XVIII–XIX в. Стилизация «под Непал». Бронза, литье, золочение. Вставки бирюзы, кораллов, пигмент в украшениях. Высота 24 см. Параметры пьедестала 11 х 14,5 см (№ СКГ 647-п, КП 1545, см-969) (ил. 7).

Амитаюс — бодхисаттва долголетия изображен в позе дхьянасана, жест — дхьянамудра, держит сосуд бессмертия амритакалашу. Скульптура декорирована вставками бирюзы и кораллов в украшениях, которые «схвачены» посередине груди и на спине довольно крупными лотосами.

Скульптура вскрыта, запечатывающая пластина отсутствует.

Важными проблемами атрибуционной работы являются стилистический анализ и определение художественной школы, к которой принадлежит каждое произведение. Первоначальная атрибуция лишь одной скульптуры не вызывает возражений. Это скульптура Авалокитешвары (инв. № 645), местом создания которой назван Китай. Все остальные скульптуры нами определяются также как китайские. Их стилистическое различие обусловлено временем создания и художественной мастерской. В данном аспекте наибольший исследовательский интерес представляет скульптура Амитаюса (инв. № 647). Она тщательно выполнена, оплечная накидка и нижний край одеяния гравированы крупным лотосовым орнаментом, украшения инкрустированы вставками бирюзы и коралла, сзади проработан двойной лотосовый пьедестал, сквозь потертую позолоту проглядывает темно-рыжий металл. Все эти признаки, на первый взгляд, характеризуют непальскую школу XVI–XVIII вв. Однако смазанные края центральной части одеяния, лежащего на лотосовом пьедестале; орнамент одеяния, который свободно перетекает на сам пьедестал, а не ограничивается краем одежды; пластически не проработанные, угловатые по форме детали ленты-шарфа, которые грубо припаяны к плечам; непроработанная ушниша и края лотосового пьедестала; некоторые особенности пластики лица позволяют предположить, что перед нами

Ил. 1. Ваджрадака. Китай, XVIII в. Латунь, литье. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Ил. 2. Авалокитешвара, 11-ликий, 24-рукий. Китай, XVIII в. Бронза, литье, золочение. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Ил. 3. Авалокитешвара (?). Китай, XVIII в. Бронза, золочение, синий пигмент. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Ил. 4. Зеленая Тара. Китай, XIX в. Бронза, литье, золочение одежды. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Ил. 5. Яма Дхармараджа. Китай, XVIII в. Латунь. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Ил. 6. Лхамо (Шри Деви). Китай, XVIII в. Латунь, литье. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Ил. 7. Амитаюс. Китай, XVIII–XIX вв. Стилизация «под Непал». Бронза, литье, золочение, вставки бирюзы, кораллов, пигмент в украшениях. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

все же достаточно поздняя работа китайских мастеров, стилизованная «под Непал». Такие волны «стилизации под...» были нередки для искусства Китая. Они связаны, прежде всего, со своеобразным отношением китайской художественной традиции к самому феномену «копирование» и представляют собой интересную тему для отдельного исследования.

Таким образом, небольшая коллекция буддийской бронзы Екатеринбургского музея изобразительных искусств, несмотря на ограниченное количество предметов, является прекрасным образцом буддийского искусства Китая XVIII–XIX вв. и в определенной степени отражает основные процессы и этапы попадания предметов буддийского искусства на Урал.

Іаневская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ. М., 2004. [Ganevskaja Je. V., Dubrovin A. F., Ogneva E. D. Pjat' semej Buddy. Metallicheskaja skul'ptura severnogo buddizma IX–XIX vv. iz sobranija GMV. M., 2004.]

Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб., 2010. [Elihina Ju. I. Kul'ty osnovnyh bodhisattv i ih zemnyh voploshhenij v istorii i iskusstve buddizma. SPb., 2010.]

Инвентарная книга Свердловской картинной галереи «Прикладное искусство № 2». 1936–1960 гг. [Inventarnaja kniga Sverdlovskoj kartinnoj galerei «Prikladnoe iskusstvo № 2». 1936–1960 gg.]

Хазов А. А. Бронза буддийских реликвий и уральский металл победы // Буддизм Ваджраяны в России. М., 2013. С. 460–468. [Hazov A. A. Bronza buddijskih relikvij i ural'skij metall pobedy // Buddizm Vadzhrajany v Rossii. M., 2013. S. 460–468.]

Schroeder U. Indo-Tibetan Bronzes. Hong-Kong, 1981.

Статья поступила в редакцию 20.02.2015 г.

УДК 7.032(31):24 + 243.4 + 244

З. А. Кринская,
Е. И. Рабинович

БОГИНЯ ХУДОЖНИКОВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: КУЛЬТ САРАСВАТИ В КУЛЬТУРАХ БУДДИЙСКОГО ВОСТОКА

Показывается инкорпорация индуистского божества в индо-буддийский пантеон, формирование новой иконографии и мифологическая адаптация. Рассматривается рецепция культа Сарасвати в Тибете и становление богини в качестве покровительницы монастырских интеллектуалов. Выявляется специфика трансформации функциональных характеристик Сарасвати в дальневосточных культурах, включение в традиционные религиозные структуры через актуализацию родовых характеристик божества.

Ключевые слова: Сарасвати; Янченма; Бэндзайтэн; индийский буддизм; тибетский буддизм; религия бон; китайский буддизм; японский буддизм; буддийское искусство.

© Кринская З. А., Рабинович Е. И., 2015

Культ богини Сарасвати получил широкое распространение в буддийских странах — Индии, Китае, Японии, Восточной Азии, Непале, Тибете, Монголии. В Индии ее почитают как индуисты, так и буддисты. В связи с рецепцией буддизма, богиня попадает в Тибет под именем Янченма, а затем в монгольский мир, где она известна, как Янжима. Сарасвати появилась и в дальневосточных буддийских пантеонах, став в Китае богиней красноречия и знаний Бяньцайтянь, а в Японии трансформировавшись в покровительницу богатства Бэндзайтэн. В Непале богиня Сарасвати инкорпорирована в пантеон Ашта-сахасрика-сутры как вторая из 21 формы Тары. Практически повсеместно в этом обширном регионе она является покровительницей наук и искусств — музыки, литературы и красноречия, при этом, несколько парадоксально, отвечая за счастье, удачу и богатство.

Специфична для культа именно этой богини ее связь с социальным статусом человека — она покровительствует интеллектуалам и представителям творческих профессий. В индо-тибетской традиции культ Сарасвати популярен среди монашества, поскольку она признается супругой патрона монастырских философов и мастеров диспута — боддхисаттвы Манджушри. В Китае и Японии она почиталась в аристократической среде, преимущественно в силу своей связи с поэтическим и музыкальным творчеством. Таким образом, без изучения специфики культа богини Сарасвати (как покровительницы интеллектуалов, поэтов, художников, музыкантов) понимание буддийского типа культуры и ее творцов представляется затруднительным, что и обусловило наш интерес к этой фигуре. В настоящей работе авторы стремятся в первом приближении выявить и систематизировать специфику, функциональное назначение, особенности бытования и трансформации образа богини Сарасвати в культурах буддийской Азии.

1. Богиня Сарасвати в Ведах и индуизме. Изначально Сарасвати — это древняя река в ведической Индии. Один из гимнов Ригведы (VI, 61) посвящен Сарасвати и два обращены к ней и сложно идентифицируемому Сарасвату (VII, 95, 96). Т. Я. Елизаренкова отмечает, что здесь «двойная природа этой богини... видна достаточно отчетливо. Это и бурная река с мощными волнами, и покровительница молитвы одновременно» [Ригведа, с. 605]. В ряде источников Сарасвати именуется «богатой водами», ее называют матерью потоков, матерью рек. Ее имя, означающее «водная», или «текущая», подчеркивает то, что изначально она являлась одной из семи священных рек [Foulston, Abbott, p. 27]. Сарасвати упоминается и в других, более поздних древнеиндийских текстах. В *Брихадараньяка-Упанишаде* она возникает как персонифицированная речная богиня: «твоя грудь, которая не иссякает, которая освежает, которая доставляет богатство, дарует изобилие, которая дает благо, которой ты питаешь всех достойных, — Сарасвати» [Упанишады, с. 155].

Позднее речная богиня начинает отождествляться с богиней *Вач*, речью, и оформляется в самостоятельное божество — покровительницу речи, красноречия, поскольку звуковые эффекты вод здесь ассоциированы с речью человека [Топоров, с. 40]. После этого сфера влияния Сарасвати в религиозной жизни значительно расширилась, поскольку изначальные очистительные, целительные

и аграрные функции речной богини переносятся на самостоятельную форму Сарасвати [Foulston, Abbott, p. 27].

В послеведийский период Сарасвати обретает статус дочери (в других версиях — супруги) Брахмы, божества созидания и хранителя Вед. Сарасвати помогает ему в реализации именно созидательных функций [Куслий, с. 85]. В пуранический период богиню могли ассоциировать и с Вишну в статусе его супруги *Пушти* («процветающая») или описывать (к примеру, в *Вишнудхармоттара-пуране*, III–IV вв. н. э.) как самостоятельную богиню [Wayman, p. 432]. В дальнейшем культовый образ Сарасвати всё больше связывается с покровительством ораторскому искусству и изолируется от ее ведических супругов, особенно после того как Брахма начинает утрачивать былую популярность. К милости Сарасвати теперь обращаются в различных ситуациях. Как к богине красноречия к ней взывают поэты, что со временем сделает ее и покровительницей поэзии. Ей посвящают стихи с просьбами о даровании вдохновения, в которых авторы стремятся заслужить милость божества: «эти очаровательные милые глаза на лице, похожем на лотос, эти длинные, черные волосы...» [The splendor of an autumn moon, p. 21].

Она приносит успех интеллектуалам, наделяет необыкновенной проницательностью и эрудицией. Буддисты в Индии боготворят ее как учителя всех наук и искусств, который дарует всевозможные эстетические знания и тонкий ум. «Речь — это сила, через которую знание выражает себя в действии. Сарасвати — источник “созидания Словом”, существующий параллельно “созиданию в пределах формы”» [Danielou, p. 260]. Статус богини как матери поэзии растет, ей начинают приписывать изобретение письменности, но при этом испрашивают удачу, долголетие, увеличение витальных сил. В современной Индии у богини традиционно просят даровать потомство и счастье в семейной жизни. Таким образом, мы видим, что изначально речная богиня Сарасвати становится покровительницей поэзии, ораторского искусства и интеллектуальных видов деятельности, при сохранении родовых черт, ассоциированных с культами плодородия.

2. Буддийская адаптация культа Сарасвати. Наиболее раннее из известных нам упоминание Сарасвати в буддийских текстах фиксируется в отдельной главе первого китайского перевода *Сутры Золотистого Света* (*Суварнабхаса* или *Суварнабхасоттама Сутра*) Дхармаксемы (датируется 417 г.). И санскритская версия сутры, и ее многочисленные переводы включают главу, посвященную Сарасвати. Сохранилась санскритская версия текста, предположительно середины V в. Китайские переводы датированы более ранним временем, чем сохранившиеся версии на других языках. Согласно К. Людвик, благодаря упоминанию Сутры Золотистого Света в Сутре Сорока двух глав можно предположить, что этот текст проповедовался в северо-западной части Индии уже в I в. н. э., что можно признать нижней достоверно зафиксированной хронологической границей появления культа Сарасвати в буддизме [Ludvick, p. 147, 151]. В фиксирующей этот ранний культ Сутре Золотистого Света богиня обещает защиту и достижение Пробуждения всем, кто слушает и оберегает эту сутру, она дарует сверхъестественную память и способность понимать неточности, восполнять утраченные слова в тексте сутры. «Я, великая богиня Сарасвати, буду <...> пробуждать его

сообразительность, дарить *дхарани*, способствовать его красноречию и освещать того монаха-проповедника великим светом мудрости» [Сутра Золотистого Света]. В этом тексте она еще не связана с Манджушри, что, вероятно, произойдет позднее, по мере дальнейшего развития культа богини.

Подобно водам реки, Сарасвати очищает и исцеляет от болезней. В Сутре Золотистого Света богиня объясняет целительный ритуал омовения, подробно описывает, какие нужны травы для его проведения, какие дхарани необходимо рецитировать, чтобы проводящий ритуал смог спастись от врагов и бедствий, излечиться от болезней. Сарасвати представлена здесь и как охранительное божество, спасающее от бедствий и зловещих сновидений. Как говорит сама богиня: «я удалю беды, [навлекаемые] планетами, распрями, волнениями и звездой рождения, весь вред, [причиняемый] дурными снами и духами-лжеводителями, а также успокою всех проклятых духов и оживших мертвецов» [Там же]. Многие функции, о которых рассказывает Сарасвати, совпадают с функциями богини Тары. Мы можем увидеть это, сравнив текст с Гимном двадцати одной Таре. «Кланяюсь несущей радость, недругов тела крушащей <...> Гонящей кошмары, споры!» [Гимны Таре, с. 43]. Можно предположить, что Сарасвати изначально вошла в буддийский пантеон именно как одна из форм Зеленой Тары, уже позже став супругой бодхисаттвы мудрости Манджушри.

Богиня упоминается и в других ранних буддийских текстах, таких как Буддачарита (приписываемая Ашвагхоше поэма о жизни Будды, датируемая II в.), среди индуистских божеств. Из этих текстов следует, что Сарасвати почиталась как индуистскими, так и буддийскими интеллектуалами без заметных конфессиональных противоречий. Впрочем, в VI в. Карандавьюха-сутра стремится узурпировать за буддистами «право на богиню», наделяет ее исключительно буддийским происхождением, утверждая, что она появилась из зуба Авалокитешвары. В других источниках в качестве органа, породившего Сарасвати, вполне резонно называется язык бодхисаттвы [Shaw, p. 237]. Очевидно, что это попытка подведения мифологического основания под связь богини с речью, легализации ее в буддийском мире как покровительницы поэтического и ораторского искусств.

Дальнейшая эволюция Сарасвати в буддизме становится продолжением брачной линии, намеченной еще в ранних ведических текстах, — она признается супругой бодхисаттвы мудрости Манджушри. Благодаря этому ведическая богиня органично инкорпорировалась в буддийский пантеон. Ее имя не претерпело изменений, она сохранила свой облик и функции. Индуистские истоки культа заметны в буддийской литературе, где она может именоваться «эманация Вишну», «Дева гандхарв» или «дочь Брахмы» [Ibid., p. 236].

Сарасвати вошла и в пантеон 21 Тары, приобретя связь с белой формой богини. Эта иконографическая особенность подчеркивается поэтическим уподоблением ее тела осенней луне: «Богиня красноречия, сострадающая мать, стань едина с моею речью. Прекраснее, чем сияние осеннего полнолуния, с голосом, затмевающим сладчайшие мелодии Брахмы, с разумом, постигнуть который так же сложно, как глубины океана, я преклоняюсь пред богиней Сарасвати» [The splendor of an autumn moon, p. 21].

3. Региональная специфика культа Сарасвати в тибетском буддизме и религии бон. В тибетской буддийской культуре нежный образ Сарасвати, казалось бы, мало отвечающий суровым реалиям тибетских нагорий, тем не менее, приобрел определенную популярность. Главным здесь следует признать включение богини еще в индо-буддийский период в ближайшее окружение двух чрезвычайно почитаемых божеств — Манджушри и Тары. Привязка Сарасвати к данным культовым системам производит впечатление некоторой искусственности. Как супруга Манджушри она дублирует ряд его функций, таких как развитие когнитивных способностей, пробуждение интеллектуальной интуиции, наделение преданного последователя даром проповедника и полемиста, литературными талантами. Сиддхи (сверхъестественные способности), даруемые Сарасвати, отличаются скорее полутонами. Если Манджушри — покровитель литературного творчества, то его супруга — вдохновительница поэтов. Манджушри помогает философу с помощью кристально прозрачной логики убедить читателя в истинности его подхода, а Сарасвати дарует литератору скорее способность вызвать у читателя слезы.

В пантеоне 21 Тары (тиб. *Sgrol ma ner gcig ma*) Сарасвати выполняет те же функции, но только с оттенком магии, характерной для всех форм этой богини. Она помогает развитию остроты интеллекта, дарует сиддхи красноречия и артистические таланты, при этом, скорее, в аспекте способностей очаровывать, завораживать сладкозвучной речью, музыкой, танцем, тем самым позволяя обращать направленность сознания живых существ в нужном направлении [Намкай Норбу Ринпоче, с. 41–42]. Имя этой Тары (отождествляемой с Сарасвати) — *Dbyangs can ma* (тиб.), ее различные иконографические формы зафиксированы в двух популярных пантеонах Сурьягупты и Атишы, и в менее известной версии Аштасахасрика праджняпарамита сутры [Chandra, p. 3508, 3555, 3561].

Функциональная специфика культа Сарасвати — дарование поэтического вдохновения — стала причиной популярности ее откровенно женственного и отчасти эротического образа в тибето-буддийской монашеской среде. При этом культ Сарасвати, безусловно, элитарен. Социальная среда, в рамках которой мы его обнаруживаем, это даже не монашество, но, скоре, его интеллектуальная верхушка. В среде студенчества (а в условиях тибето-монгольской монастырской системы образования это прослойка весьма неопределенного возраста от 6 до 60 лет) Сарасвати, бесспорно, находится в тени своего супруга. Манджушри поклонялись (и поклоняются), возносят гимны, рецитируют его мантры и дхарани с целью обретения способностей к изучению буддийских текстов. Считалось, что Манджушри дарует хорошую память, что чрезвычайно актуально для буддийской образовательной традиции, основанной, в первую очередь, на заучивании большого объема текстов. Монгольским же, бурятским и калмыцким учащимся приходилось (в особенности на начальных этапах обучения) весь предписанный им огромный объем текстов выучивать наизусть на чужом и часто малопонятном тибетском языке. Поскольку для большинства студентов успешность в обучении являлась единственным средством продвижения по ступеням лестницы социокультурной иерархии, то естественным образом культ Манджушри доминировал в монашеской среде.

Параллельно с изучением базовых школьных текстов и окружавшей их обширной комментаторской литературой, образовательный процесс включал практику диспута. Здесь поклонение Манджушри было призвано даровать способности (санскр. *сиддхи*) убеждения, победы в споре, интеллектуальную смелость и остроту ума. Как отмечает второй Далай-лама, «читаешь мантру и получаешь способность убедить противника» [Избранные сочинения второго Далай-ламы, с. 58].

Кажется очевидным, что в монашеской среде Сарасвати являлась объектом поклонения скорее не сама по себе, но как супруга главного патрона монастырских интеллектуалов. В распространенной в среде школы гелуг (доминировавшей в интеллектуальной жизни тибето-буддийского региона с XVI в.) садхане «Манджушри — речистого льва», бодхисаттва мудрости представлен в союзе с его супругой (санскр. *Vadisimha Manjughosa*) [Chandra, p. 2161]. Молитвенное обращение к супругам функционально почти не дифференцируемо («очистив тьму тупости моего ума, пошли сияние дара мудрости, постигающего теорию Завета и Шастр») [Тексты для ежедневных практик, с. 127], но в обращении к Сарасвати косвенно подчеркивается аспект благозвучной речи.

Неравноценность популярности культов Манджушри и его супруги нашла отражение и в иконографических собраниях. Обыкновенно скульптурные или живописные изображения Сарасвати представлены незначительно, в отличие от ее супруга, поскольку культ Сарасвати получил распространение в рамках весьма узкой социальной группы — среди той части монашества, которая не только читала тексты и заучивала их наизусть, но и сама являлась их авторами. Именно для этой группы был актуален культ дарующей поэтическое вдохновение богини мудрости и красноречия. Культ Сарасвати распространен в интеллектуально-артистической среде, поскольку эта богиня призвана покровительствовать не схоластам, но поэтам, ученым, проповедникам (обращающимся скорее к сердцам, чем к головам своей паствы), авторам гимнов и славословий, художникам, создателям вдохновляющих на свершения агиографий. Показательно, что популярная в Тибете санскритская грамматика «Сарасвати» (санскр.: *Sarasvati-vyakarana*), представлявшая собой упрощенную грамматику Панини, считалась написанной Анабхутисварупачарьей (XIII–XIV вв.), вдохновленным на это лично богиней Сарасвати [Verhagen, p. 117–118].

Малочисленностью этой социальной группы мы склонны объяснять слабую представленность материальной части культа (скульптурные и живописные изображения богини) в сочетании с частотой упоминания Сарасвати во вступительных строфах текстов, традиционно содержащих выражение почтения покровительствующим божествам и молитвенную просьбу о помощи в литературной деятельности. В своем молитвенном обращении к богине второй Далай-лама говорит: «Я почитаю тебя, Сарасвати, за твой дар совершенных навыков в ораторском искусстве, искусстве дебатов и сочинения... Чистое вдохновение будоражит каждый ясный ум, и я умоляю тебя: награди меня мудростью в сочинении, дебатах и обучении» [Shaw, p. 234]. Поскольку сохраняются для последующих поколений именно творения узкой группы пишущих интеллектуалов, то это

делает (в целом, весьма далекий от массовости) культ Сарасвати неожиданно широко представленным в текстах буддийской цивилизации.

Обратимся к тибето-буддийским житиям (тиб. *rnam thar*, *намтар*), которые создаются в рамках элитарной, интеллектуальной культуры монастырей, но при этом традиционно имеют широкое распространение и в низовой, народной культуре, являясь для нее, зачастую, основным источником религиозных знаний. Жития представляют собой уникальный источник, поскольку содержат сведения, которые невозможно почерпнуть из текстов других жанров.

Эманацией Сарасвати в традиции буддийской школы нингма является ученица и супруга Гуру Падмасамбхавы Еше Цогьял, которая до этого была женой царя Трисонг Децена (742–797), признанного воплощением бодхисаттвы Манджушри. Согласно легенде, сама Сарасвати явилась к Еше Цогьял, дабы наделить ее различными способностями и умениями: «богиня Сарасвати внезапно появилась перед ней и одарила ее исключительной памятью. Она даровала ей способность всеведения; она даровала ей силу творить чудеса; и даровала ей способность предвидеть все земные события» [Dowman, p. 6–7]. В тибетской буддийской школе нингма считается, что Еше Цогьял упорядочила в виде пяти типов желтых свитков и сокрыла для будущих поколений все учения основоположника буддизма в Тибете Падмасамбхавы [Dudjom Rinpoche, p. 747]. С XI в. и до наших дней эти «скрытые сокровища» (тиб. *gter ma*) обнаруживались и вводились в религиозный обиход, составив тысячи томов текстов.

Согласно жизнеописанию главного интеллектуала школы нингма и чрезвычайно плодовитого автора Лонгченпы (1308–1363), после выполнения им соответствующих ритуалов богиня Сарасвати явилась к нему и в течение недели показывала ему «гору Меру и четыре континента» (т. е. весь буддийский универсум), после чего он обрел интеллектуальную мощь и литературные способности [Dudjom Rinpoche, p. 577]. В жизнеописании Четвертого Кармапы Ролпе Дордже (1349–1383) сообщается, что он заинтересовался индийской поэзией, и тогда к нему во сне явилась Сарасвати, протянула чашу с кислым молоком и велела его выпить. «Наутро, пробудившись от сна, Ролпе Дордже обнаружил в себе новое качество — способность глубоко понимать поэзию» [Тринле, с. 105–106].

В агиографии основоположника школы гелуг Чже Цонкапы (1357–1419) богиня Сарасвати упоминается чаще обычного, что неудивительно, поскольку сам герой жития за свой выдающийся ум был объявлен воплощением бодхисаттвы Манджушри: «Когда <...> Цонкапа прочитал ее мантру 50 миллионов раз, он узрел ее воочию. Его способности к сочинению, диспуту и т. д. очень возросли» [Цонкапа, с. XXXVI]. В житии другого святого традиции гелуг, основателя монастыря Лавран Джамьян Шадбы I (1648–1721) обнаруживаем рассказ о том, как регент объявил «всетибетский конкурс» на работу, посвященную трудным вопросам грамматики. Герой жития отправил на этот конкурс свою работу. Автор агиографии сетует на несправедливость решения регента: «хотя Владыка, пользуясь поддержкой богини Сарасвати, достиг непревзойденной мудрости в изложении ученых вопросов по всей стране Снежных Гор, он все же попал на четвертое место» [Гончог-Чжигмэд-Ванбо, с. 151]. Резонно предположить, что

за поддержкой к Сарасвати обращались и другие, более успешные конкурсанты, к чьим молитвам богиня была более благосклонна.

Все перечисленные тибетские святые были плодовитыми авторами, ведущими интеллектуалами своего времени, что и стало причиной включения в их агиографии сюжета об их связи с богиней красноречия и поэтического вдохновения.

Интересные трансформации претерпел культ божества в монгольском мире. Если монголы следовали преимущественно нормативной тибетской традиции в версии школы гелуг, то у бурят Сарасвати изменилась почти до неузнаваемости. В современной Республике Бурятия Сарасвати становится богиней чадоподатия под именем Янжима, в связи с чем в последние годы мы можем наблюдать формирование новой мифологии, ритуала, трансформацию иконографии божества [Кринская, Рабинович].

Божества мудрости Манджушри и Сарасвати встречаются и в другой тибетской религии — небуддийской традиции *Бон*. Божество *Мави Сенге* (тиб. *sMra ba'i seng ge*) здесь соответствует буддийскому Манджушри и почти не отличаются от него функционально и иконографически. Сарасвати же в бонской традиции встречается под своим тибетским именем *Янченма* (тиб. *dByang can ma*) и изображается играющей на *вине*. Согласно информации, полученной нами от ламы традиции бон геше Шераба Лхундруба, существует три богини с функциями, аналогичными функциям Сарасвати: *Джаянг Джальмо* (тиб. *sGra dbyang rgal mo*), изображающаяся, как и Сарасвати, с музыкальным инструментом (возможно, *пивангом*) в руках, *Шераб Лопельма* (тиб. *Shes rab blo 'phel ma*) и *Шераб Джамма* (тиб. *Shes rab Byams ma*).

Джаянг Джальмо («Владычица речи» или «Царица благозвучия») помогает развитию ораторских и музыкальных способностей, дарует своему адепту «ясность ума». Шераб Лопельма («Увеличивающая мудрость ума») подобно Сарасвати в буддизме соотнесена с Мави Сенге как его супруга [ПМА]. Поскольку богиня Шераб Лопельма преумножает мудрость, знания и интеллектуальные способности, то к ней обращаются для получения ораторского таланта, дара опровержения ложных воззрений, способности доказывать их ошибочность. Шераб Джамма («Прекрасная Богиня Мудрости») — главное воплощение *Сатриг Эрсанг* (тиб.: *Sa trig er sangs*). Она изображается держащей у сердца золотую вазу, в которой содержится драгоценный нектар вдохновения поэтов и ученых [Kvaerne, p. 28]. По предположению нашего информанта, Шераб Джамма является собирательным образом богинь Джаянг Джальмо и Шераб Лопельма [ПМА]. Возможно, Шераб Джамма олицетворялась с вошедшей в традицию Бон в качестве самостоятельной фигуры Янченмой, а Джаянг Джальмо и Шераб Лопельма появились в результате разделения ее функций (дарования красноречия и мудрости) между двумя богинями.

4. От покровительницы искусств и красноречия к божеству счастья и удачи: культ богини Сарасвати в Китае и Японии. В Китае Сарасвати известна под именем *Бянцайтянь* (кит. 辯才天), как богиня учения и красноречия. Она стала известна в Поднебесной благодаря Сутре Золотистого Света. Обращаются к ней и как к богине музыки. Как божество, отвечающее за сферу познания

и постижение искусств, она пользовалась определенной популярностью, поскольку считалось, что чтение и пение очищают шесть чувств (включая сознание) [聖嚴法師. 禪門, p. 176]. Бянцайтянь дарует и способность четко излагать мысли, учит красноречию, т. е. умению аргументированно отстаивать свою позицию в спорах, приводить ясные доводы в диспутах [馬書田. 華夏諸神: 佛教卷. 中國: 知書房出版集團, p. 183].

Японское имя Сарасвати — *Бэндзайтэн* или *Бэнтэн* (яп. 弁才天, 弁財天 или 弁天), «богиня прекрасной речи» или просто «богиня речи». Написание имени осуществлялось с помощью трех китайских иероглифов (упростился лишь первый иероглиф: самый первый вариант — кит. 辯才天). Более старый вариант — 弁才天, иероглиф 才 означает «одаренный, выдающийся». Он был созвучен японскому слову «деньги, имущество, богатство», обозначавшемуся иероглифом 財, и в начале XIV в. имя богини стало записываться как 弁財天. Возможно, именно это повлияло на ее включение в число божеств удачи и богатства.

Бэндзайтэн со временем была ассоциирована со множеством буддийских и синтоистских божеств. Например, самой известной манифестацией богини является божество святилища Ицукусимы — популярнейшего храма Японии, гигантские ворота-тории которого стали символом этой страны. Ицукусима (яп. 厳島), играющая на *бива*, ками острова в святилище Ицукусимы (яп. 厳島神社) или *Ицукусима Мио-он Бэндзайтэн*. Она начала отождествляться с Бэндзайтэн в конце периода Хэйан, а в период Камакура обрела статус одной из четырех охраняющих богинь *Сингон-сю* на горе Коя [Benzaiten Imagery in Japan].

Главным отличием Бэндзайтэн от Сарасвати стало доминирование функций подачи богатства и процветания. Если у Сарасвати превалировало покровительство поэтам, музыкантам и ученым, то у Бэндзайтэн способности к музыке и наукам отходят на второй план. Помимо этого, у Бэндзайтэн образуются разветвленные «родственные» связи с различными японскими божествами, что неизбежно приводит к дроблению старых функций и приобретению новых.

В Японии мы видим другую, нежели в Китае, картину — здесь происходит значительная трансформация образа Бэндзайтэн — появляются новые формы богини, сочинения и изображения, связанные с ними. К XIII в. ее культ уже несколько оформился и подвергся систематизации. Возникло три апокрифичных текста, посвященных богине, — Бэнтэнсанбукио (Три Сутры Бэнтэн). Иногда к этим трем текстам добавляются еще два, и группа называется «Пять Сутр Бэнтэн». В этих текстах Бэндзайтэн описывается как божество с различными видами оружия, драгоценностью, исполняющей желания, и ключом в своих восьми руках, что указывает на приписанную божеству функцию дарования удачи [Watsky, p. 233]. В этих неканонических текстах отражена форма *Уга Бэндзайтэн*, иконографическими маркерами которой служат изображения ворот-тории над головой и белой змеи с лицом старца (связь с божеством *Угайдзином* и со змеями *нага*) на ее голове. Богиню сопровождает свита из 15 божеств — ее детей.

Распространенная мантра Бэндзайтэн, которую рецитируют японские буддисты, заимствована и, строго говоря, обращена к Сарасвати: *On Sarasuwuateisowaka* (オンサラスウ゛アテいソワか). Эзотерическая мантра Уга Бэндзайтэн из Трех

Сутр Бэнтэн связана уже со способностью богини контролировать финансовые потоки: *Namu Byakujagyoo Ugayajayagyarabei Shindamani Hinden Un Sowaka* (なむびゃくじゃぎょう うがやじゃやぎゃらべい しんだまに ひんでん うん そわか) [Benzaiten Imagery in Japan]. Это просьба о даровании богатства.

Богиня неоднократно упоминается в сборнике буддийских изображений XII в. *Бессон Закки* (яп. 別尊雑記) — «Различные записи о священных изображениях», это конец эпохи Хэйан [Januus]. В тексте *Хокинайден* (яп. 簠簋内伝) появляются имена трех служительниц *Короля небесных лис*, т. е. *Дакинитен*: *Небесная дева*, *Красная дева*, *Черная дев*а, которые считаются тремя формами Бэндзайтэн из святилищ *Ицукусимы*, *Эносимы* и *Чикубусимы* [Keul, p. 407].

Скульптурные и живописные изображения Бэндзайтэн встречаются во многих известных храмовых комплексах, таких как *Цуругаока Хатимангу* (яп. 鶴岡八幡宮). После него вторым по популярности храмом рядом с Камакура является храм *Дзэниараи Бэндзайтэн Угафуку* (яп. 銭洗弁財天宇賀福神社). С этих храмом, соответственно, и с Бэндзайтэн, связан знаковый персонаж японской истории Ёритомо Минамото (1147–1199). Согласно легенде, во сне Минамото явился старец, назвавший себя Угайдзином, указал на ручей и велел сделать подношение водой, в этом случае обещая восстановить мир в стране. Минамото выполнил указания и построил храм Дзэниараи Угафуку, который впоследствии стал называться Дзэниараи Бэндзайтэн Угафуку из-за связи богини и Угайдзина [Illes, p. 978]. Этот храм являет собой ярчайший пример религиозного синкретизма Японии: в одном зале рядом друг с другом стоят местное синтоистское божество и заимствованная буддийская богиня.

Появляется множество ритуалов, связанных с Бэнтэн. Японцы приносят ей деревянные таблички с изображениями драконов, змей и вареные яйца, т. к. яйца — любимая еда этих животных. Такие подношения принято делать в первый день змеи в феврале [Ibid., p. 274] и в канун Нового года. Тогда проситель будет непременно вознагражден, и удача будет сопутствовать ему на протяжении всего года.

Другой ритуал связан непосредственно с *Дзэниараи Бэнтэн*. В источнике, возле которого появился храм, местные крестьяне промывали рис. После постройки комплекса этот процесс приобрел новое значение: появилась легенда, что человек не только очистит рис, но и увеличит его количество. Около 1257 г. регент *Токиёри Ходзё* посетил святилище. Он промыл водами источника свои монеты, сказав, что их число может увеличиться вдвое, а то и втрое. С тех пор этот ритуал стал необычайно популярным, а Дзэниараи Бэнтэн и в наши дни один из самых оживленных храмов в Камакура. Стоит отметить, что свое название храм получил благодаря этому обычаю: Дзэниараи — 銭洗, 銭 (*zeni*) — переводится как «*цянь*», китайская денежная единица, по образцу которой японцы чеканили свои монеты, а 洗 (*arai*) — мыть. Бумажные деньги также промываются, затем высушиваются. Согласно поверью, если деньги тщательно промыть, то через неделю они вернутся, по меньшей мере, в троекратном размере [Ibid., p. 275]. В японских культовых практиках, связанных с Бэндзайтэн, как мы видим, вновь актуализируется ее изначальная ведическая функция богини вод, но при этом

она не перестает быть покровительницей красноречия и искусств. В Японии ее почитают как «распределяющего воду ками» [Накорчевский, с. 139].

Культ богини в ее ипостаси покровительницы знаний был популярен, скорее, в аристократической среде, очарованной ее функцией дарования поэтических и музыкальных способностей. В сборнике легенд «*Кокон тёмондзю*» («Собрание старого и нового, известного и услышанного»), составленном около 1254 г., говорится о Фудзивара Монорага, которого называли Повелителем Прекрасного Звука — имя, которое обычно дают Сарасвати [Chaudhuri, p. 47]. Иконографический облик богини обыкновенно включает лютню (*вина*, яп.: *бива*) и подкрепляется рядом китайско-японских имен: *Бэндзайтэн* «красноречие», *Бэнтэн* «музыка», *Мио-он* «чудесный звук», *Би-он* «прекрасный звук», *Даибэнзаи* «великое красноречие», *Даибэнкудоку* «великое красноречие имеющая» [Chandra, p. 3182].

Помимо этого, в Японии Бэндзайтэн превращается в покровительницу любви и красоты [Davis, p. 206]. Обретя особую популярность среди японских женщин, богиня стала и покровительницей гейш. Если женщина мечтала о красивых дочерях, ей предписывалось отправиться в храм Бэндзайтэн и в небольшой пещере или комнате соблюдать пост и молиться со всей душой, как правило, семь дней. Если богиня откликалась на эти просьбы, то являлась к ребенку во сне, после чего тот превосходил остальных в знаниях и красоте [Suzuki].

Сарасвати-Бэндзайтэн часто изображается в форме белой змеи. В виду географических особенностей Японии она становится не только речной, но и морской богиней. Как водное божество, она предстает стоящей или сидящей на драконе или морском змее, иногда даже принимая его форму [Ibid.].

В народной мифологии Бэнтэн порой не особенно благосклонна к людям. Такова Бэндзайтэн из парка Инокасира. Гуляющим там парам следует проявлять осторожность, поскольку божество столь завистливо, что любое внешнее проявление любви приводит ее в ярость. Чтобы избежать зависти богини, влюбленным следует симулировать ссору [Drazen, p. 216]. До сих пор считается, что свидание в парке Инокасира приведет к разрыву отношений. Вероятно, миф о ревнивой Бэндзайтэн имеет средневековое происхождение. Рейко Чиба пишет, что придворные музыканты, игравшие на бива (инструменте Бэндзайтэн), не связывали себя узами брака. Считалось, что появление супруга может вызвать гнев богини, и тогда она отберет музыкальные способности у артиста [Chiba, p. 14]. Складывается впечатление, что изначально богиня испытывала ревность только в случае контактов своих адептов с другими дамами, а позднее представления о «ревнивой богине» обретают универсальный характер. Сейчас женатым парам, которые просят Уга Бэндзайтэн о красивой дочери, рекомендуется совершать поклонение раздельно, поскольку, если они придут вместе, богиня разлучит их [Benzaiten, Benten].

Несмотря на непростой характер божества, японцы воспринимают ее как дарительницу процветания и успехов в творчестве. Последнее придает храму Бэндзайтэн и парку Инокасира особую популярность. До сих пор ближайшая железнодорожная станция называется *Китидзёдзи* (яп. 吉祥寺 — «храм удачи и благоприятного предзнаменования»), а в городе-спутнике Токио Мусасино

(где и находится парк Инокасира) традиционно селятся художники и актеры [井の頭弁財天は].

Мы видим, что культ богини Сарасвати (позднее Бэндзайтэн), пришедший из Китая вместе с буддизмом, значительно трансформировался в Японии, сохранив при этом и свои родовые признаки.

Итак, изначально сакральная река, упоминания о которой встречаются в Ригведе, затем речная богиня, Сарасвати попадает в буддийский пантеон, ассоциируясь с популярными божествами. Позднее происходит привязка к Манджушри, и Сарасвати оказывается его супругой, богиней мудрости и знаний. Затем, приобретая функции богини речи, становится покровительницей красноречия, поэзии, музыки. Сфера ее влияния в дальнейшем расширяется до подательницы удачи, здоровья и богатства.

Изучение культа богини и трансформации ее образа в искусстве стран буддийского региона представляется значимым для изучения буддийской традиции в целом. На протяжении всей истории богине поклонялись различные слои общества: интеллектуальная верхушка индо-тибетского монашества, китайские ученые, японские музыканты, иконописцы и скульпторы в буддийских сообществах Центральной Азии, а позднее и простые верующие, желающие иметь супруга или ребенка. Исследование процесса трансформации образа дает возможность понять механизм формирования нового культа, новой иконографии, а также выявить причины таких изменений.

Очевидно, что без детального изучения культа и иконографии богини Сарасвати наши представления о буддийских культурах останутся лишенными целостности. Здесь мы стремились лишь в первом приближении показать возможности изучения места богини Сарасвати в буддийской цивилизации и осветить наиболее значимые аспекты ее культа и иконографии.

Гимны Таре / пер. с тиб. А. В. Зорина. М., 2009. [Gimny Tare / per. s tib. A. V. Zorina. M., 2009.]

Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющееся «Брод, ведущий к удивительно благому уделу». Улан-Удэ, 2008. [Gonchog-Chzhigmjed-Vanbo. Povestvovanie o zhizni Vsevedushhego Chzham'-jan-Shadbij-Dorchzhe, mogushhestvennogo uchenogo i siddha, nazyvajushheesja «Brod, vedushhij k udivitel'no blagomu udelu». Ulan-Udje, 2008.]

Избранные сочинения второго Далай-ламы. Тантрические йоги сестры Нигумы. М., 1998. [Izbrannye sochinenija vtorogo Dalaj-lamy. Tantricheskie jogi sestry Nigumy. M., 1998.]

Кринская З. А., Рабинович Е. И. «Через два месяца она забеременела»: конструирование культа богини Янжимы в Баргузинской долине // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем : материалы Междунар. науч. конф. (IX Колосницынские чтения), Екатеринбург, 16–17 апреля 2014. Екатеринбург, 2014. С. 221–226. [Krinskaja Z. A., Rabinovich E. I. «Cherez dva mesjaca ona zaberemenela»: konstruirovanie kul'ta bogini Janzhimy v Barguzinskoj doline // Rossija i Vostok: kul'turnye svjazi v proshlom i nastojashhem : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (IX Kolosnicynskie chtenija), Ekaterinburg, 16–17 aprelja 2014. Ekaterinburg, 2014. S. 221–226.]

Куслий О. Н. Божественный женский персонаж в контексте основного ведийского мифа // Религиоведение. 2007. №1. С. 82–90. [Kuslij O. N. Bozhestvennyj zhenskij personazh v kontekste osnovnogo vedijskogo mifa // Religiovedenie. 2007. №1. S. 82–90.]

Накорчевский А. А. Синто. СПб., 2003. [Nakorchevskij A. A. Sinto. SPb., 2003.]

Намкай Норбу Ринпоче. Практика Зеленой Тары. СПб., 1997. [Namkaj Norbu Rinpoche. Praktika Zelenoj Tary. SPb., 1997.]

ПМА — Полевые материалы авторов. Интервью с геше Шерабом Лхундрубом, ламой тибетской традиции бон. 04.04.2012. [Polevye materialy avtorov. Interv'ju s geshe Sherabom Lhundrubom, lamoj tibetskoj tradicii bon. 04.04.2012.]

Ригведа. Мандалы V–VIII / пер. с санскр., ред.: Т. Я. Елизаренкова. М., 1999. [Rigveda. Mandaly V–VIII / per. s sanskr., red.: T. Ja. Elizarenkova. M., 1999.]

Сутра Золотистого Света [Электронный ресурс] / пер. с тиб. А. Кугявичуса. 2004. URL: http://www.fpmt.org/teachers/zopa/advice/pdf/goldenlightsutra_russian.pdf (дата обращения: 18.02.2012). [Sutra Zolotistogo Sveta [Electronic resource] / per. s tib. A. Kugjavichusa. 2004. URL: http://www.fpmt.org/teachers/zopa/advice/pdf/goldenlightsutra_russian.pdf (mode of access: 18.02.2012).]

Тексты для ежедневных практик / пер. с тиб.: Гелонг Тензин Гонпо, Гелонг Тензин Чойзин. М., 2004. [Teksty dlja ezhednevnyh praktik / per. s tib.: Gelong Tenzin Gonpo, Gelong Tenzin Chojzin. M., 2004.]

Топоров В. Н. Сарасвати — река, речь, красноречие // Indologica. M., 2008. С. 49–62. [Toporov V. N. Sarasvati — reka, rech', krasnorechie // Indologica. M., 2008. S. 49–62.]

Тринле К. История Кармап Тибета. М., 2009. [Trinle K. Istorija Karmap Tibeta. M., 2009.]

Упанишады. Кн. 1 / пер., предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1992. [Upanishady. Kn. 1 / per., predisl. i komment. A. Ja. Syrkina. M., 1992.]

Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения : в 5 т. Т. 1. СПб., 1994. [Conkapa Chzhe. Bol'shoe rukovodstvo k jetapam Puti Probuzhdenija : v 5 t. T. 1. SPb., 1994.]

Benzaiten, Benten [Electronic resource]. URL: http://www.onmarkproductions.com/html/benzaiten.shtml (mode of access: 11.04.2014).

Benzaiten Imagery in Japan [Electronic resource]. URL: http://www.onmarkproductions.com/html/benzaiten.shtml (mode of access: 15.10.2012).

Chandra L. Dictionary of Buddhist iconography. Vol. 11. VI. New Delhi, 2003.

Chaudhuri S. K. Hindu Gods and Goddesses in Japan. Hissar, 2003.

Chiba R. The Seven Lucky Gods of Japan. Rutland, 1965.

Danielou A. The myths and gods of India: the classic work on Hindu polytheism. N. Y., 1991.

Davis F. H. Myths and Legends of Japan. N. Y., 2007.

Dowman K. Sky dancer: the secret life and songs of the Lady Yeshe Tsogyel. Ithaca, 1996.

Drazen P. A. Gathering of Spirits: Japan's Ghost Story Tradition. Bloomington, 2011.

Dudjom Rinpoche. The Nyingma School of Tibetan Buddhism. Its Fundamentals and History. Vol. 1. Boston, 1991.

Foulston L., Stuart A. Hindu goddesses: beliefs and practices. Padstow, 2009.

Illes J. The Encyclopedia of Spirits: The Ultimate Guide of Fairies, Genies, Demons, Ghosts, Gods and Godesses. N. Y., 2009.

Januus. Besson Zakki [Electronic resource]. URL: http://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/b/bessonzakki.htm (mode of access: 20.04.2013).

Keul I. Transformations and Transfer of Tantra in Asia and Beyond. Berlin ; Boston, 2012.

Kvaerne P. The Bon Religion of Tibet: The Iconography of a Living Tradition. Boston, 1996.

Ludvick C. Sarasvati Riverine Goddess of Knowledge. From the Manuscript-carrying vina-player to the Weapon-wielding Defender of the Dharma. Leiden ; Boston, 2007.

Shaw M. E. Buddhist goddesses of India. Princeton, 2006.

Suzuki T. The Seven Gods of Bliss [Electronic resource] // The Open Court, V. XXI. 1907. URL: http://www.sacred-texts.com/journals/oc/ts-sgb.htm (mode of access: 15.10.2012).

The splendor of an autumn moon: the devotional verse of Tsongkhapa / transl. by G. Kilty. Boston, 2001.

Verhagen P. C. A history of Sanskrit grammatical literature in Tibet. Vol. 1. Transmission of the canonical literature. Leyden, 1994.

Watsky A. M. Chikubushima: deploying the sacred arts in Momoyama Japan. Seattle, 2004.

Wayman A. Buddhist Insight: Essey. Delhi, 1984.

聖嚴法師. 禪門. /聖嚴法師. Taipei, 1999.
馬書田. 華夏諸神: 佛教卷. / 馬書田. 1993.
井の頭弁財天は [Electronic resource]. URL: http://www.inokashirabenzaiten.com/profile.htm (mode of access: 03.04.2014).

Статья поступила в редакцию 19.03.2015 г.

УДК 069:7.03(470.23-25) + 929 Половцевы

М. Г. Пронина

ПОЛОВЦОВЫ КАК СОЗДАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ЦУТР БАРОНА А. Л. ШТИГЛИЦА

Рассматривается факторы, оказавшие влияние на создание музея при Центральном училище технического рисования, обладавшего одним из лучших собраний восточного искусства в дореволюционной России. Анализируется уникальность комплекса произведений восточного искусства на примере предметов, подаренных музею семьей Половцовых. Исследуются архивные источники, касающиеся меценатской деятельности барона А. Л. Штиглица, супругов А. А. Половцова и Н. М. Половцовой и их потомков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музей училища технического рисования в Санкт-Петербурге; восточное искусство; А. Л. Штиглиц; А. А. Половцов; Н. М. Половцова; А. А. Половцов (младший).

В ряду наиболее крупных отечественных коллекций восточного искусства особое место занимает коллекция искусства Китая, Японии, Персии, Индии, некогда принадлежавшая музею Центрального училища технического рисования (ЦУТР), основанного бароном Александром Людвиговичем Штиглицем (1814–1884) в Петербурге. Ныне большая часть произведений этой коллекции находится в собрании Государственного Эрмитажа. В состав коллекции музея ЦУТР входили памятники восточного прикладного искусства, преимущественно XVII–XVIII вв.: удивительные по красоте образцы фарфора, бронзы, лаков, резьбы по слоновой кости, шелковых тканей, эмалей и камнерезных изделий. Особенно многочисленной и разнообразной по составу была китайская часть коллекции [Китайское экспортное искусство..., с. 12]. Вопросы формирования этого собрания представляются весьма актуальными не только в искусствоведческом аспекте, но и с точки зрения изучения наследия уральских промышленников и меценатов. Создателями музея ЦУТР стали наследники мецената барона А. Л. Штиглица, вошедшего в историю отечественного художественного образования, — семья Половцовых[1]. Крупные российские промышленники, Половцовы, в числе прочего владели Богословским горным округом на севере Верхотурского

[1] Фамилия Половцовых до начала XX в. писалась в третьем слоге через *о*, в дальнейшем (в том числе и в советское время) чаще встречалось написание «Половц*е*вы».

© Пронина М. Г., 2015

уезда Пермской губернии. Именно благодаря собирательской деятельности Половцовых в музее ЦУТР была сформирована одна из лучших отечественных коллекций восточного искусства, сопоставимая с императорскими собраниями.

В историографии деятельность представителей династии Половцовых, как правило, связывается с достижениями в области политики и предпринимательской деятельности. Художественные и этнографические коллекции семьи Половцовых также представляют для специалистов немалый интерес. В 2000-х гг. появилось несколько публикаций искусствоведческого плана, подготовленных сотрудниками Государственного Эрмитажа [Меньшикова], Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица и специалистами, изучающими культурное наследие семьи Половцовых-Штиглиц [Прохоренко]. В них встречаются упоминания о предметах восточного искусства, приобретенных и подаренных Половцовыми музею ЦУТР. Между тем, восточная коллекция как одна из самых многочисленных в собрании ЦУТР, безусловно, заслуживает отдельного исследования.

Сам опыт создания бароном А. Л. Штиглицем в 1876 г. художественно-промышленного учебного заведения, готовившего специалистов в прикладных областях, был новым и весьма востребованным в пореформенной России. В необходимости создания художественно-промышленного учебного заведения для подготовки специалистов в области технического рисования мецената убеждал его зять, Александр Александрович Половцов (1832–1909). Программа обучения отвечала новейшим педагогическим идеям европейских архитекторов и теоретиков, стремящихся к обновлению художественного образования. Концепция музея, где будущие художники могли бы изучать подлинные произведения искусства и осваивать на практике различные ремесла, была подчинена важной задаче — подготовить специалистов для развивающейся российской промышленности.

Училище существовало на проценты с неприкосновенного капитала в 1 млн руб., заложенного бароном А. Л. Штиглицем. Позднее в 1884 г. меценатом была завещана дополнительная сумма в 5,7 млн руб. [см.: РГИА, ф. 790, оп. 1, д. 2, л. 1–2]. Эти средства позволили учебному заведению не только безбедно существовать, имея несколько филиалов, но и создать лучший в России музей прикладного искусства. Несколько миллионов рублей было потрачено исключительно на постройку отдельного здания музея. Ежегодно отчислялись суммы на покупку новых предметов для пополнения его коллекции [см.: Там же, д. 43].

Торжественное открытие здания музея, построенного по проекту петербургского архитектора М. Е. Месмахера (1842–1906) — первого директора ЦУТР — состоялось в 1896 г. Это первое в России специализированное музейное здание по экспозиционным решениям превосходило имеющиеся в Германии и Франции аналоги.

Именно в музее ЦУТР и разместилась коллекция восточного искусства, сформировавшаяся преимущественно в 1870–1890-х гг. В то время интерес к Востоку обуславливался не только доступностью предметов коллекционирования на европейских рынках, но и спецификой самого учебного заведения. В обучении, направленном на овладение технологиями декоративно-прикладного искусства,

невозможно было обойтись без образцов, например, китайских: в росписи фарфора и шелка, резьбе по кости и камню, перегородчатой эмали и других восточных техниках.

С середины XIX в. китайские и японские произведения искусства становятся все более популярными на Западе. Коллекционированием предметов восточного искусства увлекались и представители русского дворянства. Увлечение прикладным искусством Востока стимулировали Всемирные художественно-промышленные выставки. Созданию коллекций восточного искусства способствовали политические события, вызвавшие большой поток вещей из Китая в Европу после «опиумных войн» 1840-х гг. и подавления Тайпинского восстания в Пекине в 1861 г. Так вывезенные из разграбленных императорских дворцов китайские предметы оказались как в частных коллекциях, так и в крупных европейских музеях: Музее восточных искусств в Париже Э. Гиме, Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Во многих частных собраниях, в том числе и в российских, приобретение восточных «диковинок» носило случайный характер. Атрибутирование и систематизация артефактов мало привлекали аристократов, видевших в восточных ширмах и вазах предметы роскоши, а не музейные экспонаты — шедевры прикладного искусства. Восточная коллекция музея ЦУТР барона А. Л. Штиглица выгодно отличалась от подобных частных собраний.

В систематическом пополнении коллекции восточного искусства музея ЦУТР принимали участие члены администрации и попечительского совета. Большое значение для формирования восточной коллекции музея ЦУТР имели подарки и приобретения семьи Половцовых. С момента учреждения музея зять барона А. Л. Штиглица, А. А. Половцов, активно включился в процесс приобретения предметов для создания экспозиций. Свидетельством этому служат документы делопроизводства музея и дневниковые заметки А. А. Половцова о заграничных поездках. Во время путешествий он вместе с супругой Надеждой Михайловной — приемной дочерью барона А. Л. Штиглица — посещал антикваров, осматривал частные художественные коллекции, консультировался со специалистами по поводу покупки тех или иных произведений. Постепенно личные интересы А. А. Половцова отошли на второй план: он всегда с увлечением коллекционировал книги и эстампы, но со временем превратился в знатока декоративно-прикладного искусства. Восточные, прежде всего китайские, артефакты неоднократно приобретались А. А. Половцовым и его родственниками как для передачи в музей ЦУТР, так и для пополнения собственной коллекции.

Многие предметы восточного искусства были подарены семьей Половцовых членам императорского дома Романовых, с которыми их связывали дружеские и даже родственные отношения. Следует напомнить, что Надежда Михайловна Юнина[2] (в замужестве Половцова) (1843–1908), по мнению современников, была внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича. В пользу версии

[2] Часто встречается другое написание этой фамилии — «Июнина» или «Июнева». Вариант «Юнина» более достоверен, т. к. именно эта фамилия написана на надгробии Надежды Половцовой, похороненной в 1908 г. в церкви Святой Троицы в семейном склепе Штиглицев в Ивангороде.

об ее родственных узах с Романовыми свидетельствуют не только мемуары и воспоминания, но и особое внимание к представителям семейства Половцовых со стороны императорского Дома.

Музей ЦУТР и последующие учебные выставки, проходившие в его стенах, не были обделены вниманием Александра III. Во время одного из таких визитов 4 января 1885 г., по замечанию А. А. Половцова, «...императрица, а особенно император выказывают не только интерес к нашему делу, но и близкое с ним знакомство. Уезжают, наговорив комплиментов... Выражают желание приехать еще раз, чтобы посмотреть на учеников во время их занятий...» [Половцов, т. 1, с. 293–294]. Он также записал в дневнике, что каждый из высоких гостей получил еще и подарок: «императору ружье и пару пистолетов хорошей тульской работы прошлого столетия, императрице — китайскую вещицу; цесаревичу — французскую книгу начала XVIII века "L'exercice de l'infanterie francaise"; вел. кн. Георгию — фаянсовое блюдо (майолику) особенно понравившеюся Государю...» [Половцов, т. 1, с. 293–294].

Пользуясь расположением представителей императорского Дома, А. А. Половцов имел возможность сравнивать предметы из своего собрания с коллекциями Гатчины и Царского Села. Одним из главных преимуществ Половцовых-коллекционеров можно считать доступ к наиболее крупным собраниям восточного искусства, хранившимся в Зимнем дворце, Царском селе, Ораниенбауме и других царских резиденциях. Кроме того, ученикам ЦУТР разрешали работать в закрытых для свободного посещения дворцах.

Увлечение восточным искусством супругов Половцовых, позволявшее им заниматься формированием коллекции для музея ЦУТР, началось еще в 1860-х гг. Надежда Михайловна всегда была неравнодушна к фарфору и китайским тканям, Александр Александрович охотно приобретал бронзовые предметы, лаки и эмали, предметы мебели. Летом 1862 г., когда молодожены еще продолжают подбирать предметы для обустройства собственного дома, Половцов покупает четыре японские вазы, согласно легенде, принадлежавшие французской королеве Марии-Антуанетте и входившие в свое время в собрание архитектора О. Монферрана. А. А. Половцов писал, что после смерти архитектора его коллекция была куплена отставным офицером Ушаковым, который продал вазы, «имея надобность в деньгах» [ГАРФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, л. 254, 255].

Супруги Половцовы имели в своем распоряжении коллекции барона А. Л. Штиглица и активно занимались их пополнением, например, самостоятельно подыскивали произведения прикладного искусства для убранства нового дома барона на Английской набережной в Петербурге. «Восточные» интересы четы Половцовых сформировались преимущественно во время знакомства с европейскими собраниями. В 1870–1880-х гг. Половцовы много путешествовали по Европе, каждый раз приобретая произведения восточного искусства. Известны постоянные адреса антикварных магазинов, где Половцовы покупали экспонаты для себя и для музея ЦУТР. На многих предметах из собрания Государственного Эрмитажа сохранились наклейки с названиями магазина: «Langweil. Chinois et Japon. Paris, Pl. St. George, 26» [Меньшикова, с. 95].

Так, в октябре 1885 г. было приобретено блюдо с изображением кустов пиона и фазанов, украшенное вдоль борта картушами с изображением цветов и насекомых (ГЭ, инв. № ЛИ-93) [Китайское экспортное искусство..., с. 26]. В том же году приобретен судок с двумя кувшинчиками с росписью в гамме «зеленого семейства» (ГЭ, инв. № ЛИ-98) [Там же, с. 28]. Только за одну летнюю поездку в Европу в 1872 г. А. А. Половцов приобрел произведения искусства на общую сумму 17 000 руб. [ГАРФ, ф. 583, оп. 1, д. 6, л. 124].

Судя по сохранившимся фотографиям, сделанным штатным фотографом Императорской Академии художеств [Историзм в России, с. 159], домашняя коллекция Половцовых также включала произведения восточного искусства. Ныне многие из них хранятся в Государственном Эрмитаже. Наиболее интересные образцы фарфора, лаков и бронзы, очевидно, поступили к ним из коллекции А. Г. Влангали, приобретенной А. Половцовым в 1877 г. [см.: Меньшикова, с. 98]. Александр Георгиевич Влангали (1823–1908) являлся чрезвычайным российским послом в Китае в 1863–1869 гг. Некоторые предметы его собрания происходили из разграбленных после Тайпинского восстания императорских коллекций. А. Г. Влангали часто консультировал А. А. Половцова по поводу приобретения тех или иных вещей восточного происхождения, о чем Половцов неоднократно упоминал в личных записях и письмах.

Свои покупки А. А. Половцов часто описывал в дневнике. Запись от 2 февраля 1886 г. гласит: «в 10 часов у <князя А. М.> Дондукова-Корсакова в Европейской гостинице. Покупаю китайскую вазу в хорошей старинной французской бронзовой оправе, которая будто бы была похищена из султанского дворца» [Половцов, т. 1, с. 383].

Многие предметы, приобретенные для личной коллекции, иногда передавались на временное хранение в музей ЦУТР для учебных целей и экспонирования. Одни впоследствии возвращались к владельцам, другие выкупались музеем. В статье М. Л. Меньшиковой упоминается коллекция чайников китайского и японского производства, в период с 1885 г. неоднократно передававшаяся Н. М. Половцовой на временное хранение в музей, а после ее кончины в 1908 г. приобретенная музеем. Таким образом, многие вещи, предоставленные Н. М. Половцовой, остались в музейном собрании: например, китайская бронза — в 1898 г. были получены в дар медный дракон, курильница и кувшин «старинной работы»; а также фарфор, слоновая кость (статуэтка Лао-цзы, поступившая в 1901 г.), коробка с цветами красного резного лака (подарена в 1896 г.), корзины из тростника японской работы и шелковые китайские ткани [см.: Меньшикова, с. 100].

В архивах сохранились сведения о пожертвованиях и приобретениях для музея в 1882–1916 гг. На протяжении первых трех десятилетий деятельности ЦУТР в документах постоянно встречаются записи о приобретениях предметов из российских и зарубежных частных коллекций. В 1886 г. у Я. Краута была приобретена коллекция тканей и вышивок; в 1899 г. — китайские и японские вещи из собрания Я. Ф. Гильдебрандта; в 1900 г. — коллекция Звягинцева [см.: РГИА, ф. 790, оп. 1, д. 46–47]. В счетах есть топографические пометки: приобретения

помещали в лоджию, называемую в бумагах училища «китайскою», и во II кладовую китайского фарфора.

Интересы А. А. Половцова-промышленника иногда противоречили его роли мецената и собирателя экспонатов для музея ЦУТР. В 1896 г. он предпринял попытку поддержать свое финансовое положение за счет средств из неприкосновенного капитала, завещанного бароном А. Л. Шлиглицем на содержание ЦУТР. Это обстоятельство вызвало возмущение директора училища М. Е. Месмахера. Конфликт закончился увольнением последнего со службы. Средства были необходимы А. А. Половцову для реализации крупного промышленного проекта — выполнения государственного заказа на поставку рельсов для строительства Транссиба.

Еще в 1884 г. А. А. Половцов приобрел на имя своей супруги Богословский горный округ в Верхотурском уезде Пермской губернии. Там в 1894 г. был заложен крупнейший на Урале металлургический завод, названный в честь Н. М. Половцовой Надеждинским (ныне г. Серов). В 1895 г. было создано Богословское акционерное общество, основная часть паев которого принадлежала семье Половцовых, а спустя год начал работу сталерельсовый завод в Надеждинске. Это, пожалуй, единственный случай, когда А. Половцов пожелал воспользоваться в личных интересах средствами, завещанными бароном А. Л. Штиглицем на развитие училища технического рисования.

Надежда Михайловна Половцова оставалась Почетной попечительницей ЦУТР вплоть до своей кончины в 1908 г., после чего в музей поступили предметы, передававшиеся попечительницей на временное хранение и для «учебных штудий». До 1917 г. учащиеся ЦУТР получали пособия из фонда имени Н. М. Половцовой [см.: РГИА, ф. 790, оп. 1, д. 119]. После кончины А. А. Половцова в 1909 г. большая часть его художественного собрания была продана с аукциона в Париже. Некоторое представление об этой части коллекции А. А. Половцова дает каталог аукциона [см.: Catalogue des tres importants bijoux...]. Однако предметы китайской коллекции в основном остались в Петербурге. Многие из них попали в музей ЦУТР. С 1893 г. и вплоть до революции издавались каталоги музея ЦУТР, позволяющие судить об этом уникальном собрании [см.: РГИА, ф. 790, оп. 1, д. 57, л. 3–4].

В 1914 г. сын Половцовых, А. А. Половцов-младший, возглавил Совет ЦУТР. При нем музей ЦУТР продолжал пополняться произведениями искусства, он поддерживал связи отца с антикварами и коллекционерами. Еще в 1896 г. А. А. Половцов-младший, ставший действительным членом Совета, передал в музей китайские и персидские предметы. Благодаря ему в музей поступила ширма коромандельского лака второй половины XVII в., которая была приобретена в 1910 г. за огромную по тем временам сумму в 7 659 руб. 57 коп. у антиквара Паркенгорфа в Англии [Китайское экспортное искусство..., с. 154]. В 1914 г. им был приобретен и подарен музею столик резного красного лака XVI в. В музей также поступили настенный экран черного лака с инкрустацией перламутром XVIII в. и большое количество предметов перегородчатой эмали с императорскими марками [Меньшикова, с. 102]. А. А. Половцов-младший не только до последнего

поддерживал любимое детище своих родителей — ЦУТР, но и пытался в годы революции 1917 г. спасти коллекции Павловского дворца-музея, который возглавлял до своего отъезда в эмиграцию.

Дочери Половцовых и их мужья также не оставались равнодушными к коллекционированию произведений восточного искусства. Н. М. Половцова очень любила интерьеры дома на Большой Морской улице, 54 (ныне 52), украшенные предметами восточного искусства. Поэтому обстановка комнат бережно сохранялась ее дочерью Анной, жившей в этом особняке после смерти родителей. Анна Александровна и ее супруг Александр Дмитриевич Оболенский преподнесли музею ЦУТР два больших экрана резного красного лака с инкрустацией нефритом XVIII в. [Меньшикова, с. 101]. Надежда Александровна и ее супруг граф Бобринский (председатель археологического общества и вице-президент Академии художеств) также пополняли собрание музея ЦУТР. Не увлекался коллекционированием лишь младший сын Половцовых — Петр, сделавший блестящую военную карьеру и возглавлявший летом 1917 г. Петроградский военный округ.

Частные художественные собрания после гибели семьи Оболенских были конфискованы и частично переданы в музей ЦУТР в 1922–1924 гг., откуда в 1926 г. поступили в собрание Эрмитажа. В число этих предметов входят образцы китайской перегородчатой эмали, в том числе ваза XV в., коллекция из 38 нефритов и резных камней, собрание китайского стекла XVIII в., китайские лаки, бронза, резные статуэтки [Меньшикова, с. 103]. Многие предметы восточной коллекции Половцовых поступили в фонды Эрмитажа или были переданы в другие музеи. Лишь малая часть одного из крупнейших собраний прикладного искусства до сих пор принадлежит музею учебного заведения, которому в 2006 г. вернули имя основателя — барона Штиглица. Ныне музей прикладного искусства Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиг-лица существует на прежнем месте, однако музейное собрание произведений восточного искусства не может сравниться с дореволюционной коллекцией ЦУТР: из Государственного Эрмитажа в фонды музея вернулась ничтожная часть тех предметов (менее тысячи), которые составляли уникальную для дореволюционной России коллекцию.

Итак, благодаря меценатству и собирательской деятельности семья Половцовых оказалась у истоков формирования музея ЦУТР и, в частности, его уникальной восточной коллекции. Наследники барона А. Л. Штиглица оказались постоянными дарителями музея, вели целенаправленный поиск предметов для пополнения его фондов, а также предоставляли музею экспонаты из собственных коллекций в качестве наглядных пособий для обучения. На протяжении долгих лет А. А. Половцов играл роль главного художественного эксперта училища. Контакты с выдающимися деятелями искусства, антикварами и коллекционерами позволяли наследникам А. Л. Штиглица активно пополнять фонды музея ЦУТР, а также сравнивать и атрибутировать произведения восточной коллекции.

Особенностью восточной коллекции музея ЦУТР являлось ее соответствие главной задаче музея — подбору высокохудожественных образцов в разных видах

прикладного искусства. Пополнению коллекции способствовала ситуация на европейском антикварном рынке и личный интерес представителей семьи Половцовых к искусству Китая, Японии, Индии, Персии. По разнообразию представленных техник, художественному уровню, типологии и подбору памятников эта коллекция равнялась лучшим российским собраниям.

На сегодняшний день династии Половцовых как крупнейшим коллекционерам и меценатам последней трети XIX — начала XX в. уделяется все больше внимания. Детальное рассмотрение восточной коллекции музея училища барона А. Л. Штиглица позволяет судить о высоком художественном вкусе и уровне подготовки людей, составивших одно из лучших собраний декоративно-прикладного искусства дореволюционной России.

ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 3, 6. [GARF. F. 583. Op. 1. D. 3, 6.]

Историзм в России. Каталог выставки Эрмитажа. СПб., 1996. [Istorizm v Rossii. Katalog vystavki Jermitazha. SPb., 1996.]

Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI — XIX век. Каталог выставки. СПб., 2003. [Kitajskoe jeksportnoe iskusstvo iz sobranija Jermitazha. Konec XVI — XIX vek. Katalog vystavki. SPb., 2003.]

Меньшикова М. Л. Искусство Китая в коллекциях Половцовых // Надежда Михайловна Половцова / сост. А. Гребенкин. Серов, 2008. С. 94–104. [Men'shikova M. L. Iskusstvo Kitaja v kollekcijah Polovcovyh // Nadezhda Mihajlovna Polovcova / sost. A. Grebenkin. Serov, 2008. S. 94–104.]

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря : в 2 т. М., 2005. [Polovcov A. A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarja : v 2 t. M., 2005.]

Прохоренко Г. Музей — учебная программа и наглядное пособие // Наше наследие. 2006. № 77. С. 25–30. [Prohorenko G. Muzej — uchebnaja programma i nagljadnoe posobie // Nashe nasledie. 2006. № 77. S. 25–30.]

РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 2, 43, 46–47, 57, 119. [RGIA. F. 790. Op. 1. D. 2, 43, 46–47, 57, 119.]

Catalogue des tres importants bijoux, tableaux anciens et modernes, objets d'art du XVIII-e siecle, ect. Provenant de la collection de M. A. Polovtsoff et dont la vente aura lieu a'Paris. 2–4 Desembre 1909. Paris, 1909.

Статья поступила в редакцию 02.02.2015 г.

УДК 94(4)“375/1492” + 910.4(450:540) **Д. В. Возчиков**

СЛОНЫ И БУБЕНЧИКИ: ГОСУДАРСТВА МЬЯНМЫ ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XV в.

В статье анализируются образы государств Авы и Пегу в двух отчетах, оставленных купцами из итальянских морских республик: венецианцем Никколо Конти (1439) и генуэзцем Иеронимо ди Санто Стефано (1499). Автор статьи рассматривает основные средства портретирования социальных и религиозных практик Юго-Восточной Азии в этих документах, показывает особенности восприятия телесной культуры региона человеком позднесредневекового Запада. В работе также прослеживается эволюция в средневековом дискурсе о Востоке укоренившихся образов Индии или Индий как таинственного края ойкумены в сторону более реалистичной картины под влиянием личного опыта путешественников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Венецианская республика; Генуя; Мьянма; Никколо Конти; Иеронимо ди Санто Стефано; ориентализм; средневековые путешествия.

Приращение знания средневекового Запада об Индии и Юго-Восточной Азии накануне Великих географических открытий, а с ним и неизбежная переоценка державшихся веками представлений о «чудесах Индии» были осуществлены главным образом путешественниками и картографами Венеции и Генуи. К самым ранним европейским документам о государствах Ава и Пегу — крупнейших в XV в. державах Мьянмы — относятся отчеты двух купцов из итальянских морских республик: венецианца Никколо Конти [Bracciolini] и генуэзца Иеронимо ди Санто Стефано [Santo Stefano]. Два описания государств Мьянмы, оставленные венецианцем и генуэзцем, отстоят друг от друга на шесть десятилетий и имеют существенные отличия. Несмотря на то, что оба итальянских источника об Аве и Пегу составлены в форме маршрутного описания, в них по-разному расставлены акценты. Вместе эти документы дают ценный материал по истории Юго-Восточной Азии и отражают эволюцию средневекового дискурса о Востоке в XV в. Кроме того, сами тексты были включены в географическую традицию Запада и оказали влияние на ее дальнейшее развитие.

Ава (искаженное название от Ин-ва) была основана в 1364 г. на притоке реки Иравади и в XV в. оставалась главным политическим центром бирманцев [История Востока, т. 2, с. 593]. Монское государство Пегу образовалось на юге центральной части современной Мьянмы в 1281 г. вслед за коллапсом Паганской державы [The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1, p. 167] и быстро стало важным центром морской торговли. Сведения об этих государствах в текстах итальянцев позволяют выявить ряд аспектов ренессансного ориентализма или, как предлагает новозеландская исследовательница К. Филлипс, взглядов на Восток «до ориентализма», т. е. до колониальной экспансии Нового времени [Phillips, p. 3].

Юго-Восточная Азия в трудах античных авторов была представлена очень фрагментарно. Э. Саид, настаивавший на радикальном пересмотре всей предшествовавшей востоковедческой традиции, утверждал: «Если сознанию приходится

© Возчиков Д. В., 2015

иметь дело с радикально новой формой жизни — как, например, с исламом, пришедшим в Европу в начале средневековья, — то реакция целого будет консервативной и оборонительной» [Саид, с. 93]. Источниковый материал, оставленный итальянскими купцами-ориенталистами, позволяет проверить правомерность этого тезиса. Рассмотрение сведений о государствах нынешней Мьянмы в их отчетах дает возможность определить степень зависимости авторов от устойчивых в Средние века представлений об «Индиях», а также особенности переработки этих мифологем под влиянием личного опыта путешественников. Основная задача данной статьи — анализ трансформации европейских представлений о Востоке на примере образов государств Мьянмы в итальянских травелогах.

К середине XV в. Венецианская республика пользовалась славой самого информированного о восточных делах европейского государства. Венецианский купец Никколо Конти (ок. 1395–1469), знатный уроженец Кьоджи [Le voyage aux Indes, p. 8], около четверти века провел в поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии. Его рассказы о далеких землях сохранились в изложении секретаря папы и флорентийского гуманиста Поджо Браччолини (1380–1459), беседовавшего с путешественником в 1439 г. и позднее включившего его повествование в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы» [Bracciolini], а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура [Тафур, с. 95–112]. Сообщения купца об Аве и Пегу дошли до нас в труде Поджо — одном из программных текстов итальянского гуманизма, и, стало быть, претерпели литературную обработку и явились частью гуманистического дискурса о Востоке. Повествование Конти в записи Поджо — текст, рассчитанный на образованных и взыскательных читателей эпохи Ренессанса.

В отчете Никколо Конти все земли, лежащие к востоку от Ирана, названы «Индией», что типично для средневековых западных источников. «Вся Индия, — сообщал путешественник, — разделена на три части: первая — от Персии до реки Инд, вторая — от Инда до Ганга, а третья — все, что далее. (Третья часть. — *Д. В.*) намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам» [Bracciolini, p. 139]. Таким образом, Юго-Восточная и Восточная Азия, включая Китай, охватывались термином «Третья Индия», что создает известные трудности для интерпретатора. Условное сегментирование Индии традиционно для средневековых источников. Деление Индии на две (ближняя и дальняя) или три части появляется в апокрифических сказаниях о проповедях апостолов Фомы и Варфоломея в восточных землях [Мельникова, с. 102]. Своеобразное наследие этого деления на ментальной карте Запада — установившиеся после открытия Америки понятия Ост-Индии и Вест-Индии.

Конкретных дат пребывания венецианца в Юго-Восточной Азии Поджо не приводил. Как отмечает К. Бризил, можно утверждать лишь то, что Конти побывал на Суматре, в Тенассериме и в районе нижнего и среднего течения Иравади (Давы у Конти) во второй половине 1420-х гг. и, возможно, в начале 1430-х [Breazeale, p. 102]. Никколо Конти достиг территории современной Мьянмы, отправившись морем из индийского порта Буффетания (его идентификация

затруднительна). Через месяц пути венецианец прибыл к устью реки Рахан. «Оттуда он (Конти. — *Д. В.*) за шесть дней добрался до города с тем же именем, воздвигнутым на берегах этой реки» [Bracciolini, p. 132]. Рахан отчета Конти — это Аракан (Рокхайн), который всю первую четверть XV в. был яблоком раздора между Авой и мусульманским Бенгальским султанатом. В 1430 г. царь Нарамейхла провозгласил независимость Аракана от Авы при поддержке бенгальцев и вскоре основал новую столицу Мраук-У (Мрохаун), после чего Аракан надолго стал данником Бенгалии, а его монархи покровительствовали мусульманам и включали в свою титулатуру арабские термины [История Востока, т. 2, с. 597]. Это позволяет утверждать, что Никколо Конти отплыл в Аракан из порта, принадлежавшего именно Бенгалии. Правда, торговлю и внешнюю политику Мраук-У венецианец не затронул в отчете.

Из Аракана купец отправился в Аву. Описания городов и областей в отчете составлялись Конти по определенному трафарету: стандартный набор данных о городе или острове включал его название, размеры и товары, которые его жители предлагали. «Затем, пройдя семнадцать дней по горам, лишенным человеческого жилья, и пятнадцать — по открытым равнинам, он начал путь по реке больше Ганга, которую жители называют Дава. Месяц проплыв на корабле вверх по реке, он прибыл в город, наиблагороднейший из всех, зовущийся Ава и занимающий окружность в пятнадцать миль. Только в этом городе есть много лавок смешного и непристойного товара, о котором я (Браччолини. — *Д. В.*) написал забавы ради. В них одни женщины торгуют тем, что мы зовем бубенчиками (sonalia), как я считаю, от слова «звук» (sonus): золотыми, серебряными, медными, величиной с маленький лесной орешек. В эти заведения приходит мужчина перед тем, как взять жену, ведь в противном случае ему будет отказано в браке. После того, как кожа мужского органа надрезана и приподнята, между кожей и плотью в разные места вставляют до двенадцати и более этих бубенцов, по желанию. Кожа зашивается и заживает в течение нескольких дней. Это служит насыщению сладострастия женщин <...> Женщины часто предлагали такую услугу Никколо, смеясь над ним из-за малых размеров его Приапа, но он не пожелал ценой своей боли доставлять наслаждение другим» [Bracciolini, p. 132].

Вызывает удивление, что единственным товаром «благороднейшей» Авы, упомянутым купцом, оказались бубенчики, традиционные для сексуальной культуры многих народов Юго-Восточной Азии, а не только жителей Авы, как пытался показать венецианец. Браччолини, который, по собственному замечанию, привел игривый рассказ Конти о бубенцах для развлечения читателя, мог просто пропустить информацию о торговле Авы. В Новое время генитальные бубенчики стали одним из главных топосов в рассказах о Бирме и Сиаме и экзотическим объектом коллекционирования: английский купец елизаветинского времени Ральф Фич привез на родину «множество этих колокольцев» [Nocentelli, p. 30].

Описание Авы у Конти свелось к рассказу о преобразовании человеческого тела. По словам Ж. Ле Гоффа, в Средние века «тело представляло собой важнейшую метафору, при помощи которой описывалось общество и его институты» [Ле Гофф, Трюон, с. 10]. Путешественник видел общество Авы не только

богатым, но и пресыщенным излишествами, ведь описанная телесная операция, по его мнению, производилась только с целью доставить наслаждение женщине. Язык сексуальности — одно из самых наглядных средств изображения инакости. Конти отмечал обилие в Индии «публичных женщин» («ведь индийцы склонны к сладострастию» [Bracciolini, p. 140]). По его свидетельству, в южноиндийском Каликуте (Кожикоде) женщины «могут из-за сладострастия иметь десять и более мужей» [Ibid., p. 138]. Венецианец видел причину локальной полиандрии в природном сладострастии (libido) индийцев, ставшем общим местом ориентализма. И жителям Нусантары, которых купец считал «бесчеловечнейшими людьми», склонными к амоку[1] и кровавым воинским потехам, в рассказе венецианца приписывалось обостренное либидо: «Жен они заводят столько, сколько требует их вожделение» [Ibid., p. 135]. Характерно, что в мусульманской традиции также существовало представление об особом сластолюбии индийцев, сложившееся еще до масштабных завоевательных походов мусульман в Индию. Богослов и историк Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (839–923) писал в «Истории пророков и царей»: «Было разделено вожделение на десять частей, и девять пришлось на долю индийцев, а одна на остальные народы» [Ат-Табари, с. 101]. На средневековом Западе клише о сладострастии транслировались на самих мусульман не в меньшей степени, чем на жителей условной Индии. Хронисты крестовых походов Гвиберт Ножанский и Готфрид из Витербо изображали ислам религией, потворствующей плотским утехам [Лучицкая, с. 133].

В описаниях Каликута и особенно Авы у Конти женщина фигурирует более как субъект, нежели объект вожделения, в отличие, например, от картины нравов яванцев. Спустя полтора столетия после путешествия Конти, венецианский ювелир Гаспаро Бальби посетил Пегу. В объемном труде «Путешествие в Восточные Индии» («Viaggio dell' Indie Orientali», 1590) Бальби многое сообщил о шокировавших его сексуальных практиках Пегу, отметив распространение телесных трансформаций: «В этом царстве не найти девственниц, а все женщины с детства помещают в детородные места некоторую смесь, которую они кладут еще и в ушные отверстия, чтобы сделать их шире» [Balbi, p. 107]. И у Конти, и у Бальби основная черта сексуальной культуры Индокитая — это деформация тела, искусственное вмешательство в его естественные параметры с целью, как полагали венецианцы, чисто гедонистической. Если жители всех «Индий» показаны Конти склонными к страсти от природы, то в Аве, городе «Третьей Индии», наиболее урбанизированной и богатой области, эта предрасположенность подпитывалась болезненными операциями.

Далее в отчете Конти следует рассказ о стране Мацин (Macinum): «Эта провинция, именуемая жителями Мацин, изобилует слонами, а ее царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне. На спинах у слонов закрепляются башенки, откуда восемь или десять человек ведут бой дротиками, луками и тем, что мы называем баллистами» [Bracciolini, p. 132]. Название Мацин (Мачин, Масин) получило распространение в трудах средневековых мусульманских

[1] Амок — психическое состояние буйства и ярости у народов Нусантары.

авторов применительно к Китаю в качестве второй части парного персидского наименования Чин и Мачин (Син и Масин) для Северного и Южного Китая соответственно [Бартольд, т. 5, с. 87]. Крупный сановник государства Хулагуидов и автор «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей», 1311) Рашид ад-Дин утверждал, что Мачин (Маха-Чин, «Большой Чин») — слово индийского происхождения [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 164]. В ряде южноиндийских тантрических текстов Махачина («Великий Китай») была названа источником тайной йогической премудрости [Торчинов, с. 217]. По мнению Е. В. Торчинова, именно этот взгляд, отражавший эпизодические заимствования в индийской алхимии из китайской даосской, повлиял на арабских авторов, считавших Китай родиной чародейства [Там же]. Через посредничество географической традиции мусульманского мира индийский экзотопоним Махачина проник в европейские труды о Востоке. В ряде европейских травелогов, в частности, сочинениях венецианца Иосафата Барбаро и тверича Афанасия Никитина, термины Чин и Мачин, как и в работах мусульманских географов, относились к Китаю [Волков, с. 86, прим. 13]. В отчете Конти Китай — и северный, и южный — именовался Катай [Bracciolini, p. 134]. Конти, владевший арабским и персидским языками, побывавший членом персидской купеческой корпорации, а в конце путешествия вынужденно принявший ислам [Ibid., p. 126–128], неплохо знал географическую традицию исламского мира. Авторы лондонского издания источников по Индии в XV в. полагали, что Мацин, указанный Конти, — это, скорее всего, Сиам [The Travels of Nicolò Conti, p. 11]. На карте мира венецианского монаха Фра Мауро от 1459 г. к области Мачин отнесены современные Таиланд, Камбоджа, Бангладеш и даже Северо-Восточная Индия [Волков, с. 87, прим. 13]. Эта карта составлена во многом по данным Никколо Конти [Le voyage aux Indes, p. 36]. Скорее всего, Мацин — общее название государств Юго-Восточной Азии, включая Аву, Пегу и сиамскую державу Аютию, находившуюся во время его путешествий по Азии на подъеме могущества.

Своего рода «визитной карточкой» Мацина в рассказе венецианца был слон. В районе Тенассерима, куда Конти прибыл с Суматры, этих животных водилось особенно много [Bracciolini, p. 131]. «Домашние слоны, — сообщал Конти, — питаются рисом и маслом, а лесные — ветвями деревьев и травами» [Ibid., p. 133]. Уже в этой реплике на примере пищевых образов прослеживается основная оппозиция всего повествования: противопоставление рафинированной городской культуры варварству периферийных племен. Прирученный слон, как полагал венецианец, транслируя укорененное еще в античности представление о слонах [см.: Pliny the Elder, VIII. 1, vol. 3, lib. VIII, p. 2], — необычайно умное и преданное существо. Описание купцом приручения слона, завершавшегося проходом по городу между двумя ручными слонами, напоминало своего рода инициацию — преодоление дикости и утверждение в культуре [Bracciolini, p. 132–133]. Это, несомненно, импонировало гуманисту Поджо. Браччолини указал, что способ поимки мацинских слонов для войска совпадает с практикой, описанной Плинием Старшим [Ibid., p. 132]. Носорог также назван в отчете в числе животных Мацина [Ibid., p. 134].

Упоминание Конти числа «десять тысяч слонов» не следует понимать буквально или как обыкновенное преувеличение. «Десять тысяч слонов» — классический бестиарный код могущества в индо-буддийском мире. Еще в «Махабхарате» богатырь Бхима предстал «сильным, как десять тысяч слонов» [Махабхарата, III. 175. 1–21, кн. 3, с. 358–359]. В Юго-Восточной Азии подобные количественно-зоологические эпитеты встречались в титулатуре монархов. «Властелин ста слонов, властелин белого слона» — стандартная часть титула средневековых мьянманских и монских правителей [Сказки народов Бирмы, с. 354, 578]. Лаосское государство Лансанг именовалось «Королевством миллиона слонов и белого зонтика» [Fox-Stuart, p. 96]. По свидетельству Конти, повелитель Мацина, под которым мог подразумеваться государь Авы, Пегу или Аютии, ездил на белом слоне. Шею животного украшала золотая цепь с драгоценными камнями [Bracciolini, p. 133]. Перо Тафуру Конти поведал о поклонении белому слону как божеству «в земле язычников» [Тафур, с. 106–107]. Почитание белых слонов было широко распространено в индо-буддийском мире. В Мьянме и Аютии белый слон считался атрибутом идеального буддийского государя — чаккаватти (чакравартина), и монархи, претендующие на такой статус, нередко развязывали войны за обладание этими живыми сокровищами [The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1, p. 412–413]. Гаспаро Бальби, описывая военные кампании Пегу, привел эпизод, показывающий отношение монов к монаршему слону, а также обнаружил собственные «плинианские» взгляды на разум и чувства животного. Захваченный государем Пегу царский слон из Авы скорбел в плену, плача и держа хобот опущенным, отказывался от пищи пятнадцать дней, так что пегуанцам пришлось умолять его смириться с переходом на службу к более славному правителю, чем прежний хозяин [Balbi, p. 114].

Дополнительную информацию о Мацине можно извлечь из описания мохнатых быков, тоже помещенных Конти в эту область. В верхней части Мацина, ближе к границам Китая, согласно его отчету, водились белые и черные быки, из которых более всего ценились длинношерстные животные с хвостом, свисающим до копыт и напоминающим лошадиный, но более пушистым. «Тончайшая и легкая, как перья, шерсть их хвоста ценится на вес серебра, — сообщал путешественник, — из нее делают опахала для церемоний в честь богов и царей» [Bracciolini, p. 134]. Далее Конти отметил, что знатные воины ценили шерсть быков как украшение для боевых коней, обрамляли ею наконечники копий в знак своего благородного происхождения [Ibid.]. Речь здесь, скорее всего, о яках. Наблюдательный купец весьма точно охарактеризовал назначение изделий из хвостов яков в церемониале индо-буддийского мира. Опахала из ячьего волоса как символы монаршей власти упомянуты в цейлонской «Махавамсе», они встречаются на барельефах Ангкора и Боробудура [Quaritch Wales, p. 100]. Яки — холодолюбивые животные, обитающие в Гималаях и горных районах Центральной Азии. Но Конти локализовал их в Мацине, что усугубляет расплывчатость этого топонима в отчете. Путешественник мог спутать места происхождения яков и страны, в которых их шерсть особенно востребована. Можно предположить, что Мацин Конти — обозначение буддийского мира в целом, включая Тибет.

Про обычаи жителей Мацина Конти сообщил, что мужья довольствуются одной женой, и все — мужчины и женщины — наносят на тело железной иглой постоянные рисунки [Bracciolini, p. 133]. Конти вновь указал на деформации человеческого тела — самое выразительное отличие Индокитая от Европы в отчете купца. Татуировка действительно широко практиковалась в Юго-Восточной Азии, в частности, в Аютии [The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1, p. 428, 583]. А тотальную моногамию Конти скорее приписывал жителям «Третьей Индии», поставленным им на вершину культурной иерархии Азии, возможно, чтобы подчеркнуть определенную близость их нравов европейским, несмотря на различное отношение к телу.

В отчете зафиксирован маршрут из Авы в Пегу: «Из Авы он (Конти. — *Д. В.*) отправился по направлению к морю и через семнадцать дней достиг устья небольшой реки, где находится порт под названием Ксеитона. И оттуда он за десять дней по реке добрался до многонаселенного города окружностью двенадцать миль, который жители зовут Панковией, и пробыл там четыре месяца. Только в этом месте можно найти лозы, но и здесь их очень мало, ведь в целой Индии нет ни лоз, ни вина. Из виноградных гроздей местные жители не делают вина. У них есть сосны, золотые яблоки, каштаны, дыни, правда, маленькие и зеленоватые, белый сандал и камфора. Камфора таится в дереве, и, если перед тем, как надрезать кору, жители не совершат приношений своим богам, то она пропадет и больше не появится» [Bracciolini, p. 134–135]. После четырехмесячного пребывания в Пегу Конти отправился морем на юг — на Большую и Малую Явы (Борнео и Ява, как полагает большинство исследователей [Breazeale, p. 102; Le voyage aux Indes, p. 27–28], либо собственно Ява и южная часть Суматры). Ж. Бушон в предисловии к французскому изданию отчета Никколо Конти считает, что речной порт Ксеитона в отчете — это Ситаун [Le voyage aux Indes, p. 28].

В описании Пегу у венецианца перечислены в основном товары растительного происхождения. Не исключено, что лоза, обнаруженная Конти в Пегу, — не виноградная, а бетелевая. Свежие листья бетелевой лозы — основной ингредиент жвачки бетеля, наряду с орехом арековой пальмы. Бетель распространен по всей Южной и Юго-Восточной Азии и веками применяется в ритуалах и общественных делах [The Cambridge History of Southeast Asia, p. 498]. Купец едва ли избежал употребления этого возбуждающего средства при участии в торговых операциях от Аракана до Чампы. Хотя Конти не вдавался в подробности употребления этой лозы, возможно, его замечание об отсутствии вина в Индии — указание на параллель между функциями вина и бетеля в пищевой культуре средиземноморской Европы и Юго-Восточной Азии соответственно.

Конти зафиксировал анимистические представления монов, связанные со сбором камфоры. Других сведений религиозного характера конкретно о Пегу и Аве венецианец не приводил. Тем не менее, заслуживает внимания характеристика религиозной жизни всего региона Мацин в отчете. «Все они, — утверждал Конти, — поклоняются идолам, однако, встав с ложа, они обращаются к Востоку и, сложив руки, молятся: “Бог тройственный и закон Его, храни нас”» (Deus trinus

et lex ejus eadem, nos tuere) [Bracciolini, p. 133]. В это замечание заложена антитеза: с одной стороны, жители названы идолопоклонниками, с другой же, в тексте их молитвы, приведенном в травелоге, европейскому читателю легко было увидеть черты христианского догмата о Троице. Авторы последнего французского издания отчета Конти полагают, что в приведенной путешественником мантре, возможно, фигурировала индуистская триада Брахмы, Вишну и Шивы — Тримурти [Le voyage aux Indes, p. 148]. Но, поскольку речь шла именно о землях Мацина, а не «Центральной Индии», все же более вероятно, что христианскую Троицу путешественнику напомнила буддийская формула «трех сокровищ» (триратна): Будда, дхарма и сангха. Такая трактовка свидетельства Конти встречается в труде британского востоковеда и колониального деятеля сэра Генри Юла (1820–1889). Юл, участвовавший в дипломатической миссии в Аву в 1855 г., утверждал: «Нет сомнения, что он (Конти. — *Д. В.*) слышал о “трех драгоценностях”, триаде Будды, дхармы и сангхи» [Yule, p. 208]. Эта интерпретация выглядит вполне убедительной, однако требует разъяснения с точки зрения интеллектуального контекста средневекового Запада.

По мнению авторитетнейшего богослова XIII в. Фомы Аквинского, до пришествия Христа обычным людям для спасения необходима была лишь неясная (implicita) вера в Троицу и в Искупителя [Черняк, с. 265]. Фома утверждал: «Вполне вероятно, что таинство нашего искупления было открыто многим язычникам до пришествия Христа, как это явствует из сивиллиных пророчеств» [цит. по: Там же]. Это положение томизма было мало востребовано современниками Аквината, однако в эпоху гуманизма пристальное обращение к античному наследию придало особую важность размышлениям о спасении язычников. Преобразование в тексте Браччолини трех сокровищ буддизма в Троицу свидетельствует о стремлении венецианского путешественника и папского секретаря отыскать в верованиях язычников с рафинированной культурой идеи, хотя бы отдаленно напоминающие христианские. Так эти верования получали интеллектуальную легитимность при включении в гуманистический дискурс. Подобным же образом итальянские гуманисты XIV–XV вв. стремились примирить и совместить вновь постигаемое наследие греко-римской словесности с христианством. Поэтому Конти считал жителей Третьей Индии — Юго-Восточной Азии и Китая — равными по культуре, нравам и образу жизни европейцам и, в целом, им симпатизировал. Об индуистских и буддийских храмах Конти сообщал: «По всей Индии почитаются боги, которым строят храмы, очень напоминающие наши» [Bracciolini, p. 143]. Возможно, не последнюю роль в указаниях рассказчика на некоторое подобие религиозных практик Индии и Юго-Восточной Азии христианству сыграло искреннее желание венецианца оправдаться перед папой и вернуться в лоно церкви после многолетних странствий.

Несмотря на то, что Конти не проводил различий между индуизмом и буддизмом, считая и то, и другое идолопоклонством, его замечание о молитвенной формуле может быть рассмотрено, во-первых, как обозначение религиозной специфики Индокитая, а во-вторых, как стремление венецианца подчеркнуть сходство между реалиями Юго-Восточной Азии и христианского мира.

Рассказ генуэзского купца Иеронимо ди Санто Стефано, который «мало пользуется вниманием ученых» [Phillips, p. 44], о путешествии по Ближнему Востоку, Ирану, Индии и Юго-Восточной Азии сохранился в его письме партнеру Джованни Якопо Майнерио из сирийского Триполи от 1 сентября 1499 г. [Santo Stefano, p. 10]. Данные о Востоке, приведенные в послании генузца, оказались востребованы его современниками, в частности, португальцами, начавшими экспедиции в Индию. Впервые письмо ди Санто Стефано было напечатано уже в 1502 г. в Лиссабоне в сборнике вместе с переводами книги Марко Поло и отчета Никколо Венецианца (Конти) [Rogers, p. 188].

Как и Конти, генуэзец относил страны Юго-Восточной Азии к Индии, но в его отчете Индия делилась не на три, а на две большие области. Ди Санто Стефано сообщал, что город Пегу расположен в Нижней Индии [Santo Stefano, p. 6], которая противопоставлена Верхней Индии, т. е. Индостану. Генуэзец писал о Пегу: «Здесь живет великий государь, который имеет более десяти тысяч слонов и ежегодно получает приплод в пятьсот зверей» [Ibid.]. Как и его венецианский предшественник, ди Санто Стефано задействовал местные бестиарные образы могущества. Титулы государей механически становились средством географического описания их владений. Купец отметил, что целью путешествия, которое он совершал вместе с другим генуэзцем Иеронимо Адорно, была Ава, расположенная в пятнадцати днях пути от Пегу. В Аве генуэзцы собирались закупить рубины и другие драгоценные камни, которыми славилось это государство. «Однако, — сообщал ди Санто Стефано, — тогда между двумя принцами была война, и никому не было дозволено ехать из одного места в другое. Поэтому мы вынуждены были продать в означенном городе Пегу наши товары, которые были такого рода, что купить их мог только повелитель города. Он идолопоклонник, как и упомянутые ранее» [Ibid.]. Подобно Никколо Конти, ди Санто Стефано не проводил грани между индуизмом и буддизмом, но в его травелоге минимум сведений о стране включал вероисповедание правителя или населения, причем варианта было лишь два: мусульманин (мавр) или идолопоклонник.

Полную сумму за товары, оцененные генуэзцами в две тысячи дукатов, царь выплатил лишь через полтора года, и все это время купцы проживали у него во дворце. Бинья Ран II, царствовавший в Пегу, покровительствовал купцам и в 1505 г. радушно принял в своем дворце еще одного итальянца — авантюриста из Болоньи Лудовико да Вартема [Берзин, с. 129]. Последний восторженно писал о правителе: «Он так человечен и прост в общении, что даже ребенок может с ним беседовать, а носит он на себе больше рубинов, чем стоит громадный город, ими украшен каждый палец его ног» [Varthema, p. 219–220]. Генуэзцам же за десять лет до визита Вартемы условия жизни в доме монарха показались слишком суровыми. Ди Санто Стефано и Адорно страдали там то от холода, то от зноя [Santo Stefano, p. 6]. Здесь следует отметить, что, во-первых, климат был важным символическим элементом картины мира средневекового человека. К примеру, для Марко Поло главной положительной характеристикой климата того или иного места была умеренность: «Много всякого добра в городах и замках, и нет тут ни большой жары, ни большого холода; все в меру» [Книга Марко Поло,

с. 52]. Во-вторых, обилие крайностей — одна из устойчивых характеристик края ойкумены — Индии, в противоположность «умеренной» Европе.

Впрочем, не стоит целиком списывать недовольство генуэзца условиями при дворе на средневековые топосы негостеприимства. О том, что климат приморского государства Пегу холоднее, чем у соседей, не без удивления сообщал да Вартема [Varthema, p. 216]. Иеронимо Адорно тяжело заболел и «после пятидесяти пяти дней страданий, за время которых с ним не было ни врача, ни лекарств, отдал душу Господу нашему <...> двадцать седьмого декабря в день Святого Иоанна года 1496» [Santo Stefano, p. 6]. Ди Санто Стефано похоронил друга в «разрушенной церкви, в которую никто не ходил» [Ibid.]. Генуэзец сообщил, что в Каликуте насчитывалась тысяча христианских домов [Ibid., p. 5], но не оставил свидетельств о христианах в Пегу, кроме упомянутой заброшенной церкви. Между тем, да Вартема писал, что на службе у пегуанского царя состояло более тысячи христиан [Varthema, p. 217]. Вартема не указывал, к какой конфессии эти христиане принадлежали, но, видимо, речь шла об индийских несторианах, о которых Никколо Конти заметил, что они «рассеяны по всей Индии, как евреи среди нас» [Bracciolini, p. 129]. В более позднее время государства Мьянмы привлекали армянских купцов из Ирана и Индии, которым нередко удавалось занимать важные государственные посты на новом месте. Первые представители армянской общины появились на территории современной Мьянмы в XVII в., а самое раннее армянское надгробие в этих местах датировано 1725 г. [Козьма, с. 20]. Сведений о том, пытались ли Конти и ди Санто Стефано сделать карьеру при дворе монархов Юго-Восточной Азии, в отчетах не сохранилось.

Оставив Пегу, ди Санто Стефано отправился в Малакку, но из-за бури корабль остановился у берегов Суматры. Генуэзец сообщил о местном монархе: «Вождь — мавр, но говорит на ином языке» [Santo Stefano, p. 7]. Правитель, — вероятнее всего, султан Самудры-Пасея[2] на севере Суматры — приказал конфисковать товары ди Санто Стефано на основании того, что его компаньон Адорно умер, не оставив наследника. Но благодаря расположению местного кади, немного говорившего по-итальянски, генуэзцу удалось вернуть часть имущества [Ibid., p. 7–8].

Ди Санто Стефано, в отличие от Конти и Бальби, в своем повествовании не уделил внимания сексуальной культуре бирманцев и монов, однако упоминал полиандрию в Каликуте. «Любая дама, — писал путешественник, — может выйти за семь или восемь мужей сразу, в зависимости от меры своего влечения» [Ibid., p. 5]. Как и Конти, генуэзец объяснял практики полиандрии женской страстью.

Страх смерти на чужбине преследовал генуэзского купца, особенно после ухода из жизни его спутника в Пегу, но посреди невзгод он все же находил утешение в вере. «Можно видеть, что позднее Средневековье, — замечал Й. Хёйзинга, — не могло воспринимать смерть ни в каком ином аспекте, кроме как в аспекте бренности всего земного» [Хёйзинга, с. 234]. Письмо ди Санто Стефано пронизано ощущением всесилия судьбы. Образы судьбы в письме — бурное море

[2] Автор благодарит за консультацию доктора исторических наук, профессора Владимира Александровича Тюрина.

и руины храма. Правители Пегу и Пасея, перед которыми чужеземец бесправен, представлены олицетворениями безжалостного рока. Характерно, что такие образы непознанного, как народы-монстры или фантастические звери, у ди Санто Стефано уже не встречаются. Пегу для генуэзского путешественника — одновременно область богатств и опасностей, страна на краю мира и мир крайностей.

Ди Санто Стефано, в отличие от Конти, не смог добраться до Авы, главного центра «Нижней Индии», из-за очередной войны между бирманским и монским государствами. Ава и Пегу в обоих источниках предстали богатыми странами, стоящими на пути транзитной торговли по суше и морю. Венецианский и генуэзский путешественники приехали в столицу Пегу и покинули ее разными маршрутами. В религиозном плане оба автора считали жителей Авы и Пегу, как и индийцев, идолопоклонниками и разницы между буддизмом и индуизмом не отмечали. Никколо Конти, в отличие от генуэзца, подробно остановился на товарах Пегу. Напротив, о правителе Пегу сообщил только ди Санто Стефано. Очевидно, генуэзец застал монскую державу в период большего могущества, нежели во времена путешествия Конти.

Специфику Пегу на фоне других стран «Индий» оба купца показали в основном через характеристику животного и растительного миров, климатических условий. Из животных Индокитая слон более других заслужил внимание путешественников. Образные системы в отчетах венецианца и генуэзца, положенные в основу географических портретов Авы и Пегу, сконструированы из разных знаковых элементов. Главным товаром Авы в травелоге Конти были генитальные бубенчики — важный атрибут сексуальной культуры Мьянмы. Конти противопоставил континентальную Юго-Восточную Азию Нусантаре на матримониальном уровне. Если многоженство яванцев рассказчик объяснял необузданностью мужчин, то в рассказе об Аве мужчины предстают умереннее в плотском желании, чем их жены, и бирманцы, идущие, звеня о бедра бубенцами [Bracciolini, p. 132], выглядели скорее жертвами женского сластолюбия. Ди Санто Стефано указывал вероисповедание правителя каждой увиденной им страны. Конти же пытался отыскать в молитвах жителей Мацина идеи, роднящие их веру с христианством, а об исламе в Индии, Аракане и Нусантаре умолчал, что, по-видимому, связано с его желанием затушевать обстоятельства своего вынужденного отречения от христианства.

В целом, эти отчеты способствовали расширению ментальной карты европейцев, в которой образы Востока становились более осязаемыми и — во всех смыслах — более чувственными. Хотя некоторые из консервативных стереотипов Средневековья, как баснословные народы и чудища, отступали, другие же, вроде представления о дальней Индии как о крае несметных сокровищ и эротической экзотики, напротив, укрепились и обрели в Новое время новую жизнь.

Ат-Табари. История пророков и царей // Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М. ; Л., 1960. С. 96–105. [At-Tabari. Istorija prorokov i carej // Arabskie istochniki VII–X vekov po jetnografii i istorii Afriki juzhnee Sahary. M. ; L., 1960. S. 96–105.]

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5 : Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. [Bartol'd V. V. Sochinenija. T. 5 : Raboty po istorii i filologii tjurkskih i mongol'skih narodov. M., 1968.]

Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия в XIII–XVI веках. М., 1982. [Berzin Je. O. Jugo-Vostochnaja Azija v XIII–XVI vekah. M., 1982.]

Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро // Общество и государство в Китае. Т. 42, ч. 3. / редкол.: А. И. Кобзев и др. М., 2012. С. 78–88. [Volkov I. V. Svedenija o Kitae v sochinenii venecianca Iosafata Barbaro // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. T. 42, ch. 3. / redkol.: A. I. Kobzev i dr. M., 2012. S. 78–88.]

История Востока : в 6 т. Т. 2 : Восток в средние века / гл. редкол.: Р. Б. Рыбаков (предисл.) и др. ; отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 2002. [Istorija Vostoka : v 6 t. T. 2 : Vostok v srednie veka / gl. redkol.: R. B. Rybakov (predisl.) i dr. ; otv. red. L. B. Alaev, K. Z. Ashrafjan. M., 2002.]

Книга Марко Поло / предисл. В. В. Бартольда. М., 2012. [Kniga Marko Polo / predisl. V. V. Bartol'da. M., 2012.]

Козьма П. Н. Наш человек в Мьянме. М., 2014. [Koz'ma P. N. Nash chelovek v M'janme. M., 2014.]

Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. М., 2008. [Le Goff Zh., Trjuon N. Istorija tela v Srednie veka. M., 2008.]

Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. [Luchickaja S. I. Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov. SPb., 2001.]

Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987. [Mahabharata. Kniga tret'ja. Lesnaja (Aran'jakaparva) / per. s sanskr., predisl. i komment. Ja. V. Vasil'kova i S. L. Nevelevoj. M., 1987.]

Мельникова Е. А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. СПб., 1998. [Mel'nikova E. A. Obraz mira. Geograficheskie predstavlenija v Zapadnoj i Severnoj Evrope. V–XIV veka. SPb., 1998.]

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О. И. Смирновой, ред. проф. А. А. Семенова. М. ; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. [Rashid ad-Din. Sbornik letopisej / per. s pers. O. I. Smirnovoj, red. prof. A. A. Semenova. M. ; L., 1952. T. 1. Kn. 2.]

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. [Said Je. V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. SPb., 2006.]

Сказки народов Бирмы / пер. с бирман. ; сост. В. Б. Касевича и Ю. М. Осипова ; примеч. В. Б. Касевича ; предисл. Д. В. Деопика. М., 1976. [Skazki narodov Birmy / per. s birman. ; sost. V. B. Kasevicha i Ju. M. Osipova ; primech. V. B. Kasevicha ; predisl. D. V. Deopika. M., 1976.]

Тафур П. Странствия и путешествия // пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиела Санчеса. М., 2006. [Tafur P. Stranstvija i puteshestvija // per., predisl. i komment. L. K. Masiela Sanchesa. M., 2006.]

Торчинов Е. В. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1999. [Torchinov E. V. Daosizm: opyt istoriko-religioznogo opisanija. SPb., 1999.]

Хёйзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича. СПб., 2011. [Hjojzinga J. Osen' Srednevekov'ja / sost., predisl. i per. s niderl. D. V. Sil'vestrova ; komment., ukazateli D. Je. Haritonovicha. SPb., 2011.]

Черняк И. Х. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 262–267. [Chernjak I. H. Soteriologija Fomy Akvinskogo i renessansnye predstavlenija o spasenii pravednyh jazychnikov // Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni. Vyp. 5 / pod red. G. E. Lebedevoj. SPb., 2005. S. 262–267.]

Balbi G. Viaggio dell'Indie Orientali, di Gasparo Balbi, Gioielliero Venetiano. Venezia, 1590.

Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.

Breazeale K. Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. Vol. 2. № 2. 2004. P. 100–109.

Fox-Stuart M. Historical Dictionary of Laos. Lanham, 2008.

Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / ed. par A.-L. Amilhat-Szary. Paris, 2004.

Nocentelli C. Europe, Asia, and the Making of Early Modern Identity. Philadelphia, 2013.

Phillips K. M. Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia, 2014.

Pliny the Elder. Natural History / with an English transl. by H. Rackham. London, 1967. Vol. 3, Libri 8–11.

Quaritch Wales H. G. Siamese State Ceremonies: Their History and Function. Richmond, Surrey, 1992.

Rogers F. The Quest for Eastern Christians: Travels and Rumor in the Age of Discovery. Minneapolis, 1962.

Santo Stefano H. di. Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 1–10.

The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. 1 : From Early Times to c. 1800 / ed. by N. Tarling. Cambridge, 1992.

The Travels of Nicolò Conti in the East in the early part of the Fifteenth Century // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 1–39.

Varthema L. de. The Travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia, A. D. 1503 to 1508. L., 1863.

Yule H. A Narrative of the Mission Sent by the Governor-General of India to the Court of Ava in 1855, with Notices of the Country, Government, and People. L., 1858.

Статья поступила в редакцию 13.03.2015 г.

УДК 821.161.1-312.2 + 2-522 + 27-57

В. В. Абашев

«МЫСЛЯЩИЙ РЕАЛИСТ» В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ. ЗАПИСКИ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА О СИНАЕ И ПАЛЕСТИНЕ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга «Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года» пермского просветителя Дмитрия Смышлева анализируется в контексте русской паломнической литературы. Показано, что, вступая в диалог с традицией, писатель полемизирует с ее каноном. Своими заметками Смышляев предложил новую вариацию жанра в духе «эпохи реализма» 1860-х гг. Его повествование организуется противоречивым сочетанием двух дискурсов: ученого и собственно путеводительного. В травелоге Смышляева совмещаются как разнородные слои письма, так и разные пласты сознания: религиозного и критического сознания русского «мыслящего реалиста» 1860-х гг. с его рациональным десакрализирующим взглядом на окружающее, с его ориентацией на «дельность», — один из ключевых концептов эпохи 1860-х гг.

Ключевые слова: паломничество; травелог; русская культура 1860-х гг.; Д. Д. Смышляев; А. Н. Муравьев; А. С. Норов.

Путевые заметки пермского просветителя Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893) о путешествии по Ближнему Востоку заняли достойное место в русской палестиноведческой литературе XIX в. Недавно в числе немногих путешествий в Святую Землю того времени они были переизданы. Современный

© Абашев В. В., 2015

публикатор справедливо посчитал, что очерки Смышляева «сохранили свое значение и обаяние для людей, интересующихся судьбами Святой Земли и русского <...> паломничества» [Лисовой, с. 280]. На наш взгляд, у книги Смышлева «Синай и Палестина» есть и более широкий интерес. Это единственное произведение Смышляева, где он хотя бы отчасти раскрывается как личность со своей идеологией, ценностями и переживаниями. И опыт этой личности имеет не только исторический интерес, обращая нас к существенным проблемам отечественной ментальности.

Наше обращение к путевым заметкам Смышляева продиктовано также важной проблемой изучения региональной литературы. Она ставит нас перед необходимостью прочтения большого массива текстов со слабо выраженной авторской субъективностью. Между тем история культуры немыслима вне персонологического аспекта, и тогда одной из главных задач чтения становится поиск следов выражения лица в безличном, по видимости, письме.

Впервые в Египте и на Ближнем Востоке Смышляев побывал в конце 1864 — начале 1865 гг., проведя там более трех месяцев, с конца декабря до начала апреля. Его путевые заметки появились в 1867 г. в альманахе «Записки для чтения» [Смышляев, 1867]. Десятилетием позже, ободренный высокой оценкой его очерков в обзоре русской палестиноведческой литературы [Хитрово], Смышляев переиздал их отдельной книгой «Синай и Палестина. Из заметок 1865 года» (Пермь, 1877). В 1878 г. также отдельной книгой вышли новые главы путевых заметок, в которых описывалось пребывание Смышляева в Александрии и Каире, предшествовавшее паломничеству на Синай и в Палестину [Смышляев, 1878].

Как по занятому времени, так и по освоенному пространству ближневосточное путешествие Смышляева было обширным. Более трех месяцев он провел в пути, пройдя не одну сотню километров, где на лошади, где на верблюде, где поездом, где пароходом по морю. Опишем хронику и маршруты передвижений Смышляева, чтобы представить текст в целом. Следуя жанру, он строится по пути следования путешественника, и обозрение маршрутов дает представление о повествовании.

На Рождество, 25 декабря 1864 г., Смышляев прибыл морем из Мессины в Александрию. Несколько дней, осматривая город и окрестности, он пробыл здесь, а к новому году перебрался в Каир. В столице Египта он оставался более трех недель в поездках по городу и окрестностям, а также в хлопотах по подготовке путешествия на Синай и только 22 января выехал в Суэц. Днями ранее туда были отправлены верблюды с припасами. 24 января караван вышел из Суэца. Через неделю, 31 января, путешественник достиг цели. Неделю Смышляев провел в монастыре Св. Екатерины у подножия Синая и Хорива.

В обратный путь он отправился 6 февраля, и в середине месяца снова оказался в Каире. Что он там делал две с лишним недели, в записках не говорится. Повествование возобновляется с 6 марта, когда Смышляев высадился с корабля в Яффе: ныне это район Тель-Авива. Через день он был в Иерусалиме, где провел две недели, осматривая город и его ближние окрестности. Из Иерусалима он выезжал дважды. Сначала к югу, в Вифлеем и Хеврон, потом на восток к Иордану

и на побережье Мертвого моря. 20 марта Смышляев покинул Иерусалим и отправился на север в поездку по Самарии и Галилее. Он посетил Наблус и Назарет, осмотрел окрестности Тивериадского озера. 30 марта из Назарета Смышляев перебрался на побережье, в Хайфу, откуда 1 апреля отплыл в Бейрут. Путешествие продолжилось, но записок об этой его части Смышляев не оставил, ограничив повествование пространственными рамками жанра паломничества по Святой Земле.

Как разновидность травелога жанр «путешествия по святым местам» в отечественной традиции сложился в 1830-е гг. Его образцами стали описания путешествий в Святую Землю А. Н. Муравьева [Муравьев, 2006] и А. С. Норова [Норов]. В их путеводительной прозе «религиозное содержание духовной традиции и новые повествовательные средства, выработанные художественной литературой», органически объединились [Моклецова, с. 22]. Паломническая литература XIX в. не обойдена вниманием филологов [Моклецова; Александрова-Осокина; Гуминский]. Характеризуя жанр, в качестве его доминанты они выделяют интенсивное переживание путешественником сакральности пространства и, прежде всего, чувство личного прикосновения к святыне. Слово Священного писания резонирует с местом. «Памятны <...> сердцу такие слова, но они еще как будто ему ближе на самом месте, где были произнесены», — цитирует А. Н. Муравьев евангелиста Иоанна на месте воскрешения Лазаря [Муравьев, 1851, с. 95]. При этом палестинские травелоги в их классических образцах развивают художественный опыт, обретенный литературой пушкинской эпохи с ее выразительным топоэкфрасисом, вниманием к деталям и развитым языком переживаний.

Элементы родства с традиционным жанром паломничества у Смышляева сохраняются. Например, мотивация путешествия в Святую Землю. У Смышляева она близка описанию мотивов паломничества у А. С. Норова[1]. «Еще на школьной скамье, — пишет Д. Д. Смышляев, — увлекаясь чтением Священной истории, я давал себе мысленно обещание во что бы ни стало посетить места, бывшие колыбелью истинной религии <...> где воплотившееся Слово преподало человечеству учение любви и мира, братского единения и духовного совершенствования. Обстоятельства долго препятствовали осуществлению моего желания, но, наконец, сложились так, что, забыв все, связывавшее меня с миром материальным, я обратил мои взоры к Востоку — единственному источнику, из которого надеялся почерпнуть утешение и успокоение для моего больного духа...» [Смышляев, 2008, с. 58, 59][2].

Сравните с аналогичным фрагментом у А. С. Норова: «Пройдя половину пути жизни, я узнал, что значит быть больным душою. Волнуемый каким-то внутренним беспокойством, я искал душевного приюта, жаждал утешений, нигде их не находил и был в положении человека, потерявшего путь <...> Мысль о путешествии в Святую Землю давно таилась во мне <...> Утешение лобызать следы Спасителя Мира на самых тех местах, где Он совершил тайну

[1] «Лучшее и подробнейшее описание Святой земли в русской литературе», по мнению знатока палестиноведческой литературы В. Н. Хитрово [Хитрово, с. 47].

[2] Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

искупления человечества, — заставило меня превозмочь многие препятствия» [Норов, ч. 1, с. I].

Как видим, мотивация путешествия по святым местам почти формульная: желание увидеть Святую Землю было изначальным, обстоятельства жизни долго мешали его осуществить, наконец, стремление найти утешение «больной душе» победило.

Однако, сближения Смышляева с традицией оказываются все же точечными. Как в структурном, так и в аксиологическом отношении его «путевые заметки» являют некое промежуточное и неустойчивое жанровое образование. В них совмещаются как разнородные слои письма, так и разнородные пласты сознания: религиозного и базаровского сознания русского «мыслящего реалиста» 1860-х гг. с его рациональным и десакрализирующим взглядом на окружающее и ориентацией на д е л ь н о с т ь, — один из ключевых концептов эпохи [Паперно; Печерская].

Смышляев хорошо знал литературу путешествий по Ближнему Востоку. Как зарубежную, так и отечественную. Можно думать, что и манера письма в какой-то степени была результатом осознанного выбора Смышляева. В Каире некий паломник предложил ему послушать отрывок записок о посещении Синая. «Не желая огорчить его отказом, — рассказывает Смышляев, — мы приняли предложение. “Синайские вершины — начал странник, присвистывая искривленным ртом — на которых в громах и молниях Господь Бог дал закон Моисею”... и т. д.» [Смышляев, 1878, с. 67]. Этот эпизод демонстрирует то, по крайней мере, от чего Смышляев отталкивался в отечественной литературе палестинских путешествий. Перед нами пародия на некий канон паломнического рассказа, предполагающий религиозную экзальтацию, пафос и величественные или умилительные образы. Человек «эпохи реализма», Смышляев находил, видимо, такую манеру рассказа излишне выспренней и предпочитал письмо дельное, ориентированное на научный дискурс.

В записках Смышляева повествование организуется противоречивым сочетанием двух дискурсов: ученого и собственно путеводительного. Под вторым мы понимаем такой способ рассказа от первого лица, когда в одном потоке повествования объединяются моменты авторской рефлексии, проявлений его субъективности, описания окружающей местности, наблюдений. Объединяющим началом служит последовательное движение в пространстве, от места к месту. Разумеется, травелог может включать и элементы научных наблюдений, ссылок на ученые труды и их изложения. Но доминирующим принципом является все же движение в пространстве и окраска всех элементов повествования в тона авторской субъективности.

У Смышляева же мы встречаем относительное расслоение повествования, чередование пластов ученого и путеводительного повествований. Расслоение наглядно проявляется в такой композиционной особенности, когда раздваивается описание значимых мест. Так, дважды описывается храм Гроба Господня. В первый раз в режиме рассказа о непосредственных впечатлениях пути к храму и пребывания в нем, переживаний и мыслей сопутствующих этому важному

событию (с. 69–72). Далее описание храма предстает в виде объективированной и обширной культурно-исторической справки, подробного описания планировки и взаимного соположения разных частей храма и прилегающих объектов (с. 106–111).

Раздвоению повествования соответствует и относительное раздвоение авторских ипостасей: ученый-исследователь и путешественник-наблюдатель. Роль ученого-исследователя — одна из основных форм самопрезентации повествователя в записках Смышляева. Он предстает перед читателем с альбомом, где делает зарисовки ландшафта, исторических памятников, интерьеров (с. 21, 183, 195), собирает гербарий и коллекцию пресмыкающихся (с. 205), ведет дневник путешествия, тщательно оценивает размеры встреченных объектов, хронометрирует передвижение по маршруту.

Избранная повествователем роль ученого-путешественника обязывает его к объективизму, к критичности, и Смышляев строит повествование, следуя известным ему правилам ученого письма, ориентируясь на современную ему палестиноведческую литературу. Демонстрируя основательное знание современной западной литературы ближневосточных путешествий, трудов по библейской археологии и географии, Смышляев насытил повествование ссылками на палестиноведческие труды западных ученых барона И. Тейлора [Taylor], Э. Робинсона [Robinson], Ж. Сентина [Saintine], Ф. де Сольси [Saulsy, 1854a; 1854b; 1856], Э. Пиеротти [Pierotti] и мн. др. Это, кстати, одобрительно отметил В. Н. Хитрово [Хитрово, с. 83]. Из списка источников следует особо выделить «Biblical Researches in Palestine and in the Adjacent Regions» Эдварда Робинсона, признанного основоположника научного палестиноведения. Именно на его библейские исследования чаще всего ссылается Смышляев.

Каждый увиденный им объект Смышляев помещает в плотный контекст исторических сведений, а также в сетку высказанных об этом объекте мнений специалистов. Следуя стилю ученых записок, Смышляев вводит в повествование многочисленные цифровые данные, например, справку о распределении жителей Иерусалима по этноконфессиональным группам (с. 134) или таблицу химического состава вод Мертвого моря (с. 169). Особую склонность повествователь питает к точной локализации объектов и передвижений в пространстве. Он приводит географические координаты мест, указывает направление движения по компасу, оценивает расстояние в саженях или верстах, приводит размеры объектов и описывает их взаимное соположение

Роль ученого-путешественника (и соответствующий ей дискурс) отвечала не только утверждаемому за собой культурному статусу, но и личным склонностям Смышляева. Он исполнял ее с видимым удовольствием. Как характерна, например, его даже не увлеченность, а, скорее, страсть к точным подсчетам и измерениям. Она ярко проявляется в таком, например, пассаже: «От Суэца до Синая мы совершили переход, не считая остановок, в *шестьдесят шесть часов пятнадцать минут* (курсив мой. — *В. А.*). Принимая, что верблюд проходит средним числом четыре версты в час, выходит, что расстояние от Суэца до Синайского монастыря составляет приблизительно 265 верст» (с. 49). Так же

тщательно Смышляев хронометрировал свои маршруты: «Отправился к Фавору чрез эль-Лубиег (два часа пути); отсюда тропинка поворачивает на юг и, оставив Кефр-Кенну вправо, приводит чрез полчаса к возвышенности, с которой видна на юго-западе деревня Кефр-Сабт. Выехав отсюда на караванный путь (через три четверти часа) и спускаясь по наклонной местности, я достиг (через полтора часа) подошвы Фавора, близ деревушки Дабуриег» [Смышляев, 2008, с. 232]. Понятно, что такие подсчеты не имели не только какой-либо научной ценности, но в общем были лишены и бытового смысла. Тем более эти измерения не имеют ценности для читателя: они не столько проясняют картину, сколько запутывают. Стоит заметить, что в своей страсти к подсчетам Смышляев сближается в манере письма с Чернышевским [Паперно, с. 42].

Для автора подобные подсчеты, в сущности, самоценны как знаки, подтверждающие культурный статус ученого-путешественника. Ну, а функция такого рода т о ч н о с т и в записках Смышляева другая — преимущественно дискурсивная. Пространственные и временные измерения поддерживают движение ученого текста. В этом и состоит их назначение.

В какой-то мере можно говорить о том, что ученое письмо в записках Смышляева имеет имитационный характер. Иначе говоря, автор путевых записок старательно выдерживает маркеры научности изложения, не имея в виду его научной, т. е. содержательной результативности.

Характерный пример такой имитационной научности — ботанические и культурно-исторические комментарии по поводу одного из заинтересовавших Смышляева кустарников. «Здесь встречаются весьма интересные растения; таковы: *заккум* (Elaeagnus angustifolius, Linn.) — род сливы, из косточек которой добывался галаадский бальзам, упоминаемый в Библии (Быт. 37, 25; Иер. 8, 22) (см.: Розенмюллер, Эдман). <...>. Ветви его покрыты мелкими, весьма острыми иглами, заворачивающимися крючком. <...> Листья заккума — средней величины, овальны и вообще напоминают листья лавровишневого дерева. Полагают, что венец Спасителя был сплетен из ветвей заккума» [Смышляев, 2008, с. 163].

Приведенное описание обладает очевидными приметами научного текста. Смышляев приводит латинское определение растения по Линнею, ссылается на фундаментальный комментарий к Ветхому Завету немецкого ученого-ориенталиста Э. Ф. К. Розенмюллера (1768–1835). Но стоит хотя бы бегло проверить точность описания, сразу обнаружатся двусмысленные противоречия. Если положиться на линнеевскую классификацию, то речь идет никак не о «роде сливы», а о дикой маслине или лохе серебристом — колючем кустарнике, широко распространенном на Ближнем Востоке. Описание кустарника (плоды, листья), кажется, соответствует данной квалификации. Однако есть и несовпадающие черты. Колючки, «заворачивающиеся крючком», имеет другое растение — держи-дерево (Paliurus spina-christi). Его латинское название говорит само за себя: традиционно считается, что именно из ветвей держи-дерева был сплетен венок Христа. Вызывает вопросы приведенное местное название кустарника. Дело в том, что *zakkum* по-турецки это олеандр (Nerium Oleander). А в Коране *zakkum* — мифологическое дерево, растущее в аду.

Иными словами, мы имеем дело, в сущности, с любительской имитацией ученого дискурса. Ценность — и цель — подобного ботанико-исторического комментария дискурсивная. Как ретроспективно оценивал свои занятия научной философией Пастернак, его увлекала не столько наука, сколько эстетика научного письма: «Несмотря на то, что работа моя осуществлялась с помощью логики <...> больше всего я любил ее за то, что по мере писанья она обрастала все сгущавшимся убором книжных цитат и сопоставлений» [Пастернак, с. 182, 183]. Это суждение без натяжек можно отнести к ученому повествованию в путевых заметках Смышляева.

Но как уже говорилось, путевые заметки Смышляева не исчерпываются ученым письмом. Они строятся на сочетании двух дискурсов — ученого и путеводительного. Если «ученая» часть повествования носит в какой-то мере имитационный характер, то значительно больший интерес представляют живые наблюдения Смышляева о жизни современной ему Палестины, а также его суждения, все проявления авторской субъективности, в которых автор обнаружил свой внутренний мир и систему взглядов.

В письме к Смышляеву Иван Аксаков отметил, что его заметкам свойственна «сдержанность в выражении впечатлений», но она «только усиливает внимание и возвышает достоинство» [Солодовникова, с. 169]. Замечание об усилии внимания важно, оно касается стратегии чтения. Задача чтения путевых очерков Смышляева в избранном нами аспекте в том и состоит, чтобы за ученостью, за сдержанностью в выражении впечатлений различить живое лицо, личные проблемы, предрассудки, увлечения, симпатии и антипатии. Попытаться выявить тот общественно-исторический, национальный и национально-географический тип субъективности, который представляют нам смышляевские путевые заметки.

Прежде всего, они достаточно ясно обрисовывают общественные установки Смышляева. Его сознание колониальное. В смышляевских описаниях быта Палестины, в отличие от сочинения А. С. Норова или А. Н. Муравьева, нет ни грана ориентальной романтики. Арабский Восток у него — невежественный, ленивый, кишащий толпами и — прежде всего — *грязный*.

Это доминирующая у Смышляева характеристика Востока — *грязный*, *неряшливый*. Все европейское, напротив, — *чистое* и *опрятное*. В этом смысле вид Суэца, который «представляет, за исключением нескольких европейских зданий, отвратительно грязную груду развалин» (с. 10), — скорее архетипический, чем реальный пейзаж. Поэтому не выглядит неожиданным, как Смышляев описывает пресловутую восточную экзотику — арабский танец: «Штук двадцать весьма грязных образчиков местной человеческой породы явились у нас на дворе и <...> начали бесноваться» (с. 167). Даже романтический символ восточных путешествий — верблюд — вызвал стойкую антипатию путешественника. «Говоря об арабах, — замечает Смышляев, — нельзя умолчать и о верблюдах. <...> Это самое несносное животное: неприятный рев его, отвратительная вонючая отрыжка, наклонность кусаться и подчас непреодолимое упрямство могут вывести хоть кого из терпения» (с. 49).

Везде на Востоке Смышляев видит только грязь, мусор, дикость нравов, распад и разрушение древностей, навязчивое попрошайничество и всепроникающую

коррупцию — «бахчиш», без которого не решается ни один вопрос. Конечно, это свидетельствует столько же об объективной картине Палестины 1860-х гг., сколько об избирательности взгляда автора, его специфической оптике. В ней проявляется характерная для эпохи «реализма» 1860-х гг. критическая избыточность и скептицизм взгляда на действительность с характерными иронией и сатирическим заострением наблюдений.

Контрастным на фоне Смышляева выглядят реакции на *другое* и *другого* у А. С. Норова. Там, где пермский шестидесятник находит грязь и дикость нравов, современник Пушкина видит эстетически яркую дикость первобытности: «Кочевье теперешних арабских пастухов по горным лощинам Вефиля переносило меня в первобытный Библейский мир. Читая Библию на Востоке, нельзя не узнать подлинника в природе и людях, вас окружающих; даже обычаи и нравы остались здесь те же, как были» [Норов, ч. 2, с. 14].

Различие в оптике взгляда сказывается во всей системе наблюдений путешественников. Если на вкус Смышляева, «бедуины поют одну и ту же песню, однообразную как пустыня и надоедающую a la longue донельзя» (с. 47), то А. С. Норов, с любопытством вслушиваясь, обнаруживает в песнях бедуинов сходство с тирольскими напевами и находит тому объяснение: «и те и другие скликаются в своих песнях; одни в горах, другие в пустыне» [Норов, ч. 1, с. 38]. Закономерно, что и верблюды у Норова оказываются не «несносными», а, напротив, «добрыми огромными животными», которых путешественник благодарит, прощаясь с караваном в Газе [Там же, ч. 1, с. 54].

Заметно, что в Палестине Смышляев чувствует себя скорее европейцем, чем православным русским. Его взгляд с неизменной отрадой и симпатией отмечает чистые и опрятные здания католических и протестантских духовных миссий, с удовольствием выделяет в толпе «красивого брюнета англичанина <...> с красным гидом под мышкой» (с. 71). Ему близка позиция протестантов. В отличие от других конфессий, они «держат себя в стороне от <...> препирательств о правах на владение какими-либо святынями, неутомимо преследуя цель просвещения человечества учением Христовым» (с. 136). Он восхищен просветительской работой Лондонского библейского общества. И в компании путешествующих англичан или немцев Смышляев чувствует себя более комфортно, предпочитая избегать попутчиков-соотечественников.

И это тоже осознанная позиция. Вот знаменательный эпизод его заметок — описание Русских Построек в Иерусалиме — комплекса зданий, построенных Россией в начале 1860-х гг. для паломников. «Русские, — пишет Смышляев, — не пощадили издержек на этот великолепный приют. <...> Постройки делают честь архитекторам, под наблюдением которых они возведены» (с. 137). Везде здесь царит чистота и порядок. Все хорошо, если бы не странники из России: «благодаря неопрятности странников» помещение странноприимного корпуса «довольно грязновато» (с. 140).

Далее следует та же конструкция перехода от предмета к предмету, что уже встречалась при описании арабов и их верблюдов. «Говоря о приюте для русских

поклонников в Иерусалиме, — начинает Смышляев, — нельзя умолчать и о самых поклонниках. Смиренный прошатай милостыни, <...> русский странник за границами России совершенно перерождается. Он становится груб и неприступен; слова молитвы <...> сменяются бранью и наглыми выходками. <...> Взаимные ссоры и препирательства не прекращаются в этой толпе, которая валит к Святому Граду, возбуждая к себе общее отвращение своей грубостью, неизобразимой нечистоплотностью и озорничеством» (с. 140–141). «Вот верное изображение большинства русских поклонников на Востоке, — настаивает Смышляев. — Да не сочтут его клеветою» (с. 142). Действительно, изображение русского странника настолько расходится с культурным стереотипом, что даже современный комментатор Смышляева счел необходимым опровергнуть его суждение как «заведомо преувеличенное» [Лисовой, с. 248].

Но, дело, конечно, не только в том, соответствует ли образ русского странника у Смышляева действительности, нам важнее, как видит Смышляев русского странника и почему видит его именно так. В рисуемом Смышляевым контрасте европейских цивилизаторских усилий русского правительства, создавшего в виде Русских Построек в Иерусалиме ч и с т у ю оправу для русского паломничества в Святую Землю, и н е ч и с т о й толпы этих самых паломников узнаваем стереотип русского же европеизма. И в Смышляеве мы встречаем исторический тип или разновидность типа русского европейца, хорошо известного по литературной типологии XIX в., но не потерявшего и сегодня своей актуальности.

Идем далее. Помимо черт для характеристики общественных позиций Смышляева, его палестинские заметки представляют интересный материал и для характеристики его личности с точки зрения психологической.

Возвращаясь к замечанию Аксакова, напомним, что он подчеркнул сдержанность Смышляева в выражении впечатлений. Если в выражении общественных позиций Смышляев резко определенен, то замечание Аксакова более чем верно, если говорить о сфере личных переживаний автора.

В путевых заметках есть любопытный эпизод. К Иерусалиму Смышляев направляется в обществе английского пастора, который, как выяснилось, «недавно лишился жены» и «ехал в Иерусалим искать утешения в своей потере». Но о спутнике Смышляев отзывается, мягко говоря, не сочувственно. Ему кажется, что горе повлияло на «умственные способности» пастора. Тот «мало говорил, отвечал невпопад и большей частью пел псалмы» (с. 56). Этому эпизоду легко не придать значения, если не знать, что путешествие Смышляева на Восток имело ту же, что у пастора, драматическую личную подоплеку: в октябре 1864 г. он потерял жену. Это и стало толчком для поездки к «единственному источнику, из которого надеялся почерпнуть утешение и успокоение для моего больного духа...» (с. 59).

Так что в скорее неприязненно ироническом, чем сочувственном взгляде Смышляева на товарища по несчастью можно предположить скрытый автокомментарий. Кажется, русский путешественник чувствует себя более «англичанином», чем англичанин природный: он считает недостойным обнажать свои чувства. Его стоицизм в личном несчастии — это позиция. И этой позиции

соответствует стратегия смышляевского путевого текста — молчать об интимном, лишь указывая на него.

Красноречивый пример такой стратегии — описание первого посещения храма Гроба Господня. Поклонение Гробу Господню вызвало у Смышляева глубокие переживания. Но он не говорит о них ни слова прямо. Лишь обозначив степень волнения и глубину, он оставляет их содержание в зоне молчания. Отказываясь в храме от навязчивых услуг гида, путешественник замечает, что «не хотел пока развлекаться подробностями, не хотел, говоря прямее, дать остыть внезапному, необъяснимому ощущению, родившемуся во мне при мысли о близости святыни». Он долго выжидает момент, когда в пещере Гроба никого не остается: «На мое счастье, я очутился один...». Многоточием после этой фразы Смышляев прерывает описание. Мы не узнаем, что произошло с путешественником у Гроба Господня, но текст дает понять, что произошло нечто значительное, что овладело им целиком: «Легко и бодро вышел я из часовни; обошел наскоро весь храм, не обращая ни на что особенного внимания <...> В голове у меня было вовсе не то... Долго я бродил по всему Иерусалиму, так же машинально...» (с. 72).

Первое посещение храма Гроба Господня едва ли не единственный случай в тексте, когда Смышляев избегает ученого описания святыни: не приводит исторических справок, не описывает архитектуру, не ссылается на авторитеты. И, надо сказать, от этого описание храма в художественном отношении только выигрывает: беглое перечисление выхваченных блуждающим взглядом деталей интерьера и обстановки лишь усиливает экфрастический эффект.

В другом месте повествования мы находим развернутое «ученое» описание храма (с. 104–109) с подробными сведениями исторического и архитектурно-планировочного характера, ссылками на источники. Взгляд повествователя здесь подчеркнуто объективированный и как бы отчужденный, лишенный какого-либо оттенка благоговейного волнения. Сопоставление двух описаний храма обнаруживает внутренний нерв путевых записок. Пользуясь эмблематическим языком, его можно было бы обозначить как конфликт рассудка и сердца, ученой дотошности и сердечного воображения, позитивистской учености и мистического чувства, которого, как оказывается, совсем не лишен автор. Безусловно, в повествовании Смышляева господствует рассудок. Тем ценнее своей неожиданностью отступления, обнаруживающие более глубокие уровни авторского сознания.

Конфликт этих двух начал — ума и сердца — обнажен в тексте. «Несмотря на самые тщательные изыскания ученых, — завершает описание Иерусалима Смышляев, — топография» древнего города «представляется еще в <...> неопределенных чертах. <...> Тем не менее, самая таинственность, которой облечены следы минувшей жизни Иерусалима, влечет к себе силой неодолимой. <...> Для верующего нет необходимости в точных научных определениях: для него уже самый воздух Палестины дышит священными воспоминаниями» (с. 133).

Текст заметок Смышляева как бы колеблется между этими векторами: позитивистская ученость и сердечное воображение. Наиболее явно раздвоение текста проявляется в эпизоде восхождения на Синай. Оно вызвало сильные

религиозные переживания. Но, как и в случае с посещением храма Гроба Господня, Смышляев и здесь избегает прямого выражения переживаний. Он замещает их напряженным и взволнованным изложением рассказа пророка Илии о встрече на Синае с Богом, пришедшим не в буре, сокрушавшей скалы, не в грохоте землетрясения, а в тихом дуновении ветра. Библейский текст замещает рассказ о собственном опыте. Вскоре следует выразительное описание бури, настигшей паломников у подножия Синая: «Буря ревела как на море; к свисту ветра присоединялся страшный раскатистый грохот, как бы раздававшийся изнутри гор. Этот грохот порою покрывался необыкновенным отрывистым стуком, подобным тому, как будто громадные массы скал, сорвавшись с места, в несколько скачков раздроблялись в падении. <...> Мне теперь понятен рассказ пророка Илии о том, как "ужасный ветер сокрушал горы и разбивал скалы", когда пред ним прошел Господь. Это было на Синае» (с. 38).

Но далее, переключая план повествования, Смышляев обнажает рациональную подоплеку звуковых феноменов: «По мнению ученых, — продолжает он, — синайская вершина заключает в себе <...> пустоты, имеющие сообщение с внешним воздухом, и этим обстоятельством объясняют <...> необыкновенный грохот во время бурь» (с. 39). Завершая же описание поездки, Смышляев неожиданно ставит под сомнение самый факт своего пребывания на горе откровения: «Заключу <...> мнением серьезных исследователей библейской древности, предполагающих, что настоящий Синай не есть та гора, которая означается в Библии под этим названием» (с. 49).

Так, между двумя полюсами: познавательным, позитивистским, и мистическим, эстетическим, — колеблется повествование путевых очерков Смышляева, отражая двойственность его собственного сознания. У Смышляева, безусловно, была религиозно-мистическая склонность, восходящая к глубоким семейным традициям, но в публичном выражении он избегал ее проявлять. Повествование он подчинял нормам и принципам продиктованного эпохой реализма ученого, или д е л ь н о г о, письма, которые, на его взгляд, имели общественное значение.

Тем ценнее в путевых записках Смышляева проявления авторской субъективности, обнаруживающие иные грани его сознания и личности. Описания религиозных состояний Смышляева (за редким исключением, вроде переживаний на Синае) не индивидуализированы. В общем они подчинены морально-религиозному дискурсу, в котором исчезает индивидуальность автора. Более интересны случаи сильных эмоциональных реакций, когда автор сталкивается с чем-то для него настолько жизненно важным, что требует выражения в рассказе.

Среди таких спонтанных реакций, нашедших выражение в записках Смышляева, преобладает отвращение, вызванное острым переживанием опасной близости нечистоты и болезни. Подлинный пароксизм отвращения встречается в записках дважды.

Один из пассажей вызван воспоминанием Смышляева о том, как пришлось выпить нечистой воды. «Измученный жаждой» путешественник в арабской деревушке спустился к ручью, «но невольно остановился, увидев женщину,

мывшую в водоеме свои грязные ноги, а вблизи — какого-то правоверного, вылезавшего из него после только что совершенного в нем омовения». В поисках чистой воды он решил зайти выше по течению, «но и там <...> барахтался голый мусульманин». Однако жажда была нестерпима, и пришлось напиться, чем было: «Не могу вспомнить без отвращения, что я вынужден был утолить жажду этой гадкой жидкостью» (с. 204). В этом фрагменте весьма выразительно передана телесная, почти до содрогания, природа отвращения к нечистому телу *другого*.

Еще более остро отвращение проявилось в описании прокаженных, встреченных в Иерусалиме на пути к храму Гроба Господня. «С ужасом, — рассказывает Смышляев, — увидел я их изъеденные болезнью сине-багровые лица, местами как бы покрытые мукою, и руки с искривленными паршивыми пальцами <...> Покрытые грязными обрывками одежды, несчастные отвратительно сиплым шепотом умоляли о помощи... Я чувствовал какой-то невольный страх возможности прикосновения к ним и бросил им издали несколько медных монет...» (с. 70). В этом описании примечательно обострение художественной оптики. Письмо Смышляева становится значительно более точным, вещественно детализированным, чем в преобладающей части текста.

Важно здесь и другое — переживание ужаса даже перед возможностью прикосновения. Можно думать, что обнаруженное Смышляевым ощущение отвращения питаемого ужасом в ситуации опасной близости н е ч и с т о г о имеет не только психологически обыденный и, скажем, естественный характер. Оно более основательно фундировано и имеет как социально-исторические, так и глубокие религиозные проекции.

Религиозная подоплека отвращения автора к нечистому косвенно приоткрывается, на наш взгляд, в описании его пребывания на Мертвом море. Это библейское место вызывало особенный интерес Смышляева как вещественное и зримое свидетельство Божьего гнева — воды Мертвого моря изначально нечистые[3]. Тем не менее, оказавшись на берегу и повинуясь логике естествоиспытателя, ставящего научный опыт — «чтобы испытать на себе действие воды» (с. 168) — автор искупался. Купание обернулось «жестокими накожными нарывами», от которых потом трудно было избавиться.

Прикосновение к нечистому оказалось травмирующим. Своих переживаний по этому поводу Смышляев не сообщает прямо. Как и в случае на Синае, он передоверяет их чужому слову. Метафизически нечистую природу Мертвого моря Смышляев открывает, приводя обширные выдержки из книги американского военного моряка и исследователя Уильяма Френсиса Линча [Lynch]. Эмоционально и содержательно Смышляев как бы присваивает чужой текст, превращая его в выражение собственных переживаний.

Этой цели послужил фрагмент, где американский исследователь описал нечто вроде откровения, когда он бодрствовал среди впавших в болезненное оцепенение спутников. «Страх овладел мною, — рассказывает Линч, — как это было с Иовом,

[3] Позднее Смышляев опубликует компилятивную брошюру, посвященную гибели библейских городов [см.: Смышляев, 1881].

когда пред лицом его прошел дух, и моему воображению представлялось нечто ужасное в разгоревшихся и вздутых лицах моих спутников; казалось, страшный ангел смерти носился над ними <...> Одни спали, согнувшись, глубоким сном, и руки их, лишенные по кисть кожи от вредного действия воды, безжизненно висели на покинутых веслах; другие, закинув голову назад, с растрескавшимися в кровь губами, с ярким румянцем на щеках казались, даже и во сне, страдающими от жара и истощения, тогда как иные, на лицах которых играли отражающиеся от воды лучи, походили на призраков» (с. 171, 172)[4]. «Infernal lake», — таким открылось капитану Линчу Мертвое море. А себя он почувствовал на мгновение Хароном, перевозящим не души, а тела проклятых [Lynch, p. 338]. И Смышляеву, очевидно, было не чуждо мистическое ощущение демонической природы нечистого, которое и лежало в глубине его эмоциональных реакций на вещественные проявления нечистоты.

Конечно, проявления такого сильного чувства, как отвращение, в записках Смышляева единичны. И если характеризовать спектр эмоциональных проявлений автора в целом, то Смышляев, как подобает «мыслящему реалисту», явно «обнаруживает упорную антипатию ко всякому порывистому энтузиазму» [Писарев, с. 65]. Его взгляд на окружающее в преобладающей тональности трезво скептический, нередко раздраженный.

Лишь однажды в текст прорывается переживание глубокой радости и наслаждения. Мгновение, когда автор почувствовал телесную и эмоциональную гармонию и огляделся вокруг, наслаждаясь игрой красок и форм, с «радостным любопытством ребенка» [Смышляев, 1877, с. 36], настигло его в саду отеля del Giardino в Каире за утренним кофе:

> Черный, как уголь, негр, в <...> оливковых шароварах, схваченных под коленком, в албанской куртке, подпоясанный кушаком, на котором болталась серебряная цепочка от часов, в красном фесе, обмотанном полосатым золотисто-коричневым платком <...> поставил на указанное мною под навесом место железный садовый столик парижской работы <...>. Затем он принес кофейник, чашку, хлеб и козье молоко. Густое, слегка синеватое, издающее медовый аромат, молоко египетских коз необыкновенно вкусно. К кофе присоединена была предлинная трубка, набитая превосходным арабским табаком. <...> Не могу передать того наслаждения, с которым я вдыхал утренний, слегка влажный, ароматный воздух Каира, редко встречаемый в других странах. Грудь е в р о п е й ц а (разрядка наша. — *В. А.*) дышит здесь вольнее <...> Пред глазами ярко обрисовываются краски и формы окружающих предметов [Смышляев, 1877, с. 34].

Бросается в глаза, что в этом описании неожиданно появляется в целом несвойственный запискам Смышляева насыщенный и яркий колоризм. Словно у автора вдруг действительно открылись глаза, и «обрисовались краски и формы окружающих предметов». В сущности, этот взлет переживаний, ощущение полноты самоощущения связаны с моментом достижения желаемой идентичности.

[4] Цитируем перевод Д. Д. Смышляева, ср.: [Lynch, p. 337–338].

Окружающая обстановка совпала с самопредставлением. Ученый-путешественник, готовящийся к трудной, но важной исследовательской миссии, отдается минутам заслуженного отдыха, пользуясь комфортом цивилизации, и «грудь е в р о п е й ц а дышит <...> вольнее».

Заметки Смышляева о его палестинском путешествии не лишены литературных достоинств, хотя значительно уступают сочинениям предшественников в художественном отношении. Однако культурно-историческая ценность этого произведения как человеческого документа велика. Путевые заметки Смышляева запечатлели сложный внутренний мир одного из крупнейших культурных деятелей российской провинции XIX в. Смышляев вывернул из колеи купеческого сословия и вполне разделил стремления и ценности 1860-х гг. — «эпохи реализма»[5]. Но глубокая укорененность в традиции религиозно-духовного воспитания не была стерта в сознании читателя «Современника». С годами она проявлялась все более полно. Рассказ о путешествии в Святую Землю обнаружил и проявил противоречивое сочетание этих начал сознания.

Александрова-Осокина О. Н. Художественная картина мира в паломнической прозе 1800–1860-х гг.: священное пространство, история, человек : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. [Aleksandrova-Osokina O. N. Hudozhestvennaja kartina mira v palomnicheskoj proze 1800–1860-h gg.: svjashhennoe prostranstvo, istorija, chelovek : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2014.]

Гуминский В. М. Норов на Святой Земле [Электронный ресурс]. URL: http://palomnic.org/xm/history/puteshestvie_1835/guminski/ (дата обращения: 05.03.2015). [Guminskij V. M. Norov na Svjatoj Zemle [Electronic resource]. URL: http://palomnic.org/xm/history/puteshestvie_1835/guminski/ (mode of access: 05.03.2015).]

Лисовой Н. Н. Д. Д. Смышляев: от Перми до Иерусалима // Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 251–284. [Lisovoj N. N. D. D. Smyshljaev: ot Permi do Ierusalima // Smyshljaev D. D. Sinaj i Palestina. Iz putevyh zametok 1865 goda. M., 2008. S. 251–284.]

Моклецова И. А. Русское православное паломничество: На примере произведений А. Н. Муравьева : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2002. [Moklecova I. A. Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo: Na primere proizvedenij A. N. Murav'eva : avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. M., 2002.]

Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849–1850 годах. Ч. 2. СПб., 1851. [Murav'ev A. N. Pis'ma s Vostoka v 1849–1850 godah. Ch. 2. SPb., 1851.]

Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. М., 2006. [Murav'ev A. N. Puteshestvie ko Svjatym mestam v 1830 godu. M., 2006.]

Норов А. С. Путешествие по Святой земле в 1835 году : в 2 ч. СПб., 1838. [Norov A. S. Puteshestvie po Svjatoj zemle v 1835 godu : v 2 ch. SPb., 1838.]

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. [Paperno I. Semiotika povedenija: Nikolaj Chernyshevskij — chelovek jepohi realizma. M., 1996.]

Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. : в 11 т. М., 2004. Т. 3. С. 148–238. [Pasternak B. L. Ohrannaja gramota // Pasternak B. L. Poln. sobr. soch. : v 11 t. M., 2004. T. 3. S. 148–238.]

Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999. [Pecherskaja T. I. Raznochincy shestidesjatyh godov XIX veka: fenomen samosoznanija v aspekte filologicheskoj germenevtiki. Novosibirsk, 1999.]

[5] «Разночинцами не рождались — ими становились по факту образования и характеру избранной деятельности» [Печерская, с. 28].

Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Сочинения. Т. 3 : Статьи 1864–1865 гг. М., 1956. С. 7–138. [Pisarev D. I. Realisty // Pisarev D. I. Sochinenija. T. 3 : Stat'i 1864–1865 gg. M., 1956. S. 7–138.]

Смышляев Д. Д. Палестина: из путевых записок Пермяка // Записки для чтения. 1867. № 2–3. С. 95–212. [Smyshljaev D. D. Palestina: iz putevyh zapisok Permjaka // Zapiski dlja chtenija. 1867. № 2–3. S. 95–212.]

Смышляев Д. Д. На пути к Синаю. Две главы из путевых заметок 1865 г. Пермь, 1878. [Smyshljaev D. D. Na puti k Sinaju. Dve glavy iz putevyh zametok 1865 g. Perm', 1878.]

Смышляев Д. Д. Мертвое море и нечестивый Пентаполь по новейшим исследованиям. Пермь, 1881. [Smyshljaev D. D. Mertvoe more i nechestivyj Pentapol' po novejshim issledovanijam. Perm', 1881.]

Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. [Smyshljaev D. D. Sinaj i Palestina. Iz putevyh zametok 1865 goda. M., 2008.]

Солодовникова Н. П. Дмитрий Дмитриевич Смышляев. Опыт биографического очерка // Смышляевский сборник. Исследования и материалы по культуре Перми. Вып. 4. Пермь, 2012. С. 157–199. [Solodovnikova N. P. Dmitrij Dmitrievich Smyshljaev. Opyt biograficheskogo ocherka // Smyshljaevskij sbornik. Issledovanija i materialy po kul'ture Permi. Vyp. 4. Perm', 2012. S. 157–199.]

Хитрово В. Н. Палестина и Синай. Ч. 1. Вып. 1-й. Библиографический указатель русских книг и статей о Святых местах Востока преимущественно палестинских и синайских. СПб., 1876. [Hitrovo V. N. Palestina i Sinaj. Ch. 1. Vyp. 1-j. Bibliograficheskij ukazatel' russkih knig i statej o Svjatyh mestah Vostoka preimushhestvenno palestinskih i sinajskih. SPb., 1876.]

Lynch W. F. Narrative of the United States' Expedition to the River Jordan and the Dead Sea. 8th ed., revised. Philadelphia, 1852.

Pierotti E. Jerusalem Explored being a Description of the Ancient and Modern City. In 2 vols. London, 1864.

Robinson E. Biblical Researches in Palestine and in the Adjacent Regions. A Journal of Travels in the Year 1838. In 2 vols. Boston, 1856.

Saintine P. G. Trois ans en Judee. Paris, 1860.

Saulsy F. Narrative of a Jorney Round the Dead Sea and in the Bible Lands in 1850 and 1851. In 2 vols. London, 1854a.

Saulsy F. Voyage en Terre Sainte. In 2 vols. Paris, 1854b.

Saulsy F. Les Derniers Jours de Jerusalem. Paris, 1866.

Taylor (le baron) R. L. La Syrie, la Egypte, la Palestine et la Judee, consierees sous leur aspect historique, arheologiques, descriptif et pittoresque. Paris, 1838.

Статья поступила в редакцию 05.03.2015 г.

УДК 821.161.1 Гумилев-14 + 7.036

Е. Ю. Куликова

«ВОСТОК И НЕЖНЫЙ И БЛЕСТЯЩИЙ...»: *ПАНТУНЫ* И *ПАВЛИНЫ* НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Цель статьи — рассмотреть, как в пантуне Гумилева «Гончарова и Ларионов» отражены восточные мотивы. Авангардистские открытия художников оказались вписанными в строгую форму малайского жанра. В статье использованы методы имманентного и интертекстуального анализа текста, задан выход в интермедиальное пространство через сопоставление с произведениями изобразительного искусства. К результатам работы можно отнести изучение одной из твердых форм поэзии Серебряного века: жанр пантуна, ориентированный на национальную восточную поэзию и на средневековую лирику, в сочетании с ориентальными мотивами оказывается частью нового способа выражения. Гумилев облекает восточную тематику в «восточную форму».

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; пантун; Гумилев; Гончарова; Ларионов; Восток; авангард.

В 1911 г. в седьмом номере журнала «Аполлон» была опубликована статья М. Волошина «Клодель в Китае», где поэт осмыслял понятие экзотизма: «экзотизм в романтическом искусстве был голодом по пряностям. Художник, пресыщенный отслоениями красоты в музеях и бытом отстоявшейся культуры, искал новых вкусовых ощущений — более терпких, более — острых. Экзотика чаще служила художнику ядом сознания, возбудителем чувствительности, чем здоровой пищей духа. Эта экзотика девятнадцатого века явилась перенесением в область мечты и слова той страсти к географическим приключениям, которыми ознаменованы первые века новой истории. Когда иссякли века путешествий и открытий, тогда все, что было деянием, стало только мечтой, претворилось в литературу» [Волошин, с. 43]. А. Рембо отправляется в Африку, К. Бальмонт пишет «Индийские травы», Н. Гумилев собирает «Абиссинские песни» после африканских путешествий и сочиняет свои мистификации под тем же названием (1911), «в “Скифах” Блока прочитывается опыт культурной авто-экзотизации или даже авто-варваризации» [Геллер, с. 20]. И в музыке, и в живописи отражено стремление к экзотическому: созданы «Мадагаскарские песни» М. Равеля на стихи Парни, «Африка» К. Сен-Санса, «Негритянская рапсодия» Ф. Пуленка, увлечены африканскими и «туземными» мотивами многие французские художники (А. Матисс, П. Гоген, П. Пикассо).

Экзотическая тема пришла к русским авторам через творчество поэтов и философов Франции [см.: Célestin]. Восприятие Востока у русских поэтов преломлялось через увлечение французскими «ориентальными» мотивами. «Ориентализм как концептуальная установка... как бы первичнее экзотизма и дает исходную модель построения экзотических объектов» [Геллер, с. 22]. «Восток своей безграничностью и непостижимостью снова и снова притягивает внимание просвещенных европейцев; на Востоке они обнаруживают источник

© Куликова Е. Ю., 2015

вдохновения и — что очень важно — *средства для оживления* языка своего искусства» [Петров, с. 10].

Острый интерес Николая Гумилева — и литературный, и биографический — к экзотике проявился не только в поэтических и прозаических описаниях Африки, исследованной им и по книгам, и по личным впечатлениям, но и в тяготении поэта к экзотическим строфическим формам. Среди разнообразных жанров, которыми интересовался Гумилев, можно выделить пантун (*пантум*, как его всегда называл сам поэт). В творчестве Гумилева он встречается пять раз: в седьмой «Абиссинской песне» (1914–1916?), в стихотворении «Гончарова и Ларионов» (1917–1918), в пьесе «Дитя Аллаха» (диалог Птиц и Гафиза) (1916–1917?), в переводе «Малайских пантунов» Ш. Леконта де Лиля (1919) и в черновом наброске «Какая смертная тоска...» (1921).

Жанр пантунов упоминается в материалах П. Лукницкого: «В 1921 г. Гумилев в Доме искусств читал лекции по теории поэзии начинающим стихотворцам. У меня имеется несколько листков записей, написанных столь бегло, карандашом, что разобрать их почти невозможно. Кем из студентов сделаны эти записи на предоставленных мне в 20-х годах этих листках, я не помню. Но на одном из этих листков я разобрал следующее объяснение той формы стихотворения, которая называется “пантумом”: ...Повторение в стихах (плясового? — *П. Л.*) характера вначале. Позже повторы употребляются для оттенения одной мысли с разных сторон. Французские баллады, сложные секстины, рондо... Сл. с... (неразборчиво. — *П. Л.*) — ...рифмовать одно слово в... (?) видах. Секстины с переплетениями — стихотворение кончается первою строчкой; две тема (... ?) — 3, 5, 2–4–6. Знач. втор. стр. ... 1. Малайский пантум» [Лукницкая].

М. Л. Гаспаров в своих «Комментариях» к стихам русских поэтов рубежа XIX–XX вв. приводит следующее определение пантунов: «В малайской народной поэзии пантум (точнее, “пантун”) — это импровизированные четверостишия (обычно с тематическим параллелизмом), иногда соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы. Именно в таком “цепном” виде пантум был усвоен европейской поэзией (впервые — французскими романтиками), но широкого распространения не получил, примкнув к ряду твердых форм с повторами» [Гаспаров, с. 195].

Повторы в пантунах создают особый словесный орнамент, превращающийся в устойчивый узор, который, с одной стороны, делает твердыми и застывшими мотивы и образы, но с другой — раскачивает их из стороны в сторону, придавая им каждый раз новый оттенок значения.

В жанре пантуна Гумилевым создан один из эпизодов пьесы «Дитя Аллаха» — диалог Птиц и Гафиза. «Перекличка Гафиза с его птицами в третьей картине пьесы... была записана Гумилевым в альбом Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова в Париже в 1917 г. под названием “Мудрец. Пантум из пьесы “Дитя Аллаха”. В этой записи “пантум” разбит на четверостишия, без разделения на реплики Гафиза и Птиц. Факсимиле этой альбомной записи было воспроизведено в еженедельнике “Россия и Славянство”, в № от 29 августа 1931 г., посвященном

десятилетию гибели Н. С. Гумилева. В том же номере были напечатаны репродукции двух восточных акварелей Н. С. Гончаровой, посвященных Гумилеву во время его пребывания в Париже. Материал этот был получен покойным Л. И. Львовым от Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова» [Струве, Филиппов]. «В 1922 году “Дитя Аллаха” пытались поставить в Берлине режиссер Г. Кроль и Н. С. Гончарова» [Гумилев, т. 5, с. 444].

Возможно, в 1917 г. пантун был связан для поэта с именами и творчеством Гончаровой и Ларионова. В 1917–1918 гг. Гумилев пишет оригинальное стихотворение, используя максимум возможностей жанра пантуна. «Гончарова и Ларионов» — «правильный» пантун, посвященный двум художникам, творчество которых было связано как с Востоком, так и заключало в себе авангардистское начало.

Гончарова и Ларионов

Пантум

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье —
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии —
Не обновленная ль стихия?

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия —
Снопы лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды —
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньятюрах.

О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньятюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых
Восток и нежный, и блестящий.

[Гумилев, т. 3, с. 177–178]

«Летом 1917 года в Париже Ларионов и Гончарова познакомились и подружились с Николаем Гумилевым» [Степанов, Устинов, с. 105]. «Нашлось немного свидетельств этой дружбы, характера отношений, взаимной привязанности. Почти все они исходят от самих художников, причем подтверждением здесь служат не столько воспоминания и немногочисленные документы, сколько, в первую очередь, — их творчество. Сохранились любопытнейшие зарисовки художников, представляющие нам образ попавшего в Париж поэта... Можно предположить, что уже во время первой встречи между поэтом и художниками установились теплые и близкие отношения, чуть позже в этом признался сам Гумилев в письме домой, Ахматовой» [Там же, с. 105, 114][1].

Р. Тименчик пишет в статье «Николай Гумилев и Восток»: «Наталья Гончарова еще в 1913 году в предисловии к каталогу персональной выставки обозначила свой путь “к первоисточнику всех искусств, Востоку”, в котором она видела истоки русского искусства: “Если восточное влияние попало к нам не по прямой дороге, то это ничего не доказывает, путь его был с Востока, и Запад, так же, как и теперь, служил только передаточным пунктом. Достаточно посмотреть на изображения арабские и индийские, чтобы установить происхождение наших икон и искусства, которое до сих пор живет в народе”. Петербуржец и акмеист Гумилев мог бы подписаться под каждым словом москвички и футуристки Гончаровой. Он и выразил свою солидарность с “восточничеством” Гончаровой в мадригале, записанном в альбоме адресатов и сложенном в форме пантума» [Тименчик, с. 129].

Г. Г. Поспелов указывает, что «увлечение Востоком охватывало в эти годы живописцев не только ларионовского направления. В начале 1910-х годов на московских выставках демонстрировались наиболее зрелые произведения мастеров-голуборозовцев... Одной из “примитивных стихий”, где время стоит на месте и где эпоху богини Астарты не отличишь от того, “что называется нашим временем”, оказывалась стихия Востока» [Поспелов, с. 118]. Ларионовцы не только мечтали о Востоке, а хотели непосредственно «соприкоснуться с его художественным миром» [Там же].

[1] «Всего в отделе графики ГТГ было идентифицировано 27 прижизненных натурных портретов-зарисовок Николая Гумилева, выполненных М. Ларионовым пером и тушью на небольших листах бумаги (размером 21 × 13,5 см), в основном на бланках гостиницы “Castille” (Отдел графики ГТГ, инв. № 10760–10786). Гумилев на них запечатлен анфас, полуанфас, в профиль, с разных сторон, с разными выражениями лица, на некоторых — в военной гимнастерке с погонами. Помимо этого, в собрании ГТГ имеется несколько более поздних зарисовок Гумилева, выполненных М. Ларионовым по памяти» [Степанов, Устинов, с. 123].

Илья Зданевич (Эли Эганбюри) придумал красивую легенду о том, что в 1908 г. Гончарова путешествовала по Африке, посещала Бенин, побывала на Мадагаскаре с экспедицией Пенсильванского университета и даже руководила раскопками [см.: Зданевич, с. 176]. На самом деле, Гончарова никогда не была в Африке. Однако эта мистификация — создание «возможной (духовной) биографии» художницы — не случайна. И Гумилев, и Гончарова были связаны похожими легендами, оказавшими значительное влияние на их дальнейшую судьбу.

Подробный анализ пантуна «Гончарова и Ларионов» дан в работе Э. Партона. Исследователь отмечает, что, по мнению Ларионова, у Гумилева была страсть к пантунам. Поэтому неудивительно, что стихотворение написано именно в этой форме: «However it was also an eminently suitable form for a poem concerning Larionov and Gončarova, who themselves had a high regard for and had been influenced by Eastern art forms. Moreover, the structure of the poem, in which the second and fourth lines of a stanza are repeated as the first and third lines of the following stanza, is perhaps an iconic representation of Larionov's and Gončarova's cubo-futurist style of painting, in which an image is fragmented and its parts are reproduced a number of time in different positions across the canvas» [Parton, p. 231][2] («это была... форма, особенно подходящая для стихотворения, касающегося Ларионова и Гончаровой, которые сами чтили формы восточного искусства и находились под их влиянием. Более того, сама структура стихотворения, в котором вторая и четвертая строки строфы повторяются в качестве первой и третьей следующей строфы, является, возможно, знаковым представлением кубофутуристического стиля в живописи Ларионова и Гончаровой, где образ разбит на кусочки, которые воспроизведены несколько раз в разных позициях вдоль холста»).

Гумилев формирует пространство, связанное с творчеством Гончаровой и Ларионова: Восток (1 строфа) в «павлиньих красках» (2 строфа), «от Индии до Византии» (3 строфа), в 4-й в географию включается дремлющая Россия, видящая «сон Христа и Будды» (5 строфа), затем мир открывается через «сказочные тропы» (6 строфа) и замыкается в «персидских, милых миньятюрах» (7 строфа), заключающих в себе «величье жизни настоящей» (8 строфа). Если первые два стиха каждой строфы характеризуют особенности пространства, как бы статически обозначая его, то следующие за ними два вторых стиха подчеркивают его динамичность, словно раздвигающую изображенный мир на полотнах Гончаровой и Ларионова и превращающую этот мир в живой. «Железного огня круженье», «Вой покоряемой стихии», «обновленная стихия», «Снопы лучей и камней груды», «О, как хохочут рудокопы / Везде, в полях и шахтах хмурых» — эти образы обнажают не только особенности картин художников, но и свойства авангардного искусства.

«Футуризм» Гончаровой рождается из так называемого «крестьянского» этапа ее творчества. Крестьянки напоминают «скифских каменных баб», русских крашеных кукол, и понятно, что это — наследие Востока, а не Запада, что настоящая

[2] В разработке процитированной идеи принимал участие Р. Ешельман [Parton, p. 241].

Русь во многом (если не во всем) произошла из Азии. Гончарова срывает покровы привычной западной цивилизации и открывает сильное и дикое начало русского человека. Земля на картинах превращается в холст, на котором творится первозданный мир. Предреволюционная Россия смотрит на зрителей черными глазами баб, сильные руки которых преобразуют землю, создают новый космос. Гончарова видит, где искусство примитива граничит с кубизмом, и преобразует скифских идолов в антропоморфных истуканов.

Стихотворные строки Гумилева показывают этот процесс превращения человека в абстрактную геометрическую стихию — стихию пространства («Железного огня круженье», «Снопы лучей и камней груды»). Ларионов создал «лирический принцип живописи», когда объект изображается «в ритмах... персонального восприятия» (эпос — «в категориях пространства и движения реальности») [Пространство живописи русского авангарда]. «Движение живописи» и описывает Гумилев. Пантун — не просто стихотворная «иллюстрация» к картинам двух художников, это проникновение в сущность их творчества, в разнообразие методов, стилей, направлений и в то же время — тематики, излюбленных мотивов и образов.

Авангардистские открытия Гончаровой и Ларионова в пантуне Гумилева оказались вписанными в строгую форму малайского жанра. Но именно этот жанр обладает чертами восточного орнамента, подчеркивая творческие особенности двух художников. Связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, орнамент, как правило, выявляет или акцентирует архитектонику предмета. В стихотворении Гумилева система повторяющихся строк, с каждым поворотом меняющих оттенок смысла, позволяет представить визуально картины Гончаровой и Ларионова.

От стиха «В себе открыла Гончарова» идут две «ветки»: «Восток и нежный и блестящий» и «Павлиньих красок бред и пенье». Эти «ветки» одновременно связаны между собой и разнородны. «Художественные возможности по поводу павлина» Гончаровой послужили одним из источников пантуна Гумилева: серия картин «Павлины», выполненная в различных стилях — китайский, футуристический, кубистический, стиль русской вышивки и египетский, — связана общим мотивом, «повтором», тянущимся из полотна в полотно, подобно тому, как два стиха в пантунах перетекают из одной строфы в другую. Восточный Павлин Гончаровой — египетский — соткан «из яркого оперения хвоста», а его хвост рождается «из светопорождающего фиолета самого павлина» [Рылёва, с. 106]. Египетский Павлин «лучеиспускает, так как перья его хвоста воспринимаются как лучи. Центр лучеиспускания — хвост павлина — становится и *центром — солнцем* (курсив автора. — *Е. К.*), но и сам оказывается под солнцем (не проявленным). Этому эффекту способствует смещение хвоста-солнца» [Там же, с. 107].

Не только Гончарова писала павлинов. Многие художники второй половины XIX — начала XX в. создавали свои версии «восточного» искусства, а павлины воплощали собой идею Востока. Есть несколько «Павлинов» и у Ларионова (1910-е гг.). Однако еще в 1876–1877 гг. Дж. Уистлер расписал для британского судовладельца Ф. Р. Лейланда комнату для хранения японского фарфора,

которую впоследствии назвали «Peacock Room» — «Павлинья комната». «Великолепные сражающиеся павлины... водовороты стилизованных цветочных головок... позолоченные, расписанные также стилизованными перьями ставни с асимметричной композицией на восточный манер» [Кэллоуэй, с. 23] — все это воплощало собой идею «нежного и блестящего» Востока, в который были влюблены европейцы. «Роспись “Павлиньей комнаты” предвещает панно стиля модерн» [Самин]. «Павлинья комната» оказала большое влияние на творчество О. Бердслея, создавшего «великолепные асимметрии и своеобразные декоративные мотивы в иллюстрациях к “Саломее”» [Кэллоуэй, с. 23].

Можно вспомнить замечательное стихотворение Г. Р. Державина, еще в XVIII в. описывавшего павлина, правда, в традициях барокко, а не модерна или авангарда:

Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелены в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?

Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра;
Наклонит — изумруды блещут!
Пове́рнет — яхонты горят!

[Державин, с. 232]

Образ у Державина словно соткан из мельчайших деталей и очень напоминает японские гравюры: «черно-зелены в искрах перья / Со рассыпною бахромой» создают эффект брызжущего во все стороны фейерверка, приобретающего, тем не менее, живописные формы. Такого павлина можно увидеть в «Peacock Room» Уистлера или на лучистской картине Ларионова. Составляющее сущность картин Ларионова «движение живописи» интермедиально перекликается с динамикой образа у Державина, павлин которого подчеркнуто не статичен, он словно медленно поворачивается перед зрителем.

В «Романтических цветах» Гумилева тоже возникает образ Павлина, красота которого, в первую очередь, загадочна:

...Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

[Гумилев, 1988, с. 83]

«Образ-символ павлина очень важен для любимой Гумилевым суфийской поэзии. Так, в “Сказках дервишей” Идрис Шаха есть глава о символике змеи и павлина... Культ павлина в древнем Иране был основан на учении шейха Ади,

сына Мусафира, жившего в XII в. На арабском “павлин” обозначает украшение... В суфийском учении павлин — символ света. “Глазки” на хвосте павлина символизируют духовные достоинства, а оттенки павлиньего пера... — это символ сияния высшей духовности» [Раскина, с. 26]. В пантуне о художниках можно услышать звучание красок, их переливы и оттенки, отраженные в узоре павлиньего хвоста.

По мнению О. А. Бердниковой, «в первых двух строфах тема этого большого стихотворения обозначается как столкновение двух художественных манер, одна из которых (у Гончаровой) призвана показать легкость и пестроту Востока “павлиньими красками”, то есть в голубых с золотым тонах, а другая (у Ларионова) — “суровость” жизни в темно-красных красках. Однако общим для обеих манер является изображение мира в метафорах, свойственных самому поэту — “круженье”, “пенье”, “бред” (сон/видение), то есть возникают точно зафиксированные Гумилевым модернистские формы художественного сознания» [Бердникова, с. 40].

«Снопы лучей и камней груды» могут трактоваться как «обновленная стихия» и как путь «на сказочные тропы». Это обозначает новое направление, открытое Ларионовым, — лучизм, смысл которого в возникновении пространств и форм из пересечения отраженных лучей различных предметов. «Стихия» лучей преобразила мир искусства, подобно кубизму или супрематизму. Так открылись «сказочные тропы» авангарда, и игра повторами в пантуне Гумилева передает ощущение нового состояния, созданного художником.

Начинается пантун со строки «Восток и нежный и блестящий» и ею же заканчивается. Яркое оперение текста имеет кольцевую структуру, восточный мотив опоясывает стихотворение, и судьба и творчество двух художников оказываются преломленными в свете сияющего орнамента — стихотворного узора, основанного на повторе и чередовании составляющих его элементов.

Бердникова О. А. «Значок великого артиста»: об одной поэтологической модели в лирическом творчестве Н. С. Гумилева // Русская поэзия: Проблемы стиховедения и поэтики : сб. ст. : материалы науч. конф. Орел, 2011. С. 35–41. [Berdnikova O. A. «Znachok velikogo artista»: ob odnoj pojetologicheskoj modeli v liricheskom tvorchestve N. S. Gumileva // Russkaja pojezija: Problemy stihovedenija i pojetiki : sb. st. : materialy nauch. konf. Orel, 2011. S. 35–41.]

Волошин М. Клодель в Китае // Аполлон. 1911. № 7. С. 43–62. [Voloshin M. Klodel' v Kitae // Apollon. 1911. № 7. S. 43–62.]

Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890–1925 годов в комментариях. М., 1993. [Gasparov M. L. Russkie stihi 1890–1925 godov v kommentarijah. M., 1993.]

Геллер Л. К описанию экзотизмов. Предложения // Филологические записки. Воронеж, 2008. Вып. 27. С. 5–31. [Geller L. K opisaniju jekzotizmov. Predlozhenija // Filologicheskie zapiski. Voronezh, 2008. Vyp. 27. S. 5–31.]

Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. [Gumilev N. S. Stihotvorenija i pojemy. L., 1988.]

Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М., 1999. Т. 5 : Пьесы (1911–1921). М., 2004. [Gumilev N. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. T. 3 : Stihotvorenija. Pojemy (1914–1918). M., 1999. T. 5 : P'esy (1911–1921). M., 2004.]

Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. [Derzhavin G. R. Stihotvorenija. L., 1957.]

Зданевич И. Наталия Гончарова и всёчество (*публикация Е. В. Баснер*) // Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов: Исследования и публикации / Гос. ин-т искусствознания Мин-ва культуры

РФ. М., 2003. С. 172–181. [Zdanevich I. Natalija Goncharova i vsjochestvo (publikacija E. V. Basner) // N. S. Goncharova i M. F. Larionov: Issledovanija i publikacii / Gos. in-t iskusstvoznanija Min-va kul'tury RF. M., 2003. S. 172–181.]

Кэллоуэй С. Обри Бердслей и Оскар Уайльд // Оскар Уайльд. Обри Бердслей. Взгляд из России. М., 2014. С. 19–33. [Kjelloujej S. Obri Berdslej i Oskar Uajl'd // Oskar Uajl'd. Obri Berdslej. Vzgljad iz Rossii. M., 2014. S. 19–33.]

Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/gumilew.txt (дата обращения: 4.12.2013). [Luknickaja V. Nikolaj Gumilev: Zhizn' pojeta po materialam domashnego arhiva sem'i Luknickih [Electronic resource]. URL: http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/gumilew.txt (mode of access: 4.12.2013).]

Петров М. А. Симультанность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы. М., 2010. [Petrov M. A. Simul'tannost' v iskusstve. Kul'turnye smysly i paradoksy. M., 2010.]

Поспелов Г. Г. На гребне волны // Поспелов Г. Г., Илюхина Е. А. М. Ларионов. Живопись. Графика. Театр : книга-альбом. М., 2005. С. 81–175. [Pospelov G. G. Na grebne volny // Pospelov G. G., Iljuhina E. A. M. Larionov. Zhivopis'. Grafika. Teatr : kniga-al'bom. M., 2005. S. 81–175.]

Пространство живописи русского авангарда (интервью Е. Черемных с Г. Г. Поспеловым) [Электронный ресурс]. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2008/03/article14.html?print=true (дата обращения: 10.01.14). [Prostranstvo zhivopisi russkogo avangarda (interv'ju E. Cheremnyh s G. G. Pospelovym) [Electronic resource]. URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2008/03/article14.html?print=true (mode of access: 10.01.14).]

Раскина Е. Художественный мир персидской миниатюры в поэтическом творчестве Н. С. Гумилева // Суфий. № 16. Весна-лето 2013. С. 18–28. [Raskina E. Hudozhestvennyj mir persidskoj miniatjury v pojeticheskom tvorchestve N. S. Gumileva // Sufij. № 16. Vesna-leto 2013. S. 18–28.]

Рылёва А. Н. «Синяя всадница» Наталия Гончарова // «Амазонки авангарда». Гос. ин-т искусствознания Мин-ва культуры РФ. М., 2004. С. 105–110. [Ryljova A. N. «Sinjaja vsadnica» Natalija Goncharova // «Amazonki avangarda». Gos. in-t iskusstvoznanija Min-va kul'tury RF. M., 2004. S. 105–110.]

Самин Д. К. Джеймс Уистлер [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/100hudozh/64.htm (дата обращения: 26.11.2014). [Samin D. K. Dzhejms Uistler [Electronic resource]. URL: http://www.bibliotekar.ru/100hudozh/64.htm (mode of access: 26.11.2014).]

Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев — встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше Наследие. № 100. 2011. С. 104–127. [Stepanov E., Ustinov A. Nikolaj Gumilev — vstrechi v Parizhe v 1917–1918 godah (Po materialam arhivov Mihaila Larionova i Gleba Struve) // Nashe Nasledie. № 100. 2011. S. 104–127.]

Струве Г., Филиппов Б. А. Примечания к пьесе «Дитя Аллаха» [Электронный ресурс]. URL: http://gumilev.ru/notes/9/ (дата обращения: 12.02.2014). [Struve G., Filippov B. A. Primechanija k p'ese «Ditja Allaha» [Electronic resource]. URL: http://gumilev.ru/notes/9/ (mode of access: 12.02.2014).]

Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 123–136. [Timenchik R. D. Nikolaj Gumilev i Vostok // Pamir. 1987. № 3. S. 123–136.]

Célestin R. From Cannibals to Radicals: Figures and Limits of Exotism. Minneapolis, 1996.

Parton A. «Gončarova and Larionov» — Gumilev's pantum to art // Nikolaj Gumilev (1886–1986): Papers from the Gumilev Centenary Symposium by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley, 1987. P. 225–242.

Статья поступила в редакцию 18.03.2015 г.

УДК 821.161.1 Климовская-31 + 821.161.1-94

Е. Н. Проскурина

ФУНКЦИЯ КИТАЙСКОЙ ТЕМЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРОЗЕ ГАЛИНЫ КЛИМОВСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «СИНИЙ ДЫМ КИТАЯ»)

В статье анализируется автодокументальная повесть современной сибирской писательницы Г. Климовской «Синий дым Китая», открывающая книгу ее прозы с одноименным названием. Повесть посвящена воспоминаниям о детских годах биографического автора. Выявляются истоки и семантическое расширение китайской темы, вписанной через детскую память героини в пространство провинциального текста, а также те элементы, которые связывают повесть с традицией экзистенциальной прозы. Показывается функциональное значение китайской темы в соединении детского праздника жизни с чувством страха, исходящим от эпохи рубежа 1930–1940-х гг.

Ключевые слова: Г. И. Климовская; «Синий дым Китая»; провинциальный текст русской литературы; русская литература Сибири; автодокументальная проза; китайская тема в русской литературе.

Место действия «необязательных текстов», как сама Г. Климовская[1] характеризует свою прозу, — сибирские города Новокузнецк, именованный Ковальском, и Томск, получивший название Еланска. В этих краях практически полностью прошла довольно продолжительная жизнь автора, а потому события двух романов и ряда повестей и рассказов, собранных в книге «Синий дым Китая», рассредоточены по всему XX в., так или иначе соприкасаясь с судьбой самой Г. Климовской. Распадающиеся на два цикла: более ранний, связанный с детством автора, «ковальский», и более поздний, относящийся к взрослому периоду жизни, «еланский», объединены автобиографическим началом. Это дает Г. Климовской возможность персонифицировать два главных места ее прозы, где по-разному вырабатывается опыт личного бытия. Тем самым сберегающая функция genius loci встраивается в более универсальный план, связанный с традицией экзистенциальной прозы.

Сама Г. Климовская относит себя к «списателям с жизни», в чем, по ее собственному признанию, продолжает традицию Н. С. Лескова: «Жизнь как она есть настолько богаче моего воображения, что я посчитала бесполезным делом соревноваться с ней в “сочинении” человеческих характеров и судеб людей. Зачем, когда только смотри, слушай, вдумывайся — и “списывай”...» [Климовская, с. 4][2]. Побуждением к автодокументальному жанру послужила для Г. Климовской беседа с одним из близких людей, в которой прозвучала просьба: «Напиши про нас... Про нас никто, кроме тебя, не напишет... А ведь мы были». Т. е. истоки прозы

[1] Галина Ивановна Климовская — доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета, автор монографии «Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики» (Томск : Изд-во НТЛ, 2009), а также повестей и романов, собранных под одной обложкой в книге «Синий дым Китая».

[2] Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

© Проскурина Е. Н., 2015

Климовской идут из самых глубин народной жизни, соединяя в своем развитии масштабные события истории ушедшего века со случайностями «текущей повседневности». У всех персонажей произведений есть «реальные прототипы, живущие и действующие в совершенно реальных городах, на реальных улицах и в реальных домах» (с. 3). В некоторых из них в качестве главной героини под разными именами выведена сама писательница. Таковы Наточка из «Синего дыма Китая», Наташа из «Согры», Наталья Ивановна из повестей «На Всесторонней», «Онка», повествовательница рассказа «Жизнь прекрасна». Элементы собственной биографии автор встраивает и в судьбы других своих героинь. Таким образом, центральная коллизия всех произведений и книги в целом формируется темой женской судьбы.

Книга, начатая повестью «Синий дым Китая» о детстве автобиографической героини, выпавшем на 1930-е гг., и завершенная рассказом «Жизнь прекрасна», обращенном к перестроечному времени, приобретает свойство целостности, характерное для метасюжетной большой формы. Помимо автобиографического начала, актуализирующего мнемонический тип письма, целостность достигается неповторимой лирической интонацией с тонким призвуком авторской иронии, покрывающей фабульное действие, создавая своего рода «иронический мета-сюжет» [Силантьев, с. 164]. Завершающее книгу короткое произведение своим названием утверждает торжество жизни словно вопреки рассказанным историям, где смертей, разлук, несостоявшихся судеб больше, чем счастливых сюжетов. Прекрасное в жизни героинь Г. Климовской складывается из запечатленных памятью мимолетностей, всегда относящихся к сфере прошлого. Их частое введение в текст в форме настоящего времени — способ актуализации воспоминаний в варианте если и не прекрасного прошлого, как в «Синем дыме Китая», то дорогого прошлого, как в повестях «На Всесторонней», «Согра», «Онка».

Драматическая эпоха XX в. по-разному ощутима в каждом из произведений. Однако даже самые жесткие события скрашены в них непередаваемой легкостью художественного слога, устанавливающей особые отношения с читателем, и в первую очередь с читателем-современником, которому не нужно многое объяснять — достаточно просто еще одного уникального свидетельства общей для всех народной судьбы. По верному замечанию В. Суханова, автора послесловия к книге Г. Климовской, в нынешнюю эпоху постмодерна с усложненной стратегией культурного письма непритязательность сюжетов коротких романов, повестей и рассказов в «Синем дыме Китая» может показаться анахронизмом. Однако в этом заключена осознанная художественная позиция автора, не только прекрасно по-читательски знакомого с современной литературной ситуацией, но и профессионально разбирающегося в законах построения прозаического художественного текста: «в постмодернистскую эпоху исчезновения реальности и “смерти автора” именно лично удостоверенные ценности (пережитые и выстраданные автором) становятся свидетельством подлинной серьезности существования человека в социуме, истории, времени» [Суханов, с. 479].

Свое авторское кредо Г. Климовская формулирует в повести «Согра»:

> У каждого повествования есть свой автор, затевающий с читателем разнообразные игры. То он, как единоначальный творец, витает в литературных облаках и оттуда вершит судьбы героев, не вмешиваясь в них явным, прямым образом. То, воплощая себя самого в одном из (положительных) персонажей, главном или второстепенном, распределяет свое внимание между двумя ролями: и направляет общий ход событий, и не забывает о своей партии.
>
> Автор же данного повествования уподобил себя даже богу Саваофу, который, как известно, един пребывал сразу в трех лицах. Он, то есть автор этого повествования, выводит — стежок за стежком — общий узор событий и судеб по суровой канве сороковых-пятидесятых годов (событийное время в повести. — *Е. П.*) теперь уже прошлого, туманящегося века; и самолично участвует в этих событиях...
>
> И, раз уж есть такая возможность, автор возносится умом и душой над всем потоком описываемой жизни тех и последующих времен <...> Такой вот возник у автора замысел... (с. 88–89)

Последняя позиция усиливает экзистенциальное измерение мнемонической прозы Г. Климовской.

Хронотопически вошедшие в книгу произведения встраиваются в провинциальный текст русской литературы с его обращенностью к жизни российской глубинки, стандартным набором сюжетных элементов, где ведущее место отведено повторяемости повседневных ситуаций, отмеченных пониженной событийной значимостью[3]. «В маленьких городках жизнь однообразна, узка, мелка, все друг друга знают и если не враждуют между собою, то непременно пребывают в нежнейшей дружбе: средних отношений почти нет», — так еще в середине XIX в. В. Г. Белинский охарактеризовал свойство провинциального сюжета, анализируя «Обыкновенную историю» И. А. Гончарова [Белинский, с. 548]. Эту мысль Белинского подхватывает М. М. Бахтин в «Вопросах литературы и эстетики»: «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом — чрезвычайно распространенное место свершения разных романных событий в XIX веке» [Бахтин, с. 325]. Казалось бы, именно в таком ключе намечается сюжет повести «Синий дым Китая», повествование в которой ведется изнутри сознания ребенка, маленькой девочки Наточки:

> Какой сегодня день-то! Подумать только! Темноватый, холодный <...> В такие темноватые холодные дни все сидят по своим домам — у печек, у желтых ламп, друг с другом. Разговаривают обо всем, смеются над чем-нибудь, щелкают жареные семечки, варят борщ к обеду... Ну, это старые люди, дети и домработницы — те, кто не ходит на работу или по делам. А те, кто ходят, уже давно ушли. Так что на улице никого почти нету, хотя уже полный день и вон там, за вокзальными деревьями, уже постукивают колесами и виднеются коричневые вагоны с углем — они каждый день в это время тут проезжают и постукивают: туки-тук, туки-тук...
>
> Да, пусто и холодно на улице, только Наточка с няней Таней идут по магазинам — это их ежеутренний поход <...> Наточка и Таня всегда сначала идут медленно — ведь

[3] Определения и характеристики провинциального текста см., напр.: [Козлов; Провинция как реальность...; Геопанорама русской культуры; Русская провинция; Отечественные записки; Эртнер; Lounsbery, 2004; 2005; Russian Literature].

одновременно это и первая на дню Наточкина прогулка. Это в общем-то скучная прогулка, каждый день одно и то же... (с. 5)

Сюжет начинает разворачиваться как очередная провинциальная «скучная история» с элементами скудного повседневного быта 1930-х гг., раздвигающими временные рамки литературного российского захолустья. В ходе прогулки Наточка с няней заходят в магазин, где скучным кажется все, кроме весело хлопающей двери: и обстановка, и продавщица тетя Клава в косынке с зелеными кружочками, и набор продуктов, состоящий из соли, перловки, гороха, селедок, заворачиваемых «во вчерашнюю газету с чьим-то портретом» (с. 7), и постного масла. Выйдя из магазина, они идут мимо Базарной площади со скучным сараем с известью, будкой, где продают бирки на воду с водокачки, «самых настоящих нищих», которым Таня подает какие-то копейки.

Однако атмосфера скуки разрушается в повести отчетливо звучащей ностальгической нотой. Давно прошедшее разворачивается в плане наличествующей реальности, сохраненной памятью сердца, расшатывая границы времени: «Какой сегодня день-то! Подумать только!». Даже начало фразы о скучном дне, открывающее произведение, контрастирует с ее смыслом, словно речь идет о самом прекрасном моменте жизни автобиографической героини. Миф о провинции как «царстве скуки» вступает здесь в конфликтные отношения с другим мифом: о «милой провинции», продолжая литературную традицию, идущую из XIX в., где «Сибирь открывается как конфликтное пространство: олицетворяющее, с одной стороны, “глухое”, “гиблое”, изначально “чужое” место, с другой — “свое”, “родное”, прекрасную, близкую землю, “дом”» [Эртнер]. В восприятии ребенка скучная повседневность Ковальска превращается в праздник жизни, где необычным, интересным, вкусным кажется все: и обстановка крупорушки, куда они ходили с Таней тайком от мамы к Таниному «де-ве-рю» и где Наточка видела, как из короткой трубы сыплется желтая пшенная крупа, а лошади «жуют сено и моргают, моргают, а ресницы у них белые и коротенькие» (с. 6), и гороховый жмых, который она с наслаждением жует, пока Таня о чем-то беседует с деверем, и «соленое сальце», и «капустка» с постным маслом, и — как мечта — «целый винегрет».

Апофеозом праздника становится посещение Китайской лавки, которая, по сравнению с монотонностью магазина «Продукты», представляется маленькой героине «самым прекрасным магазином», собравшим все основные цвета радуги. Здесь Наточку завораживают красные с золотом жестяные банки с чаем, зеленые круглые коробки с монпасье, которые она называет «лан-па-се — и сразу на языке кисленько и сладко» (с. 8), синие пакеты с сахаром. От полок с халвой, печеньем, конфетами, кофе идет дурманящий аромат. Праздничным выглядит и красивый и веселый продавец Алексей, одетый в яркую красную рубашку. «Наточка долго думала, что вот такие, как этот продавец Алексей, красивые, веселые, в красных рубашках, со множеством белых зубов, но как-то все-таки опасные, все китайцы и есть» (с. 7).

Однако из вечерних рассказов отца маленькая героиня узнает, что настоящий китаец, бывший хозяин лавки Шень совсем состарился и куда-то исчез, затем

исчезли и два его сына. И вот теперь в лавке торгует русский Алексей, при виде Тани и Наточки залихватски запевающий песню «Е-хал на ярмарку ухарь-купе-ец». Так сказочная атмосфера Китайской лавки разрушается на уровне авторского плана. При этом до конца остается непонятным, куда исчезли два сына старого Шеня. Повествование изнутри сознания ребенка оставляет в тексте множество смысловых лакун. Однако точно, хотя и не прямым образом, обозначенный в произведении период конца 1930-х гг. (о чем ниже) настраивает на совершенно определенное семантическое прочтение мотива исчезновения. На таком тонком балансе: между трагической реальностью эпохи и побеждающим скуку детским праздником жизни — держится вся атмосфера повести.

Праздничное восприятие поддерживается атмосферой дома, создаваемой родителями Наточки. Без них дом скучен. Особое место в создании праздника жизни отведено отцу: он читает на ночь дочери «Сказки дядюшки Римуса», на его коленях она любит засыпать, прижавшись «ухом к полосатой московской рубашке» и слушая, «как гудит внутри Папин голос и бьется сердце: тук-тук, тук-тук...» (с. 15), с ним Наточка гуляет в выходные дни, заходя в расположенную на большой новой улице кондитерскую, запахи которой словно соревнуются с ароматом Китайской лавки, а потом долго поднимаясь по дороге на Гору. В описании прогулок вновь возникает мотив города-дома: «они идут с Папой на настоящую прогулку — на Гору. Долго поднимаются по дороге, где со всеми здороваются, хотя и незнакомы с ними» (с. 13). Незнакомое, воспринимаемое как часть своего, близкого — характерная черта провинциальной жизни. Даже далекий Комбинат, для которого родители Наточки готовят «мастеров», становится частью их семейного общего дела. Праздничность жизни ребенка расширяется сферой знакомств родителей. В домах их друзей Наточка часто проводит время, играя с детьми, танцуя под музыку домашнего пианино.

Вместе с тем, с самых первых страниц повести в тематический мотив однообразно-стабильного провинциального существования встраивается тревожная нота, заявленная мотивом исчезновения, впервые возникающим в «китайском» фрагменте. «Прошивая» далее весь сюжет, данный мотив остается встроенным в сферу детского сознания, в котором еще отсутствует «ген» смерти, нет горечи утрат, с чем Наточка впервые столкнется тогда, когда ей станет нельзя посещать семьи ее друзей. На рубежное время 1930–1940-х гг. намекает название повести. «Синий дым Китая» — так маленькой героине слышатся слова песни из кинофильма «Истребители», вышедшего на экраны в 1939 г., в год начала Второй мировой войны: «В далекий край товарищ улетает, / Родные ветры вслед за ним летят, / Любимый город в синей дымке тает, / Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд». Не понимая фразы «в синей дымке тает», она адаптирует ее в соответствии с собственным детским словарем, в котором образ Китая соотносится в первую очередь с кондитерской лавкой, бросая свой отсвет на «знакомый дом», «зеленый сад», нежный взгляд отца (у мамы взгляд чаще строгий), на весь город ее детства, делая его «любимым городом».

Личная переписка с Г. Климовской автора этих строк проясняет истоки двоящегося образа Китая в ее воспоминаниях. Оказывается, родители писательницы,

ухватившись за возможность «исчезнуть с чересчур пристальных глаз» власти, «завербовались в кампанию по первой переписи населения России, в связи с чем проехали по всему Дальнему Востоку, вплоть до Эвенкии. И в семейных разговорах китайцы и корейцы фигурировали очень часто... Вот по всему поэтому Китай и засел глубоко в моих мозгах и именно Китай я услышала в той песне». Те же эпистолярные воспоминания вскрывают основу представления Наточки о китайцах как красивых, веселых, но «все-таки каких-то опасных». В этом также отпечатлелось их восприятие родителями биографического автора, которым «почему-то корейцы нравились ... гораздо больше, чем китайцы». Вероятнее всего, образ «опасных китайцев» связан с реальной ситуацией на Дальнем Востоке, где со второй половины XIX до середины XX в. действовали банды хунхузов, китайских разбойников, наводившие страх на местное население [Сухачева]. Однако это не мешает отцу и матери разучивать с маленькой дочерью стихотворение «Китайчонок мальчик Ли», которое она читала уже в возрасте 4–5 лет:

На далеком жарком юге,
На краю родной земли,
У реки живет в лачуге
Китайчонок — мальчик Ли.

Ночью спит на куче хлама,
Днем себе варит обед,
Потому что папы с мамой
Постоянно дома нет.

Мама тяжести таскает
На своих больных плечах,
Мальчик Ли приготовляет
Папе с мамой рис и чай.

Ли ни разу не был в школе,
В книге слов не мог прочесть,
Только знал, что где-то воля
У людей на свете есть.

Эту волю бедным людям
Добрый Ленин раздобыл.
Мальчик Ленина за это
Крепко-крепко полюбил.

Разозленный и усталый
Приходил домой отец
И под кровлей обветшалой
Тихо плакал, как юнец:

«Спи, мой мальчик, спи, мой крошка,
Ленин тоже крепко спит.
Скоро к нам в Китай угрюмый,
Скоро воля прилетит.

Эту волю бедным людям
Добрый Ленин раздобыл».
Мальчик Ленина за это
Крепко-крепко полюбил.

Пересечение эпистолярных и художественных воспоминаний рождает смысловые приращения в повести Г. Климовской, давая возможность заполнить некоторые из ее смысловых лакун. Вполне возможно, что образ «опасных китайцев» усилился у автобиографической героини под впечатлением этой китайской песни, где изображение Китая выписано в «угрюмых» красках, соотносимых с поэтикой «тяжелого» детства русской литературы, в советское время воспринятого как «антидетство» [подробно см.: Балина]: «Разозленный и усталый / Приходил домой отец». Симптоматично, что в образе отца Наточки высвечены те черты, которые особенно отчетливо контрастируют с чертами отца мальчика Ли: открытость, доброта, тепло, умение радоваться самому и радовать маленькую дочь совершенно простыми вещами. Подсознательно чувство этой радости могло быть связано для героини с подаренной Лениным волей, чего еще лишены живущие «на краю родной земли» бедные китайцы.

Вступая в диалог с «китайским» эпизодом, переиначенные слова из песни к фильму «Истребители» поворачиваются еще одной смысловой гранью, находящейся в контрапунктных отношениях со скрытым мотивом подаренной воли: в «дыму» сурового времени исчезают не только владельцы Китайской лавки, но и многие персонажи повести, входящие в круг знакомых семьи Наточки, разрушая привычный строй ее существования. Тем самым расшатывается и провинциальная модальность сюжета. Частная жизнь героев, кажущаяся однообразной, приобретает исторический масштаб, персонифицируя грозную эпоху, а обратимость провинциальных событий преобразуется в трагическую необратимость.

Детская интерпретация ситуации исчезновения — в русле придуманных страшных рассказов на ночь — рождает острый диссонанс с ее трагическим подтекстом:

> Да, в последнее время у них в Садгороде завелся какой-то ужасный Полинин Кавыдэй и забирает с собой людей, насовсем, а куда, неизвестно. Вот и их соседа с той стороны дома, Баляляйку, тоже забрал недавно. <...> И что характерно, и у Милочки на том конце Бродзавода, все то же самое и из-за того же Полининого Кавыдэя. И теперь к ней тоже нельзя пойти в гости, хотя они никуда не уехали, там же и живут. <...> А когда они потом с Папой ходили за водой на водокачку, то Ната потихоньку смотрела-смотрела на Полину Васильевну — такую тетю, которая там всегда работает ... Но ничего такого не заметила. Кавыдэя нигде не было видно. Где-то, конечно, прячется, чтобы потом хоп — и забрать кого-нибудь (с. 20–21).

На уровне культурной памяти образ страшного Кавыдэя лексически «рифмуется» с не менее страшным Бабаем из колыбельной: «Баю-баю-баю-бай, Не ходи ты к нам Бабай, Нашу детку не пугай», — а также со сказочным Кощеем. Однако, в отличие от сказки, в реальных историях людских исчезновений, начатых

исчезновением владельцев Китайской лавки, не предвидится счастливого конца. Звучащее по-восточному имя загадочного Кавыдэя (ср. кит. *Джинхэй*, *Донгэй*), олицетворившего в тексте через детское восприятие карательные инициативы по линии НКВД, перекидывает мост к судьбам исчезнувших китайцев, вызывая в подтексте повести мерцание мотива единства палача и жертвы. Здесь же опять возникает семантический призвук образа «опасных китайцев». В услышанном Наточкой имени всплывают ассоциации с официальным обозначением хунхузов: термин «хуфэй» применялся к северным разбойникам, термин «даофэй» — к ворам, «мацзэй» — к конным разбойникам. Вполне возможно, что в беседах взрослых эти названия употреблялись, «зарифмовавшись» в детском сознании с рассказами об арестах по линии НКВД, родив собственный Наточкин окказионализм, куда встраивался и образ «разозленного и усталого» отца мальчика Ли. Подобные скрытые пересечения, выявляющиеся только в результате сопоставления повести с авторскими эпистолярными откровениями, выводят повествование в сферу детского подсознания. В то же время выбранный Г. Климовской способ наррации, заключающийся в приеме остранения ужасного через неискушенное сознание ребенка и тем самым представляющий страшное в облике смешного, стушевывает ужас происходящих событий.

Заканчивается повесть сценой отхода ко сну маленькой героини, убаюканной рассказываемой ей на ночь сказкой:

> Как хорошо, как хорошо... И скоро день рождения... и в детский сад... А когда Толик подрастет, говорил Папа, они все вместе поедут к самому синему морю... и там белеет парус одинокий... И... (с. 42)

Помимо по-детски безмятежных «уже идущих снов», что выражено в тексте обрывом фраз и многоточиями, в этих финальных строках слышен чуть уловимый призвук печали, вызванный строчкой лермонтовского стихотворения, но особенно — последним «и» с многоточием, таящими в себе смысл неоправдавшихся надежд, неслучившегося счастья, развеявшегося, словно в «синем дыму» неизвестного Китая, в суровом воздухе неумолимо надвигающегося военного будущего.

Таким образом, встроенная в поэтическую ткань повести Г. Климовской негромко звучащая китайская тема претерпевает в процессе развертывания повествования значительное смысловое расширение. Соединяя в себе чувство праздника и романтической песенной дымки с ощущением страха и опасности, она превращается из сопутствующего элемента сюжета в один из окказиональных репрезентантов советской эпохи рубежа 1930–1940-х гг.

Балина М. Р. Воспоминания о детстве в советской литературе: к вопросу о специфике жанра // Семантическая поэтика русской литературы. К юбилею профессора Наума Лазаревича Лейдермана. Екатеринбург, 2008. С. 322–332. [Balina M. R. Vospominanija o detstve v sovetskoj literature: k voprosu o specifike zhanra // Semanticheskaja pojetika russkoj literatury. K jubileju professora Nauma Lazarevicha Lejdermana. Ekaterinburg, 2008. S. 322–332.]

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. [Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. M., 1975.]

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. М., 1948. Т. 3. [Belinskij V. G. Vzgljad na russkuju literaturu 1847 goda // Belinskij V. G. Sobr. soch. : v 3 t. M., 1948. T. 3.]

Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004. [Geopanorama russkoj kul'tury: provincija i ee lokal'nye teksty. M., 2004.]

Климовская Г. И. Синий дым Китая. Томск, 2013. [Klimovskaja G. I. Sinij dym Kitaja. Tomsk, 2013.]

Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2014. [Kozlov A. E. Provincial'nye sjuzhety russkoj literatury XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2014.]

Отечественные записки. Анатомия провинции. М., 2006. Т. 32. [Otechestvennye zapiski. Anatomija provincii. M., 2006. T. 32.]

Провинция как реальность и объект осмысления : материалы науч. конф. Тверь, 2001. [Provincija kak real'nost' i ob"ekt osmyslenija : materialy nauch. konf. Tver', 2001.]

Русская провинция. Миф. Текст. Реальность. М. ; СПб., 2000. [Russkaja provincija. Mif. Tekst. Real'nost'. M. ; SPb., 2000.]

Силантьев И. В. Газета и роман. Риторика дискурсных смешений. М., 2006. [Silant'ev I. V. Gazeta i roman. Ritorika diskursnyh smeshenij. M., 2006.]

Суханов В. «Времена не выбирают...» // Климовская Г. Синий дым Китая. Томск, 2013. С. 478–484. [Suhanov V. «Vremena ne vybirajut...» // Klimovskaja G. Sinij dym Kitaja. Tomsk, 2013. S. 478–484.]

Сухачева Г. А. «Бичи страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е гг. XX в. // Россия и АТР. 1992. № 1. С. 92–102. [Suhacheva G. A. «Bichi strany». Hunhuzy v Man'chzhurii i Primor'e v 20-e gg. XX v. // Rossija i ATR. 1992. № 1. S. 92–102.]

Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com/fenomenologiya-provintsii-v-russkoy-proze-kontsa-xix-nachala-xx-veka [Jertner E. N. Fenomenologija provincii v russkoj proze konca XIX — nachala XX veka : dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2005. [Electronic resource]. URL: http://cheloveknauka.com/fenomenologiya-provintsii-v-russkoy-proze-kontsa-xix-nachala-xx-veka]

Lounsbery A. "To Moscow, I Beg You!": Chekhov's Vision of the Russian Provinces // Toronto Slavic Quarterly. 2004. P. 12–24.

Lounsbery A. "Russia! What do you want of me?": The Russian Reading Public in Dead Souls // Toronto Slavic Quarterly. 2005. P. 78–84.

Russian Literature. Provincija. Special issue. LIII–II/III. Amsterdam, 2003.

Статья поступила в редакцию 19.12.2014 г.

УДК 821.512.122 + 070.423.5

С. А. Кибальник

МИФ О ДЖАМБУЛЕ (по материалам современной казахстанской печати)*

В статье приведены фрагменты из сравнительно недавно опубликованных по-русски воспоминаний Д. Д. Шостаковича и из хранящихся в архиве воспоминаний композитора Е. Г. Брусиловского, в которых раскрывается тайна творчества знаменитого в сталинские времена поэта Джамбула. На основе материалов популярной в Казахстане газеты «Свобода Слова» показано, как по-разному и иногда болезненно воспринимается в современном Казахстане демифологизация прославленного казахского акына.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Джамбул; поэт; миф; мифологизация; воспоминания; газета; казахский язык.

Фигура Джамбула (Жамбыла Жабаева) по-прежнему много значит в современном Казахстане. Об этом говорят не только памятники поэту в Алматы и других городах Казахстана, замечательный музей Джамбула, расположенный в окрестностях Алматы, многочисленные издания его произведений — правда, теперь, гораздо чаще появляющиеся на казахском, чем на русском языке, но и неутихающие споры о нем в казахстанской печати.

Красноречивым свидетельством этого стал судебный иск потомков Джамбула к популярной выходящей в г. Алматы еженедельной общественно-политической газете «Свобода Слова» (http://erkindik.kz) с требованием выплатить 800 миллионов тенге (более 6 миллионов долларов) за «нанесенный им тяжелый моральный ущерб». Поводом для иска стала статья Ербола Курманбаева «Карасай батыр — казахский Илья Муромец», опубликованная в «Свободе Слова» от 25 января 2007 г.

В этой статье содержится несколько сюжетов, связанных между собой общей темой — распространенной в казахстанской печати практикой мифологизировать отечественную историю. Речь, в частности, идет о встречающемся иногда объявлении Чингисхана, несомненно, имеющего тюркские корни, казахом (в то время как Чингисхан умер в первой половине XIII в., а этноним «казах» (*қазақ)* появился, по свидетельству многих исторических документов, в конце XIV в.).

Джамбулу посвящена в этой статье особая главка, озаглавленная «Несчастный великий Джамбул». Поскольку это довольно компактный и в высшей степени любопытный текст, приведем его здесь полностью:

> Надо сказать, что самая грандиозная мистификация в казахской истории приключилась еще в советскую эпоху. Мы как-то привыкли к мысли о величии надежно и крепко воспетого Джамбула Джабаева (ныне — Жамбыл Жабаев). И сама мысль о мифологичности его образа не укладывается в голове. Как-то и президент Назарбаев назвал Джамбула казахским Гомером. Но вот что писал в своих воспоминаниях композитор Дмитрий Шостакович:

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-34-01013.

© Кибальник С. А., 2015

«Один мой знакомый композитор рассказал мне историю — необыкновенную и обыкновенную. Обыкновенную — потому что правдивую. Необыкновенную — потому что речь в ней все-таки идет о жульничестве прямо-таки эпохальном. Композитор этот десятилетиями работал в Казахстане. Сам он хороший профессионал, окончил Ленинградскую консерваторию, как и я, по классу Штейнберга, но годом позже. В Казахстане он очень пошел в гору. Был чем-то вроде придворного композитора. А потому и знал многое, что от непосвященных скрыто.

У нас каждый знает имя Джамбула Джабаева. У меня сын его стихи в школе учил — разумеется, по-русски. В переводе с казахского. Ну, а что было во время войны... "Ленинградцы, дети мои".

И все оказалось, понимаете ли, выдумкой. То есть, конечно, Джамбул Джабаев, как таковой, существовал. Переводы были. Вот только оригиналов не было. Потому что Джамбул был, может быть, и хороший человек, но поэтом он не был. То есть, может быть, и был. Но это никого не интересовало. Потому что так называемые переводы несуществующих творений Джамбула сочинялись русскими поэтами. И они, поэты эти, даже не спрашивали у великого народного певца разрешения. А если бы и захотели спросить, то не смогли бы. Потому что переводчики ни слова по-казахски не понимали. А Джамбул ни слова не знал по-русски.

Впрочем, вру. Одному слову его научили: "гонорар". Джамбулу растолковали: всякий раз, когда он подписывался, он должен произнести это великое слово "гонорар". И тогда ему выдадут денег. И действительно, всякий раз, когда Джамбул ставил свой крестик под очередным договором, ему выдавали гонорар. Но один раз получился конфуз. Джамбула привезли в Москву. И среди прочего устроили встречу с ребятами. Пионеры же, окружив Джамбула, стали просить его об автографах. Джамбулу объяснили, что надо поставить свою знаменитую закорючку. Он ее рисовал и при этом приговаривал: "Гонорар". Джамбул ведь был уверен, что платят именно за подпись. О "своих" стихах он ничего не знал. И очень расстроился, когда ему объяснили, что никакого "гонорара" на сей раз не будет.

Может быть, несчастный Джамбул был и в самом деле великим поэтом. Ведь он что-то такое напевал. Но никого это не интересовало. Нужны были величавые оды Сталину. Нужны были комплименты в восточном стиле по любому поводу: день рождения Вождя, принятие Сталинской Конституции. За Джамбула трудилась целая бригада русских стихотворцев. Среди них весьма знаменитые: Симонов, например. Уж они-то конъюнктуру знали хорошо. И писали так, что вождю и учителю нравилось. Разумеется, больше всего о нем, о Сталине. Но и подручных не забывали. Например, Ежова. Песню о Ежове в свое время, помнится, очень хвалили. Стихоплеты писали торопливо, много. Когда кто-нибудь из "переводчиков" выдыхался, его заменяли новым. И, таким образом, производство не останавливалось. Фабрику прикрыли только со смертью Джамбула.

Скажут: нетипично. А я опять-таки возражу: почему же, очень даже типично. Ведь тут ничего не было против правил. Наоборот, все было по правилам. Великому вождю всех народов нужны были и вдохновленные певцы всех народов. И этих певцов разыскивали в административном порядке. А если не находили, то создавали. Так вот создали и Джамбула. Сама история появления на свет нового великого поэта очень, на мой вкус, типична. Русский поэт и журналист, работавший в 30-е годы в казахской партийной газете (она выходила на русском языке), принес туда несколько

стихотворений. Сказал, что записал их со слов какого-то народного певца-казаха и перевел. Стихи понравились. Напечатали. А тут как раз готовилось торжество великое: показ достижений казахского искусства в Москве. Партийный руководитель Казахстана прочел стихи "неизвестного поэта" в газете. И дал команду: разыскать. Кинулись к журналисту: где твой поэт? Тот стал отнекиваться. Видят: парень соврал. А из беды-то надо выходить. Кто-то вспомнил, что видел подходящего живописного старика: играет на домбре и поет, на фото должен получиться хорошо. По-русски старик ни слова не знает, конфуза не будет. Просто надо ему дать ловкого "переводчика". Так разыскали Джамбула. Срочно сочиненное от его имени восхваление Сталину было отправлено в Москву. Сталину ода понравилась. Это было самое главное. Началась новая и невиданная жизнь Джамбула"» [Курманбаев; Свидетельство...].

По поводу всего этого Е. Курманбаев в заключение пишет:

Да, Джамбула в свое время раскрутили мощно. Из него сделали идеологический фетиш. Казахи, знавшие истинную подоплеку возвеличения Джамбула, стеснительно посмеивались над героем, так и не решившись рассказать подлинную историю. Да и сегодня казахи, конечно, по инерции будут продолжать чтить Джамбула, несмотря на разоблачения Шостаковича. Джамбулу приписали так много всего, что не поклоняться ему как-то даже совестно. Тем более что Джамбул — акын рода шапрашты, рода Нурсултана Назарбаева, и одно это сегодня как бы гарантирует официальное к нему почтение. Поэтому, конечно, никто не станет сносить памятники Джамбулу или переименовывать аулы, города и улицы имени Джамбула. Великий миф сталинских времен будет жить и сегодня, хотя то, что из Джамбула, простого аульного акына, сделали матерого сталиниста, конечно, обидно. Казахам не за что особо благодарить сталинский режим. Да и сам Джамбул, если б знал, вряд ли согласился бы на роль сталинского менестреля [Курманбаев].

Казалось бы, статья должна была вызвать или возражения специалистов, или, если таковые привести возможности нет, положить начало дальнейшему уточнению биографии Джамбула и Карасая. Однако вместо этого газете пришлось иметь дело с судебным иском. К чести казахстанской общественности, из ее среды прозвучали голоса в поддержку «Свободы Слова». Так, 22 июня 2007 г. в Алматы в дискуссионном клубе «Таным» при фонде «Гражданское общество» прошло очередное заседание, посвященное искам к газете «Свобода Слова» и журналисту Е. Курманбаеву от граждан Ж. И. Джамбулова, А. Б. Жамбылова, К. Абдыкалыкова. Дискуссия развернулась вокруг вопроса: правы или не правы журналисты, поднявшие дискуссию о мифологизации казахской истории на примере Карасай батыра и Жамбыла? Руководитель дискуссионного клуба поэт Жумаш Кенебай сообщил присутствующим, что граждане, предъявившие иски «Свободе Слова», были приглашены на дискуссию, но так и не пришли. После этого модератор предоставил слово автору статьи.

Очень коротко Ербол Курманбаев рассказал, что задачей публикации было акцентировать внимание читателей на нарастающей в последние годы мифологизации казахской истории. Назрела необходимость транспонировать на русскоязычную аудиторию то, о чем давно говорится и пишется в казахоязычной среде.

Понятно, что недостаточно героическая история отдельных родов — обидная несправедливость. Но повод ли это мифологизировать историю, вводя в заблуждение массы? История как наука должна быть честной. Любые выдумки низводят ее в лучшем случае до роли обслуги текущей политики. Дискуссия в «Таным» шла на казахском языке, поэтому ниже отдельные выступления приводятся в русских переводах и изложении, приведенном на страницах газеты «Свобода Слова»:

Огня поддал Каришал АСАН-АТА: «Я говорил Ерболу: не трогай Жамбыла. Его стихи никто не оспаривает. <...> Да, есть у Жамбыла стихи про Сталина, Ежова. Но аруахов трогать нельзя!»

У Каришала Асан-ата, однако, нашлись оппоненты.

Серикбай АЛИБАЕВ, политик: «Власть всегда имеет желание использовать известных в обществе людей в своих целях. <...> Что касается Жамбыла, то, конечно, в то время экология была лучше, но ему все же было за 90 лет. А его возили и в Москву, и в Грузию. То есть власть вовсю использовала Жамбыла...»

Кемелбек ШАМАТАЙ, газета «Тасжарган»: «...что касается обиды истцов за Жамбыла, то они не журналиста должны обвинять, а Шостаковича».

Кольдейбек БОДЫБАЙ, газета «Азат»: «В своей книге “Өртенде өнген гүл” Фатима Габитова в главе “Трагедия Жамбыла” поведала историю, которую она слышала от Оразтая, младшего брата Ораза Жандосова. Он рассказал, как их мать, узнав, что Жамбыл написал донос на Ораза и Оразалы, взяла 10-летнего сына Манаса и поехала в аул Жамбыла. Увидев мать Ораза, Жамбыл сильно смутился. Не знал, что сказать, только суетливо приглашал в дом. Зарезали барана. Наутро Жамбыл преподнес матери Ораза 300 рублей, но та сказала: “Я пришла не за сокровищами. Я пришла только взглянуть на благополучного человека”. И ушла. Оразтай дополнил этот рассказ так: “Мама попросила постелить себе на ночь ближе к Жамбылу. Когда все уснули, она схватила Жамбыла за ухо и потребовала: “Говори, где мои сыновья!” В ответ Жамбыл взмолился: “Я совершил безнравственный поступок (Мен имансыз өтетін болдым)”. Мама еще сильнее выкрутила ухо. Только тогда Жамбыл рассказал, что ему устроили очную ставку с Оразом, который спросил Жамбыла, почему он подписал такие гадости про него. Жамбыл ответил, что его так научили».

Правдивая история Жамбыла и Карасая

Назарбек КАНАФИН, журналист, чокановед: «...любой грамотный человек с чистой душой и открытым сердцем знает, кто такой Жамбыл. Он был неграмотным человеком. Это факт. Он говорил об этом в своих стихах. Ездил, обутый в калоши, на ишаке из аула в аул с полосатым коржином (сумкой). Участвовал в айтысах, набивал коржин дареным зерном. В 1936 году стали искать по всему Казахстану старца, который мог бы хвалить Сталина и его кровавый режим, забивая сознание народа, низводя его дух. И нашли Жамбыла. В военное время дали команду, чтобы Жамбыл сочинил стихи про блокадный Ленинград. <...> И пишущие люди, соревнуясь друг с другом, приготовили три варианта. Один вариант дал Гали Орманов. Второй вариант — Таир Жароков. Третий — Абдильда Тажибаев. Устроили нечто вроде конкурса.

Варианты слушали и обсуждали Сабит Муканов, другие известные люди. Решили, что у Гали Орманова слишком спокойные стихи, не взяли их. Затем прочел свое творение Таир Жароков. Голос у него мощный, читал он громко, сильно. В то время он уже был известен, особенно по поэме "Таскын". "Вот это то, что нужно!" — решили члены комиссии. Тем более Таир был в то время в хороших отношениях с Сабитом Мукановым. Прочел свой вариант и Абдильда Тажибаев, но его стих не приняли. Так что стихотворение "Ленинградцы, дети мои..." — это произведение Таира Жарокова. Рукопись его есть в архиве, никуда она не могла деться. А поищите хоть одну рукопись Жамбыла — не найдете. Халижан Бекхожин подтвердил бы это (Қалижан құлағына алтын сырға).

<...> Предки Карасая и Жамбыла не должны обижаться на публикацию, потому что она очищает их предков от грязи. Жамбылу приписывают оды о батыре Ежове. От этих од нужно избавляться. Газета работает на будущее народа. Поэтому народ поддержит "Свободу Слова"!»

История для одного человека

Назым НИЯЗИ, журналист, Узбекистан: «С одной стороны правильно, что журналист "Свободы Слова" поднял эту тему. Но хоть Жамбыл и был безграмотным, такое было время. И поэтому дух предков трогать не надо было. Но что написано, то написано. И я не поддерживаю то, что потомки обратились в суд. Им надо было высказать в прессе свое мнение. На самом же деле за всем этим стоит большая политика. И чтобы противостоять этой силе, нужна международная журналистская сила. Я готовлю обо всем этом материал для "Правды Востока", выходящей в Ташкенте».

Рысбек САРСЕНБАЙУЛЫ, газета «Жас Алаш»: «У газеты не было цели оскорбить потомков Жамбыла или Карасая. Статья направлена на то, чтобы предотвратить искажение истории. Эта статья — пример для историков, литераторов, поэтов, для всего общества. Поэтому потомкам Жамбыла и Карасая не было нужды поднимать шум. Газета давала им возможность высказать свое мнение, если они с чем-то не согласны. Но они не стали писать в газету. У них другая цель — закрыть газету! Об этом говорят исковые заявления, в которых содержится требование конфисковать у газеты имущество и арестовать ее расчетный счет.

Когда истцы требуют столько денег, это — политика. Но они очень неудачно выбрали тему, надо было найти что-нибудь другое. <...> В статье написана правда. Поэтому мы поддерживаем газету. Если участники заседания не против, то предлагаю учредить общественный комитет по защите "Свободы Слова"».

Зауреш БАТТАЛОВА, общественный деятель: «Я внимательно прочитала статью. Там нет никаких оскорблений Жамбыла или Карасая. Журналисты задались вопросами: почему искажаются исторические факты? Почему в историю вводятся придуманные персонажи? Если у нас — свобода слова, то газета имеет право давать разные мнения. Если вы не согласны с этими мнениями, приходите в дискуссионный клуб, организуем дискуссию. Или пишите в ту же газету. А вместо этого потомки Карасая и Жамбыла подали в суд».

Участники заседания приняли решение о создании Комитета по защите газеты «Свобода Слова». В него вошли писатели Курал Токмурзин, Сапабек Асипов,

Габбас Кабышулы, Каришал Асан-ата, Мырзан Кенжебай, Жумаш Кенебай, а также Зауреш Батталова, Рысбек Сарсебайулы, Серикбай Алибаев, Кемелбек Шаматай, Кольдейбек Бодыбай, Назарбек Канафин, Гульжан Касенова, Розлана Таукина, Абдеш Даирбаев, Назым Ниязи [см.: Создан комитет...].

На этом история с иском не закончилась. К сожалению, материалы по иску к Ерболу Курманбаеву и «Свободе Слова» публикуются только в самой газете «Свобода Слова». Почти все другие русскоязычные и казахоязычные СМИ промолчали. Между тем судья Алмалинского района г. Алматы Гульшахар Чанибекова вскоре по предъявлении иска подготовила определение по заявлению истцов, которые попросили назначить историко-филологическую и политологическую экспертизу. И дело было приостановлено до окончания проведения экспертизы.

По этому поводу Иса Акбаров на страницах все той же «Свободы Слова» писал:

> ...в Казахстане идет массированная мифологизация истории, появляются новенькие памятники литературы XVIII века. Об этом говорится, кстати, в нашей вызвавшей споры статье. И если теперь от ученых потребуют экспертное заключение, найдут ли они, наконец, мужество сказать правду о современной совершенно ненаучной мифологизации истории или будут, как и прежде, увиливать от подлинно научных, достоверных ответов, укрывшись за какой-нибудь казуистикой? Это, конечно, большой вопрос [Акбаров].

В том же номере помещена статья Радика Темиргалиева «Почему у казахов нет истории». Вслед за заглавием идет редакционная врезка: «помнится, еще Олжас Сулейменов как-то сказал о том, что он знает историю России, Ирана, Китая, но не знает историю своей родной страны. Эти слова поэта прозвучали еще в далекое советское время, они по-прежнему актуальны. Годы независимости ничем не помогли в борьбе с зияющими "белыми пятнами" в истории Казахстана». Заканчивается статья следующими словами:

> По-настоящему честная история тяжело принимается как государством, так и обществом. Но тот факт, что на газету «Свобода Слова» и журналиста еще и подают в суд, вызывает только недоумение. С одной стороны, я не верю, что чисто юридически можно признать публициста и газету виновными в нанесении морального ущерба потомкам Карасая и Джамбула. С другой стороны, суды в Казахстане могут многое, особенно если вопрос касается представителей оппозиции. В случае же появления прецедента осуждения кого-то за неугодное освещение истории, можно будет уверенно говорить о том, что у казахов истории не только нет, но и не будет никогда [Темиргалиев].

В номере от 5 июля 2007 г. помещен отклик иного рода на ту же историю с иском — статья доцента кафедры юриспруденции Евразийского национального университета им. Гумилева Марата Аленова «Где правда, а где ложь. Лучше о предках спорить не в суде». Автор ее предупреждает:

> Полагаю, что у истцов могут возникнуть проблемы относительно того, что они действительно являются потомками лиц, которые известны в нашей отечественной

истории. Суд потребует (или должен потребовать) подтверждения родственных связей, а сделать это посредством официальных документов будет непросто. Что касается выставленных требований (обычно они идут вторым пунктом), то они просто удручают. Мое твердое убеждение: сумма иска — несусветная [Аленов].

Автор советует истцам пойти на мировое соглашение с ответчиками. Однако при этом он оговаривается:

Я не являюсь поклонником творчества Джамбула. Кроме его произведения о ленинградцах, мне мало что известно. Но мне неприятно, когда его описывают как неграмотного бродягу, который «ездил, обутый в калоши, на ишаке из аула в аул с полосатой сумой, набивая ее дареным зерном». Цитата взята из газеты «Свобода Слова» от 28 июня 2007 года, и я полагаю, что такое может писать только человек, который это видел или может это доказать, раз ситуация перешла в судебно-процессуальную плоскость [Там же].

В том же номере, сразу под этой статьей, — видимо, как раз в порядке доказательства, — под заглавием «Брусиловский — о Джамбуле» помещены фрагменты из сохранившихся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан воспоминаний композитора Евгения Григорьевича Брусиловского, внесшего большой вклад в развитие казахского музыкального искусства (возможно, именно о нем идет речь в вышеприведенном свидетельстве Д. Шостаковича). Ввиду важности и неизвестности до настоящего времени этого текста воспроизведем его здесь полностью:

В 1935 году в «Казахстанской правде» была опубликована великолепная поэма акына Маимбета «Песнь о Асане Кайгы» в русском стихотворном переводе Павла Кузнецова. Это было, в некоторой степени, событие. Таких удачных переводов раньше не было. Была очень тонко передана ритмика казахского языка, своеобразный язык, художественная образность! Павла Николаевича поздравляли.

Он скромно, без улыбки принимал поздравления. Человек это был резкий, порой грубоватый и неулыбчивый.

Через некоторое время в «Казахстанской правде» появилась вторая стихотворная поэма Маимбета «Сказание о Жеруюк» в переводе П. Н. Кузнецова. На этот раз в середине текста поэмы была помещена небольшая фотография, по-видимому, самого Маимбета. Бедная одежда, домбра, худое, удлиненное лицо со следами трудной жизни, почти незрячие глаза и высокая баранья шапка. Акын как акын. Человек из степи.

Опять было много высказываний и впечатлений. Но тут прошла волнующая весть о предстоящей в мае 1936 года декаде казахской литературы и искусства, и все другие события сразу отошли на задний план. Казахское искусство и литература впервые в истории будут десять дней в центре внимания столичной общественности. Повод для волнения более чем достаточный.

Прошли уже в напряженном труде первые месяцы 1936 года, когда пришла из Москвы телеграмма Л. И. Мирзояна, обязывающая срочно найти акына Маимбета, привести его в порядок, хорошо одеть и включить его в состав делегации Казахстана с тем, чтобы он сочинил поэму в честь Сталина с русским переводом П. Кузнецова. Организационными вопросами декады занимался зампред Совнаркома Алиев.

Он немедленно созвал совещание с одним вопросом: где найти Маимбета? На дворе стоял март, декада в мае — надо было торопиться. Но никто из приглашенных на совещание ничего вразумительного сообщить не смог. Маимбета никто не знал, и никто его не видел.

Как быть? Решили спросить Кузнецова. Пригласили Павла Николаевича и задали сакраментальный вопрос: где он встречался с Маимбетом? Если он делал переводы Маимбета — значит, он знает его и встречался с ним? Вопрос оказался трудным. Кузнецов сообщил, что когда он ехал на машине из Актюбинска в Кзыл-Орду, то по пути встретил где-то на полустанке утомленного, запыленного человека. Этот человек был бедно одет и зарабатывал себе хлеб насущный тем, что пел под домбру свои импровизации. Его звали Маимбет. Он якобы скрывался от секретаря Актюбинского обкома партии Досова, который хотел отправить его в психиатрическую больницу.

Рассказ Кузнецова произвел большое впечатление. Такие прецеденты были и раньше. В свое время баи возненавидели знаменитого певца Биржан-сала и, объявив его безумным, посадили на цепь. Это был надежный способ изоляции нежелательной личности.

Тогда срочно запросили Кзыл-Ординскую психиатрическую больницу: не поступал-де, мол, к вам такой худой, запыленный человек по имени Маимбет. Больница сообщила: нет, не поступал. А время шло. В перспективе уже виднелся апрель, а никаких следов загадочного Маимбета никто не смог обнаружить.

Надо было срочно что-то предпринять. Заседания у Алиева проходили при малярийной температуре. Времени почти не оставалось. Уже стало ясно, что поиски Маимбета безнадежны. Был ли в действительности Маимбет или не был, но сейчас, в этот момент аварийно-срочно был нужен опытный, авторитетный казахский акын. В конце концов, пусть у него будет и другое имя. Разве дело в имени? Дело в таланте.

Назывались имена известных акынов в Карагандинской, Акмолинской и Актюбинской областях, но кто-то вдруг предложил: «Зачем искать так далеко, когда тут рядом, в Кастеке, живет старик, хороший акын, его весь наш район знает. Ему, однако, уже за 80, но он еще бодро ездит на базары. Зовут его Джамбул». Старика привезли в Алма-Ату. Ему было 89 лет. Он был профессиональным акыном, и все акыны Алма-Атинской области во главе с Кененом считали его своим учителем. Это был еще крепкий человек, бодрый, энергичный и жизнерадостный. Он любил свою профессию, любил хорошо поесть и был не прочь поухаживать за молодыми женщинами. Свои семислоговые, термеобразные стихи он сочинял быстро и легко. Он также быстро завоевал общие симпатии. Русского языка он совершенно не знал, но к нему прикомандировали на первое время молодого поэта Касыма Тогузакова, который должен был выполнять функцию секретаря великого акына.

За короткое время талантливый поэтический тандем Джамбул — Павел Кузнецов создал на русском языке огромное количество великолепных произведений. Года через два переводами Джамбула стал заниматься К. Алтайский и многие другие, но лучшие образцы поэтического творчества Джамбула связаны с именем Павла Кузнецова.

После Касыма Тогузакова поэтическими секретарями Джамбула были многие другие одаренные казахские поэты: Калмакан Абдукадыров, Таир Жароков, Абдильда Тажибаев, Гали Орманов, и каждый из них в меру своих сил и способностей оказывал великому народному певцу необходимую профессиональную консультацию и помощь.

Так искали Маимбета, а нашли Джамбула. Так, благодаря случаю, Джамбул начал свою поэтическую карьеру на девяностом году жизни. Истории культуры человечества

известны случаи раннего проявления гениальных способностей в детстве или юности. Моцарт начал сочинять музыку в пять лет, Артюр Рембо свои лучшие стихи сочинил в 16 лет, Э. Галуа за свою короткую жизнь уже в 17 лет создал математическую теорию, послужившую основой создания современной алгебры. Но чтобы поэт начинал свой профессиональный путь в 90 лет, истории такие прецеденты неизвестны. Конечно, Джамбул сочинял свои стихи и до 89 лет. Но, во-первых, неизвестно, какие это были стихи, а во-вторых, по своему масштабу и содержанию они, безусловно, не поднимались до идейного уровня его творчества после 1936 года. Таким образом, настоящий Джамбул начинается только в 1936 году.

В Алма-Ате Джамбулу поставили памятник. Пусть слава о нем живет в веках. А Кузнецов? Кузнецова решили забыть. Но разве поэзия Джамбула стала достоянием культуры всей страны не благодаря русскому языку? Разве стихи Джамбула в оригинале, на казахском языке, по мастерству и красоте языка равны стихам Нурпеиса Байганина, Шушубая или Доскея? Может быть, удачный русский перевод повысил их качество? Разве перевод стихов не является творческой работой? Разве переводы Пушкина, Лермонтова, Абая не являются оригинальным творчеством?

Творчество Джамбула неразрывно связано с творчеством П. Н. Кузнецова. Это их совместное достижение. Памятник Кузнецову, вероятно, ставить не надо, сказать merci следовало бы. Но увы, его до сих пор не произнесли. Очень жаль [ЦГА РК, ф. № Р-999, оп. 1, тетр. 4, цит. по: Брусиловский — о Джамбуле].

В заключение приведем фрагменты из некоторых откликов на предъявленный газете иск, опубликованных в «Свободе Слова» от 14 июня 2007 г. Под заглавием «Недостойный иск» помещена заметка писателя Сапабака Асипова. Приведем ее полностью:

Для потомков Жамбыла иск к газете «Свобода Слова» — позорный иск. Сам Жамбыл на такое никогда бы не пошел. Истцы Ж. И. Джамбулов, А. Б. Жамбылов, К. Абдыкалыков не понимают, что такое фальсификация истории. На 100 % права Гульжан Ергалиева, отметившая, что «ни одного слова, оскорбляющего честь и достоинство героев статей, не было. А была дискуссия о том, должна ли история фальсифицироваться в угоду политике».

Критикуя мифологизацию Жамбыла, Ербол Курманбаев защищает на самом деле Жамбыла, оказывая его потомкам большую услугу. Жамбыл никогда не был ортодоксом-коммунистом, поддерживавшим Ежова и сталинские репрессии, голод, геноцид казахского народа.

Я — старый писатель-публицист. Иск вышеназванных потомков Жамбыла и Карасая считаю недостойным поступком, желанием заработать деньги, притом немалые. Хочу напомнить один случай, поднявший большой шум без малого 30 лет тому назад.

Ушедший недавно в мир иной крупный писатель Сафуан Шаймерденов в одном из интервью громогласно заявил, что нет такого великого акына Жамбыла, что он создан современниками-поэтами. Как вы думаете, не нашлись защитники Жамбыла? Нашлись, его многие защищали. А их противники доказывали, что на Жамбыла работали секретари. Вместе с тем признавали, что Жамбыл был достойным акыном. Главное, шум не поднимался до потолка. О суде, взыскании морального ущерба не было и речи.

Меня до глубины души удивляет, как могли у великого Жамбыла появиться на белый свет такие бедные потомки, своей беспредельной жадностью оскорбляющие

великого предка. Между прочим, казахи из поколения в поколение передают, что о достоинстве предков судят по их потомкам. Искатели многомиллионных сумм должны помнить об этом [Асипов].

Под заглавием «За правдивого Джамбула» приведен отклик Якова Упорова:

> Услышав однажды, что Джамбул гостил у Сталина, я зарекся читать о нем и его вещи. Если бы не бренд «Свобода Слова», прошел бы мимо статьи «Карасай батыр — казахский Илья Муромец». Но прочитал с интересом, удивлением и грустью: вот что делает власть с народом и поэтом. Внукам поэта уважать бы знающего много правды об их предке и найти человека, способного подготовить издание стихов, приписанных Джамбулу (с указанием авторов), и его настоящих стихов. Тогда бы поняли поэта и его время, а заодно и себя.
>
> А если у Джамбула не отделены зерна от плевел, то не пройдут ли будущие потомки мимо поэта? Кто решится читать, изучать наследие по подделкам, которые были возможны всегда, даже в стихах поэтов досталинского периода? <...> Почему город Джамбул стал Таразом? Может быть, знай наш народ настоящего Джамбула, он отстоял бы прежнее название. Сам Джамбул мог ошибаться, но чтобы он осмысленно шел на подлог — это вряд ли — засмеют же. Мы должны разобраться в этой сложной ситуации, тогда мы и подавно разберемся с дураками и ворами [Упоров].

Наконец, помещено здесь также и «Заявление», подписанное «Общенациональной социал-демократической партией» и «Демократической партией Казахстана “Нагшыз Ак Жол”»:

> Мы считаем, что каждый гражданин Республики имеет право обращаться в судебные органы и требовать справедливого решения в отношении своей попранной чести и достоинства. Но эти требования должны быть ограничены пределами разумной достаточности и реальной оценкой причиненного ущерба.
>
> С другой стороны, мы убеждены, что судебные органы не должны принимать в производство судебные претензии, основанные на эмоциях и субъективной трактовке материала журналиста. Между тем если речь идет о независимых СМИ, едва ли не каждая претензия к ним достигает судебной стадии, и зачастую решение суда влечет за собой очень серьезные последствия, вплоть до приостановления выхода и отзыва лицензии. Примечательно, что количество разного рода сомнительных претензий к независимым газетам резко увеличивается накануне важных избирательных кампаний.
>
> Именно в таком ключе мы воспринимаем недавно выдвинутый фантастический иск на 800 миллионов тенге в отношении газеты «Свобода Слова», опубликовавшей в начале года статью дискуссионного характера [Заявление по газете «Свобода слова»].

В настоящей статье решаются чисто историко-литературные задачи. Поэтому из статей, имеющих хотя бы отчасти пропагандистски политический характер, приведены только фрагменты, имеющие прямое отношение к ее теме. Хочется надеяться, что во многом благодаря газете «Свобода Слова» в Казахстане и в России, наконец, узнают правду о Джамбуле и по достоинству оценят сталинский миф о нем, к созданию которого сам поэт был, судя по всему, совершенно непричастен.

Окончательное решение по иску «потомков Карасая и Джамбула» на момент собирания материалов для настоящей статьи еще не было принято. Однако судя по тому, что газета благополучно издается и поныне, «Свобода Слова» в современном Казахстане еще есть!

Акбаров И. Потомки Карасая и Джамбула против «Свободы Слова» // Свобода Слова. 2007. 12 июля. [Akbarov I. Potomki Karasaja i Dzhambula protiv «Svobody Slova» // Svoboda Slova. 2007. 12 ijulja.]

Аленов М. Где правда, а где ложь. Лучше о предках спорить не в суде // Свобода Слова. 2007. 5 июля. [Alenov M. Gde pravda, a gde lozh'. Luchshe o predkah sporit' ne v sude // Svoboda Slova. 2007. 5 ijulja.]

Асипов С. Недостойный иск // Свобода Слова. 2007. 14 июня. [Asipov S. Nedostojnyj isk // Svoboda Slova. 2007. 14 ijunja.]

Брусиловский — о Джамбуле // Свобода Слова. 2007. 5 июля. [Brusilovskij — o Dzhambule // Svoboda Slova. 2007. 5 ijulja.]

Заявление по газете «Свобода слова» // СМИ и право. 2007. 14 июня. [Zajavlenie po gazete «Svoboda slova» // SMI i pravo. 2007. 14 ijunja.]

Курманбаев Е. Карасай батыр — казахский Илья Муромец // Свобода Слова. 2007. 25 января. [Kurmanbaev E. Karasaj batyr — kazahskij Il'ja Muromec // Svoboda Slova. 2007. 25 janvarja.]

Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича, записанные и отредактированные Соломоном Волковым [Электронный ресурс] / с новым предисл. В. Ашкенази / обратный пер. с англ. URL: http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf [Svidetel'stvo. Vospominanija Dmitrija Shostakovicha, zapisannye i otredaktirovannye Solomonom Volkovym [Electronic resourse] / s novym predisl. V. Ashkenazi / obratnyj per. s angl. URL: http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf]

Создан комитет по защите Свободы Слова / подгот. А. Барак // Свобода Слова. 2007. 28 июня. [Sozdan komitet po zashhite Svobody Slova / podgot. A. Barak // Svoboda Slova. 2007. 28 ijunja.]

Темиргалиев Р. Почему у казахов нет истории // Свобода Слова. 2007. 12 июля. [Temirgaliev R. Pochemu u kazahov net istorii // Svoboda Slova. 2007. 12 ijulja.]

Упоров Я. За правдивого Джамбула // Свобода Слова. 2007. 14 июня. [Uporov Ja. Za pravdivogo Dzhambula // Svoboda Slova. 2007. 14 ijunja.]

ЦГА РК. Ф. № Р-999. Оп. 1. [CGA RK. F. № R-999. Op. 1.]

Статья поступила в редакцию 27.01.2015 г.

УДК 94(470)“17” + 929.7 + 355.332(571.1/5)

А. В. Дмитриев

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ПОЛЕВЫХ ПОЛКОВ СИБИРСКОГО КОРПУСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1760-х гг.

В статье проанализирован по ряду параметров командный состав полевых полков Сибирского корпуса второй половины 1760-х гг. с целью определить особенности имперской государственной политики в сфере комплектования вооруженных сил страны. На основе изучения архивных материалов выяснено, что при численном преобладании среди офицеров лиц, происходивших из дворян, многие из них принадлежали к мелкопоместному дворянству, что в значительной степени стирало дистанцию между ними и их подчиненными, выходцами из тяглых сословий. Комплектование полков Сибирского корпуса людьми, обладавшими служебным стажем и боевым опытом, объясняется существованием реальной угрозы военного столкновения с Китаем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Российская империя; XVIII век; вооруженные силы; офицерский корпус; дворянство; Сибирь.

Период царствования императрицы Екатерины II (1762–1796) традиционно характеризуется как время наивысшего могущества Российской империи и всегда привлекает внимание исследователей. Однако вплоть до настоящего времени изучены далеко не все аспекты сибирской истории второй половины XVIII столетия. К ним, в частности, относится и проблема кадрового состава подразделений русской регулярной армии, находившихся в структуре Сибирского корпуса с середины 1760-х гг. Данный сюжет привлек наше внимание по ряду причин.

Во-первых, сведения о кадровом составе русской армии имперского периода дают возможность не только проследить биографии отдельных лиц, занимавших командные должности в тех или иных воинских частях, но также позволяют судить о том, насколько сохраняла в этот период военная служба свою значимость в качестве важнейшего канала вертикальной социальной мобильности в империи. Обобщающие работы современных исследователей, к сожалению, почти не содержат конкретных данных по подразделениям, дислоцированным в различных регионах страны [Волков; Охлябинин; Волкова]. Публикации же, посвященные динамике кадрового состава русской армии, либо относятся к более раннему

© Дмитриев А. В., 2015

периоду первой половины XVIII в. [Калашников; Черников], либо охватывают армейский генералитет, но не офицерство [Феофанов].

Похожая ситуация наблюдается и в зарубежной историографии. Исследований, посвященных военной истории России, а также истории русской армии, в том числе по интересующему нас периоду, немало [см., напр.: Keep; Fuller; Davies], однако в работах подобного плана, как правило, мы не находим обобщающих выводов относительно сословного происхождения и карьеры военнослужащих, которые базировались бы на конкретных данных. Исключением являются публикации Э. Виртшафтер, изучавшей по схожим с интересующими нас параметрам рядовой состав русской армии в послепетровскую эпоху [Wirtschafter, 1990; 1995].

Во-вторых, указанная проблема до сих пор рассматривалась на сибирских материалах, как правило, применительно к контингенту чиновничества, находившегося на гражданской службе, хотя ряд лиц в аппарате местного управления носили также и военные чины [см.: Быконя; Акишин; Ананьев]. Командный и офицерский состав же Сибирского корпуса фактически остается неизученным, поскольку даже в исследованиях С. В. Андрейчука, посвященных истории корпуса на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в., соответствующие сведения немногочисленны [Андрейчук, 2010; 2011а; 2011б].

Исходя из этого, мы поставили своей задачей продемонстрировать, какие возможности для решения указанной проблемы предоставляет изучение списков личного состава армейских подразделений за вторую половину XVIII в., сосредоточенных в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, ф. 490 «Коллекции офицерских сказок»). Для этого нами были использованы данные о штаб-офицерах (полковниках, подполковниках, премьер- и секунд-майорах), а также носителях высшего обер-офицерского чина (капитанах и ротмистрах), содержащиеся в списках 11 полевых полков Сибирского корпуса за январскую треть 1767 г. [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 131–596 об.][1]. Среди интересующих нас параметров: сословное происхождение и социальный статус, возраст и стаж службы, боевой опыт, дисциплинарные показатели всех этих людей. Соответствующие данные как раз и содержатся в изученных нами списках личного состава, представлявшихся командующими дивизий и корпусов в Военную коллегию с начала 1760-х гг. по прошествии каждой трети года (т. е. через каждые четыре месяца) [см.: Татарников].

Всего нами были изучены данные относительно 107 человек, на момент составления указанных списков находившихся на действительной службе, из них 37 человек — штаб-офицеры, а еще 70 человек — в чинах капитанов и ротмистров. Капитанское звание также имели корпусной обер-аудитор и адъютант командующего корпусом, на этом основании включенные нами в общий перечень. Таким образом, эти люди представляли весь командный состав сибирских полевых

[1] Список Якутского карабинерного полка датируется не январской, а майской третью 1767 г. Именные списки младших обер-офицеров (поручиков и прапорщиков) за названный год, к сожалению, не сохранились. Соответствующие данные в ф. 490 встречаются только с 1769 г., когда состав воинских частей в структуре корпуса уже претерпел некоторые изменения: в частности, из Сибири были выведены Томский и Селенгинский пехотные полки.

частей: полковые командиры, офицеры полковых штабов и ротные командиры. Любопытно отметить, однако, что лица дворянского происхождения среди них не составляли абсолютного большинства, а данные относительно сословного происхождения этих офицеров дают интересную и достаточно пеструю картину. Представителей российского «благородного шляхетства» насчитывалось 47 человек (почти 44 %), хотя к ним можно также добавить четверых «обер-офицерских детей»[2] (здесь и далее все подсчеты сделаны нами по: [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83]). Второй по численности группой оказываются лица нерусского происхождения — остзейские немцы и выходцы из европейских стран, таковых насчитывалось 35 человек (чуть менее трети). Вместе с тем, еще 21 человек (почти 20 %) оказались выходцами из «неблагородных» сословий, сумевшими, впрочем, выслужить себе штаб- и обер-офицерские чины.

Особенно замечательной выглядит карьера подполковника Селенгинского пехотного полка К. Пекурина. Родившись в 1726 г. в семье рядового солдата, он достиг своего чина уже в 1764 г., в возрасте 38 лет! С 1742 г. поступив для обучения в Инженерный корпус, он быстро получил чин кондуктора (инженерный специалист унтер-офицерского ранга), в 1751 г. перевелся во 2-й гренадерский ландмилицейский полк на Украине уже с чином поручика, с началом Семилетней войны в 1756 г. поступил капитаном в 5-й мушкетерский полк Обсервационного корпуса, в 1758 г. вышел в отставку с чином коллежского асессора (равным майорскому), но уже в 1762 г. вернулся к военному поприщу, получив назначение в формируемый Якутский конный ландмилицейский полк в чине премьер-майора, а затем, в конце концов, был причислен к Селенгинскому полку с производством в подполковники [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 207 об., 208]. Столь быстрым возвышением он, вероятно, не в последнюю очередь был обязан полученному им специальному военному образованию: в его формулярном списке специально подчеркивалось, что он, помимо умения читать и писать, «инженерной науки и часть фортификации знает», а после временного выхода в отставку определился «в Новгородскую губернию к межевым делам». Как видим, инженерное образование открывало целый ряд возможностей для достижения успеха в жизни выходцам из непривилегированных сословий.

Другим способом быстро продвинуться по служебной лестнице оказывались, несомненно, участие в военных кампаниях и полученные в ходе них отличия и награды. Премьер-майор Сибирского драгунского полка Н. Копотов и его сослуживец в том же чине из Олонецкого полка В. Арбеков (оба — сыновья солдат) успешно зарекомендовали себя в главных сражениях Семилетней войны 1756–1762 гг. Первый участвовал в сражениях при Цорндорфе 1758 г. и Кунерсдорфе 1759 г., состоя дежур-майором[3] при командире дивизии, «употребляем был

[2] «Обер-офицерскими детьми» назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов — от XIV до XI по Табели о рангах, дававшие не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство [см.: Волков, с. 55].

[3] Дежур-майор — в русской армии XVIII в. штаб-офицер при командующем, назначающий дежурства и караулы.

в самый жестокий огонь с повелениями» [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 166 об., 167]. Начав кампанию поручиком в 1757 г., он уже в 1760 г. сделался секунд-майором, когда ему исполнился только 31 год. Второй был ранен пулей в бок под Цорндорфом, а в 1761 г. во время осады Кольберга при взятии неприятельской батареи получил пулю в левую руку [Там же, л. 169 об., 170]. Отправившись на войну подпоручиком, он через шесть лет (в 1763 г.) также успел дослужиться до секунд-майора, правда, уже в возрасте 43 лет. Целый ряд аналогичных примеров, свидетельствующих о стремительном возвышении отличившихся на поле брани офицеров, будет приведен нами ниже.

Среди капитанов и ротмистров мы также находим более полутора десятков лиц «неблагородного» происхождения: кроме солдатских детей, здесь встречаются сыновья крестьян и посадских, купцов и подьячих, церковнослужителей, армейских унтер-офицеров. Даже должность обер-аудитора Сибирского корпуса (т. е. ответственного за произведение следствия и ведение переписки командующего по судебным и дисциплинарным делам) капитанского ранга занимал выходец из солдатских детей И. Волынкин, уроженец Тобольска, начавший службу рядовым в Новоучрежденном полку 30 годами ранее [Там же, оп. 1, д. 281, л. 30 об., 31, 95 об., 96; оп. 3, д. 83, л. 196 об., 197]. Некоторые из них достигали высшего обер-офицерского чина в самом молодом возрасте, хотя также начинали простыми солдатами. Так, в Томском пехотном полку А. Серебряков (из крестьянских детей) сделался капитаном в 27 лет, а В. Паклин из Олонецкого драгунского полка (сын унтер-офицера) получил этот чин в 28 лет [Там же, оп. 3, д. 83, л. 138 об., 139, 187 об., 188]. Карьере обоих также сильно способствовала Семилетняя война.

Переходя далее к характеристике офицеров-дворян, прежде всего, отметим, что после издания Манифеста о вольности Петра III (1762), казалось бы, представители дворянского сословия должны были в массовом порядке покидать государственную службу. Однако, как свидетельствуют изученные нами данные, ничего подобного не произошло. Более того, в чинах от капитана и выше доля дворян среди армейских офицеров приближалась к половине. Чем можно объяснить эту тенденцию? Некоторые из современных исследователей либо усматривают в качестве главной причины специфику политического сознания русского дворянства XVIII в., диктовавшего необходимость неразрывной связи с государственной службой [см., напр.: Марасинова, 2007а; 2007б], либо даже просто констатируют, что после 1762 г. «многие дворяне, освободившись от обязательной службы, обратились к ведению хозяйства в своих имениях» [Медушевский, с. 806]. На наш взгляд, картина гораздо прозаичнее — более половины русских дворян середины и второй половины XVIII столетия просто не могли позволить себе жить на доходы от своих мелких и мельчайших имений, поэтому вынуждены были оставаться на службе. Совершенно справедливо замечание Д. Ливена относительно образа русского провинциального дворянина, «как правило, владевшего... не слишком плодородными и богатыми землями, которые к тому же приходилось делить между детьми и наследниками». Именно это заставляло большинство дворян стремиться на государственную службу, ведь

провинциальный дворянин также «мог рассчитывать на выгодную и престижную карьеру на царской военной или гражданской службе» [Ливен, с. 396–397].

Сведения об имущественном положении офицеров-дворян в полках Сибирского корпуса полностью подтверждают приведенное выше замечание. Из 44 человек, числивших за собой какое-то число крепостных душ (у троих собственных крестьян не было вовсе), 23 человека (т. е. более половины) показывали себя владельцами 20 и менее крепостных мужского пола (далее — м. п.)! Еще 20 человек оказались владельцами от 21 до 100 душ, хотя подавляющее большинство среди них составляли помещики, у которых число крепостных не превышало 50. И только четверо принадлежали к средним или богатым земле- и душевладельцам, правда, у троих из них имения были записаны за кем-то из родителей. Единственным полноправным владельцем среди них был командир Ревельского драгунского полка полковник И. Нагаткин, числивший за собой в Симбирском уезде 110 душ м. п. [РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 135, л. 85 об., 86; д. 136, л. 92 об., 93; д. 309, л. 1 об., 2; д. 393, л. 9 об., 10; оп. 3, д. 83, л. 159 об., 160]. Секунд-майор Томского пехотного полка Н. Марков показывал, что у его отца 700 душ м. п., его сослуживец капитан кн. А. Голицын — 400 душ м. п. за отцом, капитан Селенгинского пехотного полка А. Бахтеев — 1 000 душ м. п. за матерью [Там же, оп. 3, д. 83, л. 136 об., 137, 139 об., 140, 213 об., 214].

Однако перечисленные случаи являлись, конечно, исключением. Типичным для армейского штаб-офицера тех лет в материальном плане выглядело положение подполковника Азовского драгунского полка В. Абарина (50 душ м. п.), премьер-майора Луцкого драгунского полка А. Рычкова (45 душ м. п.), секунд-майора Сибирского драгунского полка Ф. Ланского (60 душ м. п.) [Там же, л. 161 об., 162, 169 об., 170, 175 об., 176]. Среди обер-офицеров из 14 человек, владевших более чем 20 душами крепостных, только половина (семеро) числили эти души за собой, а не за родителями или братьями. И только у двоих из них число душ составляло 50 и более — капитан Ревельского драгунского полка Е. Белов показал себя владельцем 60 крепостных м. п., а капитан Троицкого драгунского полка Н. Кологривов имел 50 душ [Там же, л. 178 об., 179, 180 об., 181]. Наконец, весьма показателен следующий факт: из девяти человек дворянского происхождения в майорских чинах семеро владели 20 и менее душами крепостных м. п. Думается, приведенных данных уже достаточно для того, чтобы сделать вывод: именно незначительность материального благосостояния значительного большинства русских дворян удерживала их на государственной службе (прежде всего, военной), давая надежду хоть как-то поправить свое положение за счет жалования от казны или наград за те или иные достижения. И. В. Фаизова приводит подсчеты, согласно которым доля лиц, владевших менее чем 20 душами крепостных м. п., составляла более половины от численности всех дворян-помещиков в стране (59 %). Заметим, что цифра в 20 душ как раз и считалась границей, отделявшей неимущих землевладельцев от тех, кто хоть сколько-нибудь соответствовали тогдашнему «прожиточному минимуму» [Фаизова, с. 48–51]. Фактически ту же картину нарисовал в отношении гражданской бюрократии С. М. Троицкий, говоря о преобладании «средних

и особенно мелких душевладельцев среди чиновничества России в XVIII в.» [Троицкий, с. 302].

Еще одной интересной особенностью является значительная (как уже отмечалось выше, около трети) доля иностранцев, состоявших на службе в полках Сибирского корпуса. Причем если в чинах капитанов и ротмистров их насчитывалось менее 30 % (19 человек), то среди штаб-офицеров их было более 40 % (16 человек, правда, один из них принадлежал к «малороссийскому», т. е. украинскому дворянству). Среди полковых командиров же они вообще составили подавляющее большинство — 8 из 10 человек[4]. Вопреки расхожему мнению, что подобную картину можно было наблюдать только во времена «немецкого засилья» в 1730-е гг. при правлении императрицы Анны Иоанновны, мы видим, что и во второй половине XVIII столетия прибалтийские немцы и западноевропейцы продолжали занимать видные места на русской военной службе. Даже если исключить из их числа четверых «иноземцев старых выездов» (так обозначались сыновья и внуки иностранных подданных, родившиеся уже на территории России) и упомянутого малороссийского шляхтича (секунд-майор Селенгинского пехотного полка М. Березинский), цифра все равно получается достаточно внушительной.

География происхождения этих людей весьма разнообразна. Одним из определяющих факторов здесь, конечно, выступал индикатор религиозного вероисповедания, поскольку выходцев из тех европейских государств, где давно преобладал протестантизм (Швеции, Великобритании, Нидерландов, Пруссии и ряда германских княжеств), на службе в России XVIII столетия всегда было больше, нежели представителей католических держав (Австрии, Франции, Испании). Не забудем и о многочисленной диаспоре «остзейцев» (курляндцев и лифляндцев), на всем протяжении XVIII в. сохранявших значительное влияние в придворных и военных кругах империи. Последних в рядах сибирских офицеров насчитывалось 14 человек, в том числе и адъютант командующего Сибирского корпуса генерал-поручика И. фон Шпрингера А. Беренц, поступивший в русскую армию в 1758 г. 18-летним юношей. Уже в 1760 г. он побывал в Берлине, занятом на несколько дней русскими войсками, а в 1761 г. находился при осаде и взятии Кольберга [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 198 об., 199]. Кроме того, здесь же мы находим представителей известной в Сибири фамилии Якоби — полковник Селенгинского пехотного полка И. Якоби[5] и служивший под его началом капитан П. Якоби были родными братьями, сыновьями генерал-майора и коменданта г. Селенгинска В. Якоби, перебравшегося в Россию еще в первой четверти XVIII в. [Там же, л. 207 об., 208, 211 об., 212].

Аналогичный пример мы наблюдаем в Колыванском драгунском полку, где под началом испанца, уроженца Барселоны полковника Ф. де Гарриги служили в капитанских чинах его сыновья Иван и Ерофей. В Вологодском полку числился капитан А. де Вильнев, сын томского коменданта полковника Т. де Вильнева

[4] Командир Олонецкого драгунского полка полковник П. Арцыбашев к весне 1767 г. уже оставил свою должность, так что управление полком временно было возложено на подполковника И. Штендера.

[5] И. В. Якоби впоследствии стал генерал-губернатором Иркутского и Колыванского наместничеств.

[РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 157 об., 158, 184 об., 185, 191 об., 192]. Небезынтересно отметить, что представители семьи де Вильнев оставались католиками, тогда как другие французы на русской службе оказывались, как правило, протестантами, бежавшими с родины от религиозных преследований. К ним относились, в частности, командир Луцкого полка полковник А. Скалон (кальвинист) и капитан Ревельского полка Ж. де Бособр (лютеранин) [Там же, л. 156 об., 157, 185 об., 186]. Наконец, несколько человек представляли Пруссию — недавнего противника Российской империи в ходе Семилетней войны, либо происходя из тамошних уроженцев, либо перебираясь на русскую службу после того, как провели некоторое время под знаменами короля Фридриха II. Так, мекленбургский дворянин М. Эстренг, дослужившись в прусской армии до чина штабс-капитана, перешел на русскую службу в октябре 1760 г. (т. е. еще в разгар войны!). В его послужном списке, правда, не уточняется, был ли этот переход добровольным или же явился результатом, например, попадания в плен. Выходец из ангальт-цербстских дворян (а значит, соотечественник императрицы Екатерины II) К. Л. фон Дафир в том же чине был принят на службу в августе 1763 г., уже после окончания войны [Там же, л. 178 об., 179, 187 об., 188]. Более того, в 1742–1744 гг., еще до отъезда будущей императрицы в Россию, молодой фон Дафир был пажом при дворе ее матери в Цербсте. Очевидно, Екатерина была неравнодушна к своим соотечественникам: фон Дафир не только был зачислен в русскую армию поручиком, но и всего через полтора года уже произведен в капитаны (документы о его переходе на русскую службу см.: [РГВИА, ф. 16, оп. 1, св. 250, д. 399, л. 126–143]).

Данные относительно возраста и стажа воинской службы всех интересующих нас офицеров можно отразить в форме следующих таблиц.

Таблица 1

Возрастные показатели командного состава полков Сибирского корпуса на 1767 г.

Возраст	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
До 20 лет	—	1	1
От 21 года до 30 лет	2	16	18
От 31 года до 40 лет	15	30	45
От 41 года до 50 лет	10	16	26
51 год и более	10	7	17

Таблица 2

Сроки службы командного состава полков Сибирского корпуса на 1767 г.

Срок службы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
До 10 лет	1	6	7
От 11 до 20 лет	7	30	37
От 21 года до 30 лет	17	29	46
От 31 года до 40 лет	10	5	15
41 год и более	2	—	2

Как видим, преобладающую долю среди офицеров корпуса составляли люди среднего или даже приближавшегося к зрелому возраста, находившиеся на службе более 10, но менее 30 лет. Впрочем, при интерпретации полученных данных необходимо иметь в виду уже широко распространенную с середины XVIII в. практику записи дворянских детей на службу в низших чинах (рядовыми и унтер-офицерами) еще до достижения ими совершеннолетия, в ряде случаев и в детском возрасте. Так, упомянутые выше подполковник Абарин и премьер-майор Рычков числились состоявшими на военной службе с 11-летнего возраста, хотя очевидно, что реально исполнять свои обязанности они могли начать только с 15–16 лет, к тому времени уже получив чины: первый — сержанта, а второй — даже поручика. Иногда этим же способом ускоряли свое продвижение по карьерной лестнице и иностранцы. Капитан де Вильнев, благодаря хлопотам отца, получил чин ротного каптенармуса в возрасте 7 лет (!), а вступил на действительную службу впоследствии уже в чине прапорщика. Остзейские уроженцы секунд-майор Вологодского полка П. фон Пипер и капитан Азовского полка Т. Гейскин оказались записаны в рядовые по достижении 12 лет и «проскочили» все унтер-офицерские звания, попав в ряды русской армии уже вахмистрами [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 173 об., 174, 188 об., 189].

У 18 человек в формулярных списках указаны те или иные дисциплинарные нарушения и проступки, допущенные ими за время военной карьеры. Цифра выглядит немалой (почти 17 %), однако следует иметь в виду, что далеко не каждый такой случай сопровождался производством следствия и рассмотрением дела в военном суде. Зачастую кого-либо из офицеров командование просто не считало достойным к повышению в чине из-за каких-то бытовых факторов: наиболее распространенным среди них оказывалось, конечно, пьянство. Так, относительно капитана Томского полка А. фон Бергольца читаем: «По усмотренной в нем к пьянству склонности к повышению не аттестуетца» [Там же, л. 138 об., 139]. Капитан Сибирского драгунского полка В. Чубаров «за пьянство был без суда арестован на трои сутки и определен в Сибирской гарнизон без перемены чина, котораго и велено от того пьянства всекрайне содержать» [Там же, л. 189 об., 190]. В формулярном списке капитана кн. А. Голицына содержалась следующая примечательная запись: «По указу государственной Военной коллегии велено, чтоб ему, князю Голицыну, никто ничего в долг не верил, а кто даст, заплаты чинено не будет, и из Тобольска без указу Военной коллегии в Москву и в Санкт-Петербург не отлучать, а в Сибирской корпус определен за штраф, и из Калуги до Тобольска отправлен был за караулом, и за поведением его чинить примечание» [Там же, л. 139 об., 140]. Очевидно, князь отличался склонностью к мотовству и карточным играм, но при этом командование считало его «к повышению чина достойным».

В других случаях офицеры хотя и подвергались аресту, однако не попадали под суд. Например, капитан Сибирского полка кн. Н. Еникеев за причиненные жителям одной дворцовой волости по дороге из Москвы в Сибирь «обиды, побои и прочие непорядочные поступки» в ноябре 1764 г. был только арестован на месяц по указу Военной коллегии без дальнейших последствий [Там же, л. 193 об., 194].

Капитан Колыванского полка И. Реберг (уроженец Пруссии), по результатам работы следственной комиссии в Краснослободской слободе в 1763 г. «за взятки от обывателей и за причинение с девкою Ульяною блуда» получил выговор от Военной коллегии («при собрании обер-афицеров учинен ему репреманд»). Через два года решением командующего корпусом он был оштрафован вычетом жалования за месяц «за неосторожность и неисполнение данного ему в смотрении казенных дощаников повеления», т. е. за какие-то упущения при перевозке провианта на речных судах [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 181 об., 182][6]. Но даже это не помешало аттестовать его достойным к повышению.

Как правило, доходили до суда дела, связанные с «экономическими» преступлениями, касавшиеся финансов или материальных ценностей. Однако даже в этих случаях офицеры, как правило, отделывались штрафами и вычетом денег из их жалования на госпитали. Ротмистр Якутского карабинерного полка И. Григорьев оказывался под судом дважды: в 1756 г. за хищения при посеве и снятии урожая ржи на казенной пашне, а в 1763 г., будучи полковым казначеем, за неправильно показанные цифры расходов на «госпитальные припасы». В обоих случаях с него взыскивали штрафные деньги, вычитая их из жалования за несколько месяцев [Там же, л. 339 об., 340]. Командир Якутского полка полковник И. фон Линеман по решению той же Краснослободской комиссии вынужден был возместить обывателям убытки от несостоявшейся поставки сена (точнее, состоялась она лишь на бумаге). Еще один приговор комиссия вынесла капитану Олонецкого драгунского полка И. фон Клингенбергу: вычесть из жалования штрафные деньги «за взятки от обывателей» [Там же, л. 182 об., 183, 334 об., 335]. Буйными поступками отличался ротмистр Якутского полка Я. Пешков. Еще в 1758 г., будучи полковым писарем в крепости Св. Петра (будущая Петропавловская), он грозился при перевозе из форштадта в крепость казенной избы, отведенной ему для жилья, «из команды кого-нибудь из пистолета убить до смерти», за что был наказан батогами. В 1763 г. он избил одного посадского из Кяхты и продал крестьянину казенную драгунскую лошадь, показав ее в рапорте павшей от болезни, а в 1767 г. как раз состоял под следствием «в причиненных купцам и обывателям разных обидах и взятках» [Там же, л. 338 об., 339]. Однако в целом никаких из ряда вон выходящих тяжких преступлений офицеры полков Сибирского корпуса, по-видимому, не совершали.

Реальным боевым опытом, связанным с участием в походах или военных кампаниях, обладали 46 человек (43 %). Для воинских частей, дислоцированных на восточной окраине империи, вдали от основных театров боевых действий середины XVIII в., такой показатель выглядит очень высоким. Впрочем, это вполне объяснимо, поскольку мы уже отмечали, что более половины драгунских полков были ранее передислоцированы в Сибирь из европейской части страны. Кроме того, при формировании новых частей и пополнении уже расквартированных здесь полков сюда переводились офицеры из тех соединений полевой

[6] Еще в 1750 г. Реберг был под следствием за подписание бумаги о признании купленных в полк (как выяснилось, негодных) лошадей годными, за что поплатился месячным жалованием по прапорщичьему окладу [РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 491, л. 128 об., 129].

армии, которые были задействованы в военных конфликтах 1730–1740-х гг.: войне за «польское наследство» 1733–1735 гг., русско-турецкой (1735–1739) и русско-шведской (1741–1743) войнах, не говоря уже о недавно завершившейся Семилетней войне. При этом многие офицеры не просто были участниками этих кампаний, но и отлично проявляли себя на поле брани.

Подполковник Томского полка В. Волков начал войну поручиком, а в 1762 г. уже был произведен в премьер-майоры. В его формулярном списке специально отмечалось, что он был «во всей прусской кампании в Брандебурии (Бранденбурге. — *А. Д.*), в Померании, в Силезии, и во многих партиях при легких войсках, и на акциях в сражениях с неприятелем, при осаде городов Бреславля, Берлина, Кольберха и других местечек, и при взятье тех городов Берлина и Кольберха... за отличные службы пожалован» [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 136 об., 137]. Относительно полковника Скалона даже уточнялось, что он храбро поступал в сражении при Гросс-Егерсдорфе (Восточная Пруссия) 19 августа 1757 г. («в данном от генерал-поручика Любомирского аттестате засвидетельствовано»), а в 1761 г., когда он был взят в плен под г. Глогау, «что он храбро поступал, от генерал-майора фон Лебеля (бывшего вместе с ним в плену. — *А. Д.*) в аттестат засвидетельствовано» [Там же, л. 156 об., 157]. Вернуться из прусского плена он смог только после завершения войны в 1762 г. Премьер-майор Вологодского полка И. Жидовинов также побывал в плену. Он прошел взятие Мемеля и битву при Гросс-Егерсдорфе 1757 г., битвы при Пальциге и Кунерсдорфе 1759 г. (в последней он прямого участия не принимал, находясь в составе частей прикрытия обоза), захват на несколько дней русскими войсками Берлина, столицы Пруссии, в конце 1760 г., наконец, осаду крепости Кольберг на побережье Балтийского моря, где он и был взят в плен, откуда освободился только после падения города в декабре 1761 г. [Там же, л. 167 об., 168]. Словом, уже из этих примеров явствует, что в отношении реального боевого опыта командный состав Сибирского корпуса на тот момент ни в чем не уступал своим собратьям, несшим службу в полках тех дивизий, которые дислоцировались в Европейской России.

На основании изученных данных можно сделать вывод о том, что в первый период существования Сибирского корпуса (т. е. на протяжении 1760-х гг.) командный состав входивших в его структуру полевых воинских частей, по сути, мало чем отличался от других аналогичных подразделений русской армии в начале царствования Екатерины II. При численном преобладании среди офицеров выходцев из дворян и иностранцев возможность приобрести «благородный» статус, тем не менее, еще не была закрыта для представителей других сословных групп. Более того, даже среди офицеров-дворян подавляющее большинство составляли мелкопоместные или почти неимущие владельцы имений. Данное обстоятельство, на наш взгляд, больше чего бы то ни было позволяет объяснить, почему в армейских рядах практически отсутствовали сословные антагонизмы, уже проявлявшиеся в некоторых сферах жизни Российской империи на протяжении XVIII столетия — ведь такие представители формально «господствующего» в стране сословия по своему положению мало чем отличались от своих сослуживцев из горожан или крестьян.

Также стоит отметить, что большинство среди сибирских офицеров составляли лица, уже достаточно давно находившиеся на службе, обладавшие немалым воинским стажем и значительным боевым опытом. С учетом того, что всего за несколько лет до рассматриваемого нами 1767 г. возникала реальная угроза военного столкновения с цинским Китаем, следует признать вполне разумной политику привлечения на службу в частях Сибирского корпуса ветеранов ряда кампаний середины XVIII в. Вполне благоприятная картина дисциплинарных показателей свидетельствует о том, что служба в Сибири в эти годы отнюдь не рассматривалась в качестве малопочетной ссылки, как это будет впоследствии, ближе к концу века. Реорганизация внутренней структуры сибирских подразделений в 70–80-е гг. XVIII в. заметно ухудшила качественный состав офицерского корпуса на восточной окраине империи по ряду параметров. В первые же годы правления Екатерины II, как нам удалось установить, во всех полевых полках, дислоцированных за Уралом, сохранялась достаточно благополучная ситуация.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск, 2003. [Akishin M. O. Rossijskij absoljutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: organizacija i sostav gosudarstvennogo apparata. M. ; Novosibirsk, 2003.]

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. [Anan'ev D. A. Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v. Novosibirsk, 2005.]

Андрейчук С. В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. [Andrejchuk S. V. Sibirskij korpus v sisteme voennoj bezopasnosti na juge Zapadnoj Sibiri (1745–1808 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2010.]

Андрейчук С. В. Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011а. № 3. С. 38–42. [Andrejchuk S. V. Stanovlenie Sibirskogo korpusa: struktura, chislennyj sostav i principy dislokacii (1745–1771 gg.) // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2011. № 3. S. 38–42.]

Андрейчук С. В. Источники комплектования и личный состав регулярных полков Сибирского корпуса (вторая половина XVIII — начало XIX в.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011б. С. 60–66. [Andrejchuk S. V. Istochniki komplektovanija i lichnyj sostav reguljarnyh polkov Sibirskogo korpusa (vtoraja polovina XVIII — nachalo XIX v.) // Aktual'nye problemy istoricheskih issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh : sb. materialov I Vseros. molodezh. nauch. konf. Novosibirsk, 2011. S. 60–66.]

Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. [Bykonja G. F. Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoj Sibiri v XVIII — nachale XIX vv. Formirovanie voenno-bjurokraticheskogo dvorjanstva. Krasnojarsk, 1985.]

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. [Volkov S. V. Russkij oficerskij korpus. M., 1993.]

Волкова И. В. Русская армия в русской истории. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи. М., 2005. [Volkova I. V. Russkaja armija v russkoj istorii. Armija, vlast' i obshhestvo: voennyj faktor v politike Rossijskoj imperii. M., 2005.]

Калашников Г. В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. [Kalashnikov G. V. Oficerskij korpus russkoj armii v 1725–1745 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1999.]

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007. [Liven D. Rossijskaja imperija i ee vragi s XVI v. do nashih dnej. M., 2007.]

Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007а. № 4. С. 21–33. [Marasinova E. N. Vol'nost' rossijskogo dvorjanstva (Manifest Petra III i soslovnoe zakonodatel'stvo Ekateriny II) // Otechestvennaja istorija. 2007. № 4. S. 21–33.]

Марасинова Е. Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопр. истории. 2007б. № 12. С. 81–92. [Marasinova E. N. O politicheskom soznanii russkogo obshhestva vo vtoroj polovine XVIII v. // Vopr. istorii. 2007. № 12. S. 81–92.]

Медушевский А. Н. Российская империя в сравнительном освещении. Власть и собственность в абсолютистском государстве // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 759–851. [Medushevskij A. N. Rossijskaja imperija v sravnitel'nom osveshhenii. Vlast' i sobstvennost' v absoljutistskom gosudarstve // Rossijskaja imperija: ot istokov do nachala XIX v. Ocherki social'no-politicheskoj i jekonomicheskoj istorii. M., 2011. S. 759–851.]

Охлябинин С. Д. Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004. [Ohljabinin S. D. Povsednevnaja zhizn' russkoj armii vo vremena suvorovskih vojn. M., 2004.]

РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 250. Д. 399; Ф. 490. Оп. 1. Д. 135, 136, 281, 309, 393, 491; Оп. 3. Д. 83. [RGVIA. F. 16. Op. 1. Sv. 250. D. 399; F. 490. Op. 1. D. 135, 136, 281, 309, 393, 491; Op. 3. D. 83.]

Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА : межфондовый указатель / сост., вступ. ст., оформл. К. В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–42. [Tatarnikov K. V. Predislovie // Posluzhnye i smotrovye spiski russkoj armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA : mezhfondovyj ukazatel' / sost., vstup. st., oforml. K. V. Tatarnikov. M., 2013. T. 1. S. 3–42.]

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. [Troickij S. M. Russkij absoljutizm i dvorjanstvo v XVIII v. Formirovanie bjurokratii. M., 1974.]

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. [Faizova I. V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvorjanstva v XVIII stoletii. M., 1999.]

Феофанов А. М. Российский генералитет XVIII в.: социальная динамика поколений // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. Вып. 4 (14). С. 221–229. [Feofanov A. M. Rossijskij generalitet XVIII v.: social'naja dinamika pokolenij // Vestn. Volzh. un-ta im. V. N. Tatishheva. 2013. T. 2. Vyp. 4 (14). S. 221–229.]

Черников С. В. Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143. [Chernikov S. V. Rossijskij generalitet 1725–1730 gg.: chislennost', nacional'nyj i social'nyj sostav // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 128–143.]

Davies B. L. The Development of Russian Military Power, 1453–1815 // European Warfare, 1453–1815 / ed. J. Black. Houndmills ; Basingstoke, 1999. P. 145–179.

Fuller W. C. Jr. Strategy and Power in Russia 1600–1914. New York, 1992.

Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985.

Wirtschafter E. K. From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990.

Wirtschafter E. K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. Vol. 59. № 2 (Apr., 1995). P. 215–235.

Статья поступила в редакцию 26.02.2015 г.

УДК 274.5(470.54) + 311.2

Е. М. Главацкая

ЛЮТЕРАНЕ СРЕДНЕГО УРАЛА В XVIII – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ИНСТИТУТЫ, РАССЕЛЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ*

В статье рассматривается история лютеранской традиции на территории Среднего Урала, с момента появления первых лютеран до конца XIX в. На основе анализа научной литературы, архивных источников и материалов статистического учета прослежена история формирования сообществ лютеран Урала, этническая принадлежность и динамика их численности. В результате проведенного исследования установлено, что лютеранская традиция на Урале, в отличие от католицизма, сложилась как полноценный религиозный институт со всеми необходимыми составляющими уже в начале XVIII в. Первые годы своего существования она состояла преимущественно из шведов, но к концу XVIII в. большинство лютеран Среднего Урала были выходцами из немецких земель, приехавшими трудиться на заводы. В социальном отношении это были специалисты, занятые на службе по горному или гражданскому ведомству. Пользуясь поддержкой со стороны властей, лютеране смогли сохранить свое вероисповедание и идентичность в окружении численно доминирующего православного населения, органично вписались в городские сообщества, внося свой вклад в развитие региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история лютеранства на Урале; лютеранская церковь Екатеринбурга; лютеранский ландшафт Урала; численность лютеран.

Россия традиционно воспринимается как православное государство, между тем западные формы христианства исторически являлись важным элементом ее религиозного ландшафта. Изучение истории и правового положения лютеранской церкви в России и отдельных ее регионов имеет сложившуюся историографическую традицию [см.: Stricker; Лиценбергер; Черказьянова; и др.].

Что касается лютеранского сообщества Урала, то история формирования общины получила освещение в ряде работ, в том числе посвященных истории становления промышленного производства в крае [Корепанов, 2001; 2005; 2009]. Кроме того, была предпринята попытка реконструкции истории лютеранской общины с основания до начала XXI в. [Крест Екатерины]; рассмотрены сюжеты взаимоотношений общины с местным населением в первый век ее существования [Андреев] и встроенности лютеранских институтов в религиозный ландшафт Урала [Главацкая; Главацкая, Орининская].

Данная статья посвящена истории институализации, географии и динамике численности лютеранского населения Урала в XVIII — второй половине XIX в. В качестве источников использованы делопроизводственные материалы и статистические данные XVIII–XIX вв.

Религиозные сообщества являются одной из универсальных форм объединений людей, особенно в периоды кризисов. Формирование сообществ лютеран

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI вв.)».

© Главацкая Е. М., 2015

на территории Урала связано с миграционными процессами, происходило именно в условиях кризисных ситуаций и направлено было на установление социальных связей, помогающих выжить в новом, не всегда дружественном окружении.

Появление институтов лютеранства на Урале непосредственно связано с победой России в Северной войне. Результатом поражения шведов под Полтавой стало пленение нескольких тысяч военнослужащих шведской армии, среди которых были и пасторы, исполнявшие функции военных капелланов. Первоначально пленники были собраны вблизи Москвы и проведены колонной по Красной площади во время парада победы, организованного Петром Первым. Однако содержание и охрана большого числа военных в центральных районах страны требовали значительных ресурсов и ложились на плечи местного населения, вызывая недовольство. Кроме того, размещение вблизи западных границ создавало опасность побегов, вступление же Турции в войну на стороне Швеции создало угрозу того, что пленные, находящиеся в южных городах, могли прорваться к союзникам. Учитывая эти обстоятельства, пленных шведов в 1710 г. стали переводить подальше от границ, в восточные районы страны. Значительная часть была направлена на уральские заводы, так что лютеранские общины возникли, прежде всего, на территории заводских поселений. О численности первых общин можно судить на основании того, что только в Алапаевском заводе в 1710 г. сложилось целое поселение пленных шведов — около 200 человек, которых духовно окормлял приехавший уже добровольно пастор. Вплоть до заключения Ништадтского мирного договора шведы работали и на демидовском Невьянском заводе [Корепанов, 2009, с. 20]. Помимо военнослужащих в плену оказались их жены и дети, сопровождавшие их в походах. Члены семей пленных разделили их судьбу, последовав в глубину страны, на Урал и в Сибирь. Их жизнь и быт тоже необходимо было организовывать, а детей обучать. Находившиеся в Туринске пленные шведы, например, решили эту проблему, организовав школу для своих детей [Корепанов, 2005, с. 9].

Содержание пленных на Урале не требовало затрат на охрану, офицерские чины пользовались достаточно большой свободой в передвижении, активно участвовали в культурной жизни уральских и сибирских городов. Их технические знания, навыки в оказании медицинской помощи, музыкальные способности и знание ремесел помогали устроиться на новом месте [Шебалдина; Thorvaldsen]. После заключения Ништадского мира в 1721 г. не все из пленников вернулись на родину, поскольку возвращение стоило денег, и не каждый располагал достаточными средствами на проезд. Некоторые из пленных обзавелись семьями за годы своего пребывания на Урале, и их православные жены и дети не могли последовать за ними в Швецию. Кто-то из пленных поступил на русскую службу или преуспел в занятиях ремеслом и торговлей.

С основанием Екатеринбурга в 1723 г. центр лютеранского прихода оказался на территории этого города-завода. Его ядро также составили шведские военнопленные, пожелавшие поступить на службу, и приглашенные немецкие горные мастера [Князева, Соловьева, с. 228]. Приход охватывал все население Пермской губернии, включая, помимо Екатеринбурга, Пермь, Кушву, Тагил и Богословск

[Князева, Соловьева, с. 228]. Лютеране-немцы работали по контракту на Алапаевском, Полевском, Лялинском, Туринском (верхнем) заводах, а также на Пыскорском и Ягошихинском пермских заводах [Корепанов, 2001, с. 114–115].

Государство, заинтересованное в специалистах, создавало благоприятные условия для развития религиозной жизни иностранных специалистов, особенно там, где они были крайне необходимы. В районах развития горнодобывающей промышленности лютеранское население не только свободно создавало свои институты с начала XVIII в., но и пользовалось поддержкой властей в обеспечении общин пастором и местом для проведения богослужений. Так, в годы правления Анны Иоанновны (1730–1740) в самом центре Екатеринбурга, имевшего наибольшее по численности лютеранское население, была выстроена кирха, освященная во имя Св. Петра [Князева, Соловьева, с. 228]. Для нужд лютеран Урала в 1735 г. в Екатеринбург был направлен пастор, его содержание (как позднее и содержание пастора в другом центре горнодобывающего производства — городе Барнауле) осуществлялось за счет средств казны [Черказьянова, с. 32]. Начальник казенных заводов Урала В. Н. Татищев инициировал открытие школы немецкого и латинского языков для детей специалистов-лютеран, в программе которой было и изучение лютеранской доктрины и практик. Формирование собрания школьной библиотеки осуществлялось при поддержке Академии наук и включало книги религиозного содержания, необходимые для усвоения лютеранской традиции: 20 Катехизисов и 20 Новых заветов [Сафронова, с. 188]. Учитывая тот факт, что, согласно реестру 1745 г., в школьной библиотеке было всего 299 книг, каждая седьмая из них была лютеранским учебником.

Помимо лютеранского «учрежденного собрания», оплачиваемого казной пастора, школы и библиотеки, лютеране Екатеринбурга имели свое кладбище, площадью чуть больше 2 км^2 (80 на 60 саженей), отведенное горными властями вдоль Шарташской дороги [Корепанов, 2005, с. 113–114].

Благоприятная государственная политика в отношении лютеран дала свои плоды: во второй половине XVIII в. большинство членов лютеранского прихода Екатеринбурга составляли уже не иностранцы, а российские подданные европейского происхождения [Корепанов, 2009, с. 117]. Их по-прежнему не стремились обратить в православие, оплачивая работу пастора [Там же, с. 113; Андреев, с. 144].

Таким образом, на Урале в окружении численно доминирующего православного населения сложились все институты, необходимые для нормального функционирования лютеранской традиции: сообщество российских лютеран, возглавляемое пастором, школа, обеспеченная учебными материалами и преподавателями, и кладбище. Социальный состав членов общины уральских лютеран определялся характером миграции в этот регион, бурно развивавшийся и нуждавшийся в технических специалистах широкого спектра. Наряду с горными инженерами, чиновниками разного уровня, заводскими мастерами и ремесленниками в общину входили военные, медики, фармацевты, учителя [Крест Екатерины, с. 152–155]. Этническая принадлежность лютеран Урала постепенно изменилась: если первоначально это были в основном шведы, то к концу века большинство составляли «саксонцы» — выходцы из немецких земель, голландцы

и датчане. Серьезной проблемой, стоявшей перед лютеранами Урала, была их территориальная разобщенность. Тем важнее было создание сети институтов лютеранства.

В начале XIX в. позиции лютеранской церкви, и без того находившейся на особом положении в России, укрепились. В 1819 г. была организована Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, а позднее принят устав. Создание прочной законодательной базы существования лютеранской церкви в России способствовало развитию ее институтов на местах. В 1821 г. была основана самостоятельная община лютеран в Перми, в 1864 г. пермские лютеране уже имели большую каменную кирху на 150 мест, освященную во имя Св. Марии [Князева, Соловьева, с. 127].

В 1832 г. было утверждено место для постройки новой Евангелическо-лютеранской церкви в Екатеринбурге во имя Св. Петра в самом центре города — на углу Главного проспекта и ул. Солдатской (ныне угол пр. Ленина и ул. Красноармейской) и подготовлен план [см.: Крест Екатерины, с. 181–185]. Строительство затянулось, между тем в 1834 г. лютеране Екатеринбурга получили в пользование один из корпусов монетного двора, который обустроили под церковь: в 1845 г. пристроили «небольшую башенку для колоколов» и возвели над ней крест. В нижнем этаже хранилась повозка для погребений [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 482, л. 1–2].

Община действительно численно увеличилась. Как видно из табл. 1, большая часть лютеран проживала в городах: Екатеринбурге и Перми и на двух заводах — Кушвинском и Пожвинском. За небольшим исключением, все они служили по горному ведомству, только в Перми проживало несколько военных лютеран. В этническом отношении подавляющее большинство уральских лютеран составляли выходцы из немецких земель, но были также финны, эстонцы. Кроме того, к лютеранскому приходу Св. Петра относились и англичане — пресвитериане «реформаты», согласно приходским спискам Кеппена [АРАН, ф. 30, оп. 2, д. 83, л. 123–123 об.]. Возглавлял сообщество пастор Фридрих Бернер.

Таблица 1

Лютеранское население Пермской губернии в 1860-е гг.[1]

№	Поселение	муж	жен	Всего	Национальность	Ведомство
1	Екатеринбург	88	80	168	немцы и англичане	горное и гражданское
2	Пермь	28	21	49	немцы и эстонцы	гражданское и военное
3	Кушвинский завод	6	7	13	немцы	горное
4	Пожвинский завод	5	5	10	немцы и финны	горное

[1] Приходские списки евангелическо-лютеранского и реформатского вероисповеданий Кеппена 1846–1858 гг. [АРАН, ф. 30, оп. 2, д. 83, л. 123–123 об.].

Окончание табл. 1

№	Поселение	муж	жен	Всего	Национальность	Ведомство
5	Ревдинский желез. завод	5	2	7	немцы и финны	горное
6	Юговский казен. мед. завод	4	3	7	немцы	горное
7	Березовский золот. завод	2	3	5	немцы	горное
8	Нижне-Сергинский завод	4	1	5	немцы	горное
9	Сысертский желез. завод	3	1	4	немцы	горное
10	Кунгур	3	1	4	немцы	горное
11	Очерский желез. завод	2	1	3	немцы	горное
12	Суксунский горный завод	1	2	3	немцы	горное
13	Ирбит	2	1	3	немцы	гражданское
14	Верхотурье	1	2	3	немцы	гражданское
15	Нижне-Тагильский завод Демидова	2	1	3	немцы	горное
16	Чердынь	2	1	3	немцы	гражданское
17	Село Ильинское на р. Обве		2	2	немцы	горное
18	Юговский Кнауфский завод	1	1	2	немцы	горное
19	Красноуфимск	2		2	немцы	гражданское
20	Камышлов		2	2	немки	гражданское
21	Соликамск	1	1	2	немцы	гражданское
22	Мотовилихинский мед. завод		1	1	немка	горное
23	Оханск		1	1	немка	горное
24	С. Орда	1		1	немец	горное
25	Богословский казен. завод	1		1	немец	горное
	Всего	164	140	304		

В связи с ростом численности екатеринбургского прихода руководство лютеранского сообщества города решило предпринять «значительные исправления» — очередное расширение и перестройку церкви, «чтобы сделать ее удобной для богослужения» [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 482, л. 10], и обратилось к властям с просьбой окончательно передать занимаемое ею казенное здание в пользу храма. Но получить здание в собственность лютеранам не удалось, несмотря на активную переписку с горным начальством [см.: Там же, л. 1–14]. Опасаясь, что корпус монетного двора, принадлежащий казне, вскоре будет продан и все вложения по переустройству окажутся напрасно потраченными, община на собранные деньги приобрела в 1871 г. другое здание с тем, чтобы перестроить его под церковь. Здание кирхи св. апостолов Петра и Павла, строительство которой в самом центре Екатеринбурга было завершено в 1874 г., стало архитектурным украшением города.

Численность лютеранского населения на Среднем Урале постоянно росла, и, согласно данным Первой всероссийской переписи, на территории Пермской губернии находилось уже более 1099 лютеран (592 мужчины и 507 женщин) [Общие сведения по империи..., с. 252–255]. При этом в самом Екатеринбурге проживала почти треть лютеранского населения губернии.

Таблица 2

Динамика численности лютеранского населения Екатеринбурга в конце XIX в.[2]

1873			1887			1897		
муж	жен	всего	муж	жен	всего	муж	жен	всего
115	109	224	170	164	334	179	205	384

Таким образом, лютеранская традиция на Урале, в отличие от католицизма, развивавшегося в несколько этапов, сложилась как полноценный религиозный институт со всеми необходимыми составляющими уже в начале XVIII в. Первые годы своего существования она состояла преимущественно из шведов, но к концу XVIII в. большинство лютеран Среднего Урала были выходцами из немецких земель, приехавших трудиться на заводы. В социальном отношении это были специалисты, занятые на службе по горному или гражданскому ведомству.

К концу XIX в. на Среднем Урале сложилось два крупных лютеранских прихода: в Перми — св. Анны и в Екатеринбурге — Св. Петра и Павла, при этом много лютеран по-прежнему проживало на заводах. Центр лютеранства находился в Екатеринбурге, где имелась самая многочисленная община, достигшая в 1897 г. 384 человек. Лютеране имели все необходимые религиозные институты — церковь в самом центре города, постоянных пасторов, получавших религиозное образование в Дерпте (Тарту), школу для передачи лютеранской традиции и немецкого языка и кладбище. Пользуясь поддержкой со стороны властей, лютеране смогли сохранить свое вероисповедание, язык и идентичность в окружении численно доминирующего православного населения, органично вписались в городские сообщества, внося свой вклад в развитие региона.

Андреев А. Н. Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2010. № 1 (72). С. 135–148. [Andreev A. N. Evangelichesko-ljuteranskaja obshhina Ekaterinburga v XVIII v. i ee vzaimootnoshenija s mestnym naseleniem // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki. 2010. № 1 (72). S. 135–148.]

АРАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 83. Приходские списки евангелическо-лютеранского и реформатского вероисповеданий Кеппена 1846–1858. [ARAN. F. 30. Op. 2. D. 83. Prihodskie spiski evangelichesko-ljuteranskogo i reformatskogo veroispovedanij Keppena 1846–1858.]

ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 482. Переписка по поводу здания лютеранской церкви. [GASO. F. 43. Op. 1. D. 482. Perepiska po povodu zdanija ljuteranskoj cerkvi.]

---

[2] Таблица составлена по материалам однодневных переписей 1873,1887 гг. и Первой Всероссийской переписи населения.

Главацкая Е. Религия «противника»: диалог — конфронтация — диалог?: история лютеранства на Урале XVIII — начало XXI вв. // Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 ноября 2012 года. Екатеринбург, 2013. С. 62–66. [Glavackaja E. Religija «protivnika»: dialog — konfrontacija — dialog?: istorija ljuteranstva na Urale XVIII — nachalo XXI vv. // Slavjanskie dialogi na granice Evropy i Azii. Istoricheskaja pamjat': arena vojny «nacional'nyh istorij» ili osnova dlja dialoga i vzaimoponimanija : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 23–24 nojabrja 2012 goda. Ekaterinburg, 2013. S. 62–66.]

Главацкая Е., Орининская В. Лютеранство в религиозном ландшафте Урала: опыт историко-антропологического исследования // Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе) : материалы Междунар. и Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2013. С. 29–40. [Glavackaja E., Orininskaja V. Ljuteranstvo v religioznom landshafte Urala: opyt istoriko-antropologicheskogo issledovanija // Protestantizm v Orenburgskom krae: istorija i sovremennost' (k 245-letiju obrazovanija pervoj protestantskoj obshhiny v regione) : materialy Mezhdunar. i Vseros. nauch.-prakt. konf. Orenburg, 2013. S. 29–40.]

Князева Е. Н., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII–XX вв. : ист. справ. Ч. 1. СПб., 2001. [Knjazeva E. N., Solov'eva G. F. Ljuteranskie cerkvi i prihody Rossii XVIII–XX vv. : ist. sprav. Ch. 1. SPb., 2001.]

Корепанов Н. С. Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». 03–09.09.1999. Екатеринбург. Екатеринбург, 2001. С. 112–118. [Korepanov N. S. Blagodatskaja gornaja jekspedicija 1739–1742 gg. i volna kontraktnoj immigracii saksoncev na Ural // Nemcy na Urale i v Sibiri (XVI—XX vv.) : materialy nauch. konf. «Germanija — Rossija: istoricheskij opyt mezhregional'nogo vzaimodejstvija XVI–XX vv.». 03–09.09.1999. Ekaterinburg. Ekaterinburg, 2001. S. 112–118.]

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. [Korepanov N. S. Pervyj vek Ekaterinburga. Ekaterinburg, 2005.]

Корепанов Н. С. Уральские старообрядцы и европейские горные специалисты в XVIII в.: проблема взаимодействия // Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В. М. Кириллов, Л. А. Дашкевич, Н. С. Корепанов, В. П. Микитюк и др. Нижний Тагил, 2009. С. 20–25. [Korepanov N. S. Ural'skie staroobrjadcy i evropejskie gornye specialisty v XVIII v.: problema vzaimodejstvija // Nemcy na Urale XVII–XXI vv. / V. M. Kirillov, L. A. Dashkevich, N. S. Korepanov, V. P. Mikitjuk i dr. Nizhnij Tagil, 2009. S. 20–25.]

Крест Екатерины: Страницы истории лютеранства: город Екатеринбург: Личности, документы, фотографии / ред.-сост. С. Ф. Глушков. Екатеринбург, 2000. [Krest Ekateriny: Stranicy istorii ljuteranstva: gorod Ekaterinburg: Lichnosti, dokumenty, fotografii / red.-sost. S. F. Glushkov. Ekaterinburg, 2000.]

Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII–XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/rimsko-katolicheskaya-i-evangelichesko-lyuteranskaya-tserkvi-v-rossii-sravnitelnyi-analiz-vz (дата обращения: 21.01.2015). [Licenberger O. A. Rimsko-katolicheskaja i Evangelichesko-ljuteranskaja cerkvi v Rossii: sravnitel'nyj analiz vzaimootnoshenij s gosudarstvom i obshhestvom (XVIII–XX vv.) : dis. ... d-ra ist. nauk. Saratov, 2005 [Electronic resource]. URL: http://www.dissercat.com/content/rimsko-katolicheskaya-i-evangelichesko-lyuteranskaya-tserkvi-v-rossii-sravnitelnyi-analiz-vz (mode of access: 21.01.2015).]

Общие сведения по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. СПб., 1905. [Obshhie svedenija po imperii rezul'tatov razrabotki dannyh Pervoj vseobshhej perepisi naselenija, proizvedennoj 28 janvarja 1897 goda. T. 1. SPb., 1905.]

Сафронова А. М. Книжное собрание первой немецкой школы Урала (1735–1787 гг.): пути ее формирования, состав, использование // Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI—XX вв.». 03–09.09.1999. Екатеринбург. Екатеринбург, 2001. С. 184–205. [Safronova A. M. Knizhnoe sobranie pervoj nemeckoj shkoly Urala (1735–1787 gg.): puti ee formirovanija, sostav, ispol'zovanie // Nemcy na Urale i v Sibiri (XVI—XX vv.) : materialy nauch. konf. «Germanija — Rossija: istoricheskij opyt mezhregional'nogo vzaimodejstvija XVI—XX vv.». 03–09.09.1999. Ekaterinburg. Ekaterinburg, 2001. S. 184–205.]

Черказьянова И. В. Ссыльные лютеране в Сибири в XIX в.: проблема сохранения языковой и религиозной идентичности // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 32–35. [Cherkaz'janova I. V. Ssyl'nye ljuterane v Sibiri v XIX v.: problema sohranenija jazykovoj i religioznoj identichnosti // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2007. № 2. S. 32–35.]

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005. [Shebaldina G. V. Shvedskie voennoplennye v Sibiri. Pervaja chetvert' XVIII veka. M., 2005.]

Stricker G. Lutheranism in Russia and the Soviet Union: Another response to Filatov and Stepina // Religion, State and Society. 2004. Vol. 32. № 3. P. 247–260.

Thorvaldsen G. Swedes in Siberian Diaspora // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. 2008. Vol. 7 (2). P. 47–66.

Статья поступила в редакцию 15.02.2015 г.

УДК 338.22:622(470.5) + 005.591.6

Е. Г. Неклюдов

ГОРНОЗАВОДСКИЕ ОКРУГА НА УРАЛЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.*

В статье прослеживается эволюция основных структурных элементов уральской металлургии — казенных и частных горнозаводских округов — в XVIII — начале XX в. Определены базовые характеристики окружного хозяйства, представлен процесс формирования округов на основе владений крупнейших предпринимательских родов Демидовых, Строгановых, Яковлевых и др., выявлены экономические, политические и юридические факторы, влиявшие на перемены в составе округов во все периоды развития уральской металлургии в рамках Российской империи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал; горнозаводская промышленность; горнозаводские округа; промышленная политика; предпринимательство; модернизация.

Организация горнозаводской промышленности на Урале в XVIII в. вполне закономерно приобрела окружную форму, наиболее приспособленную к природным, экономическим и демографическим условиям этого отдаленного и тогда еще слабо освоенного региона. При отсутствии развитого сырьевого рынка строившиеся здесь металлургические заводы должны были сами обеспечивать себя рудами и древесным топливом, для чего им требовались огромные ресурсные территории и вспомогательные отрасли, способные долговременно выполнять

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

© Неклюдов Е. Г., 2015

эти функции. Значение территорий возрастало и в связи со спецификой крупного металлургического производства того времени, действовавшего на водной силе. Концентрация полного производственного цикла от выплавки чугуна до выделки товарного железа наталкивалась на ограниченные гидроресурсы уральских рек, что заставляло дробить стадии этого процесса и размещать отдельные предприятия в удобных для этого местах порой на значительном расстоянии друг от друга. При этом учитывалось и наличие лесов вблизи строившихся заводов.

Формирование таких территориально-хозяйственных комплексов, включавших, как правило, несколько заводов-цехов (один завод мог действовать обычно в хозяйствах, сориентированных на медеплавильное производство), сопровождалось прокладкой транспортных коммуникаций между ними в виде заводских трактов для организации наиболее распространенных гужевых перевозок. Ценным было наличие судоходных рек, по которым тоже можно было перемещать сырье и продукцию или сплавлять «железные караваны» к рынкам сбыта.

Организация многоотраслевого хозяйства на обширной ресурсной территории требовала создания и особой поселенческой и социальной инфраструктуры, обеспечивавшей его стабильное функционирование. Вокруг заводов складывались заводские поселки, где проживали в основном цеховые рабочие и их семьи. Заводские деревни основывались вблизи рудников, мест заготовки топлива, на трактах или у пристаней; там селились вспомогательные работники, не связанные непосредственно с работой на заводах. В горнозаводских селениях постепенно формировалась система жизнеобеспечения и воспроизводства проживавшего там населения, которое становилось основным источником комплектования рабочих кадров.

В результате сложного процесса создания системы взаимодействующих элементов в виде металлургических заводов, обслуживавших их вспомогательных отраслей (рудной, топливной, транспортной) и рабочих кадров и появились многочисленные, относительно замкнутые и достаточно устойчивые социоэкономические объекты, получившие в начале XIX в. наименование горнозаводских округов. Этот процесс мог занимать довольно продолжительное время, зависевшее в каждом конкретном случае от местных условий и возможностей организаторов. Он завершался по достижении относительной сбалансированности природных, экономических и социальных параметров окружного хозяйства [Адамов; Гуськова, 1995; 1998; Сапоговская].

Главными акторами формирования округов стали на Урале казна и частные предприниматели, действовавшие в единстве, несмотря на эпизодически случавшиеся конфликты. Проявив инициативу строительства заводов, государство в 1719 г. предоставило свободу «всем, и каждому... какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, плавить, варить и чистить всякие металлы» [ПСЗ-I, т. 5, № 3464]. Открытие дороги для широкой частной инициативы в «горном деле», последовавшее за удавшимся опытом передачи казенного Невьянского завода тульскому оружейнику Н. Д. Демидову в 1702 г., потребовало разработки особой политики. Она была призвана, с одной стороны, создать для предпринимателей разного происхождения равные правовые

условия, с другой — сохранить контроль государства за ними для предотвращения правонарушений и для гарантии имущественных прав. Эта политика сочетала в себе два важнейших принципа: «горную свободу», в соответствии с которой владение недрами земли отделялось от владения ее поверхностью, и «горную регалию», предполагавшую переход недр в распоряжение государства. Такая политика позволяла с разрешения казны основывать заводы по всей территории Урала, включая не только государственные земли, но и обширные строгановские владения и земли вотчинников из числа коренных народов. Для облегчения промысла горная регалия была дополнена лесной, что позволяло казне беспрепятственно отграничивать как к собственным, так и к частным заводам огромные «лесные дачи» для заготовки древесного топлива. Осуществлять специальный контроль была призвана особая горная администрация, отделенная от действовавшей тогда системы общего гражданского управления в стране.

Благодаря этой политике на Урале с 1720-х гг. развернулось массовое строительство заводов, втягивавшее всё большее количество предпринимателей, деятельность которых охватила постепенно и все регионы обширного края. На Среднем Урале наиболее активно действовали Демидовы и Строгановы, на Южном, где частная горнозаводская деятельность началась с середины 1740-х гг., — компания симбирских купцов И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, на Западном — Осокины и Мосоловы. В руках этих предпринимателей первоначально стали формироваться масштабные «горные империи», которые оказались своего рода «инкубаторами» обособлявшихся в их границах горнозаводских округов.

В этот период между заводами, строившимися владельцами порой лишь с целью закрепить за собой ту или иную перспективную ресурсную территорию, складывались далеко не всегда рациональные производственные связи в рамках формировавшихся «империй». Однако экономическая целесообразность приводила к кристаллизации внутри этой аморфной производственной структуры самостоятельных заводских комплексов, зачатков будущих горнозаводских округов. Этот вполне закономерный процесс ускорялся путем дробления обширных, сложноорганизованных и трудноуправляемых «горных империй» при переходе заводов от одного поколения владельцев к другому. Экономический фактор развития стал дополняться юридическим, связанным с наследованием собственности при формировании родов заводовладельцев.

Непосредственной причиной дробления становилось, как правило, желание избежать конфликтов между наследниками. Огромные масштабы «горных империй» создавали для этого благоприятные возможности. Однако реализованные на том или ином этапе эволюции рода владельцев варианты дележа наследства лишь отчасти учитывали сложившиеся производственные связи и ресурсные возможности отделявшихся друг от друга частей. В крепостной период основным при разделе заводского имущества, как правило, выступал принцип равенства самого главного в то время богатства — крепостных душ, позже использовался принцип равенства доходов на момент раздела. Порой это приводило к обособлению не вполне дееспособных групп заводов, что вызывало необходимость дальнейших имущественных сделок (продаж, обменов и пр.) или возведения

новых предприятий для восстановления нарушенного баланса. Если же сформировавшийся производственный комплекс приобретал органичную форму, то дальнейший его раздел становился нецелесообразным, что в свою очередь вело к прекращению практики разделов. Разумный предел им положил и именной указ от 20 апреля 1762 г., в соответствии с которым отдельный завод признавался неделимым недвижимым имуществом, и его при наличии нескольких наследников полагалось передавать одному из них за денежную компенсацию другим. Но этот указ не запрещал дробить заводские комплексы в случае согласия на то наследников [ПСЗ-I, т. 15, № 11511].

Так, во владении самого известного заводчика первой половины XVIII в. Акинфия Демидова, помимо переданного из казны Невьянского завода, оказались еще 17 других металлургических предприятий, возведенных им и его отцом Н. Д. Демидовым на огромном пространстве Среднего Урала. Как известно, он завещал все свои уральские заводы одному из наследников — младшему сыну Н. А. Демидову, отстранив от участия во владении двух других сыновей. Однако такой казавшийся ему наиболее приемлемым вариант не осуществился из-за протеста обойденных наследников. После смерти А. Н. Демидова в 1745 г. при участии властей его заводы все-таки были поделены между тремя сыновьями: в 1758 г. П. А. Демидову отошла «невьянская», Г. А. Демидову — «суксунско-ревдинская», Н. А. Демидову — «нижнетагильская» части, выделенные по принципу равенства крепостных душ и с учетом сложившихся производственных связей между группами заводов [Спасский, с. 100–106; Кафенгауз].

Дробление способствовало обособлению самостоятельных заводских комплексов, но в то же время увеличило и вариативность дальнейшей судьбы заводов вплоть до возможного выхода из владения рода. Уже в 1769 г. «невьянская» часть П. А. Демидова в составе четырех заводов была продана С. Я. Яковлеву и ее дальнейшая история оказалась связанной с эволюцией рода, основанного новым владельцем. Остальные части сохранились во владении двух ветвей наследников А. Н. Демидова, в руках которых завершилось и формирование нескольких горнозаводских округов. В наиболее перспективной «нижнетагильской» части во владении Н. А. Демидова были возведены новые заводы, замкнувшие производственный комплекс одного из крупнейших на Урале Нижнетагильского горнозаводского округа. «Ревдинско-суксунская» часть Г. А. Демидова вскоре после его кончины раздробилась в 1765 г. сначала на три (по числу сыновей-наследников), а затем, после раздела «уткинской» части между братьями в 1767 г., — на два новых владения: «суксунское» в руках А. Г. Демидова и «ревдинское» в руках П. Г. Демидова. Оба были дополнены несколькими новыми заводами и превратились в самостоятельные горнозаводские округа.

Те же процессы происходили и в другой ветви рода Демидовых, идущей от младшего сына Н. Д. Демидова Никиты. В отличие от старшего брата он начал свою деятельность в перспективном Уральском регионе самостоятельно и вопреки воле отца. Еще при жизни он осуществил в 1758 г. «предварительный раздел», завещав шесть своих уральских заводов двум (из четырех) сыновьям-наследникам. И. Н. Демидову досталась «сергинская» часть,

Н. Н. Демидову — «шайтанско-кыштымская». Первая не удержалась во владении рода и в 1789 г. была продана М. П. Губину; вторая разделилась при продаже в 1767 г. двух Шайтанских заводов Ширяевым, что в их руках привело к образованию одноименного горнозаводского округа. Обособившиеся Кыштымские заводы стали основой другого округа, процесс формирования которого завершился уже в начале XIX в. во владении купившего эти заводы купца Л. И. Расторгуева. Не получивший от отца заводы на Урале Е. Н. Демидов в 1760 г. начал здесь самостоятельное предпринимательство, купив два Авзяно-Петровских завода и построив дополнительно к ним два Кагинских. При переходе по наследству в 1783 г. они были поделены между наследниками, став основой двух горнозаводских округов. Таким образом, две «горные империи», созданные Демидовыми на Урале в 1700–1750-е гг., послужили основой для формирования девяти горнозаводских округов [Павленко, с. 72–116; Юркин].

Строгановы, начав свою предпринимательскую деятельность в регионе в качестве солепромышленников еще в XVI в., занялись строительством металлургических заводов на собственных Прикамских землях вскоре после получения баронского титула в 1722 г., который стал не только знаком признания прежних заслуг рода, но и, как представляется, своего рода компенсацией начавшегося тогда на Урале изъятия значительных частей масштабных строгановских владений (их площадь превышала тогда 8 млн дес.) в пользу казны. Трое сыновей именитого человека Г. Д. Строганова Александр, Николай и Сергей, первоначально действовавшие сообща, в 1747–1749 гг. разделили унаследованные вотчины, промыслы и три основанных ими металлургических завода между собой, положив начало трем ветвям и трем владениям рода в регионе.

Старшая ветвь А. Г. Строганова прервалась с его кончиной и разделом принадлежавшей ему вотчины в 1757 и 1762 гг. на три части. Две из них достались дочерям, А. А. Голицыной и В. А. Шаховской, положившим начало новым родам уральских заводчиков и двум заводским хозяйствам (Нытвенскому и Лысьвенскому). Доля вдовы барона, М. А. Строгановой, с Хохловским заводом была ею продана в 1784 г. И. Л. Лазареву. Сыновья Н. Г. Строганова в 1762 и 1763 гг. тоже разделили перешедшие им от отца заводы и вотчины: С. Н. Строганову достался Пожевский завод (проданный его вдовой В. А. Всеволожскому в 1773 г.), Г. Н. Строганову — Чёрмозский завод (проданный наследниками И. Л. Лазареву в 1778 г. и объединенный им с приобретенным ранее Хохловским), А. Н. Строганову — Кыновский завод, ставший в его владении основой самостоятельного горнозаводского округа, сохранившегося за этой ветвью рода. Во владении младшей ветви С. Г. Строганова началось формирование Билимбаевского округа, завершенное при его сыне графе А. С. Строганове. Таким образом, крупнейшая в России строгановская вотчина стала основой шести горнозаводских имений, два из которых остались к началу XIX в. во владении рода, два перешли в результате наследования в роды Голицыных и Шаховских и два путем продажи оказались во владении Лазаревых и Всеволожских. В каждое из этих обширных имений входил самостоятельный заводской комплекс, отличавшийся сложной пространственной организацией. В отличие от большинства округов «демидовского

происхождения», «строгановские» не составляли единой территории, и смежные заводы разделялись порой пространствами земель, принадлежавших другим «пермским владельцам» [Павленко, с. 387–402; Мезенина].

Еще одна крупная «горная империя», состоявшая из пяти железных и пяти медных заводов, была создана в середине XVIII в. компанией породнившихся симбирских купцов И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова на Южном Урале. В результате нескольких разделов в 1782–1785 гг. она раздробилась, в руках их многочисленных наследников став основой 10 самостоятельных горнозаводских хозяйств. Из них Симский, Белорецкий, Юрюзанский и Катавский округа специализировались на производстве железа, а Воскресенский, Преображенский, Богоявленский, Архангельский, Верхоторский и купленный Благовещенский заводы — на выплавке меди [Павленко, с. 227–242; Неклюдов, 2004, с. 163–189].

Разбогатевшие на хлебных подрядах крестьяне балахнинских вотчин Троице-Сергиевой лавры Осокины, начавшие горнозаводское предпринимательство на Урале в 1730-е гг., заложили основу для формирования пяти горнозаводских округов (Юговского, Омутнинского, Троицкого, Мешинского и Бемышевского), утраченных ими в результате продаж начала XIX в. Род тульских оружейников Мосоловых стоял у истоков формирования четырех горнозаводских округов на Южном и Западном Урале. Шурминско-Залазнинские и Каноникольский заводы сохранились во владении двух ветвей этого рода. Основанный ими Златоустовский завод в 1768 г. был продан тульскому же купцу Л. И. Лугинину, который, купив и построив еще несколько заводов, создал крупный Златоустовский округ. Уфалейский и Суховязский заводы, проданные Мосоловыми в 1792 г. М. П. Губину, вместе с купленными им у Демидовых Сергинскими заводами образовали крупный Сергинско-Уфалейский округ [Павленко, с. 128–148, 217–227; Кулбахтин].

Крупнейшей во второй половине XVIII в. оказалась «горная империя» разбогатевшего осташковского крестьянина С. Я. Яковлева. Она сформировалась не столько за счет заводского учредительства, сколько в результате покупки им в 1766–1779 гг. 16 предприятий (Алапаевских заводов — у А. Г. Гурьева, Холуницких и Уинских — у А. И. Глебова, Невьянских — у П. А. Демидова, Уткинских — у С. П. Ягужинского и Верх-Исетского завода — у Р. И. Воронцова). Новый владелец построил еще шесть заводов с целью развития приобретенных комплексов, находившихся под его общим управлением. Но и эту «горную империю» ожидала судьба подобных же масштабных и фрагментированных хозяйств, распадавшихся на отдельные части при переходах по наследству. Ее раздел, осуществленный наследниками С. Я. Яковлева в 1787 г., привел сначала к образованию четырех частей: «шуралинской» во владении вдовы М. И. Яковлевой, «невьянской» — П. С. Яковлева, «верх-исетско-холуницкой» — И. С. Яковлева и «алапаевско-уинской» — С. С. Яковлева, поделенных по принципу равенства крепостных душ с нарушением сложившихся производственных связей. Уже на следующий год путем покупки произошло объединение «шуралинской» и «верх-исетской» частей в руках И. С. Яковлева. После его кончины наследники осуществили в 1806 г. раздел, в ходе которого образовались Верх-Исетский

и Холуницкий округа. В руках П. С. Яковлева окончательно сформировался облик Невьянского округа в составе трех заводов. «Алапаевско-уинская» часть во владении наследников С. С. Яковлева была структурирована с образованием двух одноименных округов. В результате формирования и распада «горной империи» С. Я. Яковлева, таким образом, приобрели свой законченный вид Невьянский, Верх-Исетский, Алапаевский, Холуницкий и Уинский округа [Павленко, с. 248–258; Неклюдов, Торопов, с. 20–63].

В 1750-е гг. была предпринята попытка создания частных горнозаводских хозяйств на основе действовавших казенных заводов (кроме Екатеринбургских). К выгодному горнозаводскому предпринимательству на Урале тогда попытались приобщиться несколько знатных сановников елизаветинского царствования: Р. И. Воронцов получил Верх-Исетский завод, М. И. Воронцов — Пермские, П. И. Шувалов — Гороблагодатские, А. Г. Гурьев — Алапаевские, И. Г. Чернышев — Юговские и С. П. Ягужинский — Уткинские заводы. Из них только граф П. И. Шувалов начал формирование собственной «горной империи», построив Авзяно-Петровские, Серебрянский, Воткинский и Ижевский заводы. Но, как и всех упомянутых участников той «номенклатурной приватизации», его постигла неудача: заводы пришлось либо возвратить в казну, либо продать С. Я. Яковлеву. Лишь А. Ф. Турчанинов, получивший в 1757 г. казенные Сысертские заводы, сохранил их в своем владении в качестве самостоятельного горнозаводского округа [Павленко, с. 265–270, 327–363; Пирогова и др., с. 56–70].

Крупное горнозаводское хозяйство на севере Урала стремительно создавалось усилиями верхотурского купца М. М. Походяшина. Однако уже его сыновья не смогли удержать Богословские заводы в своем владении и в 1791 г. продали их в казну. Тем же результатом завершилось и крупное предпринимательство тульского купца Л. И. Лугинина, основателя Златоустовского округа, также переданного его наследниками казне в 1799 г. На северо-западе Урала усилиями великоустюжских купцов Курочкиных возник довольно крупный Кирсинско-Кажимский округ.

В XVIII в. действовало еще несколько небольших горнозаводских хозяйств, значительная часть которых тогда же прекратила свое существование в основном из-за ресурсных проблем. Но некоторые из них сохранились до начала XIX в. Так, во владении тульских купцов Красильниковых оставались Шильвинский, Коринский, Архангельский (Шаранский) медеплавильные заводы, казанских купцов Кобелевых — Пыжманский завод, Иноземцевых — Таишевские заводы. Симбирские купцы Глазовы владели Богословским, Маленковы — Берсутским, а татарский дворянский род Тевкелевых — Варзино-Алексеевским заводами [Павленко, с. 243–248, 259–264; Кулбахтин]. По нашим подсчетам, к началу XIX в. на территории Урала функционировало 48 частных и шесть казенных округов.

Дальнейшему росту их количества поставила преграду новая промышленная политика, которая осуществлялась государством с 1780-х гг. Важнейшей ее вехой стал манифест Екатерины II от 28 июня 1782 г., в соответствии с которым запрещалось «инако основывать заводы, как или на своей собственной земле, или же по добровольному условию с другим на принадлежащей сему последнему».

Запрещено было и «требовать отвода казенных лесов, а довольствоваться своими собственными, или по договору ему отведенными» [ПСЗ-I, т. 21, № 15447]. Вводился также принцип акцессии, который передал собственность на недра земли тем заводчикам, которые основали свое предпринимательство без помощи казны на собственных землях. Остальные, воспользовавшиеся казенными землями, лесами, рудниками или работниками, получили лишь право пользования ими под контролем горного ведомства. Отмена горной свободы и горной регалии дала повод для консолидации прав собственности на заводы и отведенные к ним земли. Частные горнозаводские округа стали подразделять на имевшие пособия (посессии) от казны (позже их стали называть посессионными) и их не имевшие (владельческие, или вотчинные). Принадлежавшие государству заводы были приравнены к особой казенной собственности, равноценной частной. Эти новые принципы были кодифицированы в Проекте Горного положения 1806 г., а затем вошли в Горный устав 1832 г. и последующие его редакции [Неклюдов, 2011, с. 19–48]. В Проекте Горного положения впервые было введено и понятие «округ» в качестве ресурсной территории, окружавшей заводы и принадлежавшей им [ПСЗ-I, т. 29, № 22208]. В течение первой половины XIX в. на Урале были организованы межевые работы, призванные упорядочить земельные владения горнозаводчиков и зафиксировать четкие границы между ними [Безобразов, прил., с. 163–169].

Вследствие такой политики дальнейшее развитие горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. надолго сконцентрировалось в пределах уже сложившихся округов, в большинстве которых оставались еще значительные внутренние резервы. Единственным исключением стало появление в 1855 г. Святочудовского медеплавильного завода, основанного компанией горных инженеров в пределах небольшого земельного отвода в даче Каменского казенного завода. Новое предприятие должно было действовать на каменном угле Сухоложской копи, что исключало приписку к нему обширных лесных пространств. В 1861 г. завод был остановлен и более не возобновлялся. Та же участь постигла несколько слабых горнозаводских хозяйств, расформированных в 1820–1830-е гг. (Пыжманский, Коринский, Шаранский, Берсутский, Варзино-Алексеевский заводы). В 1853 г. прекратили свое существование Таишевские заводы, остановленные наследницами И. М. Ярцова из-за нерентабельности [Неклюдов, 2004, с. 357–371; 2013, с. 456–460].

Однако, несмотря на введенные ограничения, в первой половине XIX в. вовсе не исключалось дробление горнозаводских округов. Консолидация посессионного права в начале XIX в. несколько затемнила возможность такого дробления, введя принцип «неразробимости» посессионных имуществ. Но на деле он устанавливал лишь нераздельность заводов и данных им посессий. В 1836 г., чтобы разрядить ситуацию, Государственный совет разъяснил, что допускалось «из оных общей массы выделять один и более заводов, но токмо таких, кои по засвидетельствованию Горного правления продолжать могут действие свое независимо от прочих и без которых остальные из разделяемых заводов совершенно обойтись в состоянии». Тогда же посессионерам было предоставлено право «от одного

своего завода перечислять к другому... отведенные от казны и окортомленные земли, леса и действующие или запасные рудники», что могло упростить возможность раздела [ПСЗ-II, т. 11, № 9699].

Известно несколько попыток раздела округов в первой половине XIX в. Так, в 1818 г. владелец Чёрмозских заводов Е. Л. Лазарев попытался было решить таким путем вопрос о передаче своего обширного наследства трем сыновьям, распорядившись подготовить проект «фактуального» раздела имения. Но оказалось, что поделить заводской комплекс можно было только на две части, поскольку в его составе действовало всего два чугуноплавильных предприятия. Предполагалось в одной из них оставить Чёрмозский и половину Кизеловского завода, а в другой — Полазнинский, Хохловской и другую половину Кизеловского завода. Хотя при таком раскладе в каждой части оказалось по равному числу ревизских душ, но основательно нарушались налаженные производственные связи между заводами, а также неотмененное правило неделимости завода. Проект был признан «неудобным и стеснительным» и отвергнут вместе с самой идеей подобного раздела [Неклюдов, 2004, с. 250].

В 1842 г. правом дробления пытался воспользоваться владелец крупнейшего Нижнетагильского посессионного округа А. Н. Демидов, не желавший делить власть и ответственность за заводы с опекунами своего малолетнего племянника и совладельца П. П. Демидова. Предполагалось, в частности, выделить из состава округа два смежных Салдинских завода в самостоятельное хозяйство. Но командированный в округ «благонадежный чиновник» Уральского горного правления А. И. Арсеньев вынес вердикт о невозможности подобного раздела ввиду неизбежного разрушения устойчивых производственных связей между заводами и рудниками этого округа. «Итак, — заключал он свое исследование, — для благосостояния округа Нижнетагильских заводов, для пользы казны и для пользы самих владельцев, надобно желать, чтобы заводы остались навсегда в полном и нераздельном их составе» [Неклюдов, 2004, с. 105–106].

Единственный случай осуществленного тогда раздела был связан с обширным горнозаводским хозяйством Всеволожских в Прикамье, в состав которого входили Пожевские заводы. С 1836 г. им владели братья А. В. Всеволожский и Н. В. Всеволожский, которые решились на раздел общего имущества с целью передачи его по частям в аренду. В основу раздела 1849 г. был положен принцип равенства доходов, который удалось реализовать лишь путем разрушения заводского комплекса. В отделившихся друг от друга «пожевской» и «никитинской» частях имения потребовались значительные дополнительные расходы на восстановление нарушенных связей, что окончательно подорвало бюджеты обоих имений, и без того обремененные огромными казенными и частными долгами [Неклюдов, 2004, с. 240–241].

Известно также, что еще в 1838 г. раздел своих горнозаводских владений провели братья Губины, видимо, для того, чтобы не отвечать за долги друг друга. Но они сумели провести его без разрушения действовавших заводских комплексов, которые представляли собой два самостоятельных округа, находившихся лишь под общим управлением братьев. В результате П. М. Губину достались

Авзяно-Петровские заводы с 1604 ревизскими душами в Оренбургской губернии, а К. М. Губину — Сергинско-Уфалейские заводы с 7387 ревизскими душами в Пермской губернии. Существенная разница в масштабах и стоимости округов компенсировалась передачей старшему брату совместных имений в Центральной России и освобождением его от уплаты долгов [Неклюдов, 2004, с. 313]. В результате всех этих незначительных перемен к 1861 г. на Урале остались 42 частных (19 владельческих и 23 посессионных) и шесть казенных округов.

Самые крупные изменения в составе уральских горнозаводских округов произошли после 1861 г. Они были вызваны как продолжением и интенсификацией уже проявившихся ранее процессов вымывания маломощных хозяйств и дробления крупных округов, так и объединением округов и появлением новых горнозаводских хозяйств после отмены запрета строить заводы на казенных землях.

В 1860-е гг., когда горнозаводчики переживали финансовые трудности, связанные с последствиями отмены крепостного права, были ликвидированы Уинские, Шильвинский, Каноникольский, Мешинский, Бемышевский медеплавильные и Богословский медно-селитряный заводы, составлявшие самостоятельные горнозаводские хозяйства. Из-за истощения рудников в 1880–1910-е гг. прекратилась деятельность и всех южноуральских медных заводов Пашковых и Дашковых (Преображенского, Воскресенского, Верхоторского, Богоявленского, Благовещенского и Архангельского). Троицкие заводы остановились после банкротства их владельца Д. Е. Бенардаки, вынужденного в 1865 г. передать заводские земли казне в счет недоимки по винным откупам.

В 1870–1890-е гг. завершился распад пермских владений Всеволожских, начало которому положил уже упоминавшийся раздел 1849 г. В 1870 г. наследники А. В. Всеволожского отделили незаводскую часть своего имения от Пожевского округа и в 1883 г. продали ее Николо-Заозерскому товариществу, которое собиралось построить там новый медеплавильный завод, но не преуспело в этом. Сам Пожевский округ в 1888 г. был разделен на две части: «пожевскую» с Пожевским и Елизавето-Пожевским заводами и «всеволодовильвенскую» с одноименным недействующим заводом. Первая в 1900 г. была продана С. Е. Львову, который продолжил горнозаводскую деятельность; вторую в 1890 г. купил С. Т. Морозов, организовавший там лесохимическое производство. Наследники Н. В. Всеволожского в 1884 г. продали Никитинский округ с двумя металлургическими заводами П. П. Демидову князю Сан-Донато [Неклюдов, 2013, с. 266–288].

В 1864 г. произошло дробление другого пермского имения, принадлежавшего роду Шаховских-Шуваловых. Тогда это крупное промышленное хозяйство с Лысьвенскими заводами поделили между собой сыновья-наследники княгини В. П. Бутеро-Родали (урожденной Шаховской) А. П. Шувалов и П. П. Шувалов. Этот раздел не имел столь же негативных последствий, как раздел Всеволожских, поскольку от комплекса Лысьвенских заводов тогда отделили лишь небольшой железоделательный Юго-Камский завод, доказав, что он мог действовать на покупном чугуне соседних частных и казенных заводов. В результате раздела (его оформление продолжалось до 1886 г.) вместо одного Лысьвенского округа появились Лысьвенско-Теплогорский и Юго-Камский округа. Первый в руках

П. П. Шувалова и его наследников стал одним из крупнейших на Урале; второй во владении А. П. Шувалова и его наследников доказал возможность вполне успешной работы железоделательного предприятия на рыночных основаниях [Неклюдов, 2013, с. 236–265].

Другие случаи дробления округов во второй половине XIX в. были вызваны необходимостью продажи крупных и сложноорганизованных частных хозяйств, оказавшихся в начале 1860-х гг. в казенном управлении из-за финансовых проблем их владельцев. В 1883 г. после нескольких неудачных попыток продажи было решено Шурминско-Залазнинский, Суксунский и Юго-Кнауфский округа продавать, поделив каждый из них на несколько «самостоятельных в хозяйственном отношении частей». Первыми в 1885–1886 гг. были распроданы участки бывших Шурминско-Залазнинских заводов Мосоловых. Залазнинская часть оказалась в итоге в руках А. Ф. Поклевского-Козелл и в составе трех заводов была присоединена им к Холуницкому округу. Шурминские заводы, приобрели местные лесопромышленники, которые не стали возобновлять их действие. В ходе продаж 1890–1893 гг. Суксунских заводов А. П. Демидова образовалось три новых округа. Из них Камбарский купца Г. С. Кондюрина в 1916 г. был куплен Камским акционерным обществом и слит с Нытвенско-Чусовским округом; Бымовский — В. А. Хлудова был им продан и прекратил свою деятельность в 1899 г.; составившие новый округ Молебский, Суксунский и Тисовский заводы находились в руках братьев Каменских до их закрытия в 1905 г. Уткинский завод бывшего Суксунского округа приобрел с торгов граф С. А. Строганов. Кнауфский округ дольше других оставался под управлением казны, пока в 1895 г. не был распродан по частям как сельскохозяйственное имение, где давно уже прекратилась горнозаводская деятельность [Неклюдов, 2013, с. 46–62, 306–319, 379–392].

Особый случай произошел с Кирсинско-Кажимским округом, владелец которого Д. Е. Бенардаки, как уже упоминалось, добился передачи некоторых своих уральских имений казне в счет долга по винным откупам. В 1866 г. два Кирсинских завода этого округа, признанные дееспособными, перешли казне и составили самостоятельный Вятский округ. Только 13 лет он находился во владении государства и в 1879 г. был продан Пастуховым в ходе организованной тогда распродажи казенного имущества. Новые владельцы объединили Вятские заводы в одно хозяйство с принадлежавшим им Омутнинским округом.

В 1914 г. распалось еще одно крупное горнозаводское хозяйство, созданное А. Ф. Поклевским-Козелл на Западном Урале из приобретенных им в 1873 г. Холуницких и в 1887 г. Залазнинских заводов. После того как в начале XX в. разорился его наследник И. А. Поклевский-Козелл, объединенное хозяйство вновь разделилось в ходе публичной продажи: «холуницкая» часть в 1914 г. перешла казне в счет долга бывшего владельца, а «залазнинская» была продана в частные руки [Неклюдов, 2013, с. 413–420, 497–521].

Кроме Вятских заводов в 1875 г. в частные руки перешел казенный Богословский округ, разделенный при этом на две части. Одна из них с Богословским и недействующим Петропавловским заводами была приобретена С. Д. Башмаковым, другая — с Николае-Павдинским заводом — И. А. Пастуховым, образовав

два новых горнозаводских округа. Первый во владении купившей его в 1884 г. Н. М. Половцовой и со строительством крупнейшего на Урале Надеждинского завода превратился в мощное горнозаводское хозяйство, акционированное в 1895 г. Второй после остановки завода в начале 1890-х гг. фактически утратил свой горнозаводский профиль. В 1876 г. на севере Урала казна продала еще и значительную земельную дачу Х. Я. фон Талю с условием возведения там металлургического завода. Созданный таким путем новый Сосьвинский округ в 1894 г. вместе с построенным одноименным заводом был куплен Н. М. Половцовой и слит с Богословским округом, укрепив его ресурсную базу. В результате продаж и закрытия нескольких предприятий во владении казны на Урале остались лишь Гороблагодатский, Златоустовский и Воткинский округа. Пермский округ сократился до Пермских пушечных заводов. Нижнеисетский завод упраздненного Екатеринбургского округа в 1915 г. стал отделением Воткинского завода; другой — старейший на Урале Каменский завод этого округа — сохранил свое самостоятельное значение [Неклюдов, 2013, с. 545–566, 608–612].

Объединение округов, ставшее заметным явлением в это время, осуществлялось в основном для решения обострившихся ресурсных проблем. Самым крупным оказалось объединение в 1872–1877 гг. двух строгановских имений в Прикамье с Билимбаевскими и Кыновскими заводами во владении графа С. Г. Строганова. В 1890 г. этот заводской комплекс Строгановского майората был усилен еще и приобретенным на торгах Уткинским заводом распавшегося Суксунского округа. После уже упоминавшейся покупки Никитинского (Луньевского) округа П. П. Демидовым в 1884 г. произошло его объединение с Нижнетагильским округом в один масштабный промышленный комплекс, две отдаленные друг от друга части которого соединялись железной дорогой. В 1891 г. произошло объединение Катавского и соседнего Юрюзанского округов в руках князя К. Э. Белосельского-Белозерского, а в 1897 г. — объединение Белорецкого и Кагинского округов во владении акционерного Общества Белорецких заводов. В декабре 1917 г. это же общество купило у князя и Катав-Юрюзанский округ, рассчитывая создать на Южном Урале гигантское горнозаводское хозяйство для масштабной эксплуатации Магнитогорского железорудного месторождения [Неклюдов, 2013, с. 188–226; Гуськова, 2007].

Заметным явлением для того времени стало появление новых горнозаводских хозяйств на Урале, большая часть которых была создана после введения в 1887 г. «Правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях», фактически восстановивших принцип горной свободы на этих категориях государственных земель. Правила предусматривали возможность разведки и разработки рудных месторождений на условиях бессрочного владения [ПСЗ-III, т. 7, № 4521]. Пользование же лесом из казенных дач для горных заводов с 1895 г. стало регулироваться порядком, предусматривавшим получение лесного отвода не на условиях посессионного владения, а за особую плату и под контролем «местного лесного начальства» [ПСЗ-III, т. 15, № 11735].

Возникшие на таких условиях новые округа специализировались в основном на добыче руды и выплавке чугуна. Они создавались в прежде невостребованных

рудных и лесных районах Северного (Кутимский — в 1890 г., Лукьяновский — 1900 г., Вельсовский — 1906 г.) или Южного Урала (Ивано-Павловский — 1875 г., Михайловский — 1880 г., Зигазинский и Лемезинский — 1890 г., Инзеровский — 1892 г., Никольский — 1899 г.). Однако, сориентированные на выпуск полупродукта, имевшего ограниченный сбыт, эти новые хозяйства оказывались менее устойчивыми к динамично менявшимся рыночным условиям и потому недолговечными. Многие из них вскоре перестали существовать: Васильевский завод закрылся в 1883 г., Михайловский — в 1887 г., Ивано-Павловский — в 1898 г., Лукьяновский — в 1901 г., Кутимский и Вельсовский — в 1907 г. Лемезинский завод объединили в одно хозяйство с Авзяно-Петровским округом, где производство было фактически остановлено в 1908 г. [Неклюдов, 2013, с. 580–607]. В результате всех изменений к 1917 г. количество частных горнозаводских хозяйств на Урале в целом сократилось до 28 (20 владельческих и восемь посессионных), среди которых ведущее положение занимали Богословско-Надеждинский, Нижнетагильско-Луньевский, Лысьвенско-Теплогорский, Билибаевско-Добрянский, Нытвенско-Чусовской, Симско-Балашовский, Белорецко-Катавский и другие укрупненные округа, находившиеся преимущественно во владении акционерных обществ.

Проследив историю формирования и развития горнозаводских округов на Урале, подчеркнем, что именно они (а не отдельные заводы) стали основными структурными элементами уральской горнозаводской промышленности, обладавшими признаком самодостаточности. Каждый горнозаводский округ представлял собой сложную систему взаимосвязанных отраслей, предприятий и ресурсов, включающих все стадии производства металлов от добычи руды и заготовки топлива до изготовления товарного продукта и доставки его к местам сбыта. Уральский металлургический регион складывался из обширных территорий многочисленных горнозаводских округов — казенных и частных, количество которых с течением времени менялось под воздействием экономических, политических и юридических факторов. Отметим, что окружная организация была характерна и для других «старинных» металлургических районов России, но именно в крупнейшем из них — на Горнозаводском Урале — она получила наибольшее развитие и определила его специфику.

Эволюция окружной организации уральской горнозаводской промышленности включила период формирования, растянувшийся на весь XVIII в., период стабилизации в первой половине XIX в., который перерос в период неустойчивости во второй половине XIX — начале XX в. В первый, самый сложный период из отдельных заводов (зачастую через недолгий этап формирования масштабных «горных империй») складывались самостоятельные заводские комплексы, вокруг которых формировались обширные ресурсные территории. Достигая относительного баланса всех своих параметров, они становились самодостаточными промышленными структурами с однородными системными свойствами. Вместе с тем, округа отличались разнообразием своей пространственной организации и производственной структуры, масштабами ресурсов и объемами производства. Эти различия во многом зависели от частично прослеженной нами владельческой истории округов.

Достигнув предельного уровня развития к началу XIX в., окружная организация вступила в период относительной устойчивости, отразившейся в стабильности состава округов, чему во многом способствовала промышленная политика того времени и благоприятные социально-экономические условия. Следующий период, напротив, стал временем неустойчивости и перемен, проявившихся, в частности, в отмеченных нами ликвидации, дроблении и объединении округов, ставших наиболее интенсивными во второй половине XIX — начале XX в. Другим показателем нестабильности были не менее важные сдвиги, связанные с переменами в структуре заводских комплексов и соотношении отраслей окружного хозяйства, где проявились серьезные диспропорции [см.: Гуськова, 2007; Шустов; Грузинов]. Все эти изменения были отражением глобальных модернизационных процессов, которые охватили тогда российскую промышленность, вступившую на путь индустриализации. Окружная организация сдерживала ее ход, замыкая преобразования рамками сложившихся производственных комплексов и ресурсных территорий, а «разгораживание» округов наталкивалось на владельческие права их хозяев. В таких условиях необходимость выживания и дальнейшего развития сориентировала владельцев к возвращению на путь создания более масштабных горнозаводских хозяйств за счет покупки и слияния округов. Отчасти окружная организация реанимировалась и в новых горнозаводских хозяйствах, возникавших в то время на Урале. «Имперская индустриализация» в горнозаводской промышленности Урала не столько ломала, сколько приспосабливалась к главному ее историческому феномену в виде окружной организации. Последняя продержалась в регионе вплоть до начала «сталинской индустриализации» 1930-х гг., качественно изменившей форму организации уральской металлургии за счет ее перехода на привозное минеральное топливо.

Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256. [Adamov V. V. Ob original'nom stroe i nekotoryh osobennostjah razvitija gornozavodskoj promyshlennosti Urala // Voprosy istorii kapitalisticheskoj Rossii. Problema mnogoukladnosti. Sverdlovsk, 1972. S. 225–256.]

Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. [Bezobrazov V. P. Ural'skoe gornoe hozjajstvo i vopros o prodazhe kazennyh gornyh zavodov. SPb., 1869.]

Грузинов А. С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX — начале XX в. М., 2009. [Gruzinov A. S. Hozjajstvennyj kompleks knjazej Abamelek-Lazarevyh vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. M., 2009.]

Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995. [Gus'kova T. K. Zavodskoe hozjajstvo Demidovyh v pervoj polovine XIX v. Cheljabinsk, 1995.]

Гуськова Т. К. О новых подходах к изучению уральской горнозаводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 231–234. [Gus'kova T. K. O novyh podhodah k izucheniju ural'skoj gornozavodskoj promyshlennosti // Ural v proshlom i nastojashhem. Ekaterinburg, 1998. Ch. 1. S. 231–234.]

Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. [Gus'kova T. K. Nizhnetagil'skij gornozavodskij okrug Demidovyh vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. Zavody. Rabochie. Nizhnij Tagil, 2007.]

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М. ; Л., 1949. [Kafengauz B. B. Istorija hozjajstva Demidovyh v XVIII–XIX vv.: Opyt issledovanija po istorii ural'skoj metallurgii. T. 1. M. ; L., 1949.]

Кулбахтин Н. М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане XVIII в. М., 2000. [Kulbahtin N. M. Gornozavodskaja promyshlennost' v Bashkortostane XVIII v. M., 2000.]

Мезенина Т. Г. Пермские владения Строгановых в XVIII — первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011. [Mezenina T. G. Permskie vladenija Stroganovyh v XVIII — pervoj polovine XIX v.: osobennosti prostranstvennoj i social'no-jekonomicheskoj organizacii. Nizhnij Tagil, 2011.]

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. [Nekljudov E. G. Ural'skie zavodchiki v pervoj polovine XIX v.: vladel'cy i vladenija. Nizhnij Tagil, 2004.]

Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011. [Nekljudov E. G. Posessionnoe pravo v istorii ural'skoj gornozavodskoj promyshlennosti XIX — nachala XX v. Ekaterinburg, 2011.]

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. [Nekljudov E. G. Ural'skie zavodchiki vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.: vladel'cy i vladenija. Ekaterinburg, 2013.]

Неклюдов Е. Г., *Торопов А. Н.* Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013. [Nekljudov E. G., Toropov A. N. Rod Jakovlevyh. Ekaterinburg, 2013.]

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962. [Pavlenko N. I. Istorija metallurgii v Rossii XVIII v.: zavody i zavodovladel'cy. M., 1962.]

Пирогова Е. П., *Неклюдов Е. Г.*, *Ларионова М. Б.* Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008. [Pirogova E. P., Nekljudov E. G., Larionova M. B. Rod Turchaninovyh. Ekaterinburg, 2008.]

ПСЗ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое (1649–1825 гг.). [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. pervoe (1649–1825 gg.).]

ПСЗ-II — Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе (1825–1881 гг.). [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. vtoroe (1825–1881 gg.).]

ПСЗ-III — Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье (1881–1913 гг.). [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. tret'e (1881–1913 gg.).]

Сапоговская Л. В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Екатеринбург, 2006. С. 135–173. [Sapogovskaja L. V. Ural'skie gornozavodskie okruga v novejshej regional'noj istoriografii: argumenty v razvorachivajushhejsja diskussii // Rossija i Ural v gody vojny i mira. XX vek. Ekaterinburg, 2006. S. 135–173.]

Спасский Г. А. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1877. [Spasskij G. A. Zhizneopisanie Akinfija Nikiticha Demidova. SPb., 1877.]

Шустов С. Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX — начале XX в. Пермь, 2010. [Shustov S. G. Permskoe nerazdel'noe imenie grafov Stroganovyh vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. Perm', 2010.]

Юркин И. Н. Демидовы. Столетие побед. М., 2012. [Jurkin I. N. Demidovy. Stoletie pobed. M., 2012.]

Статья поступила в редакцию 10.03.2015 г.

УДК 069:27-76(477.75) + 902(477.75)

А. В. Шаманаев

КОЛЛЕКЦИЯ ДРЕВНОСТЕЙ МОНАСТЫРЯ СВ. ВЛАДИМИРА В СЕВАСТОПОЛЕ (вторая половина XIX — начало XX в.)

В статье рассматривается история коллекции археологических находок, собранной служителями монастыря Св. Владимира в Херсонесе (Крым) во второй половине XIX — начале XX в. На основании архивных документов автор устанавливает источники комплектования, реконструирует состав, анализирует условия хранения вещей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Крым; Херсонес; история археологии; музейное дело; церковно-археологические музеи.

Одним из последствий христианизации древнерусского государства было формирование центров сохранения культурных ценностей в церквях и монастырях. В течение многих столетий служители церкви собирали мощи святых, иконы, памятники письменности, облачения священников, церковную утварь и др. [Разгон, с. 293–298]. В последние годы Русская православная церковь активно создает музеи церковных древностей, пытается добиться изъятия предметов культа из государственного музейного фонда [Мусин, 2010]. В связи с этим возникает необходимость изучения истории музейных проектов, реализовывавшихся служителями церкви в прошлом.

В XIX в. характерной чертой интеллектуальной жизни России стал постоянный рост интереса к национальной истории, что привело к осознанию необходимости сохранения свидетельств прошлого, в том числе в музейных собраниях [Юренева, с. 251]. Особенно ярко эти тенденции проявились во второй половине XIX в. В стране была создана система научных объединений (научно-исторические, естественнонаучные, церковно-археологические общества, губернские ученые архивные комиссии), в структуру которых часто входили музеи соответствующего профиля [Степанский; Комарова, с. 83–88; Смирнов, с. 18–72].

Существенный вклад в изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия России внесли церковно-археологические учреждения. Начало их деятельности было ознаменовано созданием в 1863 г. Подольского епархиального историко-статистического комитета. До 1917 г. зафиксировано существование 52 церковно-археологических обществ и комитетов. Многие из них имели собственные музеи памятников церковной старины [Комарова, с. 83–85]. В 1870-х гг. начался процесс создания музейных учреждений при духовных академиях (Киевской — 1872, Санкт-Петербургской — 1878, Московской — 1880) [Мусин, 2002, с. 81]. В начале XX в. в стране действовали 35 церковных древлехранилищ [Косых, с. 122].

Вопросы церковного музееведения неоднократно рассматривались на Всероссийских археологических съездах (АС). Так, на II АС (Санкт-Петербург, 1871) изучался проект создания церковно-археологических музеев при духовных

© Шаманаев А. В., 2015

академиях, представленный профессором П. А. Лошкаревым [Протоколы заседаний съезда, с. 60–61]. Проблемы сохранения культурных ценностей, находящихся в церквях и монастырях, рассматривались на VIII АС (Москва, 1890) [Отчет о действиях Предварительного Комитета, с. 40–41]. В. Т. Георгиевский предложил проект, предусматривавший введение курса церковной археологии в программы преподавания в духовных семинариях, а также создания при них церковно-археологических музеев [15 января. 2 часа дня, с. 63–65; Протоколы. 15 января. 2 часа дня].

Идея создания древлехранилища при монастыре Св. Владимира в Херсонесе (Севастополь) была связана с проектом восстановления христианских культовых центров в Крыму, инициированного на рубеже 1840–1850-х гг. архиепископом Херсонским Иннокентием (И. А. Борисов). Личность иерарха, его творчество и деятельность по созданию «Русского Афона» в Тавриде неоднократно рассматривались исследователями, в том числе в связи с историей археологических исследований памятников полуострова [Востоков, с. 668–708; Тункина, с. 523–530; Непомнящий, с. 107–111; Калиновский, с. 63–104; Kozelsky, p. 62–149]. Иннокентий предполагал, что служители возрожденных монастырей будут заниматься «собиранием исторических преданий и описанием древностей» [Гроздов, 1888б, с. 96]. Практическое воплощение этой идеи архиепископ связывал с созданием в Херсонесе и Инкермане небольших музеев «местных древностей» [Тункина, с. 527].

Нужно отметить, что «Христианский музей» на территории Херсонесского городища так и не был создан. История этого проекта, длившаяся более 50 лет, заслуживает специального исследования. Тем не менее, с первых лет существования киновии Св. Владимира (с 1861 г. — монастыря 1-го класса) началось формирование коллекции средневековых артефактов для будущего хранилища древностей при обители.

В конце XIX — начале XX в. некоторые исследователи затронули вопрос истории формирования монастырской коллекции, ее состава, условий хранения находок. Так, А. В. Гроздов, рассматривая начальный период существования монастыря Св. Владимира, отметил, что в первой половине 1860-х гг. рядом с братским корпусом располагалась временная постройка, использовавшаяся для хранения артефактов, найденных на городище. По его словам, собрание состояло из фрагментов декоративных элементов построек, эпиграфических памятников, культовых и бытовых предметов, монет [Гроздов, 1888а, с. 78]. И. Э. Иванов охарактеризовал монастырское древлехранилище как «маленький музей», формировавшийся из находок, не взятых Одесским обществом истории и древностей для пополнения своей коллекции. Стоит отметить, что этот автор намеренно подчеркивал низкий уровень исследований, музеефикации и организации охраны Херсонесского городища до передачи памятника в ведение Императорской Археологической Комиссии (ИАК) [Иванов, с. 172–176].

Исследователи советского времени (К. Э. Гриневич, А. Л. Якобсон), обращавшиеся к истории изучения Херсонеса, поддержали критические оценки деятельности служителей монастыря Св. Владимира на памятнике и крайне

негативно оценили саму идею создания «Христианского музея» [Гриневич, с. 17–19; Якобсон, с. 9–11]. Аналогичной точки зрения придерживаются авторы коллективной монографии «Жизнь и гибель Херсонеса», отметившие, что служители монастыря проявляли интерес исключительно к культовым христианским артефактам и полностью игнорировали находки античного времени [Сорочан, Зубарь, Марченко, с. 23].

А. И. Романчук рассмотрела некоторые обстоятельства передачи вещей из коллекции монастыря в ИАК. При этом она отметила, что стремление заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича изъять артефакты было обусловлено неудовлетворительными условиями хранения древностей, не обеспечивавшими их сохранность. По мнению А. И. Романчук, период существования монастырского собрания не имеет прямого отношения к истории музеефикации памятников Херсонеса [Романчук, с. 587–602].

Особое внимание коллекции монастыря Св. Владимира уделил В. В. Калиновский. Исследователь рассматривает состав и судьбу собрания в контексте истории проекта «Христианского музея» [Калиновский, с. 117–124, 134–136, 187–216]. В. В. Калиновский подробно анализирует подборку вещей, отправленных из монастыря на Политехническую выставку 1872 г. [Там же, с. 118–124].

Таким образом, к настоящему времени сложились общие представления об археологических находках, оказавшихся во второй половине XIX в. в распоряжении монастыря Св. Владимира в Херсонесе. Оценка научного значения, условий хранения и экспонирования находок во многом строится на критических суждениях, сложившихся на рубеже XIX–XX вв.

Необходимо отметить, что имеющийся круг источников, особенно архивные материалы, выявленные в последние годы, позволяет получить целостное представление о монастырском собрании артефактов. Информацию об истории коллекции дают донесения настоятелей обители, письма А. С. Уварова архиепископу Иннокентию в 1851–1853 гг. [ОР РНБ, ф. 313]; переписка настоятеля о. Евгения с Императорской Археологической Комиссией в 1861 г., инструкции Одесского общества истории и древностей об организации раскопок и охраны Херсонеса в 1876–1884 гг., переписка монастыря с различными учреждениями в 1860–1910-х гг. [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, 35], делопроизводственная документация ИАК 1880–1910-х гг., связанная с деятельностью Комиссии в Херсонесе [НА ИИМК РАН, РА, ф. 1]. Из опубликованных источников наибольший интерес для исследования имеет каталог археологических находок из Херсонесской обители, представленных на Политехнической выставке 1872 г., составленный И. Д. Мансветовым [Мансветов].

Строительство комплекса зданий монастыря Св. Владимира в Херсонесе было начато в 1850 г. В июне 1851 г. настоятель киновии (о. Владимир) доложил архиепископу Иннокентию о возведении части ограды (длиной 695 саженей — около 1500 м), а также жилых помещений и часовни. В ходе земляных работ были выявлены археологические объекты, в том числе остатки древних ворот (?) [ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 18–21]. В 1851 г. самовольные раскопки остатков одной из средневековых базилик провел лейтенант М. С. Шемякин. В 1852–1853 гг.

настоятель обители о. Василий (Юдин) провел исследования крестообразного в плане храма в центральной части городища [Тункина, с. 525–526].

К сожалению, сохранились только отрывочные сведения об археологических находках, неизбежно сопровождавших вторжения в культурный слой памятника. Так, 4 февраля 1853 г. о. Василий составил отчет для архиепископа Иннокентия об освящении церкви Св. Владимира. В письме содержится информация о том, что М. С. Шемякин подарил монастырю «раму из мозаика, найденного в Херсонесе» для образа Св. Владимира, написанного лейтенантом П. О. Липским [ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 470–471об.].

Осенью 1853 г. А. С. Уваров провел раскопки на городище, в том числе изучил остатки храма, открытого М. С. Шемякиным. Исследования руин базилики, позже получившей название «уваровской», привели к юридическому оформлению практики разделения находок. По распоряжению Николая I для формирования коллекций будущих древлехранилищ в Херсонесе и Инкермане «на месте» следовало оставлять вещи, «которые относятся до христианской церкви», остальные артефакты должны были пополнять собрание Эрмитажа [Гроздов, 1888б, с. 99–100; Тункина, с. 527].

После завершения раскопок А. С. Уваров передал найденное настоятелю Петропавловской церкви г. Севастополя А. Г. Лебединцеву. Крупные архитектурные фрагменты были помещены в специальный сарай на городище [Тункина, с. 528–529; Калиновский, с. 85–86]. Вероятно, А. Г. Лебединцев получил и мелкие находки — кусочки смальты, а также нумизматические материалы. В частности, А. С. Уваров упоминает о находке 22 медных монет под алтарем базилики в письме Иннокентию от 6 декабря 1853 г. [ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 318]. По определению исследователя, 19 экз. относились к периоду правления Романа I (920–944), 1 — «восточная», 2 экз. — неопределимых [Уваров, с. 534].

В годы Крымской войны мозаики, выявленные при изучении «уваровской» базилики, были вывезены в Санкт-Петербург [Тункина, с. 529]. Находки, оставшиеся в Севастополе, были утрачены в ходе военных действий и оккупации города [Крестьянников, с. 69; Шаманаев, 2013, с. 269].

В 1858 г. Александр II разрешил возведение собора во имя Св. кн. Владимира на территории Херсонесского городища. В связи с началом строительных работ настоятель монастыря о. Евгений (Отмарштейн) в 1860–1861 гг. провел раскопки на площадке, предназначенной для нового храма [Тункина, с. 533]. Игумен обратился в Министерство императорского двора с просьбой о предоставлении денежного пособия для продолжения исследований. При этом он сообщил о большом количестве найденных «древних монет, крестов и икон» [НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1860, д. 33, л. 1–1 об.; Шаманаев, Мусин].

Некоторое представление о составе коллекции древностей монастыря Св. Владимира дают материалы, связанные с работой Севастопольского отдела Политехнической выставки 1872 г. в Москве. В фондах Государственного архива г. Севастополя сохранилась опись вещей «Херсонесского музея», отобранных для экспозиции Н. П. Кондаковым [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 18; Калиновский, с. 120–122]. Эти сведения дополняет каталог И. Д. Мансветова [Мансветов].

Можно отметить, что коллекция монастыря включала памятники двух периодов: античности и Средневековья. Это противоречило порядку разделения находок, установленному указом 1853 г., а также стремлениям Одесского общества истории и древностей (ООИД) получать наиболее древние артефакты для своего музея. Так, в 1868 г. ООИД пыталось обратить внимание Таврического и Симферопольского епископа Гурия на то, что хранение предметов, относящихся к «языческой эпохе... не может иметь места в христианской обители» [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 12].

Тем не менее, на выставке 1872 г. античный период истории Херсонеса иллюстрировали 4 надгробных памятника, украшенных барельефами и надписями, 2 фрагмента подобных стел, 4 плиты со «скифскими изображениями», 2 плиты с посвятительными надписями и 7 фрагментов эпиграфических памятников с обрывками текстов. К дохристианскому этапу истории города И. Д. Мансветов отнес 15 архитектурных деталей и обломков скульптур (фрагментированные капители, колонны, карнизы, часть кариатиды, барельефное изображение головы Пана, торс мужской статуи, водосток в виде головы льва и др.) [Мансветов, с. 72–73]. Возможно, из собрания монастыря происходили образцы керамической посуды: рыбное блюдо, кружка с одной ручкой, канфар и несколько светильников [Там же, с. 57–65].

Другая часть экспозиции состояла из средневековых артефактов. В некоторых случаях их можно соотнести с конкретными объектами на городище. Так, из «уваровской базилики» происходили две плиты алтарной преграды, 4 капители (3 — коринфские, 1 — трапециевидная), 2 ствола колонн [Там же, с. 82–84]. Плита с растительным орнаментом и изображением агнца была найдена о. Евгением при раскопках храма (№ 28) в зоне строительства нового собора [Там же, с. 85; НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1860, д. 33, л. 1; Шаманаев, Мусин, с. 278]. Места обнаружения других архитектурных деталей не указаны. Скорее всего, такие сведения не фиксировались. Посетители выставки могли увидеть: 2 базы, 1 ствол и 3 капители колонн, 7 плит с христианской символикой, одну — с геометрическим орнаментом, одну — с шаровидным окончанием, один мраморный шар «с пирамидальным верхом» [Мансветов, с. 83–86].

Предметы христианского культа были представлены 21 крестом (включая 3, вероятно, энколпиона; большой металлический с изображением Богоматери с младенцем), 2 иконами (Богородица и Распятие), 4 «медальонами» (св. Прокопий, св. Иоанн Креститель, свв. Георгий Победоносец и Димитрий Солунский, благословляющий святитель), одной металлической пластинкой с крестом, вписанным в круг, тремя деревянными фрагментами оклада («рамки иконы») со следами греческой надписи. Также в состав подборки вещей входили: кадила и их фрагменты (3), металлические ковши (2), чаши из металла и камня (по одной), рукоятки инструментов (2), резные деревянные накладки (4), часть декоративной решетки (1), замки в форме птицы и коня, два металлических поддона (один на трех ножках, второй — с восточным орнаментом и надписью), 4 кольца (из них два — перстни-печати, в том числе один имел рисунок креста в круге из точек), подвески в форме петуха, ключа и фигурки «в фригийской шапке», бусины [Там же, с. 93–96].

Можно предположить, что представленные на Политехнической выставке вещи достоверно отражают структуру монастырской коллекции и, судя по всему, они являлись наиболее интересной ее частью. На это указывает статус мероприятия, проведенного под покровительством пяти членов императорской фамилии (включая наследника престола) [Беляновский, с. 31]. Ценность и объем выборки артефактов подтверждается попытками о. Евгения в 1873 г. выяснить их судьбу и его жалобами на то, что древлехранилище «остается пустым» [Калиновский, с. 123]. У исследователей сложилось убеждение, что после окончания работы выставки экспонаты из Херсонеса были переданы Московскому археологическому обществу для формирования фондов будущего Российского исторического музея [Лебедев, с. 132–133; Формозов, с. 59–60; Калиновский, с. 123].

Следующая попытка сформировать коллекцию археологических находок для «Христианского музея» была связана с раскопками городища под патронажем Одесского общества истории и древностей в 1876–1886 гг. [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21; Гриневич, с. 18–23; Шаманаев, 2007]. В этот период продолжала существовать практика разделения вещей между музеем ООИД и монастырем. При этом, руководители раскопок сохранили прежнюю концепцию древлехранилища, уточнив некоторые ее детали. Так, в 1878 г. вице-президент ООИД Н. Н. Мурзакевич писал настоятелю обители, что «местный Христианский Музей... будет вмещать в себе все то, что осталось Христианскаго, начиная с VII века, если не далее. Здесь же будут сохраняться Христианские монеты и другия вещи, в развалинах отысканные» [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 88]. В 1884 г. новый вице-президент В. Н. Юргевич подтвердил этот порядок: «все открываемые монеты и предметы древнейшаго периода должны поступать в музей Общества, тогда как все принадлежащее византийскому периоду должно оставаться в монастыре для предполагаемаго византийскаго музея» [Там же, л. 229 об.].

Судя по переписке ООИД с монашествующими лицами, участвовавшими в раскопках памятника, крупногабаритные находки в основном оставались в обители, а в Одессу отправляли их рисунки. В 1878 г. Н. Н. Мурзакевич дал указание выполнять графическую фиксацию капителей, карнизов и других архитектурных деталей «с точным показанием вышины, ширины и долготы рисуемого предмета» [Там же, л. 86]. С другими вещами обходились иначе. Так, в 1884 г. монеты, найденные в результате археологических исследований, были отправлены в Одессу. После обработки материала дубликаты, не представлявшие интереса для музея ООИД, В. Н. Юргевич вернул в монастырь [Там же, л. 233–233 об., 238–238 об., 259–259 об.]. Вероятно, некоторые вещи монахи оставляли в обители без согласования с одесскими учеными. Так, 17 октября 1884 г. Владислав Норбертович указал архимандриту о. Пахомию (Звереву): «Донесение о. Дионисия получено мною сегодня. Оно однако не совсем подробно, так как в нем не обозначены найденные мелкие предметы оставленныя для монастырскаго музея» [Там же, л. 238].

Письма и инструкции вице-президентов ООИД дают информацию об организации хранения, экспонирования и учета находок, предназначенных для «Христианского музея». Так, до 1878 г. колонны и их части размещались вдоль

аллеи, судя по всему идущей от монастыря к строящемуся собору [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 86, 88]. Начиная с 1878–1879 гг. «мраморные куски, плиты с надписями, узорами, или чем другим» стали складировать около дома настоятеля. При этом Н. Н. Мурзакевич дал указание фиксировать место находки этих предметов [Там же, л. 96]. Мелкие предметы, включая монеты, хранились «в ящиках» в помещениях, занимаемых настоятелем монастыря. Здесь же находились «описи» вещей и документация о раскопках. Н. Н. Мурзакевич настоятельно требовал не допускать посторонних лиц к артефактам, полагая, что «достаточно оныя видеть через запертую витрину» [Там же, л. 90].

В 1887 г. монастырь Св. Владимира был отстранен от участия в раскопках Херсонеса, которые с 1888 г. перешли под контроль Императорской Археологической Комиссии [Стоянов, с. 526–528]. Весной 1888 г., до начала археологических исследований, ИАК поручила провести ревизию монастырской коллекции древностей академику архитектуры В. В. Суслову [НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1887, д. 22, л. 60–61 об.]. В мае 1888 г. член Комиссии, профессор Санкт-Петербургского университета Н. П. Кондаков изучил ситуацию на памятнике, а также условия хранения артефактов служителями монастыря [Там же, л. 63–66 об.].

Рапорты этих ученых в ИАК позволяют установить, что артефакты были размещены, как и в предшествующие годы: 1) в «музее», занимавшем одно из помещений монастыря (мраморные архитектурные детали, монеты, кресты); 2) на аллее («ряды колонн»); 3) рядом с домом настоятеля и во дворе обители («различные осколки»). Кроме того, капители колонн, «орнаментированные плиты» и другие фрагменты мраморных декоративных элементов хранились в нижнем ярусе нового собора и рядом с этой постройкой [Там же, л. 60–60 об., 64–65 об.]. По словам Н. П. Кондакова, вещи, расположенные в храме и около него, были отобраны строительной комиссией для сооружения иконостаса [Там же, л. 65]. Таким образом, их принадлежность монастырскому собранию не является очевидной.

В. В. Суслов отметил, что помещение «музея» обеспечивает удовлетворительные условия сохранения находок, т. к. оно защищено «от непогод и входа посторонней публики без особого провожатого» [Там же, л. 60 об.]. Однако оба инспектора ИАК установили, что артефакты, размещенные в других местах, не защищены от непогоды, актов вандализма со стороны посетителей городища, корыстных интересов коллекционеров и небрежности рабочих, занятых на строительстве нового храма. Кроме того, серьезные опасения за сохранность артефактов вызвало отсутствие каталога коллекции [Там же, л. 60 об., 64 об.–65].

Представление об устройстве монастырского музея в конце XIX в. дает опись вещей, составленная заведующим раскопками ИАК в Херсонесе (1888–1907) К. К. Косцюшко-Валюжиничем (документ не датирован исполнителем, предположительно 1888 г.) [Там же, л. 255–260]. Древлехранилище занимало одну комнату в здании, которое Карл Казимирович назвал «монастырской гостиницей». Вещи были размещены в двух витринах, на малом и большом столах. На полу находились крупногабаритные находки (амфоры — 2, жернова — 2, якорь, железное кольцо для привязывания судов) [Там же].

В витрине № 1 хранились гипсовые («алебастровые отливки») копии терракот (25 экз.) и амфорных ручек с клеймами (3 экз.), а также 6 восковых слепков «с античных моделей». Вероятно, витрина № 2 была более вместительной. Согласно описи, в ней находились 226 предметов, не считая «мелких находок», описания и количества которых заведующий раскопками не представил. Среди них были: элементы архитектурного декора (керамические — 35 экз., мраморные — 28, фрагменты штукатурки с росписью — 3); производственный инвентарь (свинцовые грузила-кольца — 72, бронзовые рыболовные крючки — 8, пряслица из камня, глины, керамики — 16); детали вооружения (6 бронзовых наконечников стрел); предметы быта (керамические светильники — 14, «шарики из глины» — 8, бронзовые пуговицы — 15, перстень, фрагмент костяного гребня, предметы рукоделия из кости — 14), вещи культового назначения (металлические крестики — 4, костяной амулет пирамидальной формы) [НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1887, д. 22, л. 255 об.–257].

Малый стол был отведен преимущественно под изделия из керамики, включая: строительные материалы (фрагменты черепиц — 53, водопроводные трубы — 3); грузила — 82. Кроме того, здесь лежали три металлических артефакта. Всего на столе находился 141 предмет.

На большом столе поместились более 1140 вещей: кирпичи (4 экз.), изделия из мрамора (архитектурные детали — 9, фрагменты статуй — 8, осколки плит с надписями — 6), «грубая керамика и изделия» (14), черепки посуды «тонкой греческой работы» (1094), ручки амфор и осколки «генуэзско-татарской» керамики (количество не указано), точильные бруски (5) [Там же, л. 257–258 об.].

Кроме того, во дворе монастыря К. К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил 12 архитектурных деталей, «множество осколков мрамора, куски черепицы с клеймами, обломки амфор и разной глиняной посуды» [Там же, л. 260].

После осмотра коллекции около 50 предметов и 6 копий фрагментов эпиграфических памятников были отправлены заведующим раскопками в ИАК [Там же, л. 255–258].

Передача исследований Херсонеса в ведение Императорской Археологической Комиссии сопровождалась категорическим запретом Александра III производить какие-либо раскопки служителям монастыря Св. Владимира [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 288; Стоянов, с. 526–527]. Распоряжение Синода от 11 июня 1888 г. предписывало настоятелю обители только сохранять имеющиеся в его распоряжении артефакты [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 35, л. 24 об.].

Таким образом, монастырь был лишен возможности законным образом пополнять свое собрание. Основание в 1892 г. «Склада местных древностей» и планы ИАК по созданию собственного музея поставили под сомнение сам факт существования монастырского древлехранилища [Стоянов, с. 536–540]. Так, в 1898 г. вице-президент и хранитель музея ООИД В. Н. Юргевич на одном из заседаний общества поставил вопрос о передаче в Одессу из Херсонесской обители экспонатов античного времени [311 заседание..., с. 58–60]. Конечно, в сложившихся обстоятельствах это было невозможно. В 1902 г. председатель ИАК А. А. Бобринский предложил закрыть музей при монастыре и конфисковать

артефакты в пользу Комиссии [Стоянов, с. 535]. Тем не менее, коллекция продолжала оставаться в распоряжении обители. Так, в 1904 г. председатель Московского археологического общества П. С. Уварова просила епископа Таврического и Симферольского Николая (М. З. Зиорова) предоставить возможность изучения монастырского собрания [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 343]. Можно предположить, что история существования коллекции завершилась после закрытия монастыря в 1924 г. Скорее всего, артефакты поступили в фонды Херсонесского музея, созданного в 1927 г. [Тур, с. 100].

Таким образом, в истории коллекции древностей монастыря Св. Владимира в Херсонесе можно выделить четыре основных этапа: 1) 1850–1853 гг. — накопление единичных находок, связанных с раскопками христианских храмов настоятелем и А. С. Уваровым; 2) 1858–1872 гг. — формирование комплекса вещей, полученных при изучении площади, отведенной под новый собор Св. Владимира; 3) 1876–1886 гг. — собрание пополнялось преимущественно средневековыми артефактами из раскопок под руководством Одесского общества истории и древностей; 4) 1887–1924 гг. — обитель сохраняет небольшой фонд находок без права его пополнения.

Судя по имеющимся данным, до 1870–1880-х гг. коллекция состояла из нескольких сотен предметов. Часть фонда была утрачена в период Крымской войны, другая оказалась в распоряжении Российского исторического музея и ее судьба достоверно не установлена. К концу 1880-х гг. собрание включало более 1500 единиц хранения, сконцентрированных, в основном, в одном из помещений монастыря. Несмотря на то, что коллекция предназначалась для «Христианского музея», вещей культового назначения в ее составе было немного (кресты, энколпионы, фрагменты мраморного убранства церквей). Кроме средневековых строительных материалов, керамики, бытовых предметов, инструментов и др., собрание включало некоторое количество античных артефактов (изделия из мрамора, памятники эпиграфики, керамику). Условия хранения крупногабаритных находок (колонн и их деталей, карнизов, мраморных плит и др.) не обеспечивали их защиту от неблагоприятных погодных условий, хищений и проявлений вандализма. Контроль за сохранностью коллекции был затруднен из-за отсутствия учета вещей. В целом, история коллекции древностей монастыря Св. Владимира представляет собой интересный пример музеефикации объектов археологического наследия в Российской империи.

---

15 января. 2 часа дня. 2-е общее собрание // Занятия восьмого археологического съезда. М., 1890. С. 59–65. [15 janvarja. 2 chasa dnja. 2-e obshhee sobranie // Zanjatija vos'mogo arheologicheskogo s"ezda. M., 1890. S. 59–65.]

311 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей. 29 апреля 1898 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1898. Т. 21. С. 53–60. [311 zasedanie Imperatorskogo Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. 29 aprelja 1898 g. // Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. 1898. T. 21. S. 53–60.]

Беляновский А. Гигантский праздник науки, искусств, промышленности и торговли... К 150-летию Политехнической выставки 1872 г. в Москве // ЭКСПО Вестник. 2013. № 1.

С. 30–35. [Beljanovskij A. Gigantskij prazdnik nauki, iskusstv, promyshlennosti i torgovli... K 150-letiju Politehnicheskoj vystavki 1872 g. v Moskve // JeKSPO Vestnik. 2013. № 1. S. 30–35.]

Востоков Н. М. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 651–708. [Vostokov N. M. Innokentij, arhiepiskop Hersonskij i Tavricheskij // Russkaja starina. 1879. T. 24. S. 651–708.]

ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10, 35. [GAGS. F. 19. Op. 1. D. 10, 35.]

Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. [Grinevich K. Je. Sto let hersonesskih raskopok. Sevastopol', 1927.]

Гроздов А. В. Историческая записка о Херсонисском св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1888а. № 5. С. 76–80. [Grozdov A. V. Istoricheskaja zapiska o Hersonisskom sv. ravnoapostol'nogo velikogo knjazja Vladimira monastyre // Izv. Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. Simferopol', 1888. № 5. S. 76–80.]

Гроздов А. В. Архивные документы, относящиеся к истории херсонисского монастыря // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1888б. № 5. С. 81–105. [Grozdov A. V. Arhivnye dokumenty, otnosjashhiesja k istorii hersonisskogo monastyrja // Izv. Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. Simferopol', 1888. № 5. S. 81–105.]

Иванов Е. Э. Херсонес Таврический : историко-археологический очерк // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 46. [Ivanov E. Je. Hersones Tavricheskij : istoriko-arheologicheskij ocherk // Izv. Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. 1912. № 46.]

Калиновский В. В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920) / под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. Киев ; Симферополь, 2012. (Сер.: «Биобиблиография крымоведения», вып. 18). [Kalinovskij V. V. «Drevnostej — i zamechatel'nyh, i interesnyh, i krasivyh — nepochatyj ugolok»: Cerkovnoe krymovedenie (1837–1920) / pod red. i vstup. st. A. A. Nepomnjashhego. Kiev ; Simferopol', 2012. (Ser.: «Biobibliografija krymovedenija», vyp. 18).]

Комарова И. И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник — 1990. М., 1992. С. 83–102. [Komarova I. I. Cerkovno-arheologicheskie uchrezhdenija i ohrana pamjatnikov kul'tury v Rossii konca XIX — nachala XX v. // Arheograficheskij ezhegodnik — 1990. M., 1992. S. 83–102.]

Косых В. И. Церковно-археологические общества русской православной церкви (конец XIX — начало XX вв.) // Уч. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер. : Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 121–125. [Kosyh V. I. Cerkovno-arheologicheskie obshhestva russkoj pravoslavnoj cerkvi (konec XIX — nachalo XX vv.) // Uch. zap. Zabajkal. gos. un-ta. Ser. : Filologija, istorija, vostokovedenie. 2009. № 3. S. 121–125.]

Крестьянников В. В. Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Sacrum et Profanum: Культ святых мест в древних и современных религиях. Севастополь, 2005. Вып. 1. С. 69–72. [Krest'jannikov V. V. Vozrozhdenie Sevastopol'skogo blagochinija i monastyrej posle Krymskoj vojny // Sacrum et Profanum: Kul't svjatyh mest v drevnih i sovremennyh religijah. Sevastopol', 2005. Vyp. 1. S. 69–72.]

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб., 1992. [Lebedev G. S. Istorija otechestvennoj arheologii. 1700–1971 gg. SPb., 1992.]

Мансветов И. Д. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. [Mansvetov I. D. Istoricheskoe opisanie drevnego Hersonesa i otkrytyh v nem pamjatnikov. M., 1872.]

Мусин А. Е. Церковная археология в России второй половины XIX — начала XX в. и ее место в системе отечественной археологии и охраны культурного наследия // Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб., 2002. С. 77–94. [Musin A. E. Cerkovnaja arheologija v Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX v. i ee mesto v sisteme otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo nasledija // Nevskij arheologo-istoriograficheskij sbornik : k 75-letiju kand. ist. nauk A. A. Formozova. SPb., 2002. S. 77–94.]

Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. СПб., 2010. [Musin A. E. Cerkovnaja starina v sovremennoj Rossii. SPb., 2010.]

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. 1860. Д. 33. 1887. Д. 22. [NA IIMK RAN, RA. F. 1. 1860. D. 33. 1887. D. 22.]

Непомнящий А. А. Деятельность священнослужителей по изучению и охране памятников древности в Крыму (XIX — начало XX века) // Церковные древности : сб. материалов III междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь, 2005. С. 107–111. [Nepomnjashhij A. A. Dejatel'nost' svjashhennosluzhitelej po izucheniju i ohrane pamjatnikov drevnosti v Krymu (XIX — nachalo XX veka) // Cerkovnye drevnosti : sb. materialov III mezhdunar. konf. «Cerkovnaja arheologija: liturgicheskoe ustrojstvo hramov i voprosy istorii hristianskogo bogosluzhenija» (Sevastopol', 2003). Simferopol', 2005. S. 107–111.]

ОР РНБ. Ф. 313. Д. 37. [OR RNB. F. 313. D. 37.]

Отчет о действиях Предварительного Комитета // Тр. восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т. 4. С. 38–44. [Otchet o dejstvijah Predvaritel'nogo Komiteta // Tr. vos'mogo arheologicheskogo s"ezda v Moskve. 1890. M., 1897. T. 4. S. 38–44.]

Протоколы. 15 января. 2 часа дня. Общее заседание // Тр. восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т. 4. С. 81–84. [Protokoly. 15 janvarja. 2 chasa dnja. Obshhee zasedanie // Tr. vos'mogo arheologicheskogo s"ezda v Moskve. 1890. M., 1897. T. 4. S. 81–84.]

Протоколы заседаний съезда. Общие собрания съезда: I. (11 декабря утром) // Тр. второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 59–61. [Protokoly zasedanij s"ezda. Obshhie sobranija s"ezda: I. (11 dekabrja utrom) // Tr. vtorogo arheologicheskogo s"ezda v Sankt-Peterburge. SPb., 1881. Vyp. 2. S. 59–61.]

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII — пер. пол. XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 292–365. [Razgon A. M. Ohrana istoricheskih pamjatnikov v Rossii (XVIII — per. pol. XIX v.) // Ocherki istorii muzejnogo dela v SSSR. M., 1971. Vyp. 7. S. 292–365.]

Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007. Ч. 2 : Византийский город. [Romanchuk A. I. Issledovanija Hersonesa-Hersona: Raskopki. Gipotezy. Problemy. Ekaterinburg, 2007. Ch. 2 : Vizantijskij gorod.]

Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011. [Smirnov A. S. Vlast' i organizacija arheologicheskoj nauki v Rossijskoj imperii (ocherki institucional'noj istorii nauki XIX — nachala XX veka). M., 2011.]

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. [Sorochan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. Zhizn' i gibel' Hersonesa. Har'kov, 2000.]

Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник — 1974. М., 1975. С. 38–55. [Stepanskij A. D. K istorii nauchno-istoricheskih obshhestv v dorevoljucionnoj Rossii // Arheograficheskij ezhegodnik — 1974. M., 1975. S. 38–55.]

Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 522–555. [Stojanov R. V. Imperatorskaja arheologicheskaja komissija i izuchenie Hersonesa Tavricheskogo // Imperatorskaja Arheologicheskaja Komissija (1859–1917): K 150-letiju so dnja osnovanija. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo nasledija / nauch. red.-sost. A. E. Musin ; pod obshh. red. E. N. Nosova. SPb., 2009. S. 522–555.]

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. [Tunkina I. V. Russkaja nauka o klassicheskih drevnostjah juga Rossii (XVIII — seredina XIX v.). SPb., 2002.]

Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX — начале XX вв. Киев, 2006. [Tur V. G. Pravoslavnye monastyri Kryma v XIX — nachale XX vv. Kiev, 2006.]

Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. 1854. Кн. 4. С. 525–537. [Uvarov A. S. Neskol'ko slov ob arheologicheskih razyskanijah bliz Simferopolja i Sevastopolja // Propilei. 1854. Kn. 4. S. 525–537.]

Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007. [Formozov A. A. Issledovateli drevnostej Moskvy i Podmoskov'ja. M., 2007.]

Шаманаев А. В. Служители монастыря св. Владимира и исследования Херсонесского городища // Sacrum et Profanum: Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. Вып. 3. С. 227–237. [Shamanaev A. V. Sluzhiteli monastyrja sv. Vladimira i issledovanija Hersonesskogo gorodishha // Sacrum et Profanum: Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta. Sevastopol', 2007. Vyp. 3. S. 227–237.]

Шаманаев А. В. Утрата культурных памятников в ходе Крымской войны // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2013. № 3 (117). С. 265–273. [Shamanaev A. V. Utrata kul'turnyh pamjatnikov v hode Krymskoj vojny // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki. 2013. № 3 (117). S. 265–273.]

Шаманаев А. В., Мусин А. Е. Исследования Херсонеса и Императорская Археологическая Комиссия в 1860 г. // Археологические вести. 2010. Вып. 16. С. 267–282. [Shamanaev A. V., Musin A. E. Issledovanija Hersonesa i Imperatorskaja Arheologicheskaja Komissija v 1860 g. // Arheologicheskie vesti. 2010. Vyp. 16. S. 267–282.]

Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003. [Jureneva T. Ju. Muzej v mirovoj kul'ture. M., 2003.]

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 63. [Jakobson A. L. Rannesrednevekovyj Hersones. Ocherki istorii material'noj kul'tury // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 1959. № 63.]

Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010.

Статья поступила в редакцию 19.03.2015 г.

УДК 334.724.2 + 351.823.1(470)

Л. Н. Мазур

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СЕЛЬСКОЙ БЮРОКРАТИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ*

На основе использования топографического подхода рассматриваются особенности эволюции сельской бюрократии в советском и постсоветском обществе. Внимание уделено социальной структуре бюрократии, функциям и способам рекрутирования. Типологическое своеобразие сельской бюрократии, характерной чертой которой выступает тесная связь с сельским сообществом и включенность в него, утрачивается в настоящее время. Вся логика современной реформы местной власти свидетельствует об обособлении управленческих структур и слиянии сельской бюрократии с провинциальной.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бюрократия в России; сельская бюрократия; эволюция структуры и функций; место в системе власти.

Продолжая тему истории сельской бюрократии и ее типологических особенностей, начатую в предыдущей статье[1], рассмотрим ее дальнейшую эволюцию в условиях советского эксперимента и постсоветской реальности, когда кардинально меняется политическое устройство страны и базовая социальная структура. Произошедшие перемены, однако, не затронули исторически сложившуюся систему управления, в советской России она в целом сохранила имперские черты, в том числе фактическое отсутствие демократических институтов, подмену их централизованными формами управления. Интересно, что советское государство, особенно на начальных этапах, конструировалось по принципу антитезы устройству Российской империи, но результат оказался прямо противоположным, реставрация имперской модели власти началась уже в 1930-е гг.

Несмотря на официальное осуждение и борьбу с бюрократией, на практике была реставрирована ее советская разновидность — номенклатура. Она рекрутировалась преимущественно из социальных низов, обладающих низким уровнем образования, особыми ментальными характеристиками (преобладание традиционалистского и революционного типов сознания [см.: Поршнева]), что способствовало усилению азиатских черт бюрократической модели господства.

Во второй половине XX в. номенклатура превратилась в господствующий класс, контролируя не только власть, но и все стороны общественной жизни — экономику, культуру, образование и пр., чему способствовало тотальное огосударствление. Карьера номенклатурного работника зависела от его политических заслуг, лояльности, но не от образования, профессионализма или деловых качеств. На низовом уровне номенклатура включала всех секретарей партийных и комсомольских районных организаций, заведующих отделами райкомов, а также председателей

* Продолжение статьи: *Мазур Л. Н.* «Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX — начале XX в.» [Мазур, 2014].

[1] См. периодизацию становления и основные этапы эволюции сельской бюрократии в России, а также ее особенности на имперской стадии в [Мазур, 2014].

© Мазур Л. Н., 2015

райисполкомов, заведующих отделами, руководителей сельскохозяйственных предприятий. Помимо них формируется мощный слой советских чиновников — работников аппарата, которые и определяли облик советской бюрократии.

II этап эволюции сельской бюрократии в России: 1917–1991 гг.

В советский период новая волна бюрократизации охватила и российскую деревню. Правда, ее влияние почувствовалось не сразу, только в 1930-е гг., в условиях коллективизации и массового строительства совхозов. Первоначально (в 1920-е гг.) сельскую бюрократию составлял административный аппарат сельсоветов, малочисленный и слабо бюрократизированный, воспроизводивший типичные черты земской системы самоуправления [см.: Безгин; Гимпельсон]. Параллельно сформировалась политическая система управления (партийные, комсомольские, профсоюзные органы), в структуре которых основное место принадлежало ВКП(б)/КПСС. В 1930-е гг. ряды сельской бюрократии пополнились руководителями и административно-управленческим аппаратом МТС, колхозов и совхозов (директора совхозов, председатели колхозов, их заместители и прочий управленческий персонал). В результате численность сельской бюрократии резко возросла, а ее роль в жизни села усилилась. Причем сельсоветы оказались в экономической и политической зависимости и от партийных органов, и от «хозяйственников», несмотря на статус органа государственной власти.

Рассмотрим структуру сельского управления, сложившуюся в 1930–1980-е гг., и состав сельских чиновников («ответственных лиц») (табл. 1).

Таблица 1

*Структура сельского управления в 1930–1980-е гг.**

Орган власти	Механизм формирования и состав	Функции
	Район	
Советские органы		
Районный совет депутатов Районный исполнительный комитет Районная ревизионная комиссия	***Депутаты*** районного совета избирались на основе действующего избирательного права. Из членов совета на пленуме путем открытого голосования формировался ***исполнительный комитет***.	Представительно-законодательный, распорядительный и контрольный орган. Районные советы были подконтрольны областному совету и партийному комитету районного и областного уровня. Заслушивали отчеты председателя исполкома, утверждали решения, подготовленные исполкомом по вопросам местного значения. Председатель райсовета обладал полной распорядительной властью, обеспечивая контроль и руководство развитием экономики, благоустройства, образования, культуры, здравоохранения и пр.

Продолжение табл. 1

Орган власти	Механизм формирования и состав	Функции
Председатель райисполкома ***Аппарат райисполкома*** (заместители председателя, зав. отделами, уполномоченные)	***Председатель райисполкома*** избирается исполкомом райсовета, кандидатура согласуется с исполкомом областного совета и обкома партии. Зам. председателя, зав. отделами — назначаемые лица. В соответствии со сферами жизни (промышленность, торговля, сельское хозяйство, образование и пр.) в структуре исполкома формировались отделы, которые через институт уполномоченных курировали организации.	
Партийные органы		
Районная партийная конференция	***Районная конференция*** собирается один раз в два-три года из представителей партийных организаций. Нормы представительства определяются райкомом.	***Районная конференция*** (собрание) заслушивает отчеты комитета, ревизионной комиссии, обсуждает вопросы партийного, хозяйственного и культурного строительства, избирает окружной, городской, районный комитет, ревизионную комиссию и делегатов на областную, краевую конференцию или съезд компартии союзной республики.
Районный комитет ВКП(б)/ КПСС	***Районный комитет партии*** формируется на основе выборов на районной конференции. Все кандидатуры согласованы с обкомом партии. Созывается один раз в три месяца. Районный комитет имеет внештатных инструкторов, создает постоянные или временные комиссии по различным вопросам партийной работы	***Районный комитет, бюро райкома*** осуществляют руководство деятельностью советских хозяйственных, общественных культурных и прочих организаций; агитацию, пропаганду; контроль за выполнением решений партии и правительства; организация идеологической работы; руководство местной печатью, радио и телевидением, контроль за деятельностью культурно-просветительных учреждений; руководство Советами, профсоюзами, комсомолом, кооперацией и другими общественными организациями; подбор и расстановку руководящих кадров. Районный комитет избирает бюро, в том числе секретарей комитета, а также утверждает заведующих отделами комитета, редакторов газет. Райкомы, горкомы партии ведут учет членов КПСС, координируют деятельность первичных партийных организаций.
Бюро райкома	***Бюро райкома*** избирается райкомом и состоит из секретарей райкома (первого, второго, третьего), а также членов.	
Секретарь райкома	***Первый секретарь*** — выборное лицо из членов районного комитета по согласованию с обкомом.	
Аппарат райкома (секретари, зав. отделами, инструкторы)	Заведующие отделами, инструкторы отдела — назначаемые лица.	
Контрольная комиссия		

Продолжение табл. 1

Орган власти	Механизм формирования и состав	Функции
	Сельский совет	
Сельский совет	Выборный орган, один депутат от 200 человек избирается на основе выборного права.	Заслушивает отчеты председателя, утверждает решения исполкома, контролирует исполнение бюджета, проводит выборы председателя и исполкома.
Исполком	Избирается из членов сельсовета, председателя.	Административные, фискальные функции, статистический и военный учет, руководство местным хозяйственным и культурным развитием, благоустройством, формирование местного бюджета.
Председатель, зам. председателя	Избирается из членов исполкома, согласовывается с райисполкомом и райкомом	
Секретарь	Наемный технический работник	Ведение делопроизводства, бухгалтерского, кадрового учета, составление похозяйственных книг и пр.
	Сельскохозяйственные предприятия (колхоз, совхоз, МТС)	
Председатель колхоза / директор совхоза	***Председатель колхоза*** избирается общим колхозным собранием из членов колхоза на два года по согласованию с райисполкомом и райкомом. ***Директор совхоза*** назначается в ведомстве (Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР; Министерство зерновых и животноводческих совхозов СССР, и пр.)	Распорядительные функции. Осуществляют стратегическое и оперативное руководство сельхозпредприятием (составление производственного плана и приходо-расходной сметы, организация их выполнения). Личная ответственность за выполнение плановых заданий. Подотчетность районным органам власти[2]. ***Председатель*** ответственен перед колхозным собранием, а также перед парткомом и районными органами партийного и административного управления. ***Директор совхоза*** ответственен перед вышестоящими министерскими органами управления.

[2] Примерный устав сельскохозяйственной артели был принят в 1935 г. В 1969 г. был утвержден новый Устав, в котором порядок формирования, а также функции соответствующих органов управления не претерпели существенных изменений.

Окончание табл. 1

Орган власти	Механизм формирования и состав	Функции
Правление колхоза	***Правление колхоза*** избирается общим собранием (5–9 человек) сроком на два года. Председателем правления выступает председатель колхоза. Он назначает себе заместителя.	Исполнительный орган управления, ответственен перед общим собранием. Назначает бригадиров, заведующих фермами на срок до 2 лет. Собирается не реже двух раз в месяц. Утверждает годовой план, бюджет и расходы, хозяйственные планы, распоряжается всеми материальными средствами.
Ревизионная комиссия	***Ревизионная комиссия*** из трех человек избирается общим собранием из числа колхозников.	Контрольно-ревизионные функции, подотчетна общему собранию.
Дирекция совхоза / МТС (главные специалисты)	***Дирекция*** состоит из главных специалистов и руководителей производственных подразделений, назначаемых директором.	Исполнительный орган управления, ответственен перед директором, функционал соответствует принципам профессиональной специализации.
Партийный комитет	***Партийный комитет*** избирается из числа коммунистов на партийном собрании сроком на два-три года	Контрольные функции; вместе с председателем колхоза отвечает за выполнение плановых заданий и государственных поставок, обеспечивает идейное воспитание колхозников и выполнение решений партии.
Секретарь парткома	***Секретарь*** избирается из членов парткомитета по согласованию с райкомом.	
Общее собрание колхоза	Состоит из членов колхоза. С 1960-х гг. собрание формируется по принципу представительства.	Избирает председателя, правление, утверждает планы, бюджет, оплату трудодня, решения правления по социальным, хозяйственным, земельным вопросам и пр.

*Составлено по: [Конституция СССР; Устав КПСС].

Как видно из табл. 1, структура сельской власти в советский период существенно усложнилась и включала советские, партийные и хозяйственные органы управления, которые контролировали и в значительной мере дублировали друг друга, способствуя росту управленческого аппарата. Формально все органы местного управления носили выборный демократический характер. В действительности принцип выборности был весьма ограниченным, т. к. все основные кандидатуры на руководящие посты проходили обязательное согласование в вышестоящих советских и партийных органах. Кроме того, советская система управления была основана на принципе демократического централизма, который предполагал: 1) руководство и контроль деятельности нижестоящих органов власти вышестоящими вплоть до отмены принимаемых ими решений; 2) обязательность решений вышестоящих для низовых структур власти; 3) подотчетность

нижестоящих советов вышестоящим, — и формировал жесткую управленческую вертикаль.

Административно-организационное оформление сельской власти началось почти сразу после Октябрьского переворота, когда на основании постановления Совнаркома от 24 декабря 1917 г. «Об органах местного самоуправления» были ликвидированы волостные исполкомы и волостные земские управы, созданные Временным правительством вместо органов земского самоуправления. Новая система получила отражение в Конституции РСФСР 1918 г. и в ряде законодательных актов [см.: Положение о сельских советах..., 1920; 1922; 1924; и др.]. Местные советы объявлялись органами власти и управления действующими в пределах административно-территориальных единиц. Сфера влияния местной власти ограничивалась вопросами местного значения, а главная их задача виделась в обеспечении реализации законов центральной власти и решений партийных органов и советов более высокого уровня. Советы соединяли в себе на местном уровне законодательную, контрольную и распорядительно-исполнительную власть и, в свою очередь, контролировались партийными органами. Местные советы (областные, городские, районные, поселковые, сельские) избирались гражданами на основе действующего избирательного права (с 1936 г. — всеобщего, прямого, тайного) первоначально на 1, а потом на 2 и 2,5 года[3]. Для обеспечения текущего руководства на первой сессии избирался исполнительный комитет (исполком), председатель, заместители председателя совета.

Система сельского управления включала местные советы двух уровней — районные и поселковые/сельские. Управление сельской местностью сосредотачивали в своих руках районные советы, делегируя некоторые функции, прежде всего исполнительные, низовым органам — сельским советам. Численность депутатов райсовета составляла от 200 до 300 человек. Он собирался периодически на сессии (четыре раза в год) для утверждения различных решений, подготавливаемых исполнительным комитетом. Высшим должностным лицом на уровне района выступал председатель совета. В его подчинении находились заместители и аппарат райисполкома, включающий несколько отделов, в том числе организационно-распорядительный, информационно-статистический, агитации и пропаганды, земельный, сельскохозяйственный и пр. Каждый отдел отвечал за определенное направление работы, в его составе работали специалисты и уполномоченные, главной функцией которых был контроль над выполнением распоряжений райсовета.

Институт *инструкторов и уполномоченных* был основным связующим звеном с низовыми организационными структурами и своеобразным символом бюрократической власти. Сотрудники отделов, в отличие от председателя исполкома, не избирались, а принимались на работу в соответствии с трудовым законодательством, т. е. по административному принципу. Исполкому совета подчинялись местные районные отделы внутренних дел, здравоохранения, соцобеспечения,

[3] По Конституции РСФСР 1978 г. срок действия местных советов увеличился до 2,5 лет.

народного образования, финансов, комитет народного контроля и т. д. Под контролем советов находились также народные суды[4].

В условиях советского режима вся власть в районе была сосредоточена в руках не советских, а партийных органов. Формирование системы партийных органов происходило следующим образом: на районной партийной конференции выбирался районный партийный комитет; райком избирал бюро, состоящее из секретарей и членов, которые отвечали за текущую работу. Возглавлял бюро и, соответственно, районный комитет первый секретарь, обладающий большими властными полномочиями. Он был фактически хозяином района. Для обеспечения работы бюро и райкома формировался аппарат, включающий отраслевые отделы, в задачи которых входила работа с партийными организациями предприятий и учреждений района и контроль за руководителями этих предприятий. Средний состав аппарата сельского райкома партии насчитывал примерно 20 человек [см.: Восленский, с. 151]. В 1962 г. число сельских районов в СССР составило 3 421, сельских советов — 40 777. Это позволяет оценить численность председателей соответствующих советов и примерную численность их аппарата: 190 751 человек (рассчитано по: [Советы]).

В составе отделов райкома самой массовой должностью (невыборной) были инструкторы, они осуществляли непосредственные контакты с низовыми организациями. Так, например, инструкторам сельскохозяйственных отделов приходилось иногда месяцами жить в приписанных к ним колхозах, чтобы следить за выполнением и перевыполнением всех планов и руководящих указаний, в том числе о сроках посевов, сроках уборки, заготовках, проведении различных хозяйственных и идеологических компаний, и т. д.

В социальном отношении эти две категории советских чиновников — *инструкторы* райкома и *уполномоченные* райисполкома — составляли низовой бюрократический аппарат новой системы управления, рекрутирующийся из рабочих, служащих, колхозников. В отличие от имперской модели, они, будучи горожанами, не были связаны с сельским сообществом. Не имея специального образования и ничего не понимая в сельскохозяйственном производстве, уполномоченные, инструкторы и прочие ответственные лица диктовали, как работать и жить советскому крестьянству.

В сталинский период в колхозах постоянно находилось несколько уполномоченных от различных управленческих структур (исполкома, райкома, ревизионной комиссии, заготовительных, судебных органов, и т. д.). Их содержание ложилось на плечи колхозников, причем оно включало не только ночлег

[4] В соответствии с Положением о судоустройстве РСФСР 1922 г. должность народного судьи была объявлена выборной, но вплоть до 1936 г. судьи избирались вышестоящими Советами. С 1936 г. судьи Верховного Суда СССР, союзных, автономных республик, краевых, областных и приравненных к ним судов избирались соответствующими советами сроком на 5 лет. Народные судьи (городских) районных судов избирались гражданами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на 3 года (с 1977 г. — на 5 лет) при условии согласования кандидатур с вышестоящими советскими и партийными органами. По Закону СССР «Об изменении и дополнении Конституции (Основного Закона) СССР» от 1 декабря 1988 г. народные судьи снова стали избираться не населением, а вышестоящими советами депутатов на 10 лет [см.: Конституция...].

и питание, но и подарки, ставшие традиционным элементом взаимоотношений крестьянства и власти. Неоднократно предпринимались попытки изжить эти недостатки (в частности кампания по борьбе с нарушениями устава 1946 г. [см.: Постановление, 1946]), но они оказывались малоэффективными.

Таким образом, районный уровень местной власти имел двойную структуру и включал советские органы — райсовет, райисполком; партийные органы — районную партийную конференцию, райком ВКП(б)/КПСС. Руководящая роль партии была официально закреплена Конституцией 1977 г., но было бы неверно считать, что партийные органы дублировали советские, скорее они были стратегическим распорядительным центром управления, а советские — исполнительным.

Общую численность сельских чиновников определить затруднительно, т. к. отсутствовала единая практика учета: советские, партийные, профсоюзные, комсомольские органы имели самостоятельные системы учета. По приближенным оценкам М. Восленского численность *номенклатурных* работников в СССР по данным переписей 1959 и 1970 гг. составляла примерно 750 тысяч человек, в том числе нижнее звено партийных, советских, профсоюзных и прочих руководящих работников (районный и городской уровень) составляло в 1959 г. — 152 618 и в 1970 г. — 145 248 человек. Свыше 30 тысяч человек составили руководители предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства [Восленский, с. 151–152]. Эти цифры не учитывают численность низового аппарата — уполномоченных и инструкторов отделов, которые не входили в номенклатуру и численность которых была в десятки раз больше, чем номенклатурных работников.

Структура сельского управления в советский период, помимо районного звена, включала еще низовой сельский уровень управления (см. табл. 1), который состоял из сельсовета и административно-управленческого аппарата колхозов, совхозов, МТС. Сельсоветы представляли собой выборный орган (один депутат на 100 человек населения, позднее — на 200), избираемый сроком на 2 года. Сессии сельского совета проходили не реже одного раза в месяц. Для выполнения текущей работы формировался исполнительный комитет из председателя, его заместителя, секретаря и членов. В небольших поселениях исполнительный комитет мог отсутствовать и все необходимые функции выполнял только председатель, заместитель и секретарь [см.: Конституция...]. При сельсовете избиралась ревизионная комиссия, а также могли создаваться отделы (секции): сельскохозяйственная, культурно-просветительская, здравоохранения, финансово-налоговая, местного хозяйства и благоустройства, торгово-кооперативная [Постановление, 1927].

Задачи сельсоветов и их председателей были обширными. Они выполняли административные, фискальные функции, вели статистический и военный учет, руководили местным хозяйственным и культурным строительством, формировали местный бюджет. Исполнительные органы сельсоветов были подотчетны как Совету, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего совета депутатов. Отсутствие финансовой самостоятельности и постоянный дефицит бюджета ставили сельсовет в зависимое положение

и от районных органов власти, и от председателей колхозов или директоров совхозов. В результате низовой орган государственной власти (сельсовет) имел очень шаткие позиции в сельском социуме, находясь между различными административными и хозяйственными центрами влияния, а также сельским обществом. Тем не менее, на низовом уровне управления сохранялись некоторые демократические механизмы контроля сельской власти, что снижало степень бюрократизации этих структур.

Особое место в системе сельской власти занимала управленческая верхушка колхозов, совхозов, МТС, прежде всего председатели колхозов. М. А. Безнин и Т. М. Димони отнесли их к «протобуржуазии», подчеркивая особую власть и положение в сельском сообществе, а также важность делегируемых им административно-управленческих функций [см.: Безнин, Димони, 2011, с. 90–101].

Здесь возникает вопрос, насколько возможно руководителей сельскохозяйственных предприятий относить к категории чиновников? Думается, что можно, поскольку, во-первых, они входили в состав номенклатуры; во-вторых, вся аграрная сфера находилась под жестким контролем и управлением государства. Несмотря на существование в советский период кооперативной (колхозной) формы собственности, она мало чем отличалась от государственной; в-третьих, колхозы и совхозы переживали в 1930–1950-е гг. этап механизации и интенсификации сельскохозяйственного производства, что способствовало профессионализации административно-управленческого аппарата. По мнению М. Н. Глумной, этот процесс начинается уже в 1930-е гг., а к 1980-м гг. достигает своего логического завершения, превращая председателей, бригадиров, заведующих фермами и прочих руководителей колхозной жизни в профессиональных менеджеров [см.: Глумная].

Одной из центральных фигур российской деревни 1930–1980-х гг. был председатель колхоза — руководитель, от которого зависела не только судьба колхоза и колхозников, их доходы и уровень жизни, но и развитие инфраструктуры села, поскольку строительство дорог, школ, клубов, больниц и прочих социальных объектов, на которое у сельсовета не было средств, ложилось на плечи колхоза. На председателя возлагалась персональная ответственность за выполнение производственных планов, сдачу сельхозпродуктов, выплату налогов и т. п.

Управление колхозом опиралось на принцип колхозной демократии, в соответствии с которым общее собрание имело статус высшего органа управления. Оно избирало председателя колхоза и правление (исполнительный орган). Однако, на практике эти демократические процедуры существенно трансформировались: кандидатура председателя колхоза вначале утверждалась на уровне райисполкома и райкома, а затем уже проводились выборы на общем собрании колхозников, т. е. фактически председатель — это был государственный чиновник, поскольку в большинстве случаев выборы носили формальный характер. Вместе с тем можно привести множество примеров, когда общее собрание не соглашалось с предложенными кандидатурами и выдвигало своего председателя [см., напр.: Мазур, 1990]. Это позволяет говорить о сохранении элементов демократии,

которые, однако, имели тенденцию к сокращению, особенно в условиях укрупнения колхозов в 1950-е гг. В отличие от всех других руководящих работников (директоров совхозов, МТС), он был выборным лицом, подотчетным общему собранию колхозников.

Колхозная верхушка обладала значительным властным ресурсом по отношению к рядовым колхозникам. Это проявлялось при распределении колхозных работ и должностей, при организации трудовой и гужевой повинностей на лесозаготовках, при записи трудодней, при распределении денежных и натуральных авансов, в штрафных санкциях. Довольно часто руководители колхозов демонстрировали авторитарный стиль руководства, принимали решения по важнейшим производственным вопросам единолично [Изюмова]. Изучая эволюцию правового и реального статуса председателей, Т. М. Димони и М. А. Безнин отмечали, что на протяжении второй половины XX в. шло постепенное расширение полномочий председателей, росла их независимость от общего собрания и правления, что свидетельствовало об усилении бюрократизации [см.: Безнин, Димони, 2008].

Директора МТС и совхозов, в отличие от председателей колхозов, не выбирались, а назначались. Они были менее свободны в принятии управленческих решений, хотя формально выше по статусу, так как имели паспорт, получали гарантированную зарплату и т. д. Председателей колхозов в РСФСР в 1932 г. насчитывалось более 150 тысяч человек, в 1987 г. — 12 тысяч человек. Численность директоров совхозов в начале колхозно-совхозного периода отставала от численности председателей колхозов, но догнала ее в конце 1980-х гг.: в 1930 г. директоров российских совхозов насчитывалось около 3 тысяч человек, в 1987 г. — почти 13 тысяч [см.: Глумная, с. 268].

Таким образом, за годы советской власти сложился достаточно мощный слой сельской бюрократии, который отличался от имперской модели по своим социальным характеристикам. Сельской бюрократии советского периода были свойственны следующие черты:

— она частично опиралась на номенклатурный принцип (в номенклатуру входили только руководящие работники — председатели райисполкома, секретари райкома, директора совхозов и председатели колхозов, секретари парторганизаций, остальные управленцы относились к низовому звену административно-управленческого аппарата);

— имела сложную профессиональную структуру, включающую советскую, партийную, колхозную, совхозную бюрократию. Причем самые уязвимые позиции были у советских органов и их представителей, поскольку на уровне района вся полнота власти принадлежала райкому, а на низовом уровне — хозяйственникам. И в том, и в другом случае советские органы оказывались в подчиненном положении;

— отличалась низким уровнем профессионализации и специализации сельских чиновников;

— работала в условиях двойной системы административного контроля (советской и партийной), что затрудняло формирование местных элит;

— реализация принципа выборности при формировании советских и колхозных органов управления способствовала поддержанию определенного уровня ответственности выборных лиц перед своими выборщиками. И хотя демократический механизм контроля реально не работал, но его формальное сохранение способствовало формированию демократических психологических и ментальных установок у населения;

— сохранение влияния сельского общества на низовой уровень управления;

— формирование разных моделей господства в зависимости от местных условий (азиатской; патриархальной; демократической).

Следует отметить еще и такую особенность сельской бюрократии советского периода, как специфический источник рекрутирования — это преимущественно городские жители (представители рабочего класса, служащих) и только частично — сельское население (крестьяне-колхозники, рабочие совхозов). В конце 1920-х гг. были апробированы механизмы массового привлечения коммунистов (рабочего класса) на руководящие должности в сельское хозяйство. Большую известность в годы коллективизации приобрело движение 25-тысячников, в результате которого в колхозы страны на работу в качестве председателей, секретарей парткома были присланы 27 519 человек [см.: Ершков]. В 1950-е гг. была организована кампания 30-тысячников, целью которой было «укрепление» руководящего звена колхозов передовыми представителями рабочего класса, а также специалистами с высшим образованием [см.: Тридцатитысячники]. На протяжении 1950–1980-х гг. пополнение руководящего звена колхозов и совхозов, а также советского и партийного аппарата районного уровня шло в основном за счет выпускников высших учебных заведений. Так начиналась политическая карьера многих видных деятелей советской эпохи, в том числе Л. Брежнева, М. Горбачева, М. Суслова и др. Сельские административные структуры можно рассматривать как первую ступеньку бюрократической лестницы, которая в условиях советской системы вплоть до 1970-х гг. обеспечивала возможности социального лифта (чего не было в имперской модели) и, в свою очередь, усиливала тенденцию отчуждения власти от общества.

Сельская бюрократия была более тесно связана с сельским обществом, а в некоторых случаях (на уровне колхозов) подотчетна ему. Все это способствовало сохранению демократических механизмов контроля, таких как собрание колхозников, ревизионная комиссия, партийное собрание и пр. В дополнение к ним продолжали функционировать традиционные механизмы контроля, поддержанные тесными семейными и соседскими связями, обеспечивавшими публичность сельской власти. Можно выделить и еще один фактор, ограничивавший развитие и усиление сельской бюрократии, — контроль вышестоящих советских и партийных организаций районного и областного уровня.

С другой стороны, для сельской местности с ее традиционализмом большую опасность представляли регрессивные тенденции, которые с особой силой проявились в советский период. Речь идет об усилении патриархальных авторитарных моделей власти, характерных для руководителей колхозов и совхозов, которые нередко чувствовали и вели себя как помещики в своих владениях. Подобную

авторитарную модель управления можно рассматривать как проекцию процессов, происходящих в высших эшелонах власти. Чем выше уровень демократии в центральной системе управления, тем сильнее демократические механизмы внизу (это подтверждает опыт социально-экономического и политического развития России в годы нэпа и перестройки). И, наоборот, при усилении административных, бюрократических схем управления наверху, возрастают авторитаризм и произвол в низовых ячейках общества.

Безгин В. Б. Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы [Электронный ресурс] // Проблемы общества и политики. № 2. 2013. С. 119–160. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_403.html. [Bezgin V. B. Krest'janskaja obshhina i sel'sovet v 1920-e gody [Electronic resource] // Problemy obshhestva i politiki. № 2. 2013. S. 119–160. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_403.html.]

Безнин М. А., Димони Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008. [Beznin M. A., Dimoni T. M. Protoburzhuazija v sel'skom hozjajstve Rossii 1930–1980-h godov (novyj podhod k social'noj istorii rossijskoj derevni). Vologda, 2008.]

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социс. 2011. № 11. С. 90–102. [Beznin M. A., Dimoni T. M. Social'nye klassy v rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne 1930–1980-h gg. // Socis. 2011. № 11. S. 90–102.]

Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991. [Voslenskij M. S. Nomenklatura: gospodstvujushhij klass Sovetskogo Sojuza. M., 1991.]

Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998. [Gimpel'son E. G. Sovetskie upravlency. 1917–1920 gg. M., 1998.]

Глумная М. Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–285. [Glumnaja M. N. K harakteristike kolhoznogo sociuma 1930-h godov (na materialah Evropejskogo Severa Rossii) // XX vek i sel'skaja Rossija. Rossijskie i japonskie issledovateli v proekte «Istorija rossijskogo krest'janstva v XX veke». Tokio, 2005. S. 265–285.]

Ершков Н. В. Двадцатипятитысячники [Электронный ресурс] // Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. М., 1973—1982. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/5173/ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ. [Ershkov N. V. Dvadcatipjatitysjachniki [Electronic resource] // Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija / pod red. E. M. Zhukova. M., 1973—1982. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/5173/DVADCATIPJaTITYSJaChNIKI.]

Изюмова Л. В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Изв. Урал. гос. ун-та. 2008. № 59. С. 103–118. [Izjumova L. V. Kolhoznyj socium 1930–1960-h gg.: social'naja transformacija, identifikacija i prestizh // Izv. Ural. gos. un-ta. 2008. № 59. S. 103–118.]

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Гл. IX. Суд и прокуратура [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958677/chapter/9/#1900. [Konstitucija (Osnovnoj zakon) Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvychajnogo VIII S"ezda Sovetov Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik ot 5 dekabrja 1936 g.). Gl. IX. Sud i prokuratura [Electronic resource]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958677/chapter/9/#1900.]

Конституция СССР (Утверждена Постановлением VIII Чрезвычайного Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.). Гл. VIII. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm [Konstitucija SSSR (Utverzhdena Postanovleniem VIII Chrezvychajnogo S"ezda

Sovetov SSSR ot 05.12.1936 g.). Gl. VIII. [Electronic resource]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm]

Мазур Л. Н. Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2014. № 2 (127). С. 251–268. [Mazur L. N. Stanovlenie i jevoljucija sel'skoj bjurokratii v Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki. 2014. № 2 (127). S. 251–268.]

Мазур Л. Н. Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск, 1990. С. 72–85. [Mazur L. N. Nekotorye problemy sostojanija kolhoznoj demokratii v pervye poslevoennye gody (na materialah Sverdlovskoj oblasti) // Social'naja aktivnost' truzhenikov ural'skoj sovetskoj derevni. Sverdlovsk, 1990. S. 72–85.]

Положение о сельских советах, утвержденное ВЦИК от 15 февраля 1920 г. (опубликовано в «Известиях ВЦИК Советов» № 67 от 27 марта 1920 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16870 [Polozhenie o sel'skih sovetah, utverzhdennoe VCIK ot 15 fevralja 1920 g. (opublikovano v «Izvestijah» VCIK № 67 ot 27 marta 1920 g.) [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16870.]

Положение «О сельских Советах», утвержденное ВЦИК от 26 января 1922 г. [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел I. 5 марта 1922. № 10. Ст. 93. С. 181–184. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=29725. [Polozhenie o sel'skih sovetah, utverzhdennoe VCIK ot 26 yanvarya 1922 g. [Electronic resource] // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel I. 5 marta 1922. № 10. St. 93. S. 181–184. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=29725.]

Положение «О сельских Советах», утвержденное ВЦИК от 16 октября 1924 г. [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1924. № 82. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18680. [Polozhenie o sel'skih sovetah, utverzhdennoe VCIK ot 16 oktyabrya 1924 g. [Electronic resource] // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. 1924. № 82. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18680.]

Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. [Porshneva O. S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat v Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914 — mart 1918 g.). Ekaterinburg, 2000.]

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г. N 2157 [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7894. [Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR i CK VKP(b) «O merah po likvidacii narushenij Ustava sel'skohozjajstvennoj arteli v kolhozah» ot 19 sentjabrja 1946 g. № 2157 [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7894.]

Постановление СНК РСФСР от 21 марта 1927 года «О постоянных комиссиях (секциях) при районных и волостных исполнительных комитетах и сельских Советах [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20012 [Postanovlenie SNK RSFSR ot 21 marta 1927 goda «O postojannyh komissijah (sekcijah) pri rajonnyh i volostnyh ispolnitel'nyh komitetah i sel'skih Sovetah [Electronic resource]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20012]

Примерный устав сельскохозяйственной артели (утв. СНК СССР, ЦК ВК(б) 17.02.1935). [Электронный ресурс]. URL: http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16527.htm [Primernyj ustav sel'skohozjajstvennoj arteli (utv. SNK SSSR, CK VK(b) 17.02.1935). [Electronic resource]. URL: http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16527.htm]

Советы [Электронный ресурс] // Советская историческая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/16395/. [Sovety [Electronic resource] // Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/16395/.]

Тридцатитысячники [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. URL: http://bse.sci-lib.com/article112135.html. [Tridcatitysjachniki [Electronic resource] // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. URL: http://bse.sci-lib.com/article112135.html.]

Устав КПСС (Утвержден XXII съездом, частичные изменения внесены XXIII и XXIV съездами КПСС) [Электронный ресурс]. URL: http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html [Ustav KPSS (Utverzhden XXII s"ezdom, chastichnye izmenenija vneseny XXIII i XXIV s"ezdami KPSS) [Electronic resource]. URL: http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html]

Статья поступила в редакцию 27.02.2015 г.

УДК 821.161.1-6:78.071

Л. Г. Тупчиенко-Кадырова

ПИСЬМА С. С. БОГАТЫРЕВА К Ю. С. МЕЙТУСУ ИЗ ЭВАКУАЦИИ (1941–1942)

В статье публикуются пять писем музыковеда, композитора и педагога С. С. Богатырева к своему ученику и коллеге композитору Ю. С. Мейтусу. Во время Великой Отечественной войны автор находился в эвакуации в Щучинске, Красноярске и Свердловске, где продолжал свою профессиональную деятельность. Тексты содержат сведения о творческой, профессиональной, лично-бытовой жизни музыкантов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эпистолярные документы; музыкальная культура; Великая Отечественная война; Семен Семенович Богатырев; Юлий Сергеевич Мейтус.

Письма как проявления эмоциональной и интеллектуальной жизни человека всегда привлекали внимание читателей и исследователей. Они являются уникальным и ценным видом документов, незаменимым при изучении истории социума и отдельного человека. В советский период переписка являлась самым распространенным средством общения [Источниковедение, с. 640–641] и почти единственно возможной в условиях войны формой общения людей, разделенных расстоянием.

Письма людей, связанных близкими дружескими отношениями, часто содержат данные об общественной и личной жизни, сведения о других людях, их оценки, которые часто могут не совпадать с общепринятыми или высказываемыми мнениями. Это в полной мере относится к дружеской переписке известных советских музыкальных деятелей С. С. Богатырева и Ю. С. Мейтуса.

По словам С. С. Голубенко, до последнего времени военный этап в исследованиях событий музыкальной культуры был малоизучен [Голубенко, с. 6]. Поэтому данная публикация писем периода Великой Отечественной войны поможет

© Тупчиенко-Кадырова Л. Г., 2015

ввести новые, обосновать и/или уточнить известные ранее факты биографии одного из деятелей музыкальной культуры Советского Союза середины XX в.

Автор писем — Семен Семенович Богатырев (03.02.1890–31.12.1960) — видный советский музыкальный теоретик, педагог, композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР (1946), доктор искусствоведения (1947). В 1916 г. он закончил Петроградскую консерваторию по классу теории композиции, а затем с 1919 по 1941 гг. преподавал в Харьковской консерватории. С 1943 г. он стал профессором Московской консерватории по классу композиции и контрапункта, где работал до своей смерти, совмещая преподавание с административной работой [Московская консерватория в годы..., с. 42]. Его учениками были известные советские композиторы и музыковеды: И. О. Дунаевский, Д. Л. Клебанов, Ю. С. Мейтус, В. Н. Нахабин, С. Ф. Цинцадзе, А. Я. Штогаренко и др. [Ямпольский; Холопов, 2005, с. 67–68; 1972, с. 4; Московская консерватория 1866–1966, с. 377, 647].

Адресат эпистолярного комплекса, который мы публикуем ниже, — Юлий Сергеевич Мейтус (1903–1997), украинский советский композитор, внесший большой вклад в развитие оперного искусства. Его заслуги были высоко оценены еще при жизни: заслуженный деятель искусств Туркменской (1944) и Украинской ССР (1948), народный артист УССР (1973), лауреат Государственной (Сталинской) премии СССР (1951), лауреат Государственной премии Украины им. Т. Г. Шевченко (1991). В начале Великой Отечественной войны был с семьей эвакуирован из Харькова в Алма-Ату, затем, в конце 1941 г. переехал в Ашхабад. Он вернулся на Украину в 1944 г. [Мейтус] и всю остальную жизнь прожил в Киеве. Для Мейтуса, как и для многих других, Богатырев был учителем и старшим другом.

С. С. Богатырев обладал удивительными свойствами человеческой души, которые притягивали к нему людей. По воспоминаниям коллег и учеников, его отличали высокие моральные качества [Богатырев, с. 266], «абсолютный логический слух», позволявший улавливать любую научную фальшь [Там же, с. 290], кристальная честность [Там же, с. 281], справедливость и объективность в отношении людей и жизненных ситуаций [Там же, с. 287], требовательность к себе [Там же, с. 280], огромная и разносторонняя эрудиция и готовность помочь [Там же, с. 253]. Он был прирожденным учителем и воспитателем, способным раскрыть творческие способности своих учеников [Там же, с. 288].

Исследуя жизненный путь Богатырева, можно выделить несколько этапов (исключая период учебы, о котором мы не располагаем документальными свидетельствами): Харьковский и Московский, между ними был небольшой период эвакуации (с 18 сентября 1941 г. по декабрь 1943 г.).

Харьковский период жизни и деятельности Богатырева связан с учебным заведением, которое сегодня является одним из ведущих художественных вузов Украины, научно-методическим центром музыкального и театрального образования Слобожанщины. Богатырев в 1922–1923 гг. являлся директором учебного заведения, именуемым сейчас Харьковским музыкальным училищем, которое в 1920–1930 гг., несколько раз поменяв название и статус, объединилось с консерваторией [Богатырев, с. 248–249].

Богатырев фактически создал композиторское отделение в Харьковской консерватории, где он преподавал почти все специальные теоретические дисциплины будущим композиторам [Там же, с. 246, 248–249]. Некоторых из своих бывших учеников, как, например, М. Д. Тица и Д. Л. Клебанова, Богатырев пригласил на работу в качестве преподавателей [Там же, с. 256, 279].

Накануне и в самом начале Великой Отечественной войны (с мая по октябрь 1941 г.) С. С. Богатырев возглавлял Харьковскую консерваторию. В августе 1941 г. Харьковская и Киевская консерватории были объединены. С 1 сентября в Харькове шли занятия, но уже в середине месяца началась подготовка к эвакуации. Богатырев с семьей отправился в эвакуацию 18 сентября и 7 декабря прибыл в Щучинск (Акмолинская обл.) [Холопов, 1972, с. 5–6] (см. письма № 1, 2). В Щучинске работы по специальности для Богатырева не нашлось, и он вел активные поиски другого места, чтобы зарабатывать средства к существованию. Беспокойство, которое проскальзывает в письмах этого периода, связано с отсутствием на новом месте творческой среды и живого общения, которые были так важны для музыканта. Его харьковские ученики всегда вспоминали, как их учитель любил общаться со студентами за пределами аудитории [Богатырев, с. 255–256, 271–274; Цинцадзе, с. 370–372]. Заменой живому общению и стала обширная переписка наставника со своими бывшими подопечными, позволявшая обмениваться новостями и делиться заботами. По свидетельству учеников, Богатырев вникал в их повседневную и творческую жизнь, поддерживал словами и советами [Богатырев, с. 248–253]. Как вспоминает его дочь, письма коллег по Харькову и Москве также были действенной поддержкой для него в то время [Там же, с. 247].

В марте 1942 г. Богатырев работал уже в Красноярске, куда были эвакуированы коллективы Днепропетровского и Одесского оперных театров, профессора и преподаватели Харьковской консерватории, музыканты из учебных заведений других городов страны. Он, будучи с апреля по ноябрь 1942 г. директором Дома народного творчества, организовал цикл радиопередач о композиторах и написал несколько военно-патриотических песен [Холопов, 1972, с. 5–6] (см. письма № 3–5).

Больше года (с ноября 1942 г. по ноябрь 1943 г.) Богатырев жил в Свердловске, где ему удалось устроиться на работу по специальности в местную консерваторию. В этот уральский город была эвакуирована Киевская консерватория. В письме от 30 ноября 1942 г. автор отмечал, что ему приходилось работать в обеих консерваториях и вести курс полифонии, хотя добираться до работы было крайне сложно: трамваи ходили редко, а пешком нужно было преодолеть расстояние в 3,5 км [Ємець].

После освобождения городов Украины многие эвакуированные стремились вернуться домой. Как вспоминает Г. А. Тюменева, после освобождения Харькова в августе 1943 г. Богатырев из Свердловска писал письма в Министерство, ходатайствуя о восстановлении работы консерватории и возвращении сотрудников [Богатырев, с. 263]. Однако самому Богатыреву пришлось выбирать между родным Харьковом, Киевом и Москвой.

В письме от 3 сентября 1943 г. из Свердловска автор в связи с упоминанием о поездке в Москву по вызову Комитета для пересмотра учебных программ предполагает, что, возможно, он переедет в Москву, хотя он бы предпочел вернуться в родной город при условии, если бы там вновь собрались все прежние его коллеги. Эту же причину переезда в Москву он называет в письме от 30 января 1944 г. уже из Москвы [Ємець]. Но многие харьковские музыканты вернулись из эвакуации в Киев, а не в Харьков. М. Д. Тиц вспоминал, что Богатырев, решаясь на переезд в столицу, с «душевной болью и сарказмом» говорил о том, что его многолетняя деятельность на Украине «недооценивалась и в той или иной степени игнорировалась» [Богатырев, с. 270]. В письме от 3 августа 1944 г. Богатырев, правда, отметил, что его приглашали в Киев на педагогическую и руководящую работу, но это было сделано уже после его устройства на работу в Московской консерватории. Но даже после переезда в Москву Богатырев продолжал интересоваться жизнью Харьковской консерватории, участвовал в ее работе в качестве председателя экзаменационной комиссии [Там же, с. 258].

Письма, публикуемые ниже, свидетельствуют о том, что Богатырев всегда высоко ценил дружеское общение со своими корреспондентами. Круг его контактов в Харькове, сложившийся в довоенные годы, был очень широким, и он не хотел потерять из виду тех людей, с которыми его связывали давние отношения. Его переписка, как отмечает один из учеников А. М. Сироткин, претерпела в годы войны определенные изменения с точки зрения обсуждаемых тем и вопросов: на первый план выходили личные дела адресатов, условия их работы и бытовые проблемы, новости музыкальной жизни и судьбы знакомых людей [Там же, с. 251]. После окончания войны в корреспонденции Богатырева лейттемой станут уже научно-музыкальные вопросы и обсуждение различных творческих, педагогических, научно-исследовательских и диссертационных дел.

Часть публикуемых писем (№ 1, 2, 4), написанных из Щучинска и Красноярска, хранится в Кировоградском музее музыкальной культуры им. К. Шимановского (КММКШ), куда они были переданы Ю. С. Мейтусом в 1980-е гг. [Полячок]. Еще одно письмо из Красноярска (№ 5) хранится во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ВМОМКГ) в фонде Ю. С. Мейтуса. Кроме того, от этого времени сохранилось шесть писем (1942–1944), опубликованных в переводе на украинский язык [Ємець, с. 208–212].

В целом, введенные в научный оборот письма Богатырева к Мейтусу не только дают материал к биографии музыканта, но и расширяют наши представления о военном периоде музыкальной культуры страны. Несмотря на все тяготы военного времени, в стране продолжалось обучение музыкальному искусству, писались и исполнялись музыкальные произведения. В письмах отразились также и бодрый рабочий настрой, уверенность в скором возвращении к мирной жизни и планы на будущее.

№ 1

С. С. Богатырев. Почтовая карточка Ю. С. Мейтусу

6 ноября 1941 г., Щучинск [КММКШ, ДИ № 708а][1]

6.XI.[19]41 Уважаемый Юлий Сергеевич, из письма Ф. Е. Козицкого[2] узнал, что Вы в Алма-Ате. Меня судьба забросила в дыру — в «город» Щучинск Акм.[олинской] обл.[асти], где никакой работы для меня нет и быть не может. Комитет иск.[усств] выясняет, где ХГК [Харьковская государственная консерватория], но по[-]моему она попросту расползлась и нигде как единица не существует. Кто кроме Вас из композиторов Харькова в Алма-Ате? Где М. Д. Тиц[3]? А. Я. Штогаренко[4]? Здесь настолько суровый климат, что мы с ужасом ждем зимы. Ее еще нет, а мы все уже тяжело заболели и жаждем тепла. Одеты мы не по[-]щучински. Не могли бы Вы поговорить в Упр.[авлении] иск.[усств] Каз[ахской] ССР о возможности получить мне работу в Алма-Ате[5]? Расскажите им, что у меня 26 лет вузовского стажа, такие-то заслуги и пр. Меня надо как-нибудь вытащить отсюда — здесь нет признаков культурной жизни, не с кем слова сказать. Будьте здоровы. Я уже совсем одичал. Ваш СБогат[ырев].

№ 2

С. Богатырев. Письмо к Ю. С. Мейтусу

16 февраля 1942 г., Щучинск [КММКШ, ДИ № 726][6]

16.II.42 Дорогой Юлий Сергеевич, я Вам очень благодарен за Ваше письмо от 28.I.42. В нем много и интересного и полезного для меня. Я рад за Вас, что Вы в общем как-то устроились и не изменили своей специальности, что имеете рояль, хоть и паршивый, и живете в городе, где есть композиторы, и что даже имели возможность с успехом демонстрировать свою работу — словом рад, что Вы живете по[-]человечески. Это теперь очень надо ценить. Я знаю, напр.[имер], что Гнесин[7] застрял в Иошкар-Ола и очень там бедствует. Вы даете совет сидеть пока в Щучинске, если есть хоть малейшая возможность иметь тут работу и существовать. К сожалению[,] здесь нет никаких признаков музык.[ыкальной] жизни: ни нот, ни людей, которые умели бы играть, ни музыки вообще — ведь это деревня. Поэтому я до сих пор не мог найти себе работу и не найду ее, пока буду здесь, а, значит, и не заработаю ни копейки. Значит надо ехать куда-нибудь, а ехать теперь, говорят, почти невозможно, да еще с вещами. Получается безвыходное положение. Видя, что я неохотно соглашаюсь ехать в Красноярск, Комитет хочет устроить меня в Ташкент

---

[1] Написано фиолетовыми чернилами. Буквы и рисунки бланка — красного цвета.

[2] Козицкий Филипп Емельянович (1893–1960) — украинский композитор, музыковед, педагог и общественный деятель; во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Уфе.

[3] Тиц Михаил Дмитриевич (1898–1978) — украинский композитор, пианист, музыковед, ученик С. С. Богатырева.

[4] Штогаренко Андрей Яковлевич (1902–1992) — украинский композитор, педагог.

[5] Для самостоятельных поисков выехать из города Богатырев не мог. Одна из причин заключалась в том, что весь транспорт, в первую очередь железнодорожный, был задействован на военные нужды, свободная продажа билетов была запрещена, их можно было приобрести работникам эвакуированных предприятий или тем, которым выдавали командировочные удостоверения или вызовы [Федотов, с. 41]. Другая причина — отсутствие документов на переезд.

[6] Написано фиолетовыми чернилами, на листе бумаги из блокнота, бумага пожелтела. Отметка Мейтуса «16 III ЮМ» — красным карандашом, год не указан, обычно так композитор обозначал дату ответного письма.

[7] Гнесин Михаил Фабианович (1883–1957) — русский композитор, педагог, музыкально-общественный деятель.

или Баку (в консерваторию) и с этой целью послал в эти города соответствующие бумаги. Тем временем красноярцы снова начали наседать и предлагают срочно приехать, обещая работу в Муз.[ыкальном] Уч.[илище], в театре (у Буторина[8]) и должность директора дома народного творчества. Как Вам это нравится? Не много ли для одного человека? Вот я и не знаю, что делать. Конечно, Ташкент или Баку мне улыбаются больше — там работа по специальности. Но ехать еще дальше, да и в санит.[арном] отношении, как мне пишут из Ташкента, там неблагополучно. В общем, кончится, вероятно, тем, что придется сидеть на месте, если действительно нельзя теперь попасть в поезд. Вы представляете, какая тут тоска? Ведь нет ни одного человека, с которым можно было бы поговорить хотя бы о музыке. Единственное, что я тут мог достать из нот, это — II т. W.Kl. [Das wohltemperierte Klavier[9]] [И. С.] Баха. Он оказался у одной эвакуированной девицы, и это определило тему моей работы. Понемногу, насколько позволяют хоз.[яйственные] дела, я пишу работу о Бахе, не имея возможности прикоснуться к роялю[10]. Что Клебанов[11] в Ташкенте, я знал. Он, вероятно, знает, где я, но не пишет. Очень удачно, по[-]моему, попал Борисов[12] — я бы тоже не отказался быть в том районе. Удивляюсь, что нет сведений о других. Получил сведения, что Мясковский[13] успел за это время написать 22 и 23 симфонии и 7[-]й квартет — вот это я понимаю! Если ему долго придется быть вне Москвы (он в Тбилиси), он, пожалуй, пользуясь отрывом от пед.[агогической] работы, догонит Моцарта[14] и удвоит число своих симфоний. По[-]видимому ему живется неплохо. Боюсь, что нескоро мы сможем попасть домой, поспать на хорошей кровати, почитать хорошую книгу или партитуру, быть спокойным за завтрашний день и иметь возможность не бояться за каждый листик истраченной бумаги. У меня в этом отношении — кризис, и я вынужден писать как можно мельче. Нотную бумагу я делаю сам из простой. В переписке ли Вы с Правлением ССК [Союза советских композиторов] Украины в Уфе? Козицкий мне писал раза три. Будьте здоровы, привет Ал.[ександре] Ив.[ановне]. Пишите мне по[-]прежнему на Щучинск. Если придется ехать — мне перешлют. Ваш СБогат[ырев].

[Далее приписано:] Сегодня мне исполнилось 52 года. Впервые приходиться встречать свой день рождения в столь мрачной обстановке. [А.] Сироткин[15] призван в Красноярске. Известно ли Вам, где Лятошинский[16]?

---

[8] Буторин Николай Николаевич — главный режиссер Красноярского драматического театра им. Пушкина (с 1940 г.).

[9] Второй том «Хорошо темперированного клавира».

[10] Эта работа, сделанная как бы случайно, была продолжением исследования творчества И. С. Баха. Так, Л. А. Мазель отмечает интересный разбор Второго Бранденбургского концерта И. С. Баха, который Богатырев прислал тому еще до войны из Харькова в Москву. Во время войны в Свердловске Богатырев сделал доклад и представил продолжение исследований творчества И. С. Баха [Богатырев, с. 291].

[11] Клебанов Дмитрий Львович (1907–1987) — украинский композитор, педагог; ученик Богатырева. Во время эвакуации находился в Ташкенте.

[12] Борисов Валентин Тихонович (1901–1988) — советский композитор, профессор, музыкально-общественный деятель и педагог; ученик Богатырева. В годы Великой Отечественной войны жил в Дагестане и в Ташкенте.

[13] Мясковский Николай Яковлевич (1881–1950) — русский советский композитор, педагог, музыкальный критик, музыкально-общественный деятель. В начале войны Мясковский был эвакуирован сначала на Кавказ, в Грузию и в Кабардино-Балкарию, а затем в г. Фрунзе.

[14] В. А. Моцарт написал 41 симфонию.

[15] А. М. Сироткин (1906–1970) — ученик Богатырева, украинский советский музыковед, написал воспоминания об учителе [Богатырев, с. 248–253].

[16] Лятошинский Борис Николаевич (1894/1895–1968) — украинский композитор, дирижер, педагог. Был эвакуирован в Саратов.

№ 3

С. С. Богатырев. Почтовая карточка Ю. С. Мейтусу

20 августа 1942 г., Красноярск [КММКШ, ДИ № 708б][17]

Дорогой Юлий Сергеевич! Хорошо, что хорошо кончается: Вы дешево отделались, потратив всего сутки на ликвидацию заболевания Ал.[ександры] Ив.[ановны]. В дороге это не так легко сделать. Это замечательно — иметь виноград да еще так дешево. Если бы у меня было что-либо подобное, мы совсем ожили бы. Пока мы ограничиваемся смородиной, да и та кончается. Деловых новостей никаких, ждем у моря погоды. Сегодня получил щедрый подарок — нотную бумагу из Муз[ыкального]фонда[18]. Это совершенно неожиданно и потому вдвойне приятно. Вскоре после Вашего от'езда пришло письмо от Борисова. Ответить ему не могу, так как не знаю, где теперь он. Может быть[,] Вы знаете? Не знаете ли Вы[,] кто это Л. Орлова, поместившая в «Літературі і мист.[ецтві]» рецензию о произведениях Козицкого, Веревки[19] и Вериковского[20]? Уж очень хвалит. Мы уже подумываем о зиме: стало сумрачно, идет дождь, ветер, хоть еще и август. Жалеем, что мы не на юге. Но никаких мер к зиме не предпринимаем. Козицкий упорно не отвечает на письма. Будьте здоровы, привет Ал.[ександре] Ив.[ановне] Ваш СБогат[ырев].

№ 4

С. С. Богатырев. Почтовая карточка Ю. С. Мейтусу

24 сентября 1942 г., Красноярск [ВМОМКГ, ф. 362, ед. хр. 93][21]

24.IX.42 Дорогой Юлий Сергеевич! Пришла беда — отворяй ворота. В связи с болезнью Ал.[ександры] Ив.[ановны] Вам, вероятно, придется разрываться на части, хотя больная и в клинике. Я знаю, как трудно ухаживать за больной брюшняком и выражаю Вам свое сочуствие, а Ал.[ександре] Ив.[ановне] — пожелание скорейшего выздоровления, что, вероятно, уже успела сделать. Вы не знаете, почему Ф. Л. Шевич[22] просит писать их домашний адрес? Ведь он продолжает работать в Музфонде? Я только что возвратился из командировки в Енисейск <...> и нашел дома телеграмму от Луфера[23] с предложением работать в Свердловской консерватории. Ответил молнией, что согласен в зависимости от условий. Втайне желаю, чтобы из этого ничего не вышло — страшновато переезжать, не известно на какие условия наскочишь. Зато работа по специальности и ради этого следовало бы итти на жертвы. <...> Гармаш[24] писал о каких[-]то харьковских новостях. Что это? <...>.

---

[17] Написано фиолетовыми чернилами. Буквы и рисунки бланка — красного цвета. Отметка Мейтуса «1 IX [1942] ЮМ» — дата написания ответного письма.

[18] Музыкальный фонд СССР — общественная организация, созданная при Союзе композиторов СССР в 1939 г.

[19] Верёвка Григорий Гурьевич (1895–1964) — советский композитор и хоровой дирижер, организатор и руководитель Украинского государственного народного хора. Во время эвакуации был в Уфе.

[20] Вериковский Михаил Иванович (1896–1962) — композитор, педагог, оперный и симфонический дирижер.

[21] Фрагменты опубликованы [Тупчієнко-Кадирова].

[22] Информация о нем пока не найдена.

[23] Луфер Абрам Михайлович (1905–1948) — пианист, педагог.

[24] Ученик С. С. Богатырева.

№ 5

С. С. Богатырев. Почтовая карточка Ю. С. Мейтусу

2 ноября 1942 г., Красноярск [КММКШ, ДИ № 708][25]

2 XI.42 Дорогой Юлий Сергеевич! Я недавно возвратился из Свердловска, куда ездил на 3 дня посмотреть, как живут там консерваторцы. Оказывается, уже возобновила работу Киевская консерватория, и я таким образом буду работать сразу в двух к-[онсервато]риях. Мои впечатления от поездки не очень привлекательны, но, по[-]видимому, все же придется переезжать, как это ни тяжело в зимних условиях. Питание в столовой там лучше, чем у нас, неск.[олько] больше, но рынок и цены совершенно недоступны. Комнату нам дали в студ.[енческом] общежитии, далеко от консерватории. Есть трамвайное сообщение, но ездить трудно. В общем, жизнь сложнее, чем в Красноярске, и потому только перспектива работы по специальности да большой оклад могут заставить сдвинуться с насиженного места. Но что-то мне подсказывает, что ехать не надо. Тем не менее дня через три-четыре мы будем пытаться уехать. Поздравляю Вас с успешной работой. Теперь редко кто может так целеустремленно работать. В особенности зимой, когда руки стынут и сидишь в шубе. У нас не топят, а на дворе мороз. Как хорошо, что у Вас тепло! — Итак[,] М. Тиц — директор. Гармаш пишет, что директор Комаренко[26] — кто же[,] в конце концов? На днях буду слушать Вашу кантату, напишу Вам о впечатлениях, должно быть уже из Свердловска. Будьте здоровы, поздравьте с выздоровлением Ал.[ександру] Ив.[ановну]. Мои дамы шлют Вам привет[.] Ваш СБогат[ырев].

Богатырев С. С. Исследования, статьи, воспоминания / ред.-сост. Г. А. Тюменева и Ю. Н. Холопов, вступ. ст. Ю. Холопова. М., 1972. [Bogatyrev S. S. Issledovanija, stat'i, vospominanija / red.-sost. G. A. Tjumeneva i Ju. N. Holopov, vstup. st. Ju. Holopova. M., 1972.]

ВМОМКГ. Ф. 362. Ед. хр. 93. [VMOMKG. F. 362. Ed. hr. 93.]

Голубенко С. С. Московская консерватория в предвоенный период и в первые годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2011. [Golubenko S. S. Moskovskaja konservatorija v predvoennyj period i v pervye gody Velikoj Otechestvennoj vojny : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija. Nizhnij Novgorod, 2011.]

Ємець О. Володар дум молоді (листи С. С. Богатирьова до Ю. С. Мейтуса) // Наук. вісник Нац. муз. академії України ім. П. І. Чайковського. К., 2006. Вип. 34. С. 208–212. [Ємec' O. Volodar dum molodi (listi S. S. Bogatir'ova do Ju. S. Mejtusa) // Nauk. visnik Nac. muz. akademiї Ukraïni im. P. I. Chajkovs'kogo. K., 2006. Vip. 34. S. 208–212.]

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. [Istochnikovedenie: Teorija. Istorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii / I. N. Danilevskij, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaja, M. F. Rumjanceva. M., 1998.]

КММКШ. ДИ № 708, 726. [KMMKSh. DI № 708, 726.]

Мейтус Ю. С. Воспоминания о творческой деятельности во время Великой Отечественной войны, о деятелях культуры Туркменистана, 30 октября 1977 г. Черновик. 20,3 × 28,9 см [КММКШ. ДИ № 1912. 3 л.] [Mejtus Ju. S. Vospominanija o tvorcheskoj dejatel'nosti vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny, o dejateljah kul'tury Turkmenistana, 30 oktjabrja 1977 g. Chernovik. 20,3 × 28,9 sm [KMMKSh. DI № 1912. 3 l.]]

---

[25] Написано фиолетовыми чернилами. Буквы и рисунки бланка красного цвета. На штемпелях: «4.11 42 Красноярск», «7.11 42 Ашхабад».

[26] Комаренко Владимир Андреевич (1887–1969) — дирижер, педагог, возглавлял Институт искусств им. И. П. Котляревского.

Московская консерватория в годы Великой Отечественной войны / сост. С. С. Голубенко. М., 2005. [Moskovskaja konservatorija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / sost. S. S. Golubenko. M., 2005.]

Московская консерватория 1866–1966. Консерватория после 1917 года / ред. коллегия: Л. С. Гинзбург. М., 1966. С. 369–407. Гл. четвертая. 1945–1966. [Moskovskaja konservatorija 1866–1966. Konservatorija posle 1917 goda / red. kollegija: L. S. Ginzburg. M., 1966. S. 369–407. Gl. chetvertaja. 1945–1966.]

Полячок Олександр Іванович. Згадки про зустрічі з родиною Мейтусів у першій половині 1990-х рр. та про передавання листів та книг з автографами до музею музичної культури в Кіровоград. Звукозапис [Личный архив автора. 3 мин. 46 сек. Записано в ноябре 2011 г. Л. Г. Тупчиенко-Кадыровой]. [Poljachok Oleksandr Ivanovich. Zgadki pro zustrichi z rodinoju Mejtusiv u pershij polovini 1990-h rr. ta pro peredavannja listiv ta knig z avtografami do muzeju muzichnoї kul'turi v Kirovograd. Zvukozapis [Lichnyj arhiv avtora. 3 min. 46 sek. Zapisano v nojabre 2011 g. L. G. Tupchienko-Kadyrovoj].]

Тупчієнко-Кадирова Л. Г. Деякі аспекти класифікації листів (на прикладі архівної творчої спадщини композитора Мейтуса Ю. С.) // Вісн. Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. Історичні науки. 2013. Ч. 1. № 1 (260). С. 190–194. [Tupchiєnko-Kadirova L. G. Dejaki aspekti klasifikacії listiv (na prikladi arhivnoї tvorchoї spadshhini kompozitora Mejtusa Ju. S.) // Visn. Lugan. nac. un-tu imeni Tarasa Shevchenka. Istorichni nauki. 2013. Ch. 1. № 1 (260). S. 190–194.]

Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара, 2009. [Fedotov V. V. Jevakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). Samara, 2009.]

Холопов Ю. Семен Семенович Богатырев // Богатырев С. С. Исследования, статьи, воспоминания / ред.-сост. Г. А. Тюменева и Ю. Н. Холопов, вступ. ст. Ю. Холопова. М., 1972. С. 3–20. [Holopov Ju. Semen Semenovich Bogatyrev // Bogatyrev S. S. Issledovanija, stat'i, vospominanija / red.-sost. G. A. Tjumeneva i Ju. N. Holopov, vstup. st. Ju. Holopova. M., 1972. S. 3–20.]

Холопов Ю. Н. Богатырев Семен Семенович // Московская консерватория: от истоков до наших дней : историко-биографический справочник. М., 2005. С. 67–68. [Holopov Ju. N. Bogatyrev Semen Semenovich // Moskovskaja konservatorija: ot istokov do nashih dnej : istoriko-biograficheskij spravochnik. M., 2005. S. 67–68.]

Цинцадзе С. Воспоминания о моих педагогах С. М. Козолупове и С. С. Богатыреве // Воспоминания о Московской консерватории / сост. и коммент. Е. Н. Алексеевой и Г. А. Прибегиной ; общ. ред. Н. В. Туманиной. М., 1966. С. 370–372. [Cincadze S. Vospominanija o moih pedagogah S. M. Kozolupove i S. S. Bogatyreve // Vospominanija o Moskovskoj konservatorii / sost. i komment. E. N. Alekseevoj i G. A. Pribeginoj ; obshh. red. N. V. Tumaninoj. M., 1966. S. 370–372.]

Ямпольский В. М. Богатырев Семён Семёнович // Муз. энциклопедия : [в 6 т.] / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М., 1973. Т. 1. Ст. 498. [Jampol'skij V. M. Bogatyrev Semjon Semjonovich // Muz. jenciklopedija : [v 6 t.] / gl. red. Ju. V. Keldysh. M., 1973. T. 1. St. 498.]

Статья поступила в редакцию 17.02.2015 г.

УДК 930(560) + 94(519) + 327.5

В. В. Хренов

УЧАСТИЕ ТУРЦИИ В КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассмотрена степень изученности в турецкой историографии вопроса об участии Турции в Корейской войне. Проведен анализ главным образом исторической литературы на турецком языке, посвященной дипломатическим и политическим аспектам отправки контингента Турции на Корейскую войну, участия его в боевых действиях и роли этого фактора в процессе вступления этой страны в НАТО.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Турция; Корейская война; Корея; история Турции; НАТО; военная история; историография.

В историографии Турции участие ее национального контингента в Корейской войне затронуто в общих работах по истории страны и в исследованиях по ее внешней и внутренней политике. В середине 1950-х гг. вышел ряд публикаций, посвященных деятельности премьер-министра А. Мендереса. Так, в коллективной работе турецких авторов «Аднан Мендерес. Политическая история и выступления» [Adnan Menderes] это событие упоминалось как одно из достижений политической деятельности премьер-министра, доказавшее искренность турецко-американских отношений и равенство Турции с европейскими странами [Ibid., s. 77]. В работе «Премьер-министр» [Berksan] о политической деятельности А. Мендереса его персональный переводчик Назым Берксан выразил согласие с решением премьер-министра об отправке войск в Корею, которое позволило Турции получить признание со стороны стран-членов ООН [Ibid., s. 197]. Н. Берксан считал, что ведение коротких войн способствует развитию армии любой страны. При этом он обратил внимание на то, что Турция вступила в НАТО не из материальных, а из моральных побуждений [Ibid., s. 316]. Проправительственная позиция авторов не удивительна: работы были написаны в период правления правительства А. Мендереса, и поэтому вряд ли можно было ожидать от них иного мнения.

В 1960-е гг. появился ряд исследований, в которых турецкое участие в Корейской войне рассматривалось в рамках международно-правового аспекта и сотрудничества Турции с ООН. Следует отметить работы историка Мехмета Гёнлюбола, посвященные истории международных отношений Турции. В его монографиях «Международная политическая организация. Историческое развитие международных организаций и ООН» [Gönlübol, 1964] и «Участие Турции в ООН» [Gönlübol, 1963] уделено внимание рассмотрению Корейского вопроса в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций в июне-июле 1950 г., его резолюций, а также процессу начала формирования Объединенного командования войск ООН. М. Гёнлюбол привел важные телеграммы генерального секретаря ООН в адрес турецкого правительства в контексте рассмотрения вопроса об оказании военной помощи Корее. Вопрос об отправке войск на Корейский

© Хренов В. В., 2015

полуостров с точки зрения международно-правового аспекта отношений Турции и ООН освещен в работе Э. Челика «История внешней политики Турции в 100 вопросах» [Çelik]. Он привел тексты ряда статей турецкой конституции и Устава ООН, в которых указывалось на то, что решение об отправке войск в Корею не было юридически обоснованным ввиду отсутствия соглашения между Турцией и ООН о предоставлении контингента.

Общие аспекты турецкого участия в Корейской войне и оценки действий бригад даны в работе Ф. Язгына и Н. Сердарлар по истории Турции [Serdarlar, Yazgın], а также трудах «История Турецкой Республики, 1918–1960 гг.» Э. Карала [Karal], «Краткий обзор турецко-американских отношений» А. Курата [Kurat], «Турецко-американские отношения» О. Сандера [Sander]. Авторы подчеркивали значимость национального контингента, отмечая, что только благодаря ему в сражении под Кунури в ноябре 1950 г. войска ООН смогли избежать тяжелого поражения [Kurat, s. 49; Sander, s. 245].

О влиянии участия турецких подразделений в Корейской войне на вступление Турции в НАТО говорилось в работе историка Фахира Армаоглу «Политическая история, 1789–1960 гг.» [Armaoğlu, 1964]. Ф. Армаоглу писал, что «основным препятствием в принятии Турции в Североатлантический Альянс было нежелание Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии включать эту страну в блок перед лицом советской угрозы» [Ibid., s. 811], но «благодаря героизму турецких солдат в Корейской войне исчезли все препятствия на пути Турции в НАТО» [Ibid., s. 812]. Аналогичное мнение по этому вопросу нам удалось найти также в его более позднем труде «Политическая история XX века, 1914–1995 гг.» [Armaoğlu, 1997, s. 520].

Внимание аспекту вступления Турции в Североатлантический Альянс уделено в работе «Турецкая внешняя политика в фактах» [Olaylarla Türk dış politikası] под редакцией А. Эсмера. Автор подробно рассмотрел процесс вступления страны в блок, но не провел прямой взаимосвязи между этим событием и отправкой войск в Корею. По его словам, «Турция выразила готовность отправить свои воинские подразделения на Корейский полуостров для защиты мира и демократии» [Ibid., s. 237]. Однако он не указал на то, что за этим стояла цель добиться включения страны в НАТО. Возможно, в начале 1980-х гг. в Турции по некоторым причинам не стремились широко афишировать такую взаимосвязь, в то же время не отрицая ее.

Внутри- и внешнеполитические аспекты турецкого участия в Корейской войне, а также корейский фактор в процессе вступления страны в НАТО освещен в работе историка Н. Бехрамоглу «Турецко-американские отношения (во время правления Демократической партии)» [Behramoğlu]. Автор привел высказывания по этому аспекту представителя оппозиции, лидера Народно-республиканской партии И. Инёню. По словам автора, И. Инёню придавал особое значение месту турецких войск в составе блока, выражая надежду на скорое укрепление мощи национальной армии благодаря членству Турции в НАТО [Ibid., s. 50]. При этом он обращал внимание на то, что оппозиция с правящей партией всегда были единого мнения по вопросу вступления страны в блок [Ibid., s. 33].

Корейский аспект вступления Турции в военный блок в общих чертах затронут в работах Д. Авджиоглу «Государственный строй Турции (вчера, сегодня, завтра)» [Avcıoğlu], книге Т. Атаёва «США, НАТО и Турция» [Атаёв], опубликованной в СССР в 1973 г., К. Гюрюна «Международные отношения и внешняя политика Турции (с 1939 года до наших дней)» [Gürün], а также в коллективной работе «Османская империя и современная Турция» [Osmanlı imperatorluğu ve modern Türkiye]. Авторы сходятся во мнении, что страна добилась членства в Североатлантическом Альянсе только посредством участия ее воинского контингента в Корейской войне [Avcıoğlu, s. 395; Атаёв, с. 217; Osmanlı imperatorluğu ve modern Türkiye, s. 505].

Отношения Турции и НАТО проанализированы с критической позиции Али Халилем в его труде «Внешняя политика Ататюрка, НАТО и Турция» [Halil]. А. Халиль подверг критике вступление Турции в военный блок, высказав тезис о том, что правительство Демократической партии стремилось использовать трагические события Корейской войны для укрепления безопасности своего государства. По его мнению, включение этой страны в блок поставило ее в центр влияния империализма, что подвергло угрозе ее собственную национальную безопасность [Ibid., s. 124].

Категоричную позицию по вопросу отправки войск в Корею занимал Н. Устюн в работе «Америка в Турции» [Üstün], сокращенный перевод которой был опубликован в СССР в 1971 г. [Устюн]. Он выразил протест действиям правительства Турции по отношению к событиям на Корейском полуострове, возложив всю ответственность за посылку турецких подразделений на американских военных чиновников. По его мнению, отправка национального контингента в Корею была расплатой правительства за государственный нейтралитет во время Второй мировой войны [Üstün, s. 44].

С критикой в адрес турецкого правительства также выступил К. Харпутлу в работе «Турция в тупике. Марксистский анализ периода от Османской империи до наших дней» [Harputlu], назвав политику Турции по отношению к Североатлантическому Альянсу антинародной. Он считал, что вступление в НАТО способствовало распространению империализма на Ближний Восток [Ibid., s. 191].

Среди внутриполитических аспектов также следует выделить межпартийные противоречия по вопросу отправки национального контингента на Корейский полуостров и деятельность общественно-политических организаций на этом фоне.

Внутриполитическая борьба по вопросу оказания Турцией помощи Южной Корее исследуется в монографии Ш. Айдемира «Второй человек. Исмет Инёню» [Aydemır], посвященной политической жизни лидера Народно-республиканской партии И. Инёню. Ш. Айдемир приводит главным образом тексты его выступлений и высказываний относительно отправки войск в Корею. Основная претензия И. Инёню к правящей партии касалась не сути решения об отправке подразделений, а лишь того, что правительство не сочло необходимым вынести его на обсуждение в меджлис. По мнению оппозиции, приказ о посылке национального контингента кабинет министров должен был отдать только после принятия аналогичного решения правительствами других стран-членов ООН [Ibid., s. 302].

Текин Эрер в своих монографиях «Межпартийные споры в Турции» [Erer, 1963] и «Формирование партий и политической мысли в Турции (1839–1965 гг.)» [Erer, 1965] в целом рассматривал вопрос отправки войск в Корею в контексте межпартийной борьбы. При этом он также осветил ряд аспектов, касающихся вступления Турции в НАТО. В качестве одного из них автор привел текст ноты правительства Болгарии о решении депортировать 250 тысяч болгарских граждан турецкого происхождения, что было связано с подачей турецким руководством очередной заявки на членство в Североатлантическом блоке [Ibid., s. 49]. Согласие Турции принять это предложение продемонстрировало ее стремление избежать обострения отношений с Болгарией, что могло вызвать негативную реакцию СССР.

Основные аспекты деятельности Турецкого общества сторонников мира рассматриваются в работах И. Е. Даренделиоглу «Коммунистические движения в Турции» [Darendelioğlu], С. Устюнгеля. В книге С. Устюнгеля «Дорога войны (заметки турецкого коммуниста)» [Üstüngel] приведен ряд примеров выражения общественного протеста решению правительства А. Мендереса об отправке войск в Корею. Автор стремился показать, какой негативный резонанс вызвало в Турции это решение, а также какие действия предпринимало Общество на фоне этих событий.

В конце 1980-х гг. вышла фундаментальная работа историка Хусейна Багджи по турецко-американским отношениям в период правления Демократической партии [Bağcı, 1988]. На основе документов внешней политики Турции автор уделил внимание процессу принятия решения об отправке войск в Корею правительством А. Мендереса, а также провел более широкий анализ миссии сенатора Г. Кейна и У. Макбрайда в Турции и роли Дж. Макги в процессе вступления Турции в НАТО. Х. Багджи считает, что отправка контингента противоречила национальной конституции, поскольку изначально не была одобрена меджлисом. Однако при этом он указывает на отсутствие разногласий по этому вопросу между правительством и оппозицией [Bağcı, 2001].

В 1990-е гг., в связи с изменением глобальных тенденций в международной политике и исторической науке, интересы турецких историков были сосредоточены на более глубоком изучении российско-турецких отношений, а потому вопрос об участии Турции в корейском конфликте в этот период в исследованиях общего характера практически не поднимался. Так, в работе С. Ситембелюкбаши «Возрождение ислама в Турции (1950–1960 гг.)» [Sitembölükbaşı] Корейская война в турецкой истории была затронута лишь в контексте экономической политики Демократической партии. Автор работы убежден, что Корейская война оказала положительное влияние на экономику Турции, поскольку это событие подтолкнуло находившееся у власти демократическое правительство начать оказывать государственную поддержку малому бизнесу и населению посредством предоставления кредитов. С. Ситембелюкбаши считал, что такая экономическая политика Демократической партии вселила в турецкий народ уверенность в завтрашнем дне и упредила рост антиправительственных настроений в религиозных кругах [Ibid., s. 30]. Вопрос отправки турецких подразделений в Корею

и их участия в наиболее важных военных операциях также в общих чертах затрагивался в ряде исследований начала XXI в., посвященных в целом конфликту в Корее, а именно: «Горячая точка “холодной войны”: Корейская война» Э. Гёкмена [Gökmen], «Неизвестные страницы Корейской войны» Т. Сечера [Seçer].

Очередная серия работ, где затрагивался корейский аспект, появилась в начале XXI в. на фоне нарастания кризиса НАТО. В отличие от предыдущих периодов, Корейская война стала упоминаться только в рамках внешней политики Турции и ее членства в блоке. Война в Ираке и отправка миротворческих контингентов обусловили критический характер работ турецких историков, которые стали уделять больше внимания вопросу легитимности решения правительства А. Мендереса об отправке войск в зону корейского конфликта. Совокупность таких факторов, как схожесть ситуации в Ираке с ситуацией во время войны на Корейском полуострове, а также кризис НАТО, обусловили интерес турецких исследователей к этому этапу истории своей страны.

Так, в начале XXI в. в Турции были опубликованы работы У. Хэйла «Турецко-американские отношения, 1774–2000 гг.» [Hale] и Насуха Услу «Турецко-американские отношения» [Uslu], посвященные исследованию турецко-американских отношений на протяжении всей истории Турции, включая период Корейской войны. Турецко-американские отношения 1950-х гг. Н. Услу назвал «самыми теплыми и искренними» [Uslu, s. 102], отметив, что в этот период государственные лидеры Турции всегда могли рассчитывать на дипломатическую поддержку со стороны США во всех внешнеполитических вопросах. Взамен турецкое руководство предоставляло американцам свободу действий на территории своей страны и шло на любые уступки [Ibid.]. Несмотря на выражение критики в адрес действий администрации А. Мендереса, Н. Услу обозначил героизм турецких солдат в Корейской войне как один из факторов, способствовавших признанию Турции странами Запада и укреплению турецко-американских отношений [Ibid., s. 99].

В труде «Внешняя политика Турции со времен освободительной войны до наших дней: события, документы, комментарии» [Türk dış politikası] под редакцией Б. Орала уделено внимание межпартийной борьбе по вопросу о легитимности отправки войск в Корею и процессу вступления Турции в НАТО. Работа дополнена выдержками из периодической печати и текстами заявлений турецкого правительства. В этой работе Корейская война была названа первой кампанией против мирового господства коммунизма. При этом отмечалось, что вступление страны в Североатлантический блок стало возможным только после того, как под угрозой оказалась безопасность Турции и Европы в целом [Ibid., s. 549].

В книге Джунейта Акалына «“Холодная война”, США и Турция: события, документы (1945–1952 гг.)» [Akalın] приведены тексты некоторых важных правительственных телеграмм в рамках переписки с генеральным секретарем ООН по вопросу об оказании Турцией военной помощи Южной Корее. Автором сделан обзор хода важных встреч турецкого руководства и представителей министерства обороны США накануне принятия решения об отправке войск на Корейский полуостров.

В монографиях А. Оймена «Годы перемен» [Öymen] и Э. Атаоглу «Аднан Мендерес: трагический вопрос» [Ataoğlu] основное внимание уделено внутренней политике Турции в период нахождения у власти правительства А. Мендереса. Авторы анализировали внутрипартийную борьбу по вопросу посылки контингента в Корею с точки зрения представителей оппозиционных партий.

Монография Невин Балта «Внешняя политика Турции в статьях газеты "Миллиет", 1950–1980 гг.» [Balta] посвящена рассмотрению вопроса вступления Турции в НАТО на основе публикаций газеты «Миллиет». Также стоит отметить работу «Отражение турецко-американских отношений на страницах турецкой печати (1945–1952 гг.)» Ч. Авджи [Avcı] и «Корейская война и общественное мнение» С. Сипахи [Sipahi]. Их ценность состоит в том, что авторы приводят тексты статей различных изданий периодической печати Турции по вопросу отправки воинского контингента в Корею. Широкий спектр периодических изданий, приведенных в работах Ч. Авджи и С. Сипахи, позволяет нам объективно взглянуть на происходившие события. В отличие от вышеупомянутых авторов, исследование «Корейская война в американском общественном мнении» М. Орду [Ordu], напротив, основано на периодической печати США. Несмотря на то, что его работа освещает главным образом советско-американские отношения в период конфликта, в ней подчеркивается значимость участия турецких подразделений в Корейской войне для превращения Турции в полноправного члена НАТО и союзника США на Ближнем Востоке [Ibid., s. 141].

В 2009 г. было опубликовано исследование Джанана Орхана «Освещение в праве Турции вопроса отправки военного контингента за пределы государства для обеспечения международной безопасности» [Orhan]. Это первый из известных нам в турецкой историографии труд, посвященный изучению правового аспекта отправки национального контингента для участия в боевых действиях и миротворческих операциях во второй половине XX — начале XXI в. Автор рассматривает данную проблему, анализируя различные источники права, и обращает внимание на то, что участие турецких бригад в Корейской войне было первым опытом такого рода в истории Турецкой Республики. Изучая вопрос легитимности посылки контингента во время корейского конфликта, он склонен считать, что этот шаг правительства Мендереса хотя и противоречил отдельным нормам национального законодательства, но был обоснован с точки зрения международного права [Ibid., s. 52].

Работ, посвященных непосредственно роли Турции в войне на Корейском полуострове, крайне мало. В турецкой историографии первой известной нам работой по участию Турции в корейском конфликте является книга турецкого коммуниста С. Устюнгеля [Üstüngel, 1978], в которой он резко критиковал правительство Демократической партии за отправку войск в Корею и втягивание страны в НАТО. Так, например, С. Устюнгель недоумевал, какая связь была между пресловутой защитой мира в Корее и вступлением Турции в Североатлантический Альянс. Он также задавался вопросом, почему НАТО, по мнению турецкого правительства, оказалось инструментом защиты мира во всем мире [Ibid., s. 9]. Недостатком работы С. Устюнгеля является ее идеологизированность,

выразившаяся в излишней эмоциональности автора при изложении материала и проявлении им открытой неприязни к американскому империализму.

В 90-х гг. XX в. были опубликованы работы военного историка И. Артуча «Солдат в Корейской войне» [Artuç] и А. Денизли «Турецкие бригады в Корейской войне» [Denizli, 1994], посвященные боевым подвигам турецких солдат во время Корейской войны и рассмотрению военных операций с их участием.

Чемпионат мира по футболу 2002 г., где в полуфинале встречались команды Турции и Кореи, и 50-я годовщина окончания Корейской войны обусловили рост взаимного интереса этих стран. Это выразилось в появлении ряда статей и работ на тему корейского конфликта 1950–1953 гг. Так, в 2003 г. вышла статья профессора Стамбульского университета Фюсюн Тюркмен «Турция и Корейская война» [Türkmen]. В статье Ф. Тюркмен охвачен широкий период, начиная с вопроса о пересмотре конвенции Монтрё в 1945 г. до вступления страны в НАТО в 1952 г. Автор сосредоточила свое внимание прежде всего на внешнеполитическом аспекте, проведя прямую связь между участием Турции в войне и вступлением страны в НАТО.

К 55-летней годовщине начала Корейской войны в 2005 г. вышла серия военно-исторических публикаций Общества ветеранов войн в Анкаре, основанных на воспоминаниях американских и турецких ветеранов об участии контингента Турции в корейской кампании [Altay; Korean War], а также работа Бурака Каракурта «Турецкие герои Кореи: вчера и сегодня» [Karakurt]. Бурак Каракурт, сын ветерана Корейской войны Хайдара Каракурта, на сегодняшний день является ведущим турецким исследователем военной истории периода войны в Корее. В его работе рассмотрена, главным образом, военная составляющая участия турецких солдат, подчеркивается их историческая роль в этой войне. В последние годы Б. Каракурт активно проводит в военных училищах Турции семинары, посвященные боевым операциям бригад. В последующее десятилетие турецкой военной истории в корейском конфликте были посвящены работы «Солдаты в корейской авантюре» Б. Бозгеика [Bozgeyik], «Логистическая поддержка турецкого контингента в Корейской войне» А. Ышика и А. Мехметэфендиоглу [Işık, Mehmetefendioğlu], «Северная Звезда: последние герои Кореи» Д. Факира [Fakir].

Генерал в отставке и военный историк А. Денизли к 60-летней годовщине начала войны в Корее выпустил серию трудов о турецких воинах в Корее, а именно: «Герои сражения под Кунури Корейской войны» [Denizli, 2010e], «Победа под Кунури 26–30 ноября 1950 г. в Корейской войне» [Denizli, 2010a], «Третья Турецкая бригада в Корейской войне: победы на высотах Вегас-Элко-Карсон, Восточный и Западный Берлин» [Denizli, 2010b] и «Корейская война: победы и подвиги вдали от Родины» [Denizli, 2010d]. Ряд его работ посвящен отдельным личностям, павшим смертью храбрых в войне, среди которых были офицеры различных рангов: «Герой Кореи: жизнь и подвиг майора Лютфи Бюльгина» [Denizli, 2010c], «Герой Корейской войны: капитан Кая Алдоган» [Denizli, 2011b], «Герой Корейской войны: артиллерист старший лейтенант Мехмет Гюненч» [Denizli, 2011a]. Турецким солдатам в Корее также посвящены произведения

литературного жанра «Мой дорогой погребен в Корейских горах» М. Арыджи [Arıcı], «Турецкие штыки в Корее» Ш. Бильгиселя [Bilgisel].

В рамках изучаемой темы также следует отметить изданную в 2006 г. работу «Корейская война и Турция в свете событий после Второй Мировой войны» историка А. Узмеза [Üzmez], который, опираясь на документы, подробно рассмотрел межпартийную борьбу в меджлисе по вопросу оказания помощи Южной Корее, не затрагивая при этом военно-политические аспекты отправки подразделений на Корейский полуостров.

В 2014 г. вышла в свет монография Б. Эрлевента «1950–1953: военнопленные турки Корейской войны» [Erlevent], которая стала первым известным нам фундаментальным исследованием, посвященным непосредственно турецким военнопленным в годы конфликта на Корейском полуострове. Автор на основе архивов деятельности Красного Креста и дневников ветеранов войны показывает различные стороны пребывания турецких солдат в китайском и северокорейском лагере для военнопленных: их быт, их взаимоотношения с администрацией, а также процесс их репатриации после освобождения.

Таким образом, вопрос участия Турции в Корейской войне во второй половине XX в. затрагивался, прежде всего, в трудах, посвященных внешней политике Турции, а также турецко-американским отношениям в целом. Некоторые работы были посвящены отношениям США и Турции в контексте НАТО, но их авторы уделяли лишь поверхностное внимание роли корейского фактора в этом процессе. В качестве предмета исследования данная проблема стала представлять интерес для турецких историков, главным образом, с начала XXI в., что отчасти было связано с нарастанием кризиса НАТО и юбилейными годовщинами Корейской войны. Большинство из них посвящены военным аспектам участия солдат турецких бригад в боевых действиях, в том числе военнопленным, и лишь немногочисленные — дипломатическим и внутриполитическим событиям, связанным с отправкой контингента в Корею. Тем не менее, несмотря на значительное повышение интереса к данной проблеме в Турции в последнее десятилетие, в историографии этой страны нам не удалось найти ни одного фундаментального исследования, в котором были бы комплексно изучены как военно-политические, так и дипломатические аспекты турецкого участия в Корейской войне.

Атаёв Т. США, НАТО и Турция. М., 1973. [Atajov T. SShA, NATO i Turcija. M., 1973.]

Устюн Н. Америка и американцы в Турции / пер. с тур. Р. И. Керит-заде. М., 1971. [Ustjun N. Amerika i amerikancy v Turcii / per. s tur. R. I. Kerit-zade. M., 1971.]

Adnan Menderes. Siyasi hayatı ve nutukları / S. Parsadan. Ankara, 1956.

Akalın C. Soğuk savaş ABD ve Türkiye. — Olaylar — belgeler (1945–1952). İstanbul, 2003.

Altay A. Bridge from Seoul to the Bosporus [Electronic resource] // Asia Times. 2005. April 21. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/ GD21Ak01.html (mode of access: 15.09.2008).

Arıcı M. S. Kore dağlarında Aslanım yatar. İstanbul, 2010.

Armaoğlu F. Siyasi tarih, 1789–1960. Ankara, 1964.

Armaoğlu F. 20. Yüzyıl Siyasi Tarihi. 1914–1995. İstanbul, 1997.

Artuç I. Kore Savaşlarında Mehmetçik. İstanbul, 1990.

Ataoğlu E. Adnan Menderes: bir başkanın trajik sorunu. İstanbul, 2008.

Avcı Ç. N. Türk-Amerikan ilişkileri ve basındaki yansımaları (1945–1952). İstanbul, 2006.
Avcıoğlu D. Türkiye'nin Düzeni (Dün — Bugün — Yarın). 2cc. Ankara, 1969. Cilt 1.
Aydemır Ş. S. İkinci Adam. İsmet İnönü. 3 cc. İstanbul, 1968. Cilt 3: (1950–1964).
Bağcı H. Die Türkische Aussenpolitik wahrend der Regierungszeit Menderes von 1950 bis 1960: Inaug. Diss. Bonn, 1988.
Bağcı H. Türk dış politikasında 1950'li yıllar. Ankara, 2001.
Balta N. Milliyet'ten yansımalar türk dış politikası, 1950–1980. Ankara, 2005.
Behramoğlu N. Türk-Amerikan ilişkileri (Demokrat parti dönemi). İstanbul, 1973.
Berksan N. Başvekil. İstanbul, 1957.
Bilgisel Ş. Kore'de Türk süngüsü. İstanbul, 2011.
Bozgeyik B. Mehmedciğin Kore macerası. İstanbul, 2007.
Çelik E. 100 soruda Türkiye`nin dış politika tarihi. İstanbul, 1969.
Darendelioğlu İ. E. Türkiyede komünist hareketleri. İstanbul,1962.
Denizli A. Kore Harbinde Türk Tugayları. Ankara, 1994.
Denizli A. Kore Harbinde Kunuri zaferi 26–30 Kasım 1950. Ankara, 2010a.
Denizli A. Kore Harbinde 3. Türk Tugayı Vegas-Elko-Karson, Doğu ve Batı Berlin zaferleri. Ankara, 2010b.
Denizli A. Kore Kahramanı: şehit binbaşı Lütfi Bülgin hayatı ve kahramanlığı. Ankara, 2010c.
Denizli A. Kore Savaşı: uzaklardaki kahramanlar ve zaferleri. İstanbul, 2010d.
Denizli A. Kore Savaşında Kunuri Kahramanları. Ankara, 2010e.
Denizli A. Kore Savaşı Kahramanı: bandırmalı şehit topçu üsteğmen Mehmet Günenç. Ankara, 2011a.
Denizli A. Kore Savaşı: şehit yüzbaşı Kaya Aldoğan. Ankara, 2011b.
Erer T. Türkiye`de parti kavgaları. 2 cc. İstanbul, 1963. Cilt 2.
Erer T. Türkiye`de partiler ve düşünüş gelişmesi (1839–1965). 2cc. İstanbul, 1965. Cilt 2.
Erlevent B. 1950–1953 Kore savaşında esir düşen Türkler. İstanbul, 2014.
Fakir C. Şimal Yıldızı — son Kore gazileri. İstanbul, 2010.
Gökmen E. Soğuk savaşta sıcak çatışma: Kore savaşı. Ankara, 2008.
Gönlübol M. Turkish participation in the United Nations. 1945–1954. Ankara, 1963.
Gönlübol M. Milletlerarası siyasi teşkillatlanma. Milletlerarası siyasi teşekküllerin tarihi gelişimi ve birleşmiş milletler teşkilatı. Ankara, 1964.
Gürün K. Dış ilişkiler ve türk politikası (1939 dan günümüze kadar). Ankara, 1983.
Hale W. Türk Dış Politikası 1774–2000. İstanbul, 2003.
Halil A. Atatürkçü dış politika ve NATO ve Türkiye. İstanbul, 1968.
Harputlu K. B. La Turquie dans l`impasse. Une analyse marxiste de l`Empire Ottoman a nos jous. Paris, 1974.
Işık A., *Mehmetefendioğlu A.* Kore Savaşı'nda Türk Ordusu'nun Lojistik Desteği. İzmir, 2009.
Karakurt B. Dünden bugüne Kore`de Türk kahramanları. İstanbul, 2005.
Karal E. Z. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi (1918–1960). İstanbul, 1962.
Korean War: Turkish Brigade saved U. S. troops from annihilation [Electronic resource]. URL: http://www.tallarmeniantale.com/korean.htm (mode of access: 25.03.2009).
Kurat A. N. Türk-Amerikan münasebetlerine kısa bir bakış (1800–1959). Ankara, 1959.
Olaylarla Türk dış politikası (1919–1973). 2 cc. / hazırlayan A. Ş. Esmer. Ankara, 1982. Cilt 1.
Ordu M. K. Amerikan Kamuoyuda Kore Harbi. Ankara, 2009.
Orhan C. Uluslararası barış ve güvenliğin korunması veya yeniden tesisi bakımından Türk hukukunda yurtdışına asker gönderilmesi. İstanbul, 2009.
Osmanlı imperatorluğu ve modern Türkiye. 2 cc. İstanbul, 1983. Cilt 2.
Öymen A. Değişim Yılları. İstanbul, 2004.
Sander O. Türk — Amerikan ilişkileri 1947–1964. Ankara, 1979.
Seçer T. Kore Savaşı`nın Bilinmeyenleri. İstanbul, 2008.
Serdarlar N., *Yazgın F.* Türkiye Cumhuriyeti tarihi, 1918–1955. İstanbul, 1958.
Sipahi S. Kore Savaşı ve Kamuoyu. İzmir, 2007.
Sitembölükbaşı S. Türkiye`de İslam`ın yeniden inkişafı (1950–1960). Ankara,1995.

Türk dış politikası: kurtuluş savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. 2 cc. / ed. B. Oral. İstanbul, 2002. Cilt 2.

Türkmen F. Turkey and the Korean War [Electronic resource]. URL: http://www.usconsulate-istanbul.org.tr/korea/koreaft.html (mode of access: 11.06.2007).

Uslu N. Türk-Amerikan ilişkileri. Ankara, 2000.

Üstün N. Türkiye`deki Amerika. İstanbul, 1969.

Üstüngel S. Savaş yolu (Bir türk komünistin notları). İstanbul, 1974.

Üstüngel S. Kore nire? İstanbul, 1978.

Üzmez A. İkinci Dünya Savaşı'ndan sonra gelişen olayların ışığında Kore Savaşı ve Türkiye. İstanbul, 2006.

Статья поступила в редакцию 20.02.2015 г.

УДК 94(470.54-25) + 342.26(470.54-25)

О. С. Поршнева
Е. Ю. Казакова-Апкаримова

СТОЛИЦА УРАЛА: ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СТАТУСА ЕКАТЕРИНБУРГА И ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОЖАН В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.*

Цель статьи — анализ взаимосвязи эволюции административного статуса Екатеринбурга и становления идентичности горожан в XVIII — начале XX в. На основе исследования исторических и историографических источников авторы показывают, что Екатеринбург, олицетворяя собой столичный (во многом европейский) город, на протяжении рассматриваемого времени являлся динамично развивающимся поселением с развитой торговлей и промышленностью, наукой и культурой. Авторы заключают, что миф о столичности Екатеринбурга, будучи неотъемлемой частью менталитета горожан, имеет давнюю историю, и делают вывод о том, что столичная идентификация Екатеринбурга как центра макрорегиона исторически была тесно связана с ростом регионального самосознания.

Ключевые слова: Екатеринбург; Урал; город; столица; история; эволюция; административный статус; идентичность; общественная жизнь; общественные организации; городское самоуправление; культура.

Актуальность исследования истории становления и эволюции региональной / локальной идентичности как феномена общественного сознания представителей территориального сообщества не вызывает сомнения. Она связана, прежде всего, с повышенным вниманием к человеческой составляющей исторического развития, процессам социокультурной трансформации исторического пространства, обусловлена интенсификацией междисциплинарной кооперации истории и смежных социально-гуманитарных наук. Внимание исследователей к проблемам формирования идентичности территориальных социумов объясняется

* Статья выполнена при финансовой поддержке и в рамках проекта Научной группы «Открытый город: от теоретических концепций к инновационному проектированию» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

© Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю., 2015

важностью регионального фактора в истории и современной жизни, ролью идентичности как основы социальных, политических и культурных практик.

Идентичность обладает мощным потенциалом сплачивания людей в устойчивые группы, объединенные общими системами ценностей, сходной реакцией на социальные процессы, волей к социальному действию. Региональная идентичность, как и другие виды идентичностей, опирается на социальные мифы, в данном случае — об особенностях местообитания. Ее выраженность во многом зависит от наличия и поддержания коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм; она проявляется в конструировании ее обладателями неких самообразов, в создании специфических черт быта. Сам факт совместного проживания неминуемо порождает у земляков сходные социальные черты [Смирнягин, с. 83, 97].

На формирование территориальной идентичности в наибольшей степени влияют процессы территориальной интеграции, специализации, культурно-символического осмысления представителями территориальных сообществ отличительных черт своего места обитания, его истории, закрепление системы вербальных и визуальных образов в культурной традиции.

Если изучение проблем формирования уральской региональной идентичности получило осмысление в ряде исторических трудов [Региональный фактор модернизации России; Десятые Татищевские чтения; Урал в контексте российской цивилизации; и др.], то рассмотрение процессов становления и эволюции идентичности Екатеринбурга является наименее исследованной проблемой. Между тем, анализ процессов исторического развития Екатеринбурга, эволюции его функций, статуса, роли в региональном историческом пространстве может способствовать углублению научных представлений об особенностях российской урбанизации, социальной истории города, позволяя двигаться вперед в сравнительном изучении социокультурной трансформации российских / уральских городов в XVIII — начале XXI в.

Изучение социокультурных аспектов развития города ведется на стыке ряда социальных и гуманитарных дисциплин — истории, социологии, культурологии, антропологии, этнологии, социальной психологии, литературоведения и искусствоведения. Междисциплинарный научный подход значительно обогащает привлечение исторического материала, позволяющего осмыслить факторы становления и особенности конфигурации социокультурного пространства и ментального «ландшафта» города, характер и направленность их эволюции в исторической динамике. В полной мере это относится к Екатеринбургу, претерпевшему на протяжении своей истории в XVIII — начале XXI в. существенную эволюцию не только базовых характеристик: экономических, политических, социальных, социокультурных, но и своей «мифологии», образа, идентичности. С момента своего рождения к началу XXI в. Екатеринбург прошел длинный исторический путь и превратился из завода-крепости в современный мегаполис, «евразийскую столицу», «третью столицу» России, а в рассматриваемый нами период город стал горнозаводской столицей, претендуя на звание «столицы Урала».

Екатеринбург, как известно, был основан в 1723 г. как металлургический завод-крепость на р. Исеть. Его основателями были сподвижники Петра Великого

В. Н. Татищев и В. И. де Геннин. Вектор дальнейшего развития Екатеринбурга определился тем, что с самого своего рождения он стал административным центром Уральского горнозаводского региона, местом дислокации Уральского горного управления, осуществлявшего руководство казенными и частными металлургическими предприятиями Урала. Территориально-отраслевая система управления с центром в Екатеринбурге способствовала ускорению региональной консолидации Урала, а его центр — Екатеринбург — замкнул центростремительные силы, стягивающие Средний и Южный Урал, Приуралье и Зауралье [Побережников, с. 142].

Екатеринбургский (Исетский) завод, функционировавший до 1808 г., совмещал в своих цехах чугуноплавильное, железоделательное и медеплавильное производства и был ведущим предприятием горнозаводского края, а в начальный период своей истории — и самым мощным и передовым предприятием не только России, но и мира. В 1726 г. при Екатеринбургском заводе был учрежден Платный (Монетный) двор, ставший главным производителем российской медной монеты вплоть до конца XIX в. [Алексеев, с. 8].

Екатеринбург самой логикой своего изначального статуса и предназначения должен был стать центром горного и заводского производств, местом усвоения передовых европейских инноваций. Освоение передовых для того времени технологий, знаний в сфере горного дела, металлургии, технического образования было связано с привлечением значительного числа европейских специалистов. В Екатеринбурге служило много шведов, саксонцев, подданных других германских княжеств, британцев, шотландцев, датчан, бельгийцев, французов, итальянцев. Даже внешний облик заводского поселения с его прямыми улицами и архитектурой зданий, как отмечает В. В. Алексеев, более напоминал европейские, нежели российские города [Там же, с. 9].

Другим важным фактором развития Екатеринбурга стала многогранная деятельность его основателя В. Н. Татищева. Благодаря подвижнической просветительской работе этого выдающегося российского историка и государственного деятеля Екатеринбург был превращен в культурный центр уральской провинции. Как отмечает А. М. Сафронова, на горнозаводском Урале в первой половине XVIII в. сложилась уникальная ситуация, превратившая его в передовой в отношении развития просвещения регион Российской империи. Этому способствовали два фактора: Урал стал самой крупной площадкой для развития модернизационных процессов в экономике страны; руководил казенной промышленностью в 1720–1722, 1734–1739 гг. один из выдающихся деятелей просвещения России В. Н. Татищев [Сафронова, 2012, с. 3–4].

Одним из важнейших начинаний В. Н. Татищева стала организация и комплектование Екатеринбургской библиотеки, а также книжных собраний школ, в результате чего Екатеринбургская библиотека Горного ведомства стала крупнейшим книжным собранием российской провинции. Благодаря В. Н. Татищеву, из Академии наук выписывались ее издания, книги выдающихся ученых и специалистов Западной Европы в области различных наук, труды историков и географов античности, Средневековья, Нового времени; языковые словари,

энциклопедии. В плане комплектования литературой библиотеки Екатеринбурга стояли в одном ряду с Коллегией иностранных дел, Военной, Адмиралтейской; такими элитными учебными заведениями, как Кадетский корпус и Морская академия [Сафронова, 2011, с. 22–41].

Комплектование Татищевым Екатеринбургской библиотеки стало одним из каналов проникновения европейских идей в уральскую провинцию, это был «уникальный пример распространения иностранной литературы, позволяющий судить о том, по каким отраслям знания она поступала и могла быть усвоена наиболее образованным кругом пользователей» [Сафронова, 2013, с. 32].

Как показала в своих трудах А. М. Сафронова, книжные собрания Екатеринбурга сыграли важную роль в создании новой социокультурной среды, нового информационного пространства и позволили различным группам населения овладевать основами грамоты и знаниями в области различных наук [Сафронова, 2012].

В XVIII–XIX вв. Екатеринбург стал центром формирования горнозаводской специфики уклада жизни, способов деятельности, градостроительных основ, идентичности уральского населения, уникальным перекрестком культур. Специфика города-завода, ставшего центром усвоения технико-технологических и культурных инноваций, определила не только индустриальный (промышленный) фундамент горнозаводской идентичности, но и ее мультикультурную природу. Развитие промышленности Урала стало катализатором межэтнического и межнационального взаимодействия, обусловило сооружение и развитие транспортных путей, способствуя увеличению мобильности населения внутри региона, притоку переселенцев, развитию транзитных маршрутов, торговли [Курлаев, с. 329]. Центром этих взаимодействий, «плавильным котлом», в котором рождалась уникальная идентичность, особая субкультура, был Екатеринбург. Не случайно, как подчеркнул В. В. Алексеев, основание Екатеринбурга имело идеологическую параллель с основанием новой российской столицы Санкт-Петербурга. Петербург — город Петра I и Святого Петра, Екатеринбург — город императрицы Екатерины I и Святой Екатерины — покровительницы горного дела; первый стал «окном в Европу», Екатеринбург должен был стать «окном в Азию», граница с которой в те годы еще только определялась [Алексеев, с. 8–9].

Изначальное и усиливавшееся со временем своеобразие положения Екатеринбурга как перекрестка этносов и культур, определяемое его историей и географией, привело к формированию особой «транзитной» субкультуры [Фадеичева, с. 70]. Становление транзитного статуса Екатеринбурга связано, в частности, с формированием маршрута доставки казенной и частной корреспонденции, а затем и перевозки пассажиров по линии: Москва — Нижний Новгород — Казань — Кунгур — Екатеринбург — Тобольск в 40–50-е гг. XVIII в. — и прохождением с 1780-х гг. через Пермь, Кунгур, Екатеринбург и Тюмень Большого Сибирского тракта [Алексеев, с. 9]. В ходе областной реформы, осуществленной Екатериной II, в 1781 г. было создано Пермское наместничество в составе двух областей, или провинций: Пермской и Екатеринбургской. В 1781 г. Екатеринбург получил официальный статус города [Зубков, Побережников, с. 33].

Транспортные магистрали способствовали развитию экономической жизни города, превращению его в крупный центр транзитной торговли и разнообразных производств, обслуживающих потребительские нужды населения. С начала XIX в. в Екатеринбурге развивается машиностроение, а к середине столетия он занимает ведущее положение среди городов Урала по объему валовой продукции частной промышленности. Вместе с тем Екатеринбург сохранял роль и значение центра горнозаводского края, получив в 1807 г. уникальный статус «горного города», что предполагало его относительную независимость от губернской администрации. 2-й департамент Екатеринбургского горного начальства, возникшего в результате реорганизации системы горного управления в 1802 г., осуществлял надзор за частными заводами Пермской, Оренбургской, Вятской, Казанской и Тобольской губерний. Координация управленческой деятельности в пределах всего Уральского региона, таким образом, сохранялась и олицетворялась именно 2-м департаментом Екатеринбургского начальства [Зубков, Побережников, с. 39].

С 1826 г. Екатеринбург стал местом расположения резиденции и канцелярии главного начальника горных заводов Уральского хребта, подчинявшегося по должности лишь министру финансов, императору и Сенату [Алексеев, с. 9–10]. Любая новация в жизни Екатеринбурга, будь то организация горного научного общества в 1825 г., учреждение горного музея в 1834 г. и метеорологической обсерватории в 1836 г., открытие Уральского горного училища в 1853 г. и даже основание профессионального театра в 1840-х гг. — все происходило исключительно с позволения, а часто и по инициативе горных властей [Там же].

Мощный импульс развитию города, его экономической, социально-политической и культурной жизни дали либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. Они повлекли создание и развитие системы общественного самоуправления, гражданских институтов, модернизацию социопространственной структуры, изменение повседневной жизни горожан. Важнейшую роль в превращении Екатеринбурга в город индустриальной эпохи, с функционирующими общественными структурами и развивающейся сферой гражданской деятельности сыграло создание городского самоуправления после городских реформ 1870 и 1892 гг. Несмотря на относительную незначительность контингента избирателей, контроль со стороны государственной администрации, в результате участия в городских выборах формировалась активная гражданская культура той части городского населения, которая обладала правом голоса и реализовывала это право. В городской среде стали появляться общественные деятели нового типа, которым была свойственна активная гражданская позиция с акцентом на общественное служение [Казакова-Апкаримова, 2011, с. 42].

Из всех общественных институтов именно городское общественное самоуправление было тем стержнем, вокруг которого формировалась сфера гражданской деятельности и на основе которого во второй половине XIX — начале XX в. складывалась специфическая российская модель гражданского общества, получившая свое воплощение и на Урале. Постепенно в сферу городской деятельности и формирования активной гражданской культуры включались представители различных слоев городского населения, сословных и профессиональных групп,

предприниматели, а органы городского самоуправления сыграли значимую роль в развитии городской экономики, социальной сферы и культуры. Вторая половина XIX в. была временем возникновения в городах страны и Урала общественных организаций — добровольных самоуправляющихся общественных объединений широкого спектра: профессиональных, научных, культурно-просветительских, благотворительных, спортивных, потребительских и др. Большинство уральских общественных организаций располагались в двух крупных городах — губернском центре Перми и горнозаводской столице Урала Екатеринбурге. Так, в списке обществ, внесенных в реестр Пермского губернского по делам об обществах Присутствия на 1914 г., насчитывалось 85 обществ, расположенных в городах Среднего Урала. Правления 20 из них располагались в Екатеринбурге, 33 — в губернском городе Перми [Казакова-Апкаримова, 2011, с. 46].

В целом численность общественных организаций Екатеринбурга во второй половине XIX — начале XX в. достигала 50 (не все из них были долговечными). В Екатеринбурге, где по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи проживало 43 239 жителей обоего пола, одна общественная организация приходилась на 864 человека. Что касается динамики роста общественных организаций, то она была впечатляющей: в Екатеринбурге в первой половине XIX в. было создано одно общество, во второй половине XIX в. — 22 (42 %), а в начале XX в. — 30 (56 %), при этом самыми многочисленными были благотворительные общества. Общественные организации в целом пользовались поддержкой со стороны местной государственной власти, несмотря на факты противостояния местной власти и общественности и подозрительное отношение властей к просветительским и профессиональным организациям с широким спектром целей и задач деятельности [Там же, с. 46–47].

Историческая роль и значение Екатеринбурга как «живого узла», «завязанного на Урале могучей рукой Петра I», в метафорической форме выражена Д. Н. Маминым-Сибиряком. В очерке «Город Екатеринбург», написанном в 1888 г. для справочной книги под тем же названием, Мамин-Сибиряк называет Екатеринбург «живым узлом», «стянувшим» и объединившим вокруг себя громадные территории [Мамин-Сибиряк, с. 269–270]. Образ «живого узла» появляется и в его письмах «С Урала»: «...именно в Екатеринбурге переплелись, завязались в крепкий узел интересы и злобы дня громадной территории, по пространству равняющейся Франции, с неистощимыми, баснословными богатствами и четырехмиллионным населением» [цит. по: Ефремова, с. 251]. В этом очерке автор сравнивает Екатеринбург с «громадным маховым колесом, которое заставило и заставляет двигаться все кругом»: «С течением времени приделано было к нему много новых шестерен, приводов и валов, но Екатеринбург прочно сохранил за собой роль главного двигателя: здесь выросли и окрепли первые уральские заводчики, здесь появились уральские золотопромышленники, здесь добре подвизались птенцы гнезда Петрова — Генин и Татищев, здесь, наконец, свили себе теплое гнездышко дельцы самой последней формации» [цит. по: Там же]. С появлением железной дороги, как отмечает автор в путевых очерках «От Урала до Москвы», Екатеринбург становится еще и важным транспортным «узлом»,

связующим громадные территории: «Уральская железная дорогая и проектированная Тюменская будут последним словом для Екатеринбурга; они дадут ему возможность развернуть свои производительные силы во всю ширину» [цит. по: Ефремова, с. 251].

Со временем Екатеринбург стал духовной столицей региона. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о значении создания Екатеринбургской епархии: «Образование самостоятельной екатеринбургской епархии в 1887 году служит предвестником имеющей открыться екатеринбургской губернии, — последнее, без сомненья, составляет только вопрос времени» [Злоказов, Семенов, с. 421]. Екатеринбург в конце XIX — начале XX в. являлся не только формальным религиозным центром, о чем свидетельствуют факты общественной жизни, например, значительное число религиозных общественных организаций в городе [Казакова-Апкаримова, 2008, с. 204–260].

Во многих значимых проектах общероссийского уровня в конце XIX — начале XX в. учитывалось участие Екатеринбурга. Приведем хотя бы следующий пример. Долгое время анализ платиновой руды по причине отсутствия в России подходящей аналитической лаборатории осуществлялся заграницей, что было убыточным и неудобным для российских промышленников. «Первый всероссийский съезд золото- и платинопромышленников при обсуждении мер к развитию платинопромышленности нашел необходимым устройство в России аналитической лаборатории. Местом для устройства был намечен Екатеринбург как центр русской платинопромышленности» [Уральский край, 1909, № 31, с. 2].

Примечательно, что применительно к Екатеринбургу в рассматриваемое время активно использовался концепт «столица Урала», причем не только самими екатеринбуржцами. Например, геолог-почвовед П. А. Земятченский, посетивший Екатеринбург в группе экспертов, командированных правительством на Урал в 1899 г. с целью определить основные принципы хозяйственной политики в крае, критиковал Екатеринбург и амбициозность екатеринбуржцев, претендующих на звание столицы Урала. «...В городе довольно много больших хороших построек, но нет жизни, движения. ...Правда, я был в Екатеринбурге летом, но для большого торгового или промышленного города не должно быть каникул. Спит Урал, спит и его столица» [Злоказов, Семенов, с. 513].

По данным В. А. Весновского за 1899 г., в Екатеринбурге насчитывалось свыше 5 500 домов, около 43 000 жителей обоего пола. Строения распределялись следующим образом: жилых — 44,8 %, специальных — 5,3 %, надворных построек — 26,2 %, домашних бань — 23,7 %. По его мнению, сравнительно большой процент бань свидетельствует о том, что обыватели «привыкли к относительному гигиеническому комфорту и, в то же время, об отсутствии в городе торговых бань». Среди жилых помещений преобладали одноэтажные дома — 77,83 %. Большинство строений были деревянными [Там же, с. 500]. В Екатеринбурге было несколько гостиниц. По общепризнанному мнению, лучшей «в отношении чистоты и обстановки» являлась гостиница «Американская», удобными считались также меблированные комнаты Плотникова [Там же, с. 392, 475, 502].

Важным направлением деятельности органов городской выборной власти являлось благоустройство городов: поддержание чистоты на городских площадях, улицах, бульварах, устройство общественных садов, городских аллей, дренажных систем, развитие уличного освещения, забота о городских водных источниках, строительство пристаней, переправ, памятников и пр. Именно в последние три десятилетия XIX в. началась активная работа по мощению улиц и площадей в Екатеринбурге, в итоге их пятая часть была замощена. Работа по благоустройству успешно продолжалась в начале XX в. [Апкаримова и др., с. 67].

Новые достижения цивилизации быстро проникали в повседневную жизнь горожан. В конце XIX в. в городе стало применяться электрическое освещение, керосиновые лампы освещали лишь окраины города. В начале XX в. в Екатеринбурге электрическое освещение получило дальнейшее распространение. В первой половине 1901 г. город освещался 86 дуговыми фонарями, во второй половине к ним прибавилось еще 8 фонарей. Однако в 1901 г. бывали случаи перебоев с электричеством, поэтому городская управа предусмотрительно занялась ремонтом керосиновых фонарей и ламп, чтобы «иметь возможность освещать улицы при неисправном действии электричества». Часовое освещение дугового фонаря в 1901 г. стоило 6,5 коп. [Отчет Екатеринбургской городской управы..., с. 297]. К чести екатеринбуржцев следует сказать, что лишь в 13 городах европейской части страны в начале XX столетия электричество совершенно вытеснило уличные керосиновые лампы, среди этих городов была «горная столица» Урала — Екатеринбург.

Первые линии электросвязи на Урале стали строиться в начале 60-х гг. XIX в. В августе 1861 г. была пущена телеграфная станция в губернском городе Перми, а в декабре — уже и в Екатеринбурге. В 1870 г. была проведена линия Екатеринбург — Невьянск — Тагил. В последующие годы стали действовать региональные линии: Екатеринбург — Ирбит, Тагил — Екатеринбург — Златоуст [Шапошников, с. 95–97].

Екатеринбуржцы быстро осознали преимущества современных средств связи. В декабре 1861 г. телеграфная линия (через Пермь) соединила Екатеринбург с Петербургом. В 1886 г. через город проходило уже 6 общероссийских транзитных телеграфных линий и 13 уральских, региональных. Екатеринбургская телеграфная контора за этот год отправила свыше 52 тысяч депеш — телеграф прочно вошел в жизнь горожан. В 1884 г., благодаря городскому голове И. И. Симанову, в городе появился первый телефон — телефонная линия соединила городскую управу и полицейскую часть [Екатеринбург. Исторические очерки..., с. 85–86].

Среди екатеринбуржцев было немало весьма предприимчивых людей, готовых к внедрению инноваций в сфере городского транспорта. Значительную роль в приобщении горожан к автомобилям, автобусам и омнибусам играл В. Г. Ярутин. В начале XX в. автомобильное движение в «горнозаводской столице» Урала развивалось весьма успешно [Миненко, Апкаримова, Голикова, с. 83]. Об этом охотно писала пресса. В хронике газеты «Уральская жизнь» сообщалось о господине Ярутине, получившем разрешение городской думы на движение по Екатеринбургу и товарного автомобиля. Екатеринбуржец предполагал купить

в Берлине автомобиль (грузоподъемность не менее 600 пудов) [Уральская жизнь, 1907, № 138, с. 2].

10 ноября 1908 г. на участке строящейся тогда Пермь-Екатеринбургской железной дороги открылось движение товарных поездов. Первый поезд прошел благополучно. Сообщалось, что поезда будут ходить ежедневно [Уральский край, 1908, № 247, с. 3].

В следующем году в Екатеринбурге подумывали уже о внедрении трамвайного транспорта. Впервые этот вопрос стал активно дискутироваться на заседании Екатеринбургской городской думы 13 января 1909 г. На этом заседании обсуждалось соответствующее предложение предпринимателя В. К. Павловского. Проект представлялся весьма дорогостоящим, неудивительно, что на собрании присутствовали представители бюджетной комиссии и комиссии по изысканию новых источников доходов [Уральский край, 1909, № 10, с. 2]. Прогрессивно мыслящие горожане и особенно пресса поддерживали начинание. По вопросу об устройстве трамвая в Екатеринбурге корреспондент газеты «Уральский край» писал: «Устройство в городе Екатеринбурге трамвая, известие о котором проникло в недавнее время в печать, многим обывателям показалось заманчивым и желательным». Современник отмечал, что размеры города Екатеринбурга с его пригородами, значительность торгового оборота и многие другие факторы создавали благоприятные условия для реализации этого предприятия. В газете говорилось: «Мы не сомневаемся, что устройство трамвая своевременно, что это предприятие, будучи поставлено разумно, будет развиваться и нужно приложить немного стараний, чтобы найти солидных предпринимателей» [Уральский край, 1909, № 12, с. 12]. Однако в действительности на тот момент городское самоуправление было не в состоянии реализовать идею. К проектам о введении трамвайного сообщения гласные вернулись накануне Первой мировой войны. Один из проектов, полученных городской управой, был от горного инженера А. М. Ткемаладзе (из Екатеринодара) [Зауральский край, 1913, № 37, с. 2–3]. В 1914 г. городское самоуправление рассматривало встречное предложение от инженера путей сообщения Розенталя [Уральская жизнь, 1914, № 16, с. 3]. Однако Первая мировая война и последующие революционные события заставили думцев заняться другими актуальными вопросами городской жизни, надолго отложив проекты о внедрении трамвайного сообщения.

В пореформенный период в Екатеринбурге оживилась театральная и музыкальная жизнь [Злоказов, Семенов, с. 328–331, 579]. В конце XIX — начале XX в. признание екатеринбуржцев получил кинематограф [Уральская жизнь, 1909, № 275, с. 2]. Быстрыми темпами развивалась реклама [Уральский край, 1910, № 68, с. 2].

Екатеринбург шел впереди многих уездных и губернских городов России по уровню народного образования. На 70 тысяч жителей Екатеринбурга в 1910 г. было 28 низших и 9 средних учебных заведений (обучалось 5 313 человек, т. е. 7,6 % населения) [Екатеринбург. Исторические очерки..., с. 124]. Городская дума ходатайствовала об открытии в Екатеринбурге высшего учебного заведения. 23 сентября 1913 г. стало известно о согласии Министерства торговли

и промышленности на организацию Горного института в Екатеринбурге. «Этот корабль видели в мечтах уральцы многих поколений. Его строил и снаряжал весь Урал, чтобы он способствовал развитию горной промышленности». Понадобилось немало времени и сил, чтобы обзавестись собственным зданием. 9 октября 1917 г. торжественное заседание ознаменовало начало учебного года, а новоселье молодого вуза произошло лишь осенью 1918 г. [Грамолин, Коридоров, с. 168–169, 204–205].

Горячий патриот Перми (!), активный сотрудник «Екатеринбургской недели» И. Г. Остроумов был объективен в оценке Екатеринбурга, полагая, что если «сравнить этот уездный город с прочими русскими уездными городами, то он весьма многие из них оставит позади себя во всех отношениях. Екатеринбург свободно можно сравнивать даже со многими губернскими городами, тем более, что у него есть свое, особое от губернского, епархиальное начальство, окружной суд с тремя отделениями, дворянская опека, полицмейстер с двумя частными приставами; в нем находится управление горною частию на Урале; существует три печатных органа, один из которых — «Екатеринбургская неделя» — вступает уже в десятый год своей жизни, работает шесть типографий, две литографии и т. д. и т. п.» [Злоказов, Семенов, с. 390]. Как на редкое явление для уездного города И. Г. Остроумов указал на имеющееся в Екатеринбурге ученое общество — Уральское общество любителей естествознания, известное далеко за пределами Урала.

Именно в Екатеринбурге в 1887 г. состоялась знаменитая Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка. Ее организовали просвещенные члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) при помощи губернских и городских властей. Благодаря этому научно-промышленному смотру в экспозиционных залах была наглядно представлена обширная картина развития промышленности, науки и культуры края. Сибирско-Уральская выставка привлекла около 4 000 экспонентов из 32 губерний Российской империи и 6 иностранных государств; ее посетили около 80 тысяч зрителей, что более чем в два раза превышало численность жителей Екатеринбурга. В ходе подготовки выставки гласный городской думы и член УОЛЕ Г. Г. Казанцев подчеркивал, что для города выставка будет полезна, «так как привлечет значительное число посетителей, а самый город, не имея высшего учебного заведения, устроит музей, который будет иметь поэтому громадное значение» [цит. по: Корепанова, с. 3].

Современный исследователь С. А. Корепанова отмечает, что «новым в организации мероприятия было участие иностранцев, в основном ученых из Англии, Германии, Италии, Франции, Швеции, США. А 30 июля 1887 г. для ознакомления с выставкой Екатеринбург посетила японская миссия» [Там же, с. 7]. Об этом писала газета «Екатеринбургская неделя»: «Не имея времени на местах познакомиться со всеми производствами богатого Урала, японские путешественники весьма довольны тем обстоятельством, что екатеринбургская выставка вполне дает им точное, хотя и в миниатюре, понятие о развитии горнозаводской промышленности и о природных богатствах знаменитого на весь мир Урала» [цит. по: Там же]. О значении выставки для УОЛЕ (и Екатеринбурга в целом) по окончании ее работы говорил председатель Экспертного комитета, камергер

Двора Его Величества П. И. Глуховской: «УОЛЕ, устроив с такой поразительной энергией и замечательным при новизне дела знанием Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, обратило на себя внимание не только всей России, но и всего образованного мира» [цит. по: Корепанова, с. 7].

Поиски идентичности екатеринбуржцев являлись в значительной степени продолжением и следствием развития краеведения. Краеведческое движение в целом (и УОЛЕ в частности) немало способствовало росту авторитета Екатеринбурга как культурного центра Урала. УОЛЕ действовало в «горнозаводской столице Урала» с 1870 г., занимаясь широкой научно-исследовательской, собирательской, культурно-просветительской, издательской работой. В одном из томов «Записок Уральского общества любителей естествознания» был опубликован доклад комиссии, посвященный вопросу открытия высшего заведения на Урале. В докладе подчеркивалось, что Екатеринбург является «центром местной промышленной и умственной жизни края», сообщалось, что в УОЛЕ насчитывается уже до 400 членов, обществу принадлежат библиотека в 25 000 томов и богатый музей, пользующийся «всемирной известностью с его превосходными коллекциями по минералогии» [Записки УОЛЕ, т. 30, с. 8].

Оживление мифа о Екатеринбурге как столице Урала наблюдалось после революции 1917 г. в условиях кризиса национальной идентичности и, как следствие, усиления региональной идентичности и формирования уральского областничества, в основе концепции которого лежала идея особого (автономного) развития региона в составе российского государства. В Екатеринбурге, ставшем центром уральского областничества, действовало Общество изучения Урала (общество уральских областников). Основной задачей общества провозглашалось развитие идеи областничества и распространение ее на Урале. Предусматривалось многостороннее («со стороны естественно-исторической, общественно-политической и хозяйственно-экономической») освещение этой идеи. У истоков уральского областничества стояли учредители Общества изучения Урала (разработчики устава общества): С. А. Груздев, А. В. Мурашев, Г. Г. Младов, А. А. Кощеев, И. А. Перльман, С. А. Кожухов, А. М. Холонин, Х. Холонина, Т. А. Перльман, А. В. Заложнев, А. С. Заспанов, Ф. Мялицын, Д. Янин, С. Котельников, И. Блинов, И. Чирков, И. Г. Александров, К. А. Колпаков, С. Путин, М. Смирнов, П. Ф. Данилов, П. Савин, С. А. Удинцев, Д. Ф. Гибалин [Горный край, 1918, 6 (23) декабря, № 6, с. 3]. Ими разрабатывалась идея создания автономной Уральской области во главе с Екатеринбургом. Идея «Большого Урала» спустя несколько лет (в 1923 г.) уже в других исторических условиях была положена в основу создания Уральской области, административным центром которой стал Екатеринбург.

Можно видеть, что Екатеринбург в истории Урала и России в целом играл свою особую, можно сказать, уникальную роль, пройдя путь от завода-крепости до горнозаводской столицы Урала, а в эпоху капитализма стал динамично развивающимся городом с развитой торговлей и промышленностью, наукой и культурой. Духовная и общественная жизнь горожан имела свои яркие особенности, в значительной степени обусловленные формированием сферы гражданской деятельности и гражданской культуры. Жители Екатеринбурга быстро воспринимали

технические и социокультурные инновации, новейшие достижения моды и научно-технического прогресса. Екатеринбург, олицетворяя собой столичный (во многом европейский) город, дал стране немало талантливых общественных деятелей, предпринимателей и представителей культуры. Миф о столичности Екатеринбурга, будучи неотъемлемой частью менталитета горожан, имеет давнюю историю. Очевидно, что столичная идентификация Екатеринбурга как центра макрорегиона исторически была тесно связана с ростом регионального самосознания.

Алексеев В. В. От завода-крепости к евразийской столице: вехи истории Екатеринбурга // От завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 8–12. [Alekseev V. V. Ot zavoda-kreposti k evrazijskoj stolice: vehi istorii Ekaterinburga // Ot zavoda-kreposti k evrazijskoj stolice : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 2002. S. 8–12.]

Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX в. М., 2003. [Apkarimova E. Ju., Golikova S. V., Minenko N. A., Poberezhnikov I. V. Sel'skoe i gorodskoe samoupravlenie na Urale v XVIII — nachale XX v. M., 2003.]

Горный край. 1918. 6 (23) декабря. № 6. [Gornyj kraj. 1918. 6 (23) dekabrja. № 6.]

Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург. История городской власти (1745–1919) : документально-публицистические очерки. Екатеринбург, 2003. [Gramolin A. I., Koridorov Je. A. Ekaterinburg — Sverdlovsk — Ekaterinburg. Istorija gorodskoj vlasti (1745–1919) : dokumental'no-publicisticheskie ocherki. Ekaterinburg, 2003.]

Десятые Татищевские чтения : Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21–22 ноября 2013 г.) : материалы / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2013. [Desjatye Tatishhevskie chtenija : Vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 21–22 nojabrja 2013 g.) : materialy / pod red. G. E. Kornilova. Ekaterinburg, 2013.]

Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург, 1998. [Ekaterinburg. Istoricheskie ocherki (1723–1998). Ekaterinburg, 1998.]

Ефремова Е. Н. Образ Урала в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века) / сост. Е. П. Пирогова. Екатеринбург, 2007. С. 247–288. [Efremova E. N. Obraz Urala v tvorchestve D. N. Mamina-Sibirjaka // Obraz Urala v dokumentah i literaturnyh proizvedenijah (ot drevnosti do konca XIX veka) / sost. E. P. Pirogova. Ekaterinburg, 2007. S. 247–288.]

Записки УОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 30. Екатеринбург, 1910. [Zapiski Ural'skogo obshhestva ljubitelej estestvoznanija. T. 30. Ekaterinburg, 1910.]

Зауральский край. 1913. 14 февраля. № 37. [Zaural'skij kraj. 1913. 14 fevralja. № 37.]

Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. [Zlokazov L. D., Semenov V. B. Staryj Ekaterinburg. Gorod glazami ochevidcev. Ekaterinburg, 2000.]

Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. [Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Reformy administrativno-territorial'nogo ustrojstva vostochnyh regionov Rossii (XVIII–XX vv.). Ekaterinburg, 2003.]

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2008. [Kazakova-Apkarimova E. Ju. Formirovanie grazhdanskogo obshhestva: gorodskie soslovnye korporacii i obshhestvennye organizacii na Srednem Urale vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. Ekaterinburg, 2008.]

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. [Kazakova-Apkarimova E. Ju. Formirovanie sfery grazhdanskoj dejatel'nosti v ural'skom gorode vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2011.]

Корепанова С. А. У истоков традиции. К 120-летию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки // Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2007. № 3 (21). С. 3–9. [Korepanova S. A. U istokov tradicii. K 120-letiju Sibirsko-Ural'skoj nauchno-promyshlennoj vystavki // Vestn. Ural. otd-nija RAN. 2007. № 3 (21). S. 3–9.]

Курлаев А. Е. Индустриальный фактор формирования региональной идентичности на примере Урала // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. С. 328–332. [Kurlaev A. E. Industrial'nyj faktor formirovanija regional'noj identichnosti na primere Urala // Regional'nyj faktor modernizacii Rossii XVIII–XX vv. : sb. nauch. st. Ekaterinburg, 2013. S. 328–332.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века) / сост. Е. П. Пирогова. Екатеринбург, 2007. С. 269–270. [Mamin-Sibirjak D. N. Gorod Ekaterinburg // Obraz Urala v dokumentah i literaturnyh proizvedenijah (ot drevnosti do konca XIX veka) / sost. E. P. Pirogova. Ekaterinburg, 2007. S. 269–270.]

Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. М., 2006. [Minenko N. A., Apkarimova E. Ju., Golikova S. V. Povsednevnaja zhizn' ural'skogo goroda v XVIII — nachale XX v. M., 2006.]

Отчет Екатеринбургской городской управы о движении сумм, капиталов и имущества г. Екатеринбурга за 1901 год. Екатеринбург, 1903. [Otchet Ekaterinburgskoj gorodskoj upravy o dvizhenii summ, kapitalov i imushhestva g. Ekaterinburga za 1901 god. Ekaterinburg, 1903.]

Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Десятые Татищевские чтения : Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21–22 ноября 2013 г.) : материалы / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2013. С. 140–145. [Poberezhnikov I. V. Ural'skaja regional'naja identichnost': u istokov formirovanija // Desjatye Tatishhevskie chtenija : Vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 21–22 nojabrja 2013 g.) : materialy / pod red. G. E. Kornilova. Ekaterinburg, 2013. S. 140–145.]

Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. [Regional'nyj faktor modernizacii Rossii XVIII–XX vv. : sb. nauch. st. Ekaterinburg, 2013.]

Сафронова А. М. Первые библиотеки Екатеринбурга и книжное собрание В. Н. Татищева (опыт исторической реконструкции) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. [Safronova A. M. Pervye biblioteki Ekaterinburga i knizhnoe sobranie V. N. Tatishheva (opyt istoricheskoj rekonstrukcii) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2011.]

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2012. [Safronova A. M. V. N. Tatishhev i biblioteki rannego Ekaterinburga: opyt istoricheskoj rekonstrukcii. Ekaterinburg, 2012.]

Сафронова А. М. В. Н. Татищев как создатель Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства, крупнейшего уникального собрания российской провинции // Десятые Татищевские чтения : Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21–22 ноября 2013 г.) : материалы / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2013. С. 32–40. [Safronova A. M. V. N. Tatishhev kak sozdatel' Ekaterinburgskoj biblioteki Gornogo vedomstva, krupnejshego unikal'nogo sobranija rossijskoj provincii // Desjatye Tatishhevskie chtenija : Vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 21–22 nojabrja 2013 g.) : materialy / pod red. G. E. Kornilova. Ekaterinburg, 2013. S. 32–40.]

Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ : в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исследований. Т. 2 : Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. М., 2007 / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 84–87. [Smirnjagin L. V. O regional'noj identichnosti // Prostranstvo i vremja v mirovoj politike i mezhdunarodnyh otnoshenijah : materialy 4 Konventa RAMI : v 10 t. / pod red. A. Ju. Mel'vilja ; Ros. associacija mezhdunar. issledovanij. T. 2 :

Identichnost' i suverenitet: novye podhody k osmysleniju ponjatij. M., 2007 / pod red. I. M. Busyginoj. S. 84–87.]

Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург, 2014. [Ural v kontekste rossijskoj civilizacii: teoretiko-metodologicheskaja konceptualizacija. Ekaterinburg, 2014.]

Уральская жизнь. 1907. № 138; 1909. № 275; 1914. № 16. [Ural'skaja zhizn'. 1907. № 138; 1909. № 275; 1914. № 16.]

Уральский край. 1908. № 247; 1909. № 10, 12, 31; 1910. № 68. [Ural'skij kraj. 1908. № 247; 1909. № 10, 12, 31; 1910. № 68.]

Фадеичева М. А. Мегаполис Екатеринбург: трансформация этнического многообразия // От завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 69–72. [Fadeicheva M. A. Megapolis Ekaterinburg: transformacija jetnicheskogo mnogoobrazija // Ot zavoda-kreposti k evrazijskoj stolice : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 23–24 maja 2002 g. Ekaterinburg, 2002. S. 69–72.]

Шапошников Г. Н. Телеграф в г. Верхотурье (первая телеграмма в городе) // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. 26–28 мая 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 95–97. [Shaposhnikov G. N. Telegraf v g. Verhotur'e (pervaja telegramma v gorode) // Kul'turnoe nasledie rossijskoj provincii: Istorija i sovremennost'. K 400-letiju g. Verhotur'ja : tez. dokl. i soobshh. Vseros. nauch.-prakt. konf. 26–28 maja 1998 g. Ekaterinburg, 1998. S. 95–97.]

Статья поступила в редакцию 14.12.2014 г.

УДК 37.048.45:2 + 821.161.1 Мамин-Сибиряк

А. В. Мангилева

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДНОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА В ВОСПОМИНАНИЯХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА*

В статье приводятся биографические сведения о преподавателях Екатеринбургского уездного духовного училища, служивших в те годы, когда в нем обучался будущий писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк: ректоре училища А. М. Кроткове и учителе греческого языка Н. А. Диомидовском. Подлинные имена персонажей восстановлены на основании архивных источников. Приводятся данные о последующих годах их жизни. Выявляется информационный потенциал такого источника, как клировые ведомости.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Д. Н. Мамина-Сибиряк; воспоминания; Екатеринбургское уездное духовное училище; А. М. Кротков; Н. А. Диомидовский.

Мемуарные очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка являются важным источником по истории Среднего Урала 60-х гг. XIX в. В этом качестве они довольно хорошо известны, тем не менее, дальнейшее их изучение представляется достаточно перспективным. В частности, в воспоминаниях Д. Н. Мамина-Сибиряка

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

© Мангилева А. В., 2015

о времени учебы в Екатеринбургском уездном духовном училище (1866–1868) упоминается целый ряд преподавателей, которые по разным причинам наиболее ему запомнились. Для биографии самого писателя могли бы представлять интерес сведения об этих лицах. Проблема заключается прежде всего в том, что в воспоминаниях они называются только по именам или прозвищам, поэтому поиск сведений о них затруднен. К сожалению, архив училища не сохранился; ни в Пермских, ни в Екатеринбургских епархиальных ведомостях сведений о преподавательском составе уездного училища нет. Адрес-календари Пермской епархии, где сведения о преподавателях имеются, стали печататься позднее, когда те люди, которые служили в Екатеринбургском уездном училище в 1860-х гг., уже его оставили.

Источником, из которого можно почерпнуть данные о некоторых персонажах мемуарных очерков, могут стать клировые ведомости Екатеринбурга, в которые вносились сведения о клириках, служащих при городских храмах. Значительная часть преподавателей уездного училища либо уже имела сан, либо получала его по завершении педагогической деятельности, поэтому они должны были занимать места и при храмах. Клировые ведомости Екатеринбургского уезда сохранились лишь за некоторые годы, поэтому в них удалось найти сведения только о двух лицах, упоминаемых в мемуарах Д. Н. Мамина-Сибиряка.

> Училищное начальство состояло из ректора, очень почтенного священника о. Петра с магистерским крестиком, и инспектора училища о. Константина. Ректор иногда посещал классы, а в общем мы его редко видели. Он пользовался общим уважением, и его боялись, потому что ему принадлежала карающая власть. Главной карой было увольнение из училища, а затем — субботние расчеты, когда училищный сторож Палька сек за леность, табакокурение и другие провинности. Нужно сказать, что сечение производилось не каждую субботу, и я в течение двухлетнего пребывания в училище только раз слышал издали отчаянные вопли наказуемых... <...> Ректор обыкновенно являлся в наш класс в один из субботних уроков, с роковым списочком в руках. Он никогда не сердился и не волновался, а только по своему списочку вызывал провинившихся, которые покорно и отправлялись за ним. Ученики относились к ректору тоже без злобы, как к человеку, который только исполнял свой долг [Мамин-Сибиряк, с. 255].

Ректорскую должность в училище в то время, когда здесь обучался Дмитрий Мамин, занимал протоиерей Екатеринбургского Богоявленского собора Алексей Мартинианович Кротков, выпускник Казанской духовной академии, магистр богословия («с магистерским крестиком»). По окончании академии в 1846 г. А. М. Кротков был назначен преподавателем Пермской духовной семинарии (сам он был уроженцем Казанской губернии), в 1851 г. получил место ректора Пермских духовных училищ (уездного и приходского) и был назначен членом Пермской духовной консистории, в 1853 г. произведен в протоиерея к Кунгурскому Благовещенскому собору и назначен миссионером по Кунгурскому и Красноуфимскому уездам Пермской губернии. В 1856 г., в возрасте 36 лет, переведен в Екатеринбург, где занял места настоятеля кафедрального собора и ректора

уездного духовного училища, был определен благочинным городских церквей, первым членом Екатеринбургского духовного правления и членом временного строительного комитета, «учрежденного по случаю перестройки дома для Екатеринбургского духовного училища». В 1864 г. от должности благочинного был освобожден «по несовместимости с должностью присутствующего духовного правления», а в 1869 г. был по собственному прошению освобожден и от должности в духовном правлении. В клировой ведомости указано, что прошение было подано в связи «с преобразованием духовных училищ». Тогда же о. Алексий вернулся к преподавательской деятельности: в училище он вел курсы «Катехизиса и изъяснения Богослужения с церковным уставом». В 1865 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, в 1868 г. — 2-й степени [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 606, л. 2 об.–5]. Отошел от управления училищем в 1875 г. [Там же, д. 613, л. 3 об.].

Почему же в воспоминаниях ректор назван о. Петром? Возможно, Д. Н. Мамин-Сибиряк не хотел называть подлинным именем известного в городе человека (отдельные мемуарные очерки писатель начал публиковать в 1894 г., а А. М. Кротков скончался в 1897 г. [Лавринов, с. 147]). Возможно, писатель просто забыл имя ректора и перепутал его с именем сына А. М. Кроткова. Петр Алексеевич Кротков в 1866 г. окончил курс Пермской духовной семинарии со степенью студента (т. е. он имел право поступления в духовную академию) и поступил в Екатеринбургское уездное духовное училище на должность преподавателя Катехизиса, Священной истории, чтения и чистописания в низшем отделении. С 1866 по 1869 гг. он также занимал место помощника инспектора [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 606, л. 64 об.–65]. Как с преподавателем Дмитрий Мамин с Петром Кротковым вряд ли сталкивался, поскольку поступил сразу в высшее отделение училища, но мог достаточно хорошо его знать как помощника инспектора. Что же касается отца, то неизвестно, как бы сложились отношения ректора и ученика, если бы они встретились чуть позже:

> Из всех предметов училищного курса мне не давался один «Устав церковной службы», как я его ни зубрил. Происходило это оттого, что я, вероятно, по-настоящему не умел зубрить, а главное, — не понимал мудреного языка, каким он был написан. В самом деле, ведь нужно осилить такие слова, как «препразднство» и «попразднство» [Мамин-Сибиряк, с. 258].

Гораздо теплее вспоминает Д. Н. Мамин-Сибиряк учителя греческого языка Николая Александровича.

> Это был красивый, подвижной молодой человек, державший класс в ежовых рукавицах и все-таки пользовавшийся общей любовью. Он умел держать весь класс в напряженном состоянии и видел каждого. Чуть кто не слушает, — сейчас вопрос:
>
> — А как перевести эту фразу?
>
> Николай Александрович и задавал много, и требовал много, и в классе не позволял лениться. Для меня лично это был первый настоящий учитель, который умел оживить даже такой сухой предмет, как греческий язык. По моему мнению, каждый истинный педагог должен быть артистом, и таким именно артистом был Николай Александрович [Там же, с. 257].

Активное участие принимает этот преподаватель и в организации весенней загородной прогулки:

> Особенно веселился учитель греческого языка, очень ловкий и здоровый господин. Он же составлял и ученический хор. Одним словом, с одной стороны, были дети, настоящие дети, сбросившие с себя свою школьную озлобленность и жестокость, а с другой — взрослые люди, очень гуманные, простые и внимательные к детскому веселью [Мамин-Сибиряк, с. 281].

Сын ирбитского протоиерея Николай Александрович Диомидовский в 1864 г. окончил Пермскую духовную семинарию[1] с аттестатом первого разряда и был назначен учителем низшего отделения Екатеринбургского уездного духовного училища по курсам Катехизиса, Священной истории, чтения и нотного пения. В 1866 г., в возрасте 26 лет, был перемещен на должность преподавателя Священной истории и греческого языка во всех отделениях училища, в 1869 г. после преобразования училища остался учителем греческого языка во втором, третьем и четвертом классах. По предложению попечителя Казанского учебного округа, к которому относилась Пермская епархия, был два года исполняющим должность преподавателя латинского и греческого языков в Екатеринбургской мужской гимназии, поскольку другого столь же подготовленного специалиста в Екатеринбурге не нашлось.

В 1876 г. был по прошению уволен из духовного училища, рукоположен во священника к Екатеринбургскому Богоявленскому собору и назначен законоучителем Екатеринбургского Алексеевского реального училища. В 1877 г. занял место настоятеля только что открытой Екатеринбургской Николаевской церкви при детском приюте М. А. Нурова, в 1878 г. по просьбе основателя приюта был назначен туда же законоучителем. Безвозмездно преподавал Закон Божий в приюте до 1895 г. С 1880 г. по 1883 г. был членом Совета Зауральского епархиального училища, с 1891 г. по 1895 г. — членом Совета Епархиального женского училища (на обе должности был избран на съезде депутатов от духовенства, что свидетельствует о его высоком авторитете среди епархиального духовенства). С 1880 г. по 1909 г. состоял членом благочиннического совета. В 1895 г. был переведен на должность второго священника в Екатеринбургский Свято-Духовский храм и назначен присутствующим Екатеринбургской духовной консистории, в связи с чем был вынужден отказаться от преподавания в реальном училище. С 1895 г. по 1909 г. состоял в должности члена Екатеринбургского отделения епархиального училищного Совета.

В 1896 г. по ходатайству прихожан определен настоятелем Екатерининского горного собора. С 1891 г. по 1909 г. состоял заведующим церковно-приходской школой при соборе. Преподавал Закон Божий в Екатерининской церковно-приходской школе с 1900 г. по 1909 г. В 1901 г. состоял катехизатором по первому благочинническому округу Екатеринбургского уезда. Исполнял безвозмездно

[1] До поступления в семинарию Н. А. Диомидовский обучался в Екатеринбургском уездном духовном училище, где позже стал преподавателем [Протоиерей Николай Александрович Диомидовский, с. 475].

обязанность казначея Екатеринбургского миссионерского общества с 1904 г. по 1909 г. Состоял председателем Проповеднического комитета с 1906 г. по 1909 г. В 1909 г. был по прошению уволен от всех занимаемых должностей, затем вышел за штат и в том же году скончался.

О том, какую роль играл Н. А. Диомидовский в духовной жизни Екатеринбурга, свидетельствует тот факт, что его похороны превратились в событие общегородского значения:

> На третий день, 18 Мая, в 4 часа дня в квартиру умершего собралось городское духовенство и певчие Екатерининского собора; из церкви Нуровского приюта прибыл крестный ход. После краткой литии гроб с телом почившего, при громадном стечении горожан, был, при красном звоне, перенесен на руках священнослужителей в Екатерининский собор, на пути были отслужены литии у церкви Нуровского приюта и Свято-Духовского храма. В Екатерининском соборе собором духовенства при участии певчих совершено было заупокойное бдение. На другой день в 8 часов утра в Екатерининском соборе была совершена соборне литургия. <...> Отпевание продолжалось более двух часов. По окончании его гроб почившего на руках священнослужителей и прихожан, в преднесении хоругвей и запрестольных икон, при красном колокольном звоне, был обнесен вокруг собора и у церковно-приходской школы отслужена лития. Затем шествие направилось в Ново-Тихвинский монастырь по Златоустовской улице (приходу о. протоиерея). Погребено тело почившего на монастырском кладбище рядом с могилками его детей [Протоиерей Николай Александрович Диомидовский, с. 474–475].

Официально его заслуги также были признаны. В 1870 г. Н. А. Диомидовский был награжден орденом Св. Анны 3-й степени за работу в духовном училище. В 1879 г., по представлению администрации реального училища, награжден скуфьей, в 1882 г. — набедренником (за службу в Нуровском приюте). В 1885 г. по ходатайству епархиальных властей за заслуги по духовному ведомству синодальным указом награжден фиолетовой камилавкой. С 1889 г. за двадцатипятилетнюю службу по Министерству народного просвещения получал пенсию — 400 рублей в год. В 1890 г. синодальным указом награжден наперсным крестом, в 1899 г. — орденом Св. Анны 2-й степени, в 1902 г. — орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1906 г. императорским указом награжден орденом Св. Владимира 3-й степени [Там же, с. 476–477].

В заключение можно сказать, что выявленные сведения о жизни Н. А. Диомидовского подтверждают высокую оценку, которую дал его личности Д. Н. Мамин-Сибиряк. Что же касается А. М. Кроткова, сведения о нем уже приводились в исторической литературе, но с именем Д. Н. Мамина-Сибиряка до сих пор не связывались [см.: Лавринов, с. 147]. Кроме того, приведенные сведения о преподавателях Екатеринбургского духовного училища являются доказательством того, что работа по восстановлению данных о персонажах воспоминаний известного уральского писателя достаточно перспективна, если привлечь к ней обычно не учитывавшиеся источники информации.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606, 613. [GASO. F. 6. Op. 2. D. 606, 613.]

Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. [Lavrinov V., prot. Ekaterinburgskaja eparhija. Sobytija. Ljudi. Hramy. Ekaterinburg, 2001.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. Воспоминания // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 199–283. [Mamin-Sibirjak D. N. Iz dalekogo proshlogo. Vospominanija // Mamin-Sibirjak D. N. Sobr. soch. : v 10 t. M., 1958. T. 10. S. 199–283.]

Протоиерей Николай Александрович Диомидовский. (Некролог) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1909. Отдел неофициальный. № 31. С. 472–479. [Protoierej Nikolaj Aleksandrovich Diomidovskij. (Nekrolog) // Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti. 1909. Otdel neoficial'nyj. № 31. S. 472–479.]

Статья поступила в редакцию 15.12.2014 г.

УДК 821.161.1 Иванов-14 + 7.036.45

Л. В. Маштакова

«СУЩЕСТВОВАНИЕ» ЧИСЛА: ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА В КНИГЕ ВЯЧ. ИВАНОВА «ROSARIUM»

В статье рассматриваются структурные компоненты композиции и архитектоники лирической книги Вяч. Иванова «Rosarium», входящей в состав книги «Cor Ardens», с точки зрения числовой символики. Особое место уделяется анализу категории числа в философии поэта и в поэтике «Cor Ardens». Рассматривается центральный для книги «Rosarium» символ розы и его числовые аспекты, а также генезис данного символа в поэтике «Cor Ardens». На примере символа розы прослеживается постепенное «дорастание» символа до архетипа, включающего числовую символику, и выход через архетип к теургической функции поэзии, важной для творчества Вяч. Иванова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Вячеслав Иванов; «Cor Ardens»; «Rosarium»; числовая символика; число как символ; символика розы; роза и крест.

Поэтическое наследие Вячеслава Иванова 1900-х гг., объединяющее несколько книг лирики, представляет собой сложное многоуровневое единство, проявляющееся как на формальном, так и на семантическом уровнях. О сложности, симфонизме, системности лирики Иванова, о «сильной логической связи» [Бахтин, с. 397] между составляющими этой выверенной системы говорили еще современники поэта: В. Ходасевич, например, сравнивал «Cor Ardens» Иванова с венецианским собором [Ходасевич, с. 474]. В литературоведении советского периода эту тему развивал С. С. Аверинцев, и, так или иначе, ее продолжают все исследователи творчества Иванова[1].

«Cor Ardens» (1911–1912), третья книга лирики поэта, — пожалуй, самая непростая и неоднозначная. Книга выдержала несколько авторских редакций и, будучи опубликованной в окончательном варианте в 1912 г., соединила в себе тексты Иванова разных лет. Стихотворения объединены поэтом в циклы (а также триптихи, диптихи и другие крупные формы, не имеющие жанровой номинации),

[1] Подробный анализ библиографии по данной теме выполнен, например, на первых страницах монографии [Титаренко]; см. также: [Пургин].

© Маштакова Л. В., 2015

циклы — в книги, книги — в части, составляя, таким образом, монументальное ансамблевое единство. Объединения подобной композиции — общая тенденция в русской литературе модернизма, но к произведениям символистов это относится в наибольшей степени. При этом не последнюю роль при издании сборника в ту пору играло графическое оформление[2] (обложка, шрифт, интервалы, расположение строк), особенности расположения конкретных циклов, стихотворений и т. д. Книга лирики Иванова «Cor Ardens» также выстроена по заданному автором сложному идейно-смысловому принципу, явленному и на формальном, и на содержательном уровнях. Частью этого принципа является идея числа, определяющая числовую символику книги, потому данная статья посвящена анализу структурных компонентов «Rosarium» — пятой книги в сборнике Иванова «Cor Ardens»[3] в связи с ивановским пониманием символико-философской категории числа. Выбор именно пятой книги продиктован ее особой значимостью в составе целого, завершающим характером. Причем итоговой книга «Rosarium» является не только для сборника «Cor Ardens», но и для всего поэтического творчества Иванова 1900-х гг.[4]

Категория числа занимает важное место в поэтике и философии Иванова. Как отмечает С. Д. Титаренко, для Иванова «число существует», «число считается вещью» [Титаренко, с. 262], т. е., добавим, выступает как символ, который «...“видится” (или “вспоминается”) как такая странная Вещь, которая одним своим концом “выступает” в мире вещей, а другим — “утопает” в действительности сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, с. 26], потому его количественное значение переплетается с лексическим, равнозначимы становятся и текст, и паратекст, и затекст. «Он считал число основой поэзии и ритма», — пишет С. Д. Титаренко, говоря об архетипичности числового символизма у Иванова [Титаренко, с. 255]. Попробуем конкретизировать и уточнить эти общие положения в ходе анализа числовой символики книги Иванова.

Центральный и связующий символ в пятой книге сборника «Cor Ardens», — безусловно, Роза[5], поэтому числа (их лексические и функциональные особенности) так или иначе связаны с этим символом. В каждом из произведений книги явлен символ розы, относящий читателя к различным источникам: розе античности, алхимиков, гностиков, масонов и розенкрейцеров; причем зачастую в этом богатом собрании значений центрального символа сложно выделить одно, единственно важное для конкретного стихотворения. Такое разнообразие

---

[2] Исследованиям этой области организации поэтической книги посвящены работы Н. В. Котрелева, А. С. Кушнера, Р. Д. Тименчика, Л. В. Спроге, О. А. Лекманова, Ю. Б. Орлицкого и др. [см.: Котрелев; Тименчик; Фоменко].

[3] Термин «сборник» мы применяем к «Cor Ardens» для смыслового разграничения книги «Cor Ardens» и книги «Rosarium» в составе поэтического целого «Cor Ardens». Эта замена имеет служебное значение и не ставит под сомнение принадлежность «Cor Ardens» к сверхжанровому образованию книги.

[4] За исключением книги лирики «Нежная тайна. Лепта» (1912), которая создавалась в тот же период времени, что и «Cor Ardens», и которую сам Иванов назвал в письме В. Брюсову «летней лирической книжечкой» и «дополнительными страницами» к «Cor Ardens» [Помирчий, с. 327], и двух объемных произведений — поэмы «Младенчество» (1918) и трагедии «Прометей» (1919).

[5] О значении розы в поэтике «Cor Ardens» см.: [Бахтин, с. 374–384; Топоров, с. 386]; в современных исследованиях: [Титаренко, с. 189–348; Павлова, с. 94–98].

отвечает ивановскому пониманию символа как философской категории: «Подобно солнечному лучу, символ прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение» [Иванов, 1994, с. 143].

Известно, что при создании «Rosarium» Иванов был вдохновлен статьей «Из поэтики розы» А. Н. Веселовского [см.: Лаппо-Данилевский], где автор прослеживает трансформацию этого символа в разных культурах. Из широкого спектра значений розы выделяются наиболее важные для поэтики не только лирических книг, но и философско-критических и исследовательских работ Иванова 1900-х гг. В универсальной мифологической традиции роза[6] — символ солнца и сердца, латинское «sub rosa» означает скрытность (и, соответственно, тайнознание). Кроме того, роза связана с Дионисом, а в христианстве — с Христом и Девой Марией. Появление развитого до поэтической книги символа розы у Иванова не только не случайно, но и объясняет заключительное положение в «Cor Ardens» части под названием «Rosarium». Роза объединяет и скрепляет символы, предшествующие ей в «Cor Ardens». Так, в заключительном стихотворении «Rosarium» — «Enden» — пересекаются все основные сюжетные линии «Cor Ardens»: мотив пути, поиска, превосхождения себя, жертвенной смерти, возрождения (в христианском ключе) и т. д. Венчает обозначенные мотивы символ розы:

...Зане из Отчего (и в нас, как в небе) лона
Существенно родится Сын,
И отраженная мертва Его икона
Над зыбью сумрачных пучин,
Где одинокая, в кольце Левиафана,
Душа унылая пуста...
Но ты дыханием Отца благоуханна,
Душа невестная, — о радостная рана!
И Роза — колыбель Креста.

[Иванов, т. 2, с. 533]

Мотивы единства макро- и микрокосма, зеркальность неба-души человека, «крест земли» и «крест небес», крест жизни, лейтмотивом проходящие через книгу «Cor Ardens», повторяются в конце стихотворения «Enden» не случайно. «Душа пуста», но «счастье», разлитое Отцом, все же узнаваемо в мире, и оно — Роза, из которой вырастает Крест (вариант розы, процветающей на кресте): этот образ является и католическим, и розенкрейцерским символом. Г. Кружков обнаруживает в приведенных строках также и стремление Иванова к «полноте искусства»: рядом со скорбью — радость, рядом с «верой в неземное блаженство» — «его земные залоги», т. е. чувственная, земная роза [Кружков]. В этой точке сходятся все символы, все метафоры, все лирические сюжеты «Cor Ardens»,

[6] Для толкования символа розы в работе привлечены источники: [Веселовский, с. 136; Золотницкий, с. 13–46; Колосова, с. 15–22; Бидерманн, с. 224–226; Фоли, с. 181–182; Холл, с. 195, 487; Символы, знаки, эмблемы, с. 167–168].

кроме, наверное, одного. Рядом с мотивами богосыновства, крестных мук, возрождения отсутствует имя Диониса и вообще какая-либо античная, вакхическая тема (а с ней Иванов вошел в литературу, она же прослеживается на протяжении предыдущих лирических книг), значим именно христианский, исходящий в большей степени из тайных христианских учений подтекст стихотворения (что не отменяет включенности в нее дионисийского мифа).

В 1910-е гг., после трагической смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Иванов увлекается европейскими оккультными учениями, сближается с последователями антропософии, теософии и розенкрейцерства. Так, одной из итоговых точек пути вероисканий лирического героя поэзии Иванова 1900-х гг. становятся доктрины христианства и розенкрейцерства. Поэтому роза, как и роза на кресте, при всей многогранности ее значений в книге «Rosarium» имеет отчетливый христианско-розенкрейцерский оттенок.

Роза, распятая на кресте, главный символ розенкрейцеров, выражает у Иванова один из основных принципов творчества, жизнестроительства, самого бытия: «...под каждою розой жизни вырисовывается крест, из которого она процвела» [Иванов, Гершензон, с. 86]. За этой цитатой из «Переписки из двух углов» (1921) — и голос умершей жены, завещающей ему свою дочь — Веру Шварсалон, «Дорофею», «розу» «на кресте страданий», и католические розалии, и близкое общение с А. Р. Минцловой, приобщившей поэта к учению розенкрейцеров [подробнее см.: Обатнин, с. 35–103; Богомолов, с. 23–113].

Символ розы имеет в мифологии важную особенность — его смысл меняется в зависимости от количества лепестков в цветке. Роза с четырьмя лепестками — символ четверичного деления космоса. Пятилепестковая роза — распространенный символ Девы Марии, а также аналог пентаграммы (кольцо с этой фигурой носил Иванов), пять элементов Вселенной и повторяемость в смене эпох. Семь лепестков розы — септада (семь дней недели, семь планет и т. д.), а восемь — это два раза по четыре, духовный подъем и возрождение. Все перечисленные значения этого символа актуальны и для книги «Rosarium», и для «Cor Ardens» в целом, а данные числа так или иначе проявлены в текстах стихотворений книги. Так, на четверке лошадей выезжает Солнце в поэме «Солнцев перстень», входящей в «Rosarium», в повести «Феофил и Мария» Дева Мария названа Владычицей Семи Скорбей, и т. д. Четыре и семь — числа, наиболее часто встречающиеся в текстах книги (о значении числа семь у Иванова см.: [Силлард, с. 54–101]), пять и восемь важны для композиции книги и всего «Cor Ardens» (об этом ниже), и каждое из этих чисел связано с символом розы.

Но данный ряд был бы неполным без двух других важных чисел — три и девять (трижды по три). Символика числа *три* проходит через всю книгу «Cor Ardens». Две терцины — концовка сонета (одна из обширных частей книги — «Сонеты»), терцинами написана поэма-повесть «Феофил и Мария», имеющая 130 строф (включая одну неполную), также в книге представлены стихотворные триптихи, три пронумерованных раздела с газэлами, три пронумерованных части «Эпических сказов и песен», три пронумерованных части «Terris Eburnea», слово

роза и производные от него встречаются в книге около трехсот раз. Вокруг числа т р и строится поэма «Солнцев перстень»[7]:

...Три кольца — мои загадки,
Три стрелы — твои разгадки:
Вышли стрелы в три кольца, —
Три добычи у ловца!..
[Иванов, т. 2, с. 473]

«Солнцев перстень» — это поэма-стилизация, она написана четырехстопным ямбом, характерным для устного народного творчества, и выполнена в соответствующей стилистике. Смена субъекта и объекта повествования, императивы в начале поэмы («Стань на край, где плещет море, Оглянися на просторе...» [Там же, с. 389]) соответствуют жанру заговора, что соотносится с главной задачей символистов — воздействия на действительность, теургии. Такой переход от мистической христианско-розенкрейцерской тематики к фольклорным мотивам кажется здесь неожиданным, но для творчества Иванова в целом было характерно соединение разных культурных реалий, разных эпох в одном пестром, но органичном единстве. Расширяя границы символа, он намеренно в рамках одной книги, цикла или даже стихотворения проводит параллели (часто скрытые) между античностью и современностью, христианством и язычеством, розенкрейцерами и Древним Египтом.

Так, поэма «Солнцев перстень» связана со всей лирической книгой тем же мистическим символом розы: цветок, согласно пророчеству, вырастает из алой крови рыбы-одноглазки и, отрываясь от стебля, ведет героя к «раю» (рай как белая роза — образ, идущий от Данте, см. об этом ниже) — «преисподнему гробу» (здесь встречаются разные мотивы, постоянные у Иванова: штайнеровский гроб посвящения, символика, связанная с притчей о Лазаре, пасхальный гроб и мн. др.). Стилизация под фольклорный текст обращает нас к славянской розе, тем более что этот цветок используется в орнаменте славянских предметов декоративно-прикладного искусства и обрядовых украшений. Веселовский по этому поводу говорил о заимствовании в славянской традиции не только западной цветочной символики, но и римских розалий, ставших на Руси русалиями, праздничными днями, в которые возлагаются розы на могилы предков, справляются тризны (в этимологии — число *три*), а мир загробный становится максимально близок миру живых (это хорошо показано, например, на картине К. Е. Маковского «Русалки» (1878)). В славянской народной поэзии роза — цветок любви и красоты, он «вырастает на могиле несчастных влюбленных», а в свадебной песне поется: «Ламлите роженьку (т. е. розу. — *Л. М.*), Стелите дороженьку Нашому молодому...» [Славянские древности, т. 4, с. 469]. Т. е. роза славян в фольклоре — чувственная,

[7] Сюжет поэмы строится вокруг разгадывания героем тайны каждый день умирающего солнца, для чего он совершает мистическое путешествие на «огнегривом коне» и выручает от рыбы, «золотой одноглазки», таинственный «солнцев перстень». В данной статье для нас важна частотность числа т р и в поэме. Перекличи с первым поэтическим циклом «Cor Ardens» «Солнце-сердце» и солнечно-сердечной символикой у Иванова подробно описаны: [Каяниди, с. 43–63].

«земная» роза, и не случайно фабула поэмы «Солнцев перстень» выстраивается вокруг любовных взаимоотношений главного героя и зари, женского персонажа. Две традиции — Богородичная, европейская, и языческая, римско-славянская, сливаются в символе розы на русской почве, это усложняет его, делает архетипом, обращенным к мифологическому, синкретичному сознанию.

Тематическое единство книги в поэме «Солнцев перстень» поддерживается числовой символикой. Число три, «символизирующее развитие и завершенность процесса... чаще всего фигурирует в предписаниях трижды совершать то или иное магическое действие» [Славянские древности, т. 5, с. 544], а повторяющееся в поэме, оно организует и стилистический, и конкретно-действенный элементы. Согласно славянским верованиям, «число три определяет вертикальную структуру мира, временну́ю модель дневного времени, изоморфное ему членение биологического существования и ключевые этапы человеческой жизни», при этом в фольклоре «третий член некоего ряда часто трактуется как высший, совершенный (ср. в фольклоре: третий сын, третья попытка и т. п.)» [Там же, с. 545].

Число т р и в «Rosarium» прослеживается и далее. В «Розе волхвов» поэт упоминает трех библейских персонажей, а в стихотворении «Три гроба» обыгрывает апокрифическую песню, взятую, по-видимому, также из статьи Веселовского:

Высоки трех гор вершины,
Глубоки три ямовины;
На горах три домовины.

На горе ли поднебесной
Сам лежит Отец Небесный;
Что пониже ли гробница —
В ней Небесная Царица;
По пригорью недалече
Третий гроб — Иван-Предтечи...

[Иванов, т. 2, с. 466]

Более прозаический вариант сюжета можно найти в указанной статье Веселовского, нас же интересует другое: стилизация под фольклорный жанр, аналогичная той, что отмечена в поэме «Солнцев перстень». Иванов намеренно подчеркивает важность славянских мотивов, накладывая западную символическую традицию на русскую языческую или христианскую (но с элементами язычества) культуру. Ведь из нескольких вариантов бытования песни, указанных Веселовским, поэт выбирает именно славянский.

В тройном венце из роз пребывает у Иванова царица Савская (стихотворение «Роза царицы Савской»). Т р и розы — тоже устойчивый образ для книги пятой — символизируют небеса, ч е т ы р е — землю, а в сочетании с крестом — объединение небесного и земного, снятие оппозиции («твердь земли» и «твердь небес», столь характерные для Иванова).

Роза также находится в «тридевятом царстве» («Роза меча»), и здесь появляется символика числа д е в я т ь (трижды по три):

...В тридевятом, невидимом царстве
Пленена густой дубравой Роза.

За вратами из литого злата,
За шелковою заставой Роза...
[Иванов, т. 2, с. 451]

Сюжет и стилистика этого стихотворения относят нас к средневековым рыцарским романам и легендам о таинственном саде роз, Rosengarten, а также к сказкам о похищенной чудовищем прекрасной деве (= розе), что подробно описано в той же «Поэтике розы» Веселовского. В «Розе меча» Иванова этот пассаж поэтически переосмыслен, но отсылка к «тридевятому царству» наделяет стихотворение колоритом русских сказок, а аллегория «роза — плененная дева» снова возвращает читателя к «земному» наполнению символа.

Д е в я т ь пронумерованных строф имеет стихотворение «Бельт», д е в я т ь частей составляют всю книгу «Rosarium» и предшествующую ей в «Cor Ardens» «Любовь и смерть», как и книгу первую «Cor Ardens. Пламенеющее сердце». Эти девять частей ни в одной из книг не пронумерованы, но выделены шрифтом, что в поэзии символистов обычно указывает на наличие особого, высшего смысла.

Число т р и Иванова — отсылка не только к общехристианской числовой символике троичности (которая, думается, не требует дополнительного толкования), но и к ориентированной на нее «Божественной комедии» Данте, что поддерживается многочисленными реминисценциями и цитатами в конкретных стихотворениях Иванова, тем более что на протяжении 1910-х гг. поэт занимался переводами Данте. Близость Иванову творчества средневекового итальянского поэта — тема для литературоведения не новая [см.: Асоян, с. 121–171; Шишкин; Устинова; Кейдан]. Подробно останавливается на переводах Иванова П. Дэвидсон, в частности, упоминая в одной из работ, предшествующих монографии: «...It was necessary to have a new Russian Symbolist Dante who would reflect all of the characteristics with which the Symbolists invested their image of Dante» [Davidson].

Таким образом, в начале XX в. Данте становится не столько вновь актуализованной реальной фигурой культуры Средневековья, сколько лицом символическим, неким «флагом», «хоругвью» символизма, а текст его «Божественной комедии» органично вписывается в полотно «Cor Ardens» и «Rosarium» в частности. Поддерживается эта связь и на уровне структуры. В «Божественной комедии» три части по тридцать три песни, написанных терцинами, что напоминает о Троице и 33 годах жизни Христа. Иванов также акцентирует внимание на фигуре своей Беатриче, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (идея Вечной Женственности, обожествления возлюбленной и служения ей — одна из центрообразующих для младосимволизма), потому по изначальному замыслу, позже переросшему в масштабную часть в составе «Cor Ardens», «42 сонета и 12 канцон должны... войти в... книжку [“Любовь и смерть”]... по числу лет нашей жизни и жизни совместной» [Помирчий, с. 322], как пишет Иванов в 1908 г. в дневнике. И, конечно, роза Иванова — роза Дантова рая (что неоднократно повторяется в книге «Rosarium»):

Тебя Франциск узнал и Дант-орел унес...
[Иванов, т. 2, с. 379]

В связи с символикой т р е х стоит также упомянуть пифагорейское учение о числе, с ним связана символика диады и триады у Иванова, женского и мужского начал, четного и нечетного, праосновы мира. Четное соответствует также земному, нечетное — небесному. Г. А. Степанова, обращаясь к трагедии Иванова «Прометей», выделяет в сюжете и композиции произведения нечетный символический ряд (т р и, п я т ь, с е м ь) и четный (д в а, д е с я т ь) [Степанова, с. 123]. Аналогичному выделению числовых рядов поддается книга «Rosarium». Но в ней, как в итоговой, в меньшей степени проявлена оппозиция «ч е т-н е ч е т»:

Кто нашел на стебле три — розы,
Небом избран тот в цари — розы.

Три в руках; четвертый дар — счастье
В лоне дней: кто смел, сбери — розы
[Иванов, т. 2, с. 462]

Т р и — небесное царство, ч е т ы р е — земное, роза здесь объединяет два пространства, и это единение четного и нечетного приравнивается к счастью. Т р и и ч е т ы р е (дважды по два) — катрены и терцеты в сонете (символическая и герменевтическая основа этого жанра известна[8]), триптихи и диптихи Иванова в книге «Rosarium». Т р и и д в а — числа, на которых поэт расставляет акценты, но не противопоставляет их, а как бы примиряет ч е т и н е ч е т.

Итак, в тексте книги пятой наиболее частотны следующие числовые значения и номинации: т р и, ч е т ы р е, с е м ь. Семь, септада, универсальное магическое число, на уровне композиции является и рамкой книги: пролог, «Ad rosam», состоит из семи непронумерованных строф, равно как эпилог, «Enden» (строфы пронумерованы). Даже при условии следования авторской нумерации, первый цикл в книге, «Газэлы о розе», включает в себя семь стихотворений. Всего разделов в книге пятой девять (тройная триада), как и в книге четвертой и книге первой. Книг, в свою очередь, пять (пять лепестков розы, пентаграмма, модель Вселенной, пять элементов и т. д.). За книгами следуют части, их две (диада, женское начало), и они также особо выделены Ивановым, чтобы потом объединиться в одно целое — «Cor Ardens».

Но при всей значимости символа сердца, явленного в названии, венчает «Cor Ardens» символ розы. Благодаря мотивно-образному и сюжетному анализу сборника можно выявить сверхсюжет духовного становления лирического героя Иванова, и в этом случае его путь будет лежать от многогранного символа (сверхсимвола, надсимвола) солнца-сердца — к символу розы. Именно с сердцем ассоциировалась роза розенкрейцеров, учением которых был увлечен поэт

[8] Подробную библиографическую справку с комментариями см.: [Ложкова].

в 1910-е гг. Этими двумя символами смыкается еще один круг[9], еще одно обрамление «Cor Ardens» («дея чары и смыкая круги» — эта цитата из стихотворения «Жрец озера Неми» во второй книге «Cor Ardens» в какой-то мере определяет принцип поэтики лирических книг Иванова). Числовая символика эти рамки поддерживает.

Поскольку в название «Cor Ardens» вынесен все-таки символ сердца (развернутый в книге первой сборника, но не так масштабно, как символ розы), видится возможной связь композиции сборника с транссюжетом духовного пути от микро- к макрокосму, от познания себя — к познанию мира через себя, от частного — к целому и т. д. Поэтому, чтобы придти к розе, даже следуя логике прочтения, читатель сначала проходит поле символики сердца-солнца, связанной с философской идеей восхождения Иванова, восхождения и пре-восхождения, становления, «fio» (одно из его стихотворений названо, в противоречии с картезианским, «Fio, ergo non sum»). Проходит для того, чтобы от розы снова вернуться к себе, к сердцу, от целого — к части. Целое, *единица*, самость, неделимость разбивается на *две* части (женское, дионисизм), чтобы воссоединиться в конце. Здесь — философские идеи, которыми буквально дышал русский модернизм, от Пифагора до Штайнера, от Гегеля до Соловьева, не отменяющие, однако, собственный голос Иванова-философа («Две стихии в современном символизме» (1908), «Символика эстетических начал» (1905), «Ты еси» (1909) и другие работы).

Часто числовые параллели в «Cor Ardens» на уровне композиции скрыты, неявны, что создает, в противовес строгой структурированности, эффект нерукотворности и вместе с тем тайны, мистериальности. Число здесь не только «существует», «считается вещью», оно равно символу, действует как символ. Т. е. не только номинации числа в разных произведениях книги и «Cor Ardens» в целом («три волхва» или «семь ключей») символичны, но число как символ эксплицируется в композиции «Rosarium» и «Cor Ardens» в целом, действует наравне с символом, а не просто поддается его влиянию, создавая некую проекцию микро- и макрокосма, объединяющую «твердь земли» и «твердь небес», гармонию, смыкающиеся круги. Это буквально символизм в действии, выходящий к практической поэзии, к мистериальности, к теургии, на что и были направлены усилия младосимволистов.

Асоян А. А. Данте и русская литература. Свердловск, 1989. [Asojan A. A. Dante i russkaja literatura. Sverdlovsk, 1989.]

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. [Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986.]

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. [Bidermann G. Jenciklopedija simvolov. M., 1996.]

---

[9] Идея круга, цикличности, возврата — одна из центральных у Иванова — поддерживается также и на смысловом, философском, и на символическом, и на композиционном уровнях в большинстве книг поэта 1900-х гг. Подробнее об этом — в критических статьях и рецензиях современников поэта, в исследовательских работах К. Г. Исупова, Г. В. Обатнина, С. Д. Титаренко, Л. В. Павловой и др.

Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. [Bogomolov N. A. Russkaja literatura nachala XX veka i okkul'tizm. M., 1999.]

Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Веселовский А. Н. Избр. ст. Л., 1939. С. 132–139. [Veselovskij A. N. Iz pojetiki rozy // Veselovskij A. N. Izbr. st. L., 1939. S. 132–139.]

Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 2009. [Zolotnickij N. F. Cvety v legendah i predanijah. M., 2009.]

Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. [Ivanov V. I. Rodnoe i vselenskoe. M., 1994.]

Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов. М., 2006. [Ivanov V., Gershenzon M. Perepiska iz dvuh uglov. M., 2006.]

Иванов Вяч. Собр. соч. : в 4 т. Брюссель, 1971–1987. Т. 2. 1974. [Ivanov Vjach. Sobr. soch. : v 4 t. Brjussel', 1971–1987. T. 2. 1974.]

Каяниди Л. Г. Структура пространства и язык пространственных отношений в поэзии Вячеслава Иванова : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2012. [Kajanidi L. G. Struktura prostranstva i jazyk prostranstvennyh otnoshenij v pojezii Vjacheslava Ivanova : dis. ... kand. filol. nauk. Smolensk, 2012.]

Кейдан В. По усмотрению искусства: Данте в переводе В. Ф. Эрна и Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2003. Vol. 22. 1. P. 219–231. [Kejdan V. Po usmotreniju iskusstva: Dante v perevode V. F. Jerna i Vjach. Ivanova // Europa Orientalis. 2003. Vol. 22. 1. P. 219–231.]

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009. [Kolosova V. B. Leksika i simvolika slavjanskoj narodnoj botaniki. Jetnolingvisticheskij aspekt. M., 2009.]

Котрелев Н. В. А. Блок в работе над томом избранных стихотворений («Изборник», 1918) // Блок А. А. Изборник. М., 1989. С. 183–246. [Kotrelev N. V. A. Blok v rabote nad tomom izbrannyh stihotvorenij («Izbornik», 1918) // Blok A. A. Izbornik. M., 1989. S. 183–246.]

Кружков Г. Мифотворцы: Йейтс и Вячеслав Иванов [Электронный ресурс]. URL: http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzhkov3-2-3.html (дата обращения: 15.01.2015) [Kruzhkov G. Mifotvorcy: Jejts i Vjacheslav Ivanov [Electronic resource]. URL: http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzhkov3-2-3.html (mode of access: 15.01.2015)]

Лаппо-Данилевский К. Ю. Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 96–110. [Lappo-Danilevskij K. Ju. Trudy A. N. Veselovskogo i bakinskie lekcii Vjach. Ivanova // Aleksandr Veselovskij. Aktual'nye aspekty nasledija. Issledovanija i materialy. SPb., 2011. S. 96–110.]

Ложкова А. В. Сонет как исторический жанр // Уральский филологический вестник. 2012. № 6. С. 5–19. [Lozhkova A. V. Sonet kak istoricheskij zhanr // Ural'skij filologicheskij vestnik. 2012. № 6. S. 5–19.]

Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. [Mamardashvili M. K., Pjatigorskij A. M. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke. M., 1997.]

Обатнин Г. В. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М., 2000. [Obatnin G. V. Ivanov-mistik. Okkul'tnye motivy v pojezii i proze Vjacheslava Ivanova (1907–1919). M., 2000.]

Павлова Л. В. У каждого за плечами звери: символика животных в лирике Иванова. Смоленск, 2004. [Pavlova L. V. U kazhdogo za plechami zveri: simvolika zhivotnyh v lirike Ivanova. Smolensk, 2004.]

Помирчий Р. Е. Комментарии // Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия : в 2 кн. Кн. 2. СПб., 1995. [Pomirchij R. E. Kommentarii // Ivanov V. Stihotvorenija. Pojemy. Tragedija : v 2 kn. Kn. 2. SPb., 1995.]

Пургин С. П. Философия в круге Слова: Вячеслав Иванов. Екатеринбург, 1997. [Purgin S. P. Filosofija v kruge Slova: Vjacheslav Ivanov. Ekaterinburg, 1997.]

Силлард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. [Sillard L. Germetizm i germenevtika. SPb., 2002.]

Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын ; под общ. ред. В. Л. Телицына. М., 2005. [Simvoly, znaki, jemblemy: jenciklopedija / avt.-sost. V. Je. Bagdasarjan, I. B. Orlov, V. L. Telicyn ; pod obshh. red. V. L. Telicyna. M., 2005.]

Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4 : П (Переправа через воду) — С (Сито). М., 2009. Т. 5 : С (Сказка) — Я (Ящерица). М., 2012. [Slavjanskie drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t. / pod obshh. red. N. I. Tolstogo. T. 4 : P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito). M., 2009. T. 5 : S (Skazka) — Ja (Jashherica). M., 2012.]

Степанова Г. А. Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. М., 2005. [Stepanova G. A. Ideja «sobornogo teatra» v pojeticheskoj filosofii Vjacheslava Ivanova. M., 2005.]

Тименчик Р. Д. О составе сборника И. Анненского «Кипарисовый ларец» // Вопр. литературы. 1978. № 8. С. 307–316. [Timenchik R. D. O sostave sbornika I. Annenskogo «Kiparisovyj larec» // Vopr. literatury. 1978. № 8. S. 307–316.]

Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012. [Titarenko S. D. «Faust nashego veka»: mifopojetika Vjacheslava Ivanova. SPb., 2012.]

Топоров В. Н. Роза // Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 386–387. [Toporov V. N. Roza // Mify narodov mira : jenciklopedija. M., 1988. T. 2. S. 386–387.]

Устинова В. А. Традиции Платона и Данте в поэтическом сознании Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией. VIII Междунар. конф. (28 окт.–1 нояб. 2001, Рим) / A cura di Andrei Shishkin. Salerno, 2002. Vol. 1. P. 321–338. [Ustinova V. A. Tradicii Platona i Dante v pojeticheskom soznanii Vjacheslava Ivanova // Vjacheslav Ivanov: mezhdu Sv. Pisaniem i pojeziej. VIII Mezhdunar. konf. (28 okt.–1 nojab. 2001, Rim) / A cura di Andrei Shishkin. Salerno, 2002. Vol. 1. P. 321–338.]

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М., 1997. [Foli Dzh. Jenciklopedija znakov i simvolov. M., 1997.]

Фоменко И. В. Книга стихов: миф или реальность? // Европейский лирический цикл : материалы междунар. науч. конф., 15–17 ноября 2001 г. М., 2003. С. 64–72. [Fomenko I. V. Kniga stihov: mif ili real'nost'? // Evropejskij liricheskij cikl : materialy mezhdunar. nauch. konf., 15–17 nojabrja 2001 g. M., 2003. S. 64–72.]

Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. [Hodasevich V. Koleblemyj trenozhnik. M., 1991.]

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. [Holl Dzh. Slovar' sjuzhetov i simvolov v iskusstve. M., 1996.]

Шишкин А. Б. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования / ред. В. А. Келдыш, И. В. Корецкая. М., 1996. С. 333–352. [Shishkin A. B. «Plamenejushhee serdce» v pojezii Vjacheslava Ivanova: K teme «Ivanov i Dante» // Vjacheslav Ivanov: Materialy i issledovanija / red. V. A. Keldysh, I. V. Koreckaja. M., 1996. S. 333–352.]

Davidson P. Vyacheslav Ivanov's Translations of Dante [Electronic resource]. URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2010/12/davidson_ivanovs_translations_of_dante_1982_text.pdf (mode of access: 17.12.2014).

Статья поступила в редакцию 25.02.2015 г.

УДК 821.161.1 Распутин-31 + 028

Н. В. Ковтун

КНИГА — АВТОР — ЧИТАТЕЛЬ В ПОЗДНИХ ТЕКСТАХ В. РАСПУТИНА*

В статье исследуется проблема взаимоотношений автора, читателя с художественным словом. Обращение к текстам В. Распутина как национального художника, чье творчество есть попытка нации постичь собственный путь, симптоматично. В текстах 1990-х гг. явлен новый герой — интеллектуальный пророк, близкий авторскому сознанию, для которого *книга* становится ориентиром и собеседником, но открывшееся знание лишено универсальности, не выходит за рамки личного опыта. В итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» писатель вынужден фиксировать, что влияние культуры на человеческую историю преувеличено, чтение книг стимулирует игру воображения, но уводит человека от исполнения родового предназначения. Все модели интеллектуального мессианства отступают перед интуитивно постигаемой истиной, открывающейся персонажам «вдруг» по высшей воле. В поздних текстах автор оспаривает и постулаты официальной церковности, и безусловность книжных идеалов, и саму логику истории. Он выступает с альтернативной программой, укорененной в национальном варианте веры (старообрядчество) и слове проповеди.

Ключевые слова: Распутин; позднее творчество; книга; чтение.

Словесность конца XX в. отмечена особым интересом к теме книги, чтения, читателя. Литературоцентризм как убеждение в особом статусе литературы, ее определяющем влиянии на все сферы бытия человека считается отличительной чертой русской культуры. И только к началу 1990-х гг. критика отметит процесс деконструкции принципа литературоцентризма, с которым выясняют отношения знаковые авторы эпохи — от А. Битова, В. Маканина, В. Сорокина [Абашева] до В. Астафьева и В. Распутина [Разувалова], принадлежащих традиционализму, с его безусловным пиететом перед книгой. Нас будут интересовать различные грани взаимодействия слова, литературы и читателя, точнее — фактор чтения и его влияние на жизнедеятельность персонажа: от вкусовых пристрастий читающего до его отношения к бытию, оформляющемуся под воздействием чтения [Турышева, с. 10]. Правомерность такого подхода продиктована актуализацией вопроса о ценности литературы в эпоху постмодерности, деструкции ее ключевых функций. Речь идет об отказе от понимания словесности как высшей реальности, мира идей, от убеждения в жизнестроительном пафосе Слова, ключевом для эстетики модернизма и социалистического реализма [Изер]. Сегодня важнейшей становится герменевтическая функция литературы, ее способность к истолкованию кризисной реальности, поиску смысла в хаотическом настоящем.

Обращение к поздним текстам В. Распутина как национального художника, чье творчество есть попытка нации постичь собственный путь, предназначение,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-14-24003.

© Ковтун Н. В., 2015

симптоматично. Вслед за А. Солженицыным, зрелый В. Распутин верит в теургические возможности Слова, в его духоборческую, спасительную функцию. С особым тщанием автором проговариваются имена тех, чьими усилиями собиралась духовная основа Отечества. Важнейшее место здесь отведено как Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Оптинским старцам, Иоанну Кронштадтскому, так и писателям, продолжившим дело святых избранников. Специально выделены имена А. Пушкина, Ф. Достоевского, И. Шмелева, Б. Зайцева, И. Бунина, из современных авторов им наследуют представители традиционализма. Отметим, духовные лица, художники слова вписываются в историю страны не столько из-за собственного старания / творчества, сколько в доказательство самопутности, самобытности Руси. Литература в этом контексте прочитывается как воплощенное «сознание» нации.

Анализ зрелой прозы художника, высочайшей точкой которой стала повесть «Прощание с Матерой» (1976), позволяет судить о типологии героев, на которых держится русский мир: богатыри (Кузьма в дебютной повести «Деньги для Марии», 1967), юродивые (Богодул — Богов посох), пророчицы (образы старух), национальные святые — их образы подсвечивают фигуры сокровенных героев (дед Егор и «немтырь» Коляня как Егорий Храбрый и Николай Угодник) [Ковтун, 2012]. В позднем творчестве каждый из типов трансформируется, уходят приметы иконографии в описании русской земли, прагматизируются образы насельников. Мужчины как защитники отечества оказываются неспособными исполнять водительские, охранительные функции, на их место заступает трикстер (цикл рассказов о Сене Позднякове), чья роль — разбудить культурного героя и наставить на путь [Топоров]. Распутинские старухи, наделенные пророческим даром, потеснены героем-интеллектуалом, близким авторскому сознанию, явление которого намечено уже в рассказах 1980-х гг. С оформлением этого образа актуализируется и тема чтения. Для героев означенной парадигмы книга становится одним из источников «перспективы видения» (Н. Бройтман), проводником по миру-хаосу, отсюда так важен выбор книги, ее статус в иерархии русской классики.

В рассказе «Видение» (1997) героем становится автор, рефлектирующий над собственным творчеством, одной из главных тем которого стала смерть: «Сколько раз за тридцать с лишним лет своей сочинительской работы я заигрывал с этим чувством готовности, воображая его услужливым, при котором бы ничего не менялось» [Распутин, т. 3, с. 430]. Переходное состояние (жизнь — смерть) получает внутреннее обоснование как в самом акте творчества — герой наделен художественной рефлексией, распахивающей пределы хронотопа: «когда фантазия способна разыграться не по вызову, не от умственных усилий, а самостоятельно и, осмелев, сделать меня своим героем» [Там же, с. 432], — так и в биографии мастера, его преклонном возрасте: «в нашем корню старше меня нет» [Там же, с. 430].

Рассказ выстроен по классической схеме видения, почти все устойчивые элементы жанра (состояние раздумья «ясновидца», после чего он впадает в «тонок сон»; появление чудесных сил, которые, открывая тайну, разрешают какой-либо

вопрос, призывают к действию; испуг визионера и необходимость проповеди открытой «истины» среди народа [Прокофьев, с. 40]) в тексте учтены, получают отчасти ироническое решение. Ощущение присутствия непознаваемого, тайны связано, однако, не только с художественным даром визионера, но рождается под воздействием знакомой, сохраненной в памяти реальности — картины поздней осени. Глубина проникновения в метафизическое соответствует уровню самопостижения: «глаза мои все чаще обращаются внутрь, чтобы различить прощальный пейзаж», что отличает интеллектуального странника [Рыбальченко, с. 24]. Опознавательными метами путешествия в неназываемое становятся и строки А. Пушкина, которые автор «прочел как бы за свои»: «Люблю и я “пышное природы увяданье”» [Распутин, т. 3, с. 431].

По ночам герой слышит звон: «Будто трогают длинную, протянутую через небо струну и она откликается томным, чистым, занывающим звуком», и выпадает из времени: «Странно, что ни разу мне не удалось взглянуть на светящийся циферблат маленького будильника» [Там же, с. 429]. Визионер оказывается в странной комнате, форма которой напоминает домовину: «продолговатая, суженная обитель для одного», в любимом кресле у окна. Комната одновременно открыта в инопространство и мир природы — есть точка пересечения нескольких реальностей, функционально наследующая избе Агафьи («Изба», 1999) [Stepanova]. Пространство окрест героя заполняют «свои», знакомые вещи, подобранные с неким умыслом: «книги из домашней библиотеки, мною же, похоже, отобранные, самые близкие» и «коллекция маленьких колокольчиков, свезенных чуть не со всего света <...>. В них тоже много меня: я люблю смотреть на них, прежде чем начинать работу» [Распутин, т. 3, с. 433]. За широким окном открывается осенний лес, видна дорожка, что начинается в реальности среди деревьев, продолжается мостиком через реку, затем теряется и возникает чуть дальше в идеальном образе «гладкой и прямой». Путь волнует обещанием тайны и настораживает возможной легкостью разгадки: один конец дороги «простохожий и разлохмаченный никак не связывается с другим — аккуратным, выверенным и отлаженным» [Там же, с. 434].

Призывный звон герой слышит не впервые, статус события получает движение к мостику, соединяющему миры, ритуальная игра со смертью. Дорога от дома до иного берега — узнаваемый символ человеческой судьбы, смысл которой открывается за последней чертой. В попытке приближения к пределу визионер испытывает собственные творческие фантазии, убеждается в верности угаданного: «Уже не кажется больше растительным философствованием, будто все мы связаны в единую цепь жизни и в единый ее смысл — и люди, и деревья, и птицы. В старости так больно бывает, когда падает дерево!» [Там же, с. 436]. На противоположном, сказочном берегу — неподвижный старец, образ которого ассоциируется с чудесным проводником в иные пределы и домовым, хранителем памяти: «Видна его крупная и белая непокрытая голова, видно, что роста он небольшого. От меня не разглядеть, куда оборочено его лицо и во что он всматривается, но чтобы подолгу стоять неподвижно, надо во что-то всматриваться, чего-то в терпении ожидать» [Там же, с. 435].

Провиденциальный образ старца впервые заявлен в очерке «Вниз и вверх по течению» (1972). Во сне автобиографическому герою явлен «человек старого, почти прозрачного вида» с «тонким, благообразно-удлиненным, интеллигентным лицом», из уст которого и звучит жесткая оценка творческого дара писателя, стремящегося заглянуть за предел: «Не понимаю, зачем нужно писать о том, чего ты не можешь знать. Совсем не можешь, никак. Это не похоже ни на что совершенно, что у Вас есть». Далее возникает тема неточности любых слов, которыми улавливаются даже повседневные смыслы: «Что-то видите, что-то слышите, что-то чувствуете, а что именно, не скажете или скажете неточно, приблизительно, невпопад» [Распутин, т. 2, с. 241]. Слова старца звучат предостережением: «Если ты и впредь собираешься писать — дело твое, но только не ходи никогда дальше своих сил» [Там же, с. 242]. Так проговаривается идея ответственности за Слово, отличающая пророческое сознание.

В «Видении» пространство за мостиком окутывает «неземная обморочная стынь, совсем заговорная, наложенная колдовской рукой», здесь «сонно переливающаяся речка», «солнце тихое и слабое» и не ясно: «Что это — жизнь или продолжение жизни?» [Распутин, т. 3, с. 435]. Вглядываясь, герой различает все новые детали и с трудом останавливает полет воображения, «борясь с желанием перейти через мостик и ступить на белые и круглые крапчатые камни. Даже в моих представлениях я не решаюсь это сделать» [Там же, с. 436]. После возвращения в настоящее не возникает желания упорядочить наблюдения, собрать «увиденное в связные мысли». «Остраненность» позиции рассказчика, словно со стороны наблюдающего за игрой своего воображения, придает тексту неоднозначность. Описание путешествия в свернутом виде содержит традиционные сюжеты, образы всего творчества писателя: от старика-домового, юродивого до мотивов звона, книги, пророческого сна, дома-домовины как выхода в метафизическое. Функции ключевых героев — старух-пророчиц — нарратор иронически примеряет на себя, границы вымышленного и подлинного, внешнего и внутреннего смещаются [Подрезова]. Образ рассказчика в уютном кресле диссонирует с напряженностью визионерского путешествия, возвращение в реальность не означено радостью, но продиктовано ответственностью перед земной участью, идея мгновенного обретения вечности выглядит соблазном и фокусом одновременно. В итоге значимость здешнего, природного мира не оспаривается, картины, представшие визионеру, определены его же внутренним посылом, художественным опытом. Ценность пережитого лишена, однако, значения всеобъемлемости, отличающего классическое видение, замкнута в рамках личного творчества.

Сюжетно, интонационно к образу визионера близок герой рассказа «В больнице» (1995), переживший тяжелую операцию, заглянувший за грань реальности. Пребывание в больнице напоминает ожидание Судного дня, больные двигаются вдоль стен, «шаркая ногами, словно в ритуальном шествии», к операции готовят две операционные сестры «со строго выглядывающими из белизны ликовыми лицами неземных вестников» [Распутин, т. 2, с. 405]. Исход операции и есть приговор: «Ничего от тебя больше не зависит, ты, как никогда, свободен и обращен в сторону, где живет вечность» [Там же, с. 389]. Герой наделен символичным

именем — Алексей, отсылающим к сокровенным персонажам русской словесности — от Алеши Поповича, Алексея, человека Божьего до Алеши Карамазова, — и отчеством — Петрович (от лат. *petrus* ‘камень’). Не случайна его профессия — специалист по лесному хозяйству. В традиционалистской культуре лес зачастую символизирует Русь: «Русский лес» Л. Леонова, «До третьих петухов» В. Шукшина, «Комиссия» С. Залыгина и др. Одна из героинь признается: «Люблю лес, — донеслось до него. Это были достойные слова, ими можно было прощаться с жизнью» [Распутин, т. 2, с. 393]. Судьба Алексея Петровича вбирает важнейшие события отечественной истории (ветеран войны), маркирована каноном юродства — живет, «уткнувшись в себя», бессребреник, основное пространство которого — дорога: «Я в старом, если хотите знать, с потрохами не увяз. Мне из старого только рюкзачок собрать — и в новом» [Там же, с. 401]. Интересно, что во время наркоза как перехода в инопространство больной разгадывает кроссворд и читает стихи, видимо, «Человека» Э. Межелайтиса, пронизанного верой в неисчерпаемые возможности личности.

После операции герой видит сон, повторяющий сцену «Видения» — комната, «стены завешаны картинами в легких прямоугольных рамах, на холстах все что-то абстрактное, неправильные фигуры и ломаные, рвущиеся линии. Он ищет выход и не может его найти, снова и снова обходя зал и припоминая все подряд картины, за которыми могли бы быть окно или лаз» [Там же, с. 390]. Затем приходит понимание, что не сон это был, «что-то иное, прощальное», сам же «глухой зал, залитый нестерпимо ярким электрическим светом», находится «где-то неподалеку», суть продолжение реальности в пределы инобытия. Переход за черту символизирует тот же звон, но здесь это «продолжительный, требовательный звонок в коридоре. Не телефонный, а высокий, беспрерывный, надрывный, как сирена» [Там же, с. 394], призывающий медицинскую сестру к постели умирающего. Время исчезает: «Ни разу Алексею Петровичу не пришло в голову взглянуть на часы: время как бы остановилось» [Там же, с. 395].

Пережив кризисную ночь, герой возвращается к жизни: «Четырежды он ходил на операцию и четырежды его словно бы ставили на весы, отмеривающие две известные меры. И отпускали обратно» [Там же, с. 396]. Сцена отсылает к идее *психостасии*, испытания (буквально – взвешивания) души, нашедшей отражение в Ветхом Завете, Исповеди Св. Августина, составившей традицию в русском поэтическим мире. Выход героя из забытья аналогичен воскресению: «Какой-то грязный, душный оболок сошел с него, стало просторней в груди, в голове — везде» [Там же, с. 397], он переживает омовение-крещение («умылся под тугой холодной струей»), оставляет больничную одежду как символ прежней жизни [Афанасьев, т. 3, с. 526], начинает самостоятельно ходить, возвращается к чтению. Далее следует знаковая встреча с «двумя женщинами в красных форменных поддевках, могучих, как все дорожницы», застывших «друг против друга в позе пророков» и наделенных «властным трубным голосом» [Распутин, т. 2, с. 407]. В Ветхом Завете звук «иерихонских труб» возвещает волю Господа — Возмездие. После встречи Алексею Петровичу открывается «припрятанный выход» из больничных коридоров-лабиринтов — «широкая мраморная лестница», богато

украшенная, словно «вход в залу для бала»: «По этой лестнице, останавливаясь и набираясь сил, он спустился в библиотеку и взял старого, дореволюционного издания Достоевского о князе Мышкине» [Распутин, т. 2, с. 409]. Описание лестницы, огромных окон, из которых струится свет, антонимично закрытой комнате-домовине из послеоперационного сна героя.

Не случайно переход из замкнутых пределов комнаты-лабиринта в светлую залу связан с посещением б и б л и о т е к и как некого вместилища умерших мудрецов, вечных идей [Панченко]. Выбор книги для чтения глубоко символичен, актуализирует важнейшую для позднего В. Распутина идею поиска нового культурного героя, идеального человека, способного вывести страну из тупика. Чтение классики противостоит обсуждению газет, содержание которых сводится к ложным призывам и обещаниям, действующим на человека разрушающе. Антонимичность классики и массовой культуры подсвечена образами вечного и временного, подлинного и шутовского, праведного и грешного. После посещения библиотеки герою открывается выход в парк, напоминающий рай со «сладкими запахами», зелеными аллеями и «маленьким прудом». В культуре традиционализма библиотека устойчиво отождествляется с «землей обетованной», «горним миром», а чтение — с высоким трудом совершенствования души, познанием блага [Бери, с. 24].

Рассказ завершает встреча героя с юными влюбленными — новыми Адамом и Евой, они слушают в записи колокольный звон и собираются венчаться на острове Валаам. Показательно, что «коллекция из маленьких колокольчиков» — важнейший атрибут переходного пространства и в рассказе «Видение». В обоих произведениях путешествие связано с миром воображения персонажей, есть вопрошание смысла. Однако в последнем тексте и звучание колоколов, и «восторженное ангельское пение» звучат в магнитофонной записи, предельно формализованы, что указывает на «остраненность» авторской позиции, лишенной веры в действенность прежних идеалов.

В рассказе «Новая профессия» (1998) тривиальный сюжет о кризисе 1990-х гг., бессилии власти, вымирании провинции, растерянности интеллигенции подсвечивает история н о в о г о м е с с и и. Фабула строится по модели испытания пророка, который приходит в отпавший от Бога мир со Словом любви, подобно Христу, на что указывает и возраст — 35 лет. Главный герой — преуспевающий ученый, которому прочат блестящую карьеру, в годы социального хаоса теряет работу, друзей, любимую женщину, перемещается из центра на городскую окраину, в убогое общежитие. Его комната напоминает «угол», перекресток, гроб (в стилистике Ф. Достоевского), где жить нельзя, но мучиться и умирать, даже зеркало «от несчастной жизни искажает Алешины черты» [Распутин, т. 4, с. 309]. Значимость имени персонажа — Алеша Коренев («корневой, вечный») — подчеркивается автором. Аскетический образ жизни (невольный), неузнанность, портретное сходство с иконографическим образом Алексия, человека Божия — приметы избранности.

Судьба героя строится как преодоление видимой, бытовой реальности в поисках смысла. Он отчуждается от близких, социума, изменяется внешне

и внутренне, когда открываются особые зрение и слух: «На него смотрели, как на иностранца, привезшего новые слова» [Распутин, т. 4, с. 321]. В соответствии с житийным каноном герой появляется тихо, остается незамеченным, его новая роль — родственник молодых на свадебном пиру (метафора возрождения), произносящий тост о любви. Свадебный мотив вызывает разнообразные ассоциации, среди ключевых — диалог Платона «Пир», посвященный философии любви, первое чудо Христа в Кане Галилейской, указывающее на сострадание к людям, смену Ветхого Завета Новым, и праздник Пасхи. Исполнению миссии в рассказе предшествует этап очищения: Алексей, вслед за Алексеем Петровичем («В больнице»), читает русскую классику, переходит в идиллическое пространство патриархальной семьи (дом друзей), надевает праздничные одежды, «чтобы легче было проникнуть внутрь чему-то постороннему, хорошо его знающему, что способно завтра навести в нем безупречный порядок», заполнить душу «огненным током» [Там же, с. 311]. На одной из свадеб новобрачным дарят катер (прообраз мира), подарок напоминает «пасхальное шоколадное яйцо, внутри которого спрятана игрушка» [Там же, с. 318]. Дети, сопровождающие действо, названы «херувимчиками». Однако праздник утрачивает приметы живого обряда, превращается в театральное действо, бедлам, оргию, когда родственников вытесняют нужные люди, а для слов любви приглашают специального человека. Сам герой понимает, что «говорить о любви тут было некому» [Там же, с. 319].

Характерно, что публика на свадьбах случайна, никого из гостей Алексей не встречал в реальности: «Ни одного знакомого лица». Складывается атмосфера выморочного, отраженного мира. И сам образ пророка «остранен», не проявлен: «Он мягок и чуток характером, на светлом лице, без азиатской скуластости, чуть вытянутом, все расчерчено правильно и все мужское, но без мужской продавленности и крепости черт» [Там же, с. 310]. Герою дано понимание несоответствия собственной жизни проповедуемому идеалу любви, во многом почерпнутому из книг (он оставляет двух женщин, сын ему «чужой»), безрезультатности проповедей — знает, что придет время, «когда не потребуются его слова о любви». Однако и после он готов спасать от ужаса бессонницы людей, осознавших, что жизнь, лишенная смысла — «не-жизнь». Сниженный образ пророка не является в рассказе объектом писательской критики, но служит проявлению «духовной сущности человека, ищущего метафизические ценности в мире практицизма» [Рыбальченко, с. 21]. Это указывает на изменение авторской позиции — пророческие интонации уступают место философичности, иронии.

Во всех названных рассказах героям дано приблизиться к непознаваемому. В моменты духовного, физического кризиса (расставание с близкими, болезнь, операция, ожидание смерти) интеллектуалы обращаются к знаковым текстам русской классики, чтение не связывается с идеей преобразования мира, но скорее с «утишением» души, свидетельствует о драматизме человеческого бытия в целом. Строки великих авторов становятся опознавательными метами на пути к тайне. Выход в метафизическое происходит ночью, в одиночестве, минутам откровения предшествуют преображение природы, сияние, тихий

звон, указывающий на чистую беспредельность. Алеша Коренев, возвращаясь со свадьбы, «точно от ада, был отведен и перенесен в рай», захвачен игрой света и «нескончаемой музыкой», звучащей над Байкалом. Метафорически выход из лабиринта-города к миру живой природы напоминает платоновский сюжет о движении из пещеры к свету, когда душа человека «где-то чистится рядом, освобождаясь от всего чужого и низкого, что он неожиданно занес в нее» [Распутин, т. 4, с. 320]. В это мгновение герой становится «миром больше видимого мира», ему открываются слова о сострадании и любви, дар Златоуста. Общество новых русских, следующее рациональным ценностям, нуждается в них, как в «кислородной подушке», чтобы заполнить «удручающую неполноту» собственного существования.

Описание современных свадеб в рассказе периферийно, напоминает ярмарку тщеславия, «балаган и шутовство». Одно из торжеств выделено, акцентированы имена жениха и невесты — «Георгий, по имени победитель, и красавица Елена, по имени царица» [Там же, с. 327], отсылающие к временам освобождения Руси от ига. Легендарный сюжет профанируется, жених наделен чертами дряхлости, вампиризма (с «бескровным, точно напудренным лицом и подламывающейся улыбкой»), сравнивается с Вием («Обращается он, приспуская на глаза веки, бесстрастным и сильным голосом»), Хозяином, окруженным шайкой домовых, из знаменитого сна Татьяны Лариной и мужем-генералом. Мотив сна усиливает атмосферу «зеркальности», свадьба оборачивается поминками [Лотман, с. 655]. Юная невеста всем чужая, полураздета (подвенечное платье «столь же нагое, как тело»), задыхается, «полумертвые холодные губы», «на ней нет лица», происходящее напоминает «торжественную казнь», сделку с дьяволом. Актуализируется архетипический для отечественной культуры мотив поруганной красоты. Русь / невеста ошибается в выборе жениха, Христа заменяет нечистый, история страны заходит в тупик, травестируется. Развитие мотива связано с образом пушкинской Татьяны, в котором видели «апофеоз русской женщины» (Ф. Достоевский), «страстотерпицу», отдавшую судьбу в руки мужчины (В. Розанов), воплощение страдающей «русской души» (Д. Ранкур-Лаферьер).

Перед проповедью Алексей Коренев идет к университетским друзьям, наделенным знаковыми именами — Игорь и Ольга, «благодаря им Киевскую Русь на физмате знали не хуже, чем на историческом факультете» [Распутин, т. 4, с. 311]. Так реализуется мотив восхождения к истокам: картина рая дублируется образом Древней Руси. В тексте усилена параллель женского образа с образами Софии Премудрости («с розовым лицом хозяйка дома») и княгини Ольги — «первой русской святой», что в притче героя о красоте представительствует за Русь. История героя как проповедника отграничена от профанной действительности ссылками на авторитет классики. Собираясь на торжество, Алексей «книги читает спокойные эпического и чистого письма, окунаясь в “дворянские гнезда”, с их теплой и возвышенной жизнью под просторным небом» [Там же, с. 308]. В завершение свадьбы он знакомится с «молодою женщиной, маленькой и хрупкой, заметной только достоинством, с каким она себя держит» [Там же, с. 328]. Показательны имя героини — Ася и ее профессия — телохранитель.

Складывается ситуация, близкая героям Ф. Достоевского (Алеше Карамазову, князю Мышкину), когда смысл их собственной миссии открывается через познание женского национального характера [Смирнов]. На эту идею работает и мифологический подтекст повести И. Тургенева «Ася», суть которого — космизация мира посредством любви. В процессе рассказывания героем истории утраченной любви прошлое преображается, становится источником эстетического наслаждения [Маркович, с. 288]. Известно, что прообразом «тургеневских барышень» стала пушкинская Татьяна [Печерская, с. 130], в этом контексте образ девушки-телохранителя альтернативен образу плененной невесты, однако снижен. Алексей скептически рассуждает: «Можно бы, конечно, ею увлечься... Но подумать только: как любить ушуистку? Женщина ли она?» [Распутин, т. 4, с. 352].

Притча о любви, рассказанная героем на свадьбе, суть ироническое продолжение идеи Ф. М. Достоевского о красоте, спасающей мир. Бог, удовлетворяющий самые нелепые желания современных женщин, жаждущих походить на кинодив и моделей, делает это из сострадания, ибо «если они не удержат возле себя любовь, у них ничего не останется». Однако даже «десять капель любви» от той, что заповедовалась человечеству две тысячи лет назад, достаточно для начала новой истории: «Но если бы они нашли нужным снова начать с этих десяти капель...» [Там же, с. 344]. Иронический тон выдает сомнения автора в возможности искупления человеческой истории, в которой нет места традиционным ценностям Слова, милосердия, красоты. Миссия писателя-пророка заменена ролью читателя / комментатора, ревизионирующего смыслы чужих и собственных текстов. Рассказ «Новая профессия», сюжет которого подсвечен знаковыми произведениями классики, демонстрирует невозможность эмиграции в мир литературы, образ Татьяны Лариной не приходится впору современной женщине-ушуистке.

В этой парадигме показателен демонстративный отказ от книг, чтения героев итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003), построенной по модели высокой трагедии. Главная героиня — Тамара Ивановна — решается отомстить за поруганную честь дочери, идет на убийство. Женский образ, традиционно для поэтики В. Распутина, подсвечен идеей Души-Софии (Тамара — груз. თამარი ‘пальма’, символ Богородицы), подчеркнута связь с поэтическим Словом-Голгофой, Тамара Ивановна даже мыслит строками из песен. София, считает П. Флоренский, причастна жизни Триипостасного Божества и теснее всего связана со второй ипостасью — Словом Божиим. Вне связи с ним «она не имеет бытия и рассыпается в дробность идей о твари; в Нем же — получает творческую силу» [Флоренский, с. 329]. Песенный дар гармонизации Вселенной (образ «песенного человека» — ключевой в прозе В. Астафьева) своеобразно наследуют дети героини. Сын Иван в школе увлекается словотворчеством, из всех книг, уходя из дома, он берет «книгу пословиц русского народа и церковнославянский словарь» [Распутин, т. 1, с. 189], герой и предназначен «апостольской» миссии (ученики Иисуса называют себя «служителями Слова», Лк. 1, 2), дочь — Светка — поражает окружающих «чистым, звонким, хрустальным голоском», во время пения она вся превращается «в восторженное сияние».

Если новые пророки в рассказах 1990-х гг. отличаются глубиной интеллектуальной рефлексии, то Тамара Ивановна все важнейшие решения принимает интуитивно, она «вдруг» улавливает в себе какой-то «решительный» толчок, и с этого момента сюжет приобретает ускорение, будто подчиняясь иной, нечеловеческой, воле (пророк-мститель) [Ковтун, 2010]. В поэтике древнерусской словесности, значимой в тексте, убывание жизни сопровождается убыванием времени. Писатель исключает в повести возможность преодоления противоречий интеллектуальным усилием, что характерно для проживания трагического в литературе XX в. [Плеханова, с. 3–23]. Самостановление избранных героев проходит помимо или вопреки официальной образовательной сфере, которая буквально демонизируется. Тамара Ивановна в школе «отбывала повинность, которая чем дальше, тем становилась тяжелей» [Распутин, т. 1, с. 38], ее дочь «мало читала в детстве и развивалась какими-то собственными вызревавшими в ней впечатлениями» [Там же, с. 60], отказывается от книжных штудий повзрослевший Иван: «За четыре месяца на Байкале Иван не взял в руки ни одной книжки, весь отдавшись новым и живым впечатлениям, в армии тоже было не до чтения» [Там же, с. 219].

И, напротив, любовью к книге наделен брат Тамары Ивановны — Николай, с которым героиня особенно близка. Под воздействием этой дружбы девушка начинает читать, но чтение не захватывает ее целиком. За фигурой Николая угадывается образ Николая Чудотворца, погруженность героя в мир книжной культуры оборачивается его особой мечтательностью, уязвимостью, отсутствием воли. Устами патриарха Ивана Савельевича автор подводит итог ситуации: «Николай у нас книжки читал... я радовался, пускай умнеет парень. А он вишь до чего поумнел! Шире головы. Он еще там, дома, — домом Иван Савельевич до сих пор называл деревню на Ангаре, — блажить стал. Задумываться начал. Наманят, наманят книги, насулят с три короба, а жизнь, она другая. И вот я думаю: человек от рождения, от родителей направлен по одной дорожке, по родословной сказать, а книжки выгибают его в другую» [Там же, с. 150]. «Охранной грамотой» от излишних книжных штудий названы верность родовой памяти, связь с землей, традицией. Идеальным персонажем в этом отношении является Ломоносов: «Он почему еще не сбился с пути... он в котомку себе родной холмогорской землицы набрал и все законы из нее вывел» [Там же, с. 151]. Светская литература, обучение на иностранных языках в повести аналогичны соблазну. Подобная логика глубоко укоренена в культуре традиционализма, где тенденция сакрализации «легитимной» литературы (Священное Писание) сопровождается критикой словесности, что предлагает «имитацию Божественного культа», заменяя подлинное — игрой, подделками, шутовством [Старобинский, с. 314].

Так разум, «внешняя мудрость» осуждались Аввакумом, иноком Епифанием [Робинсон]. К «разумным» в этой концепции относятся те, «которые познали Бога внешнюю хитростью» или поклонились дьяволу: как дьявол хотел уподобиться Богу, так и «мудрии» [Житие протопопа Аввакума...]. Результат отношения «разумных» к Богу — свобода вне нравственных норм, отстаивание которых — дело чести для Аввакума, а вслед за ним и для В. Распутина. Отрицая «внешнюю мудрость», в основном проникающую с Запада, учителя старообрядчества глубоко

почитают науки духовные, посвященную им книжность на родном языке. Антитезой «внешней мудрости» в посланиях Аввакума выступают кротость, «смиренномудрие» — проповедь, однако личный подвиг протопопа отмечен буйством, сродни ратной славе — не иночеству. В повести автор следует как творческому, так и жизненному примеру Учителя. «Чужое» слово, «чужой» текст воспринимаются художником как соблазн, преодолением которого и стало сознательное обращение к национальному фольклору, особенно сказке, активное включение его в книжную культуру.

В заключительной части повести автор намечает образ нового культурного героя. В системе книжной образности Древней Руси тема «възвращения» противопоставлена теме «съвращения», «уклонения» от истины. Избавление от «плена» заблуждения открывает путь в «землю обещанную». В библейской стилистике «похода» вхождение в «пръвую породу» невозможно без духовного воинствования, брани с «прельщающими» [Козлов, с. 64]. Восстановление христианской вертикали связывается с судьбой сына Тамары Ивановны — Ивана. Образ героя подсвечен сказочной и духоборческой традициями: от Иванушки-дурака (постоянные характеристики героя: «дурачась», «дурашливый») до богатыря-святого: «Хотелось повидаться с матерью и намекнуть ей, что за летние месяцы, пока ее не было рядом, у него отросли крылья и чешутся, чтобы испробовать себя в полете» [Распутин, т. 1, с. 178]. Избранничество персонажа подтверждено именем — чрезвычайно значимым в поэтике автора, указывающим на принадлежность родовой судьбе-доле (его дед — тоже Иван). Герой подчеркнуто исключен из сюжетного действия, спит или отсутствует: «Иван спал, когда пришли. Что же это: уходили — спал, днем заходила — не было, и теперь спит?» [Там же, с. 59]. Неучастие дает право «объективной», «надличной» оценки происходящего, максимально приближает к позиции нарратора. Пассивность сказочного персонажа обязательно мнимая, «воспринимается как своеобразный социальный протест против унижения его человеческого достоинства» [Сенькина, с. 64]. Поскольку сказочные черты в образе героя (удаль, «завидная стать») контаминируются с былинными, укажем, что богатырь часто описывается дремлющим, ждущим своего часа-подвига: Святогор, Илья Муромец. Приближение ворога активизирует богатырскую силу, Иван — матери: «А нам, мама, теперь некогда до тридцати лет на печке лежнем лежать» [Распутин, т. 1, с. 98]. Сказочные красота, сила не самоценны, но являются отражением красоты духовной: Иван — философ, «недорослем его не назовешь» [Там же, с. 62].

Образ Ивана одновременно отсылает к образу святого — Егория Храброго — и юрода, его называют «бурлаком» — параллель к Богодулу («длинные руки и огромные босые ноги»). Традиционный атрибут святого — конь — заменен лодкой, символом неограниченных возможностей жениха (фольклор), его предназначенности «апостольству». На последнее указывает и голос героя «как труба ерихонская». К этой же парадигме относятся бойцовские вылазки Ивана, в одной из которых он готов побить обидчика камнями, что соответствует ветхозаветной форме кары за богохульство (Лев. 21, 16), идолослужение (Втор. 21, 18). Единение с казаками, требующими наказания для кавказцев-наркоманов, прочитывается

в той же семантике борьбы за веру — казаки поддерживали старообрядцев. Кроме того, герой — постоянный участник бесед, споров о будущем Руси, где выступает в пророческой роли «судьи». Истина / Слово дано ему изначально: «Все эти слова, все понятия эти в Иване были, их надо было только разбудить» [Распутин, т. 1, с. 189]. Как и герою рассказа «Новая профессия», юноше открыта подлинная красота мира: «У красной девицы, мама, не глаза, а очи: жгучие очи. Не щеки, а ланиты: бархатные ланиты. Губы алые, шея лебединая, груди — это перси: трепетные перси...», однако мать тут же предостерегает от чрезмерной словесной искусности: «Душа-то, поди, себе имена-фамилии не перебирала...» [Там же, с. 72]. Юноша и наречен автором пророком, который должен пройти «мертвое поле» и выйти победителем из схватки со смертью.

Итак, в позднем творчестве В. Распутин моделирует образ нового пророка, который способен вывести нацию из исторического тупика. В рассказах 1990-х гг. автор отдает дань интеллектуалу, для которого классическая книга становится ориентиром и собеседником, но открывшееся знание лишено универсальности, не выходит за рамки личного опыта. В итоговой повести вопрос стоит не столько о поиске утраченных смыслов, сколько о физическом выживании народа. Писатель вынужден констатировать, что влияние высокой культуры на человеческую историю преувеличено, чтение книг стимулирует игру воображения, но уводит человека от исполнения родового предназначения: «Вот мы свои слова-то и отдали кому попало. Теперь слушаем чужие» [Там же, с. 98]. Все модели интеллектуального мессианства отступают перед интуитивно постигаемой истиной, открывающейся персонажам «вдруг» по высшей воле. В поздних текстах автор оспаривает и постулаты официальной церковности, и безусловность книжных идеалов, и саму логику истории. Он выступает с альтернативной программой, укорененной в национальном варианте веры (старообрядчество), сокровенном слове проповеди. Этот путь указан судьбой Ивана, после армии уезжающего строить в деревню к деду храм как прообраз новой Руси.

Абашева М. На литературном фронте: борьба с каноном в русской прозе рубежа XX–XXI вв. // Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности. М., 2014. С. 115–137. [Abasheva M. Na literaturnom fronte: bor'ba s kanonom v russkoj proze rubezha XX–XXI vv. // Krizis literaturocentrizma: utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti. M., 2014. S. 115–137.]

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М., 1994. Т. 3. [Afanas'ev A. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu : v 3 t. M., 1994. T. 3.]

Бери Р. Филобиблон. М., 1984. [Beri R. Filobiblon. M., 1984.]

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. [Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochinenija. M., 1960.]

Изер В. К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 7–21. [Izer V. K antropologii hudozhestvennoj literatury // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 94. S. 7–21.]

Ковтун Н. Старуха, ангел, богатырка: генекратический миф традиционалистской прозы // Литературная учеба. 2010. № 4. С. 80–93. [Kovtun N. Staruha, angel, bogatyrka: genekraticheskij mif tradicionalistskoj prozy // Literaturnaja ucheba. 2010. № 4. S. 80–93.]

Ковтун Н. «Никольский» и «георгиевский» комплексы в повестях В. Г. Распутина: канон, народно-поэтическая интерпретация, историософия автора // Эстетическая и массовая коммуникация: вопросы теории и практики / под ред. Н. Ковтун и Е. Анисимовой. Красноярск, 2012. С. 64–93. [Kovtun N. «Nikol'skij» i «georgievskij» kompleksy v povestjah V. G. Rasputina: kanon, narodno-pojeticheskaja interpretacija, istoriosofija avtora // Jesteticheskaja i massovaja kommunikacija: voprosy teorii i praktiki / pod red. N. Kovtun i E. Anisimovoj. Krasnojarsk, 2012. S. 64–93.]

Козлов С. В. Символика «пути» в сочинениях Кирилла Туровского // Литературный процесс и творческая индивидуальность. Кишинев, 1990. [Kozlov S. V. Simvolika «puti» v sochinenijah Kirilla Turovskogo // Literaturnyj process i tvorcheskaja individual'nost'. Kishinev, 1990.]

Лотман Ю. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. [Lotman Ju. Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij. SPb., 1995.]

Маркович В. М. Избранные работы. СПб., 2008. [Markovich V. M. Izbrannye raboty. SPb., 2008.]

Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 135–142. [Panchenko A. M. Perehod ot drevnej russkoj literatury k novoj // Chtenija po drevnerusskoj literature. Erevan, 1980. S. 135–142.]

Печерская Т. И. «Ужель та самая Татьяна»? // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы : сб. науч. тр. Вып. 5 : Сюжеты и мотивы русской литературы. Новосибирск, 2002. С. 130–138. [Pecherskaja T. I. «Uzhel' ta samaja Tat'jana»? // Materialy k Slovarju sjuzhetov i motivov russkoj literatury : sb. nauch. tr. Vyp. 5 : Sjuzhety i motivy russkoj literatury. Novosibirsk, 2002. S. 130–138.]

Плеханова И. И. Преображение трагического : в 2 ч. Ч. 1. Иркутск, 2001. [Plehanova I. I. Preobrazhenie tragicheskogo : v 2 ch. Ch. 1. Irkutsk, 2001.]

Подрезова Н. Н. Стихотворение в прозе В. Г. Распутина (жанровая специфика «Видения») // Творчество В. Распутина. Ответы и вопросы / под ред. И. Плехановой. Иркутск, 2014. С. 244–255. [Podrezova N. N. Stihotvorenie v proze V. G. Rasputina (zhanrovaja specifika «Videnija») // Tvorchestvo V. Rasputina. Otvety i voprosy / pod red. I. Plehanovoj. Irkutsk, 2014. S. 244–255.]

Прокофьев Н. «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1964. Т. 231. С. 35–56. [Prokof'ev N. «Videnie» kak zhanr v drevnerusskoj literature // Voprosy stilja hudozhestvennoj literatury. Uch. zap. Mosk. gos. ped. in-ta. M., 1964. T. 231. S. 35–56.]

Разувалова А. «Влияние литературы и искусства на человеческое общество... преувеличено». В. Астафьев: «литература» vs. «биология» // Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности. С. 479–498. [Razuvalova A. «Vlijanie literatury i iskusstva na chelovecheskoe obshhestvo... preuvelicheno». V. Astaf'ev: «literatura» vs. «biologija» // Krizis literaturocentrizma: utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti. S. 479–498.]

Распутин В. В больнице // Распутин В. Г. Собр. соч. : в 4 т. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 373–420. [Rasputin V. V bol'nice // Rasputin V. G. Sobr. soch. : v 4 t. Irkutsk, 2007. T. 2. S. 373–420.]

Распутин В. Видение // Распутин В. Г. Собр. соч. : в 4 т. Иркутск, 2007. Т. 3. С. 429–437. [Rasputin V. Videnie // Rasputin V. G. Sobr. soch. : v 4 t. Irkutsk, 2007. T. 3. S. 429–437.]

Распутин В. Вниз и вверх по течению // Распутин В. Г. Собр. соч. : в 4 т. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 213–285. [Rasputin V. Vniz i vverh po techeniyu // Rasputin V. G. Sobr. soch. : v 4 t. Irkutsk, 2007. T. 2. S. 213–285.]

Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // Распутин В. Г. Собр. соч. : в 4 т. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 131–361. [Rasputin V. Doch' Ivana, mat' Ivana // Rasputin V. G. Sobr. soch. : v 4 t. Irkutsk, 2007. T. 1. S. 131–361.]

Распутин В. Новая профессия // Распутин В. Г. Собр. соч. : в 4 т. Иркутск, 2007. Т. 4. С. 308–356. [Rasputin V. Novaja professija // Rasputin V. G. Sobr. soch. : v 4 t. Irkutsk, 2007. T. 4. S. 308–356.]

Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963. [Robinson A. N. Zhizneopisanija Avvakuma i Epifanija: Issledovanija i teksty. M., 1963.]

Рыбальченко Т. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы : Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию В. Распутина : материалы. М. ; Иркутск, 2007.

С. 6–26. [Rybal'chenko T. Intuicija metafizicheskogo v proze V. Rasputina // Tri veka russkoj literatury : Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 70-letiju V. Rasputina : materialy. M. ; Irkutsk, 2007. S. 6–26.]

Сенькина Т. М. Социальные функции «дурачеств» демократического героя русской волшебной сказки // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. [Sen'kina T. M. Social'nye funkcii «durachestv» demokraticheskogo geroja russkoj volshebnoj skazki // Fol'kloristika Karelii. Petrozavodsk, 1978.]

Смирнов В. Семантика имен в романе Ф. Достоевского «Идиот» // Mundo Eslavo. 2013. № 12. С. 25–36. [Smirnov V. Semantika imen v romane F. Dostoevskogo «Idiot» // Mundo Eslavo. 2013. № 12. S. 25–36.]

Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. [Starobinskij Zh. Pojezija i znanie: Istorija literatury i kul'tury. M., 2002.]

Топоров В. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 5–27. [Toporov V. Obraz trikstera v enisejskoj tradicii // Tradicionnye verovanija i byt narodov Sibiri. Novosibirsk, 1987. S. 5–27.]

Турышева О. Н. Книга — чтение — читатель как предмет литературы. Екатеринбург, 2011. [Turysheva O. N. Kniga — chtenie — chitatel' kak predmet literatury. Ekaterinburg, 2011.]

Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах свящ. Павла Флоренского. М., 1914. [Florenskij P. Stolp i utverzhdenie Istiny. Opyt pravoslavnoj teodicei v dvenadcati pis'mah svjashh. Pavla Florenskogo. M., 1914.]

Stepanova V. The poetics of interpretative ecphrasis in Valentin Rasputin's story "Izba" // Журн. Сиб. федер. ун-та. 2014. № 7 (5). С. 790–798. [Stepanova V. The poetics of interpretative ecphrasis in Valentin Rasputin's story "Izba" // Zhurn. Sib. feder. un-ta. 2014. № 7 (5). S. 790–798.]

Статья поступила в редакцию 09.02.2015 г.

УДК 821.161.1 Достоевский-31 + 27-58-544.7

А. А. Медведев

«СЕРДЦЕ МИЛУЮЩЕЕ»: ОБРАЗЫ ПРАВЕДНИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И СВ. ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Образы праведников в их любви к творению в творчестве Ф. М. Достоевского (князь Мышкин, Макар Иванович, Маркел, Зосима) рассматриваются в «малом времени» (современная писателю эпоха) и в «большом времени» (М. М. Бахтин) — в перспективе раннехристианской традиции «милующего сердца» о всем творении (преп. Исаак Сирин), представленной в православном (преп. Сергий Радонежский) и католическом вариантах (св. Франциск Ассизский). Доказывается, что эта глубинная христианская традиция присутствует в текстах Достоевского прямо (цитаты и аллюзии на библейские, святоотеческие, агиографические источники) и в свернутом виде — в ключевых христианских концептах (милость, горящее сердце, созерцание, тайна, апофатика, исихия, благолепие, благообразие, радость, умиление, рай и др.). В образах праведников Достоевского выявляется францисканский слой — образы, мотивы, экфрасис, сближающие христоликих героев со св. Франциском.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Достоевский; образ праведника; образы творения и животных; «большое время»; христианская традиция; «милующее сердце»; св. Франциск Ассизский; христианские концепты; экфрасис.

Как верно заметил С. С. Аверинцев, из всех западных святых св. Франциск Ассизский (1181/1182–1226) имел для русской культуры особое значение, став «любимым святым интеллигентов», «одним из неофициальных небесных заступников русской литературы» [Аверинцев, 1997, с. 104–105]. Русская культура св. Франциска открывает в полной мере на рубеже XIX–XX вв., но, как мы увидим далее, образ св. Франциска актуализируется уже Ф. М. Достоевским.

Категорию «большого времени» ввел М. М. Бахтин, исходя из того, что «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох» [Бахтин, с. 454]. Продолжая бахтинскую традицию историко-культурной оптики «большого времени», С. С. Аверинцев писал о бо́льшей точности и объективности историко-культурного подхода, нежели

© Медведев А. А., 2015

эмпирико-исторического, кажущегося объективным: «В “большом времени” смысл прорастает, как зерно, перерастает себя, он меняется, не подменяясь, он отходит сам от себя, как река отходит от истока, оставаясь все той же рекой. “Большое время” <...> реальнее, чем изолированный исторический момент» [Аверинцев, 2005, с. 316][1].

В русской культуре любовь к животным образует традицию, имеющую прежде всего христианские истоки. Сострадательная, жалостливая любовь к животным в христианстве выступает важнейшим свойством духовного совершенства, неотъемлемой чертой святости, что выразил в своем знаменитом Слове о м и л у ю щ е м с е р д ц е (греч. *καρδιά ελεημον*)[2] преп. Исаак Сирин (VII в.), по которому «великая жалость» к животным уподобляет человека Богу в Его кенотической любви, духовно очищает его.

Достоевский читал это Слово в славянском переводе Паисия Величковского (изданном Оптиной пустынью) и в русском переводе, изданном Московской духовной академией. Судя по кратким перечням книг, составленным А. Г. Достоевской [Буданова, с. 126–127], в библиотеке писателя имелись оба эти издания: оптинское («Святаго отца нашего Исаака Сирина слова» [Святаго отца нашего Исаака Сирина, 1854][3]) и московское («Слова святаго Исаака Сирина. 1854» [Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина]). Приведем русский перевод второго издания:

> Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. <...> И что такое сердце милующее? — и сказал: возгорение сердца[4] у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умаляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились

---

[1] Нам представляется также теоретически значимой постановка проблемы методологических оснований в изучении «христианского текста» русской классики [см.: Зырянов, 2011а] и, в частности, мысль исследователя о равноправном единстве в нем религиозного и художественного: «Религиозное начало фигурирует не просто как идеологический конструкт, то есть поданный вне художественного оформления материал, не просто как философско-мировоззренческая позиция автора или героя, оно не остается ***за*** порогом художественной реальности, а “встраивается” в структуру эстетического объекта, нераздельно сливаясь с его художественной фактурой» [Зырянов, 2011б, с. 8].

[2] Милость (греч. *ἔλεος*) — ключевой концепт христианства, сущностное свойство Бога («превыше небес милость Твоя» (Пс. 107, 5)) и Спасителя. Цсл. *милость* ‘сострадание, милосердие’; *милый* ‘мягкий, нежный, трогательный, умилительный, близкий к сердцу, вызывающий соучастие, милость и жалость’ [Дьяченко, с. 305–306].

[3] Именно это издание читает Смердяков [Достоевский, т. 14, с. 61], а отец Паисий, не называя автора, дословно его цитирует («Слово 11»): «Претерпи смотрительне находящее на тя невольно бесчестие с радостию, и да не смутишися, ниже возненавидиши бесчестящего тя» [Там же, с. 84]. Ср.: [Святаго отца нашего Исаака Сирина, 2004, с. 57].

[4] В христианской антропологии сердце является «корнем», средоточием духовной жизни человека: «...если корень свят, то и ветви святы, то есть если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства» [Сирин, с. 37–38]. Г о р я щ е е с е р д ц е — признак мистического восторга (Пс. 38, 4) и присутствия Христа, явившегося в неузнанном виде Луке и Клеопе по дороге в Эммаус (Лк. 24, 32).

и были они помилованы; а также и об естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу [цит. по: Сирин, с. 323–324].

О «сердце милующем» в творчестве Достоевского в контексте раннехристианской традиции (преп. Герасим, «иже на Иордане» (†475)) и русской православной (преп. Сергий Радонежский (†1392)) см. подробнее: [Медведев, 2014].

«Pater Seraphicus»

В западной традиции идеал м и л у ю щ е г о с е р д ц а наиболее полно воплотился в образе св. Франциска Ассизского, обращавшегося к животным как разумным существам, видевшего в них братьев и сестер, и животные отвечали ему любовью, становились ручными, послушными. Отношение Франциска к животным пронизывает именно м а т е р и н с к а я ж а л о с т ь, с о с т р а д а н и е в духе слова преп. Исаака Сирина о милующем сердце (о чем говорит совпадение отдельных образов): «Облекшись в дух милосердия и исполнившись любви, не только к людям, терпящим какую-либо нужду, испытывал он *сострадание* (здесь и далее в цитатах курсив мой, авторский курсив дается полужирным шрифтом. — *А. М.*), но и к немым тварям, и даже к птицам и ползучим гадам, ко всякой твари, как наделенной чувствами, так и бесчувственной» [Житие первое св. Франциска Ассизского, с. 263]. Св. Франциск смотрит на животных «жалостливым оком»: спасает от продажи горлиц (делает для них гнезда [Цветочки святого Франциска, с. 815]) и ягнят: «Когда Франциск услышал отчаянное блеяние ягнят, *взволновалась вся внутренность его от жалости* и он, подошед, прикоснулся к ним, словно *мать*[5] к расхныкавшемуся младенцу, выражая им свою любовь и сочувствие» [Житие первое св. Франциска Ассизского, с. 265].

Наиболее важным контекстом для раскрытия милующих творение праведников Достоевского выступают два самых известных францисканских текста — проповедь св. Франциска птицам (из «Первого жития св. Франциска» Фомы Челанского (1229)) и «Песнь брата Солнца» (1222–1224). В проповеди птицам (ил. 1) проступает то же «возгорение сердца», «великая жалость» о всем творении преп. Исаака Сирина. Увидев птиц, св. Франциск ощутил «*великую жалость и любовь* даже к этим низшим и лишенным разума тварям <...> исполнившись великой радости, стал их смиренно уговаривать послушать слово Божие. <...> птички, к которым он обращался, называя их братьями, дивным образом выражали свою радость» [Житие первое св. Франциска Ассизского, с. 248–249].

[5] Всепрощающая любовь матери к ребенку выступает в христианстве подобием кенотичной (снисходящей) любви Бога к человеку, что отразилось в цсл. *благоутробный* (милосердый, милостивый, сострадательный, имеющий доброе сердце (1 Петр. 3, 8)) [Дьяченко, с. 46] — калька с греч. *ευσπλαγχνια* (*σπλαγχνον*), которое означает ‘материнскую утробу’ и ‘сердце, душу’ (*σπλαγχνα ελεους* — сердечная жалость, милосердие) [Древнегреческо-русский словарь, т. 2, с. 1495]: «авторы Ветхого и Нового Заветов видят в любви Бога к людям, в любви Христа к людям, в любви христиан друг к другу черты столь специфического вида любви, как “чревное” материнское жаление» [Аверинцев, 1995, с. 19–20].

С «Песнью брата Солнца, иначе именуемой “Похвалой творениям”» Достоевский мог быть знаком в переводе А. Веселовского (1866) [Веселовский, с. 175], который видел в этом «известном гимне к солнцу» присущее христианству с е н т и м е н т а л ь н о е переживание природы (праведникам Достоевского от Мышкина до Зосимы присуща эта личная сентиментальность (умиление)[6], одним из источников которой можно считать статью Веселовского). Достоевский мог быть знаком и с переводом С. Шевырева (1837), который называет песнь «Псалмом», а Франциска — «творцом Духовных Песен», «святым Поэтом», перелагавшим «Псалмы в гармоническую прозу» [Шевырев, с. 514–515].

Мотивы, сближающие образы Зосимы и Франциска, первой отметила в 1983 г. В. Е. Ветловская: проповедь любви, обнимающей собой всё творение («и целое и каждую песчинку»); Маркел, просящий прощение у птичек, и Франциск, который с тем же «чувством восторга и любви к жизни» проповедовал птицам («Братья мои, птички небесные...»); иерархическое построение «Песни брата Солнца» (начиная с солнца (подателя жизни) и кончая радостным ожиданием смерти, «все сущее равно вызывает чувство восторженного умиления, хвалы и благодарности») и благословение Зосимой восхода и заката солнца как предчувствие ухода к Богу [Ветловская, с. 348–351]. Исследовательница указывает на источник, которой мог быть известен Достоевскому, — популярную книгу А. Ф. Озанама «Святой Франциск» [Ozanam].

Францисканские мотивы в образе Зосимы подтверждаются прямым соотнесением старца со св. Франциском в финале главы «Великий инквизитор» (Книга пятая. Pro и contra), где Иван Карамазов называет Зосиму «Pater Seraphicus» («Серафический отец»[7]) — одним из имен св. Франциска, а Алеша видит в Зосиме — «серафическом отце» — спасителя от демонизма, развернутого Иваном в его поэме об инквизиторе: «Вот и скит, Господи! Да, да, это он, это Pater Seraphicus, он спасет меня... от него и навеки!» [Достоевский, т. 14, с. 298]. Демонической философии Великого инквизитора Достоевский противопоставил христоликий образ Зосимы, его житие и поучения в «кульминационной» шестой книге («Русский инок»), которая первоначально была названа писателем «Pater Seraphicus», о чем он писал в письме к Н. А. Любимову от 8 июля 1879 г.: «Но важное ***для меня*** в том, что эту будущую, 6-ю книгу (“Pater Seraphicus”, “Смерть старца”) я считаю кульминационной точкой романа» [Достоевский, т. 30/1, с. 75, 97]. А ранее, 11 июня 1879 г., тому же адресату Достоевский формулировал цель шестой книги как о б щ е х р и с т и а н с к у ю — признание того, что «чистый, идеальный

[6] Умиление (греч. *κατάνυξις*) или радостопечалие (греч. *χαρμολύπη*) — важнейшее в православной аскетике чувство, неотъемлемое свойство умной молитвы, в которой, чтобы не впасть в самомнение от радости, подаваемой ею, необходимо держать плач сокрушенный. Преп. Иоанн Лествичник (VI–VII вв.) поясняет соединение в умилении печали и радости образом медовых сот: плач и печаль «заключают в себе радость и веселие, как мед заключается в соте» [Иоанн, с. 112–113].

[7] Этим именем св. Франциск назван в память о явившемся ему в образе серафима (др.-евр. *s'ĕrāfīm* ‘пламенный’) Распятого Христа, от Которого он получил стигматы. Это имя понималось и как «отец ангелоподобный», например, В. С. Соловьевым в статье «Жизненная драма Платона» (1898): «Само монашество считает и называет себя чином ангельским; истинный монах носит образ и подобие ангела, он есть “ангел во плоти”; за величайшим монахом западного христианства, св. Франциском Ассизским, остается прозвище pater seraphicus» [Соловьев, с. 233].

христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное убежище Русской Земли ото всех ее зол» [Достоевский, т. 30/1, с. 68]. Это общехристианское в*и*дение Достоевским Зосимы, соединяющего православное и католическое благочестие[8], проступает и в описании его кельи, в котором упоминается дониконовская икона Богородицы, католический крест с обнимающею его Mater dolorosa и гравюры с картин великих итальянских художников [Достоевский, т. 14, с. 37].

Введение Достоевским в роман имени «Pater Seraphicus» считается аллюзией на упомянутую в черновых набросках к роману Вторую часть «Фауста» Гете [Достоевский, т. 15, с. 202, 608], в которой св. Франциск именуется своим латинским именем и предстает «любящим» («ein Liebender») проводником блаженных детских душ к Богу (ч. 2, акт V, строки 11918–25). Но это не исключает, что Достоевский этим именем отсылал не только к образу Франциска в «Фаусте», но и собственно к образу св. Франциска, у которого с Зосимой немало черт духовного родства.

Радость духовная

Прежде всего Зосиму и Франциска сближает такая сущностная христианская черта, как «духовная радость», которую, как говорит Зосима, «лишь праведный обретает» [Достоевский, т. 14, с. 292]. «*Laetitia spiritualis*» («радость (веселость) духовная») — важнейшая добродетель францисканства. Франциск «во множестве превратностей сохранил радостный лик» [Житие первое св. Франциска Ассизского, с. 208]. Лицо Зосимы «ясное, почти радостное, а взгляд веселый, приветливый, зовущий» [Достоевский, т. 14, с. 148]. Франциск восхвалял духовную радость как самое надежное средство против дьявола и старался избегать уныния («худшего из всех зол»), через которое тот действует: «“Бесы не могут причинить вреда рабу Божию, если они видят, что он ***свято радуется***” (Деян. 2, 28). <...> святой всегда стремился пребывать в ликовании сердца, сохранять помазание духа и ***елей радости*** (Пс. 44, 8)» [Житие второе св. Франциска Ассизского, с. 438]. Зосима учит просить «у Бога веселья» и бежать уныния: «Будьте веселы как дети, как птички небесные. <...> Бегите, дети, сего уныния!» [Достоевский, т. 14, с. 290]. Франциск боговдохновенно, радостно проповедует: «он исполнился веселия и, не владея собой от радости, против своей воли проговорился кое о чем другим людям» [Житие первое св. Франциска Ассизского, с. 203]. Зосима перед смертью жаждет «поделиться радостью и восторгом своим со всеми и вся, излиться еще раз в жизни сердцем своим...» [Достоевский, т. 14, с. 148].

«Песнь брата Солнца», являющая собой мистическое откровение накануне смерти, духовное завещание своим ученикам, написана в состоянии мистического экстаза, совершенной радости (*perfetta letizia*). В этом же состоянии радостного восторга, предчувствия вечной жизни (от которого «трепещет восторгом душа»,

[8] В записной тетради 1880–1881 гг. Достоевский отмечал: «Вы скажете, что на Западе померк образ Спасителя? Нет, я этой глупости не скажу» [Достоевский, т. 27, с. 56].

«сияет ум и радостно плачет сердце» [Достоевский, т. 14, с. 265]) старец Зосима произносит свои предсмертные мистические откровения.

У обоих эта духовная радость изливается на творение. «Исполнившись великой радости», Франциск проповедует птицам: «А птички, к которым он обращался, называя их братьями, дивным образом выражали свою радость» [Житие первое св. Франциска Ассизского, с. 248]; Франциск «возрадовался в Господе» о преподнесенной ему птичке, которая, «получив разрешение с благословением, улетела, движениями тела подавая знаки радости» [Житие второе св. Франциска Ассизского, с. 473]. Брат Зосимы, Маркел, лик которого «веселый, радостный» [Достоевский, т. 14, с. 261], прося у птичек прощения, обращается к ним, как и Франциск в своей проповеди, в уменьшительно-ласкательной форме (ит. *Sirocchie mie uccelli* — букв. «Сестрички мои птицы», в пер. А. Печковского — «Сестрицы мои пташки» [Цветочки святого Франциска, с. 800]): «прилетели ранние птички, гогочут, поют ему в окна. И стал он вдруг, глядя на них и любуясь, просить и у них прощения: “Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил”» [Достоевский, т. 14, с. 263]. Радостная проповедь Франциска радующимся птицам преломляется здесь в покаянном и пасхальном ключе («Дни наступили светлые, ясные, благоуханные, пасха была поздняя» [Там же, с. 261]), акцентируя древнюю христианскую идею пасхального сорадования животных[9].

«Жизнь есть рай»

В. Герье отмечал, что «душевное веселие» св. Франциска было выражением нового монашеского идеала — если средневековый аскетизм стремился к небесному царствию, считая, что «земной мир полон зла и нечестия и потому достоин лишь презрения» (лат. *Contemptus mundi* — презрение к миру), то «в лице Франциска аскетизм приходит к сознанию, что и земной мир есть мир Божий и потому прекрасен. Франциск <...> любуется стихиями, цветами и всякою живою тварью» [Герье, с. 158].

Это радостное переживание природы как мира Божия, Царствия Божия на земле, присуще праведникам Достоевского, в чистой, милующей душе которых отражается райская, первозданная красота творения и животных («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8)). Мир открывается им и созерцается по-райски преображенным, чудесно возвращенным к своей изначальной чистоте («жизнь есть рай» [Достоевский, т. 14, с. 272]). В романе «Идиот» (1869) это выражается «заповедью блаженства» кн. Мышкина[10]: «как

[9] У преп. Феодора Студита (VIII–IX вв.) пасхальная радость животных, празднующих Воскресение Христово, выступает примером и для человека: «...что если бездушные и бессловесные твари так сорадуются пресветлому Воскресению, и такой праздничный принимают вид; не тем ли паче мы, разумом и образом Божиим почтенные, должны благоукрашать себя доброю жизнью и благоухать духом?» [Святого отца нашего Феодора Студита, сл. 229, гл. 1].

[10] И. Попова раскрывает францисканские коннотации «ослиной темы» в романе «Идиот», а в кн. Мышкине видит последователя Франциска Ассизского, «впитавшего францисканские идеи “доброй человечности”, “духовной веселости”, ими излечившегося в Швейцарии, вернувшегося их проповедовать в Россию» [Попова, с. 154–155, 160].

можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! <...> ...а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...» [Достоевский, т. 8, с. 459]. В «Братьях Карамазовых» (1880) Маркел, брат Зосимы, в умилении («от радости плачет»)[11] переживает мир как сияние райской славы: «такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один всё обесчестил, а красы и славы не приметил вовсе» [Достоевский, т. 14, с. 263]. Будущему старцу Зосиме, офицеру Зиновию, отказывающемуся на дуэли от ответного выстрела, открывается райская красота мира, которую он переживает с восторгом и умилением («дух даже у меня захватило, сладостно, юно так, а в сердце такое счастье»): «“посмотрите кругом на дары Божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...”» [Там же, с. 272]. В «Песне брата Солнца» св. Франциск славит Бога за сотворенные Им «дары Божии» — за «воздух» (*aere*), за «ясную погоду» (*sereno* — букв. *ясность*), за травы (*herba*) [Веселовский, с. 175; Cantico delle Creature], которые у Достоевского соединились с образом птичек из проповеди Франциска птицам (*sirocchie mie uccelli*).

Повествуя о своем странствии по Руси, Зосима рассказывает об умиленном созерцании им и «благообразным юношей» первозданной, «благолепной» красы Божьего мира: б л а г о образие[12] человека соотносится с б л а г о лепием созерцаемого творения. Пейзаж одухотворяется, наполняясь христианскими концептами созерцания, умиления (передаваемого уменьшительно-ласкательные суффиксами), исихии[13] (в образе тишины и молчания), «благолепия» (выражаемого анаграмматическим нагнетанием ключевых звуков ***л***, ***б***, ***п***, особенно в фонических сочетаниях ***пл***/***бл***/***лп***), Святого Духа (через образы тумана, свежести, легкости), молитвы: «И *вижу* я, *смотрит* он пред собой *умил**е**нно* и ясно. Ночь свет**л**ая, *тихая*, те**пл**ая, ию**л**ьская, река широкая, **п**ар от нее **п**однимается, *свежит* нас, *сл**е**гка* вс**пл**еснет ры**б**ка, **п**тички *замол**к**ли*, всё *тихо* ***благолеп**но*, всё **Б**огу *мо**л**ится*» [Достоевский, т. 14, с. 267]. В этом образе молящегося творения Зосима близок «Песне брата Солнца», в которой все творения хвалят Бога: «*Laudato sie, mi' Signore, cum tucte le tue creature*» [Cantico delle Creature] — «*Восхвален буди, Бог и Господь мой, всеми тварями и паче всех господином моим солнцем, который лиет день и свет на нас*» [Шевырев, с. 515].

[11] См. сноску 6.

[12] Благообразие является константой христоликого героя в творчестве Достоевского, см. подробнее: [Медведев, 2014, с. 209].

[13] Исих*ия* (от греч. *ἡσυχία* ‘безмолвие сердца’) — ключевой концепт исихазма (безмолвничества) — древней мистической и богословской традиции восточно-христианского монашества, в основе которой — творение молитвы Иисусовой. О сладостной тишине исихии см. подробнее: [Медведев, 2012, с. 29–30].

В рассказе странника Макара Ивановича («Подросток», 1875) о паломничестве в Богородский[14] монастырь одухотворенность умиленно созерцаемого им пейзажа выражается концептами милости, созерцания[15], исихии (в образе тишины), Святого Духа (через образы легкого воздуха (дыхания), легкого сна), умаления и умиления (уменьшительно-ласкательные суффиксы), но главным в этом переживании мира как рая является ощущение мистической т а й н ы (греч. *μυστικός* 'таинственный') — его апофатической непостижимости («неизреченная красота»):

> ...во всем *тайна Божия*. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая *тайна* заключена. Птичка ли малая поет, али *звезды* всем сонмом на небе блещут в ночи — всё одна эта *тайна*, одинаковая. <...> Восклонился я, *милый*, главой, *обвел кругом взор* и *вздохнул*: красота везде *неизреченная*! *Тихо* всё, *воздух легкий*; *травка* растет — расти, *травка* Божия, *птичка* поет — пой, *птичка Божия*, ребеночек у женщины на руках пискнул — Господь с тобой, маленький человечек, расти на счастье, младенчик! <...> Склонился я опять, заснул таково *легко*. Хорошо на свете, *милый!* [Достоевский, т. 13, с. 287, 290]

В этом созерцании Макара Ивановича также проступает францисканский слой — образы звезд («Похвалим Господа <...> и за звезды: он создал их в небе, светлые и прекрасные» [Веселовский, с. 175]; ит. *stelle, in celu l'ài formate clarite et pretiose et belle* [Cantico delle Creature] — букв. «звезды, в небесах Тобой сотворенные яркими, драгоценными и прекрасными»), воздуха, птичек, травки.

Т р а в к а, как и образ птичек, являясь лейтмотивом в словах праведников Достоевского, также раскрывает свои францисканские смыслы. В и н д и в и д у а л и з и р о в а н н о м образе молящейся Богу травки из черновых материалов к роману «Подросток» присутствует персонифицированное восприятие природы св. Франциском: «Каждая травка молится» [Достоевский, т. 16, с. 75], «Каждая травка поет» [Там же, с. 342]; в одном из вариантов финала («Гимн всякой травке и солнцу» [Там же, с. 48]) — аллюзия на «Песнь брата Солнца», фрагмент которой в переводах Шевырева и Веселовского завершается образами «разных плодов и расписанных цветов и трав» [Шевырев, с. 515], «цветов разных и трав», что «производит» «наша мать земля» [Веселовский, с. 175] (ит. *produce diversi fructi con coloriti flori et herba* [Cantico delle Creature] — букв. «производит различные плоды и разноцветные цветы и травы»).

В образе травки у Достоевского — экфрасис итальянской религиозной живописи эпохи Возрождения с характерной для нее тщательной разработкой трав и цветов: они изображаются не как условный фон религиозного сюжета (что

---

[14] В названии монастыря ключевой концепт русской религиозности — Богородицы как матери земли, о которой говорит Хромоножка, вспоминая слова старицы «Богородица — великая мать сыра земля» [Достоевский, т. 10, с. 116]. В своем переводе «Песни брата Солнца» Веселовский соотнес образ земли (ит. *nostra matre terra* — букв. «наша мать земля») со славянским представлением о «матери сырой земле» [Веселовский, с. 175].

[15] Созерцание (греч. *θεωρία*) — один из ключевых концептов православного богословия и святости, установка умной (созерцательной) молитвы, цель которой — безмолвное созерцание Бога. Преп. Исаак Сирин писал о созерцании как «пределе» (цели) молитвы [Сирин, с. 99].

характерно для иконописи), а и н д и в и д у а л ь н о[16], в частности, на картинах, которые Достоевский не мог не видеть в галерее Уффици (ил. 2–3); тщательную разработку трав мы видим и на любимом пейзаже писателя в Дрезденской галерее (ил. 4), названном им «Золотым веком», т. е. выразившем представление Достоевского о рае. Образ травки можно возвести и к оде Ф. Шиллера «К Радости», которую в переводе Ф. И. Тютчева цитирует Дмитрий Карамазов (радость «травку выманила к свету» [Достоевский, т. 14, с. 99]).

Как и у Макара Ивановича, созерцание одухотворенной природы переходит у Зосимы в размышление о ее н е п о с т и ж и м о й т а й н е — красоте и премудрой гармонии, отчего м и л у ю щ е е с е р д ц е горит любовью: «и разговорились мы о красе мира сего Божьего и о великой *тайне* его. Всякая-то травка, всякая-то букашка[17], муравей, пчелка золотая, все-то до *изумления* знают путь свой, не имея ума, *тайну Божию* свидетельствуют, беспрерывно совершают ее сами, и, вижу я, *разгорелось сердце*[18] *милого* юноши» [Достоевский, т. 14, с. 267].

В этом восторге Макара Ивановича и Зосимы перед апофатической непостижимостью премудрого творения проступает радостное созерцание природы Франциском, в Житии которого говорится о невыразимой радости святого перед премудростью Божьего творения: «Кто сумеет рассказать, с какой радостью и наслаждением наблюдал он в творении мудрость Творца, всесилие Его и милосердие? Часто это созерцание исполняло его радостью дивной, несказанной, когда он глядел на Солнце, когда созерцал Луну, звезды и твердь небесную. О простодушное благочестие, о благочестивая простота!» [Житие второе св. Франциска Ассизского, с. 266].

Таким образом, глубинный смысл ключевых для Достоевского образов праведников в их любви к творению раскрывается в контексте «большого времени» — христианской традиции м и л у ю щ е г о с е р д ц а (св. Исаак Сирин), представленной в ее православном (преп. Сергий Радонежский) и католическом вариантах (св. Франциск Ассизский).

Эта глубинная перспектива раннехристианской традиции в его текстах присутствует прямо (цитатами и аллюзиями на библейские, святоотеческие, агиографические источники) и в свернутом виде — в ключевых христианских концептах (милость, горящее сердце, созерцание, тайна, апофатика, исихия, благолепие, благообразие, радость, умиление, рай и др.). В русле этой традиции м и л у ю щ е г о с е р д ц а Достоевский раскрывает глубочайшую метафизику животных, первозданную, райскую гармонию человека и животных, утраченную после грехопадения.

Достоевский видит христианство в его первохристианском единстве, до раскола, поэтому ему наиболее близки досхизматические Отцы Церкви, богословы,

---

[16] Францисканские индивидуализм и номинализм (реальность вещей) как основа культуры Возрождения выразились и в ренессансной живописи («конкретизация, отход от абстрактности») [Бицилли, с. 540].

[17] Образ восходит к замыслу «Житие великого грешника», в котором в январе 1870 г. Достоевский отметил: «О букашках и о вселенской радости ***живой жизни***: вдохновенные рассказы Тихона» [Достоевский, т. 9, с. 138].

[18] См. сноску 4.

Ил. 1. Мастер св. Франциска. Сцена из Жития св. Франциска:
Франциск проповедует птицам. 1260–1263. Фреска.
Нижняя церковь Сан-Франческо, Ассизи

Ил. 2. Рафаэль Санти. Мадонна с щеглом. Фрагмент. 1505–1506.
Галерея Уффици, Флоренция

Ил. 3. Сандро Боттичелли. Весна. Фрагмент. Ок. 1482. Галерея Уффици, Флоренция

Ил. 4. Клод Лоррен. Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей. Фрагмент. 1657.
Галерея старых мастеров, Дрезден

мистики (св. Герасим, Иоанн Лествичник, Исаак Сирин, Феодор Студит и др.). Преп. Сергия Радонежского и св. Франциска Ассизского Достоевский воспринимает в этой неделимой традиции. Это точно уловил Розанов, полемизируя с леонтьевским непризнанием в Зосиме православного монаха и видя в Зосиме возвращение к «любящему, нежному, “пантеистическому”» монашеству: «Если это не отвечало типу русского монашества XVIII–XIX веков (слова Леонтьева), то, может быть и даже наверное, отвечало типу монашества IV–IX веков» [Розанов, с. 337].

Со св. Франциском праведников Достоевского (от Мышкина до Зосимы, которого Иван и Алеша называют одним из имен св. Франциска «Pater Seraphicus») сближают духовная радость (*Laetitia spiritualis*); созерцание, переживание мира по-райски преображенным («жизнь есть рай»); восторг перед апофатической непостижимостью премудрого Божьего творения; «дары Божии» — образы птичек, травки, ясной погоды, воздуха, звезд, молящегося Богу творения, в которых проступает францисканский слой (проповедь Франциска птицам и «Песнь брата Солнца»); персонифицированное, индивидуализированное в*и*дение природы (экфрасис травки).

М и л у ю щ е е с е р д ц е, горящее любовью к творению, — константа христоликого праведника у Достоевского, проявление кенотического, христианского гуманизма, который писатель видел как в православном образе святости (преп. Сергий Радонежский), так и в католическом (св. Франциск Ассизский), и, соединяя, сплавляя их в своем художественном сознании, создавал образы «чистого, идеального христианина».

Аверинцев С. С. ΕΥΣΠΛΑΓΧΝΙΑ // Альфа и Омега. 1995. № 1 (4). С. 11–24. [Averincev S. S. ΕΥΣΠΛΑΓΧΝΙΑ // Al'fa i Omega. 1995. № 1 (4). S. 11–24.]

Аверинцев С. С. «Цветики милые братца Франциска»: итальянский католицизм — русскими глазами // Православная община. 1997. № 38. С. 97–105. [Averincev S. S. «Cvetiki milye bratca Franciska»: ital'janskij katolicizm — russkimi glazami // Pravoslavnaja obshhina. 1997. № 38. S. 97–105.]

Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой Рим : избр. ст. СПб., 2005. С. 315–365. [Averincev S. S. Vizantija i Rus': dva tipa duhovnosti // Averincev S. S. Drugoj Rim : izbr. st. SPb., 2005. S. 315–365.]

Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 451–457. [Bahtin M. M. Otvet na vopros redakcii «Novogo mira» // Bahtin M. M. Sobr. soch. : v 7 t. M., 2002. T. 6. S. 451–457.]

Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. [Bicilli P. M. Izbrannye trudy po srednevekovoj istorii: Rossija i Zapad. M., 2006.]

Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...»: (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). СПб., 2011. С. 123–132. [Budanova N. F. «I svet vo t'me svetit...»: (k harakteristike mirovozzrenija i tvorchestva pozdnego Dostoevskogo). SPb., 2011. S. 123–132.]

Веселовский А. Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1866. Декабрь. Т. 4. С. 152–209. [Veselovskij A. Dante i simvolicheskaja pojezija katolichestva // Vestnik Evropy. 1866. Dekabr'. T. 4. S. 152–209.]

Ветловская В. Е. Pater Seraphicus // Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. С. 336–360. [Vetlovskaja V. E. Pater Seraphicus // Vetlovskaja V. E. Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy». SPb., 2007. S. 336–360.]

Герье В. Франциск. Апостол нищеты и любви. М., 1908. [Ger'e V. Francisk. Apostol nishhety i ljubvi. M., 1908.]

Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. [Drevnegrechesko-russkij slovar' : v 2 t. / sost. I. H. Dvoreckij. M., 1958.]

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. [Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L., 1972–1990.]

Дьяченко Г., свящ. Полный церковнославянский словарь. Репр. воспр. изд. (М. : Тип. Вильде, 1899). М., 1993. [D'jachenko G., svjashh. Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar'. Repr. vospr. izd. (M. : Tip. Vil'de, 1899). M., 1993.]

Житие второе св. Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским / пер. Л. Сумм // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. М., 1996. С. 329–520. [Zhitie vtoroe sv. Franciska Assizskogo, sostavlennoe Fomoj Chelanskim / per. L. Summ // Istoki franciskanstva. Svjatoj Francisk Assizskij: pisanija i biografii. M., 1996. S. 329–520.]

Житие первое св. Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским / пер. Л. Сумм // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. М., 1996. С. 193–324. [Zhitie pervoe sv. Franciska Assizskogo, sostavlennoe Fomoj Chelanskim / per. L. Summ // Istoki franciskanstva. Svjatoj Francisk Assizskij: pisanija i biografii. M., 1996. S. 193–324.]

Зырянов О. В. О проблемно-методологическом поле религиозной филологии // Русская литература в литургическом контексте : сб. науч. ст. Кемерово, 2011а. С. 14–25. [Zyrjanov O. V. O problemno-metodologicheskom pole religioznoj filologii // Russkaja literatura v liturgicheskom kontekste : sb. nauch. st. Kemerovo, 2011. S. 14–25.]

Зырянов О. В. Русская литературная классика в этноконфессиональной проекции (к проблеме соотношения общенационального и регионального) // Урал. ист. вестн. 2011б. № 4. С. 4–12. [Zyrjanov O. V. Russkaja literaturnaja klassika v jetnokonfessional'noj proekcii (k probleme sootnoshenija obshhenacional'nogo i regional'nogo) // Ural. ist. vestn. 2011. № 4. S. 4–12.]

Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии, Слова подвижнические. М., 1854. [Izhe vo svjatyh otca nashego avvy Isaaka Sirijanina, podvizhnika i otshel'nika, byvshego episkopom hristoljubivogo grada Ninevii, Slova podvizhnicheskie. M., 1854.]

Иоанн, преп., игумен Синайской горы. Лествица. М., 2004. [Ioann, prep., igumen Sinajskoj gory. Lestvica. M., 2004.]

Медведев А. А. Тишина как духовный концепт в творчестве В. В. Розанова // Вестн. Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитар. науки. 2012. № 25. С. 28–45. [Medvedev A. A. Tishina kak duhovnyj koncept v tvorchestve V. V. Rozanova // Vestn. Kostr. gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. Ser. Gumanitar. nauki. 2012. № 25. S. 28–45.]

Медведев А. А. «Сердце милующее» в творчестве Ф. М. Достоевского и христианская традиция // Диалоги классиков — диалоги с классикой : сб. науч. ст. / под ред. О. В. Зырянова, Н. В. Пращерук. Екатеринбург, 2014. С. 194–224. [Medvedev A. A. «Serdce milujushhee» v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i hristianskaja tradicija // Dialogi klassikov — dialogi s klassikoj : sb. nauch. st. / pod red. O. V. Zyrjanova, N. V. Prashheruk. Ekaterinburg, 2014. S. 194–224.]

Попова И. Другая вера как социальное безумие частного человека («Крик осла» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот») // Вопр. литературы. 2007. № 1. С. 149–164. [Popova I. Drugaja vera kak social'noe bezumie chastnogo cheloveka («Krik osla» v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot») // Vopr. literatury. 2007. № 1. S. 149–164.]

Розанов В. В. Собр. соч. : Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. [Rozanov V. V. Sobr. soch. : Literaturnye izgnanniki: N. N. Strahov. K. N. Leont'ev. M., 2001.]

Святаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшаго ниневийскаго, Слова духовно-подвижническия, переведенныя с греческаго старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1854. [Svjatago otca nashego Isaaka Sirina, episkopa byvshago ninevijskago, Slova duhovno-podvizhnicheskija, perevedennyja s grecheskago starcem Paisiem Velichkovskim. Izdanie Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj Pustyni. M., 1854.]

Святаго отца нашего Исаака Сирина Слова духовно-подвижническия. Репр. воспр. изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни (М. : Университетская Типография, 1854). Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2004. [Svjatago otca nashego Isaaka Sirina Slova duhovno-podvizhnicheskija. Repr. vospr. izd. Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj Pustyni (M. : Universitetskaja Tipografija, 1854). Svjato-Vvedenskaja Optina Pustyn', 2004.]

Святого отца нашего Феодора Студита подвижнические монахам наставления // Добротолюбие в русском переводе, доп. : [в 5 т.]. М., 1895–1905. Т. 4. [Svjatogo otca nashego Feodora Studita podvizhnicheskie monaham nastavlenija // Dobrotoljubie v russkom perevode, dop. : [v 5 t.]. M., 1895–1905. T. 4.]

Сирин Исаак, преп. Слова подвижнические. М., 2002. Текст печатается по изд.: Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии, Слова подвижнические. М., 1854. [Sirin Isaak, prep. Slova podvizhnicheskie. M., 2002. Tekst pechataetsja po izd.: Izhe vo svjatyh otca nashego avvy Isaaka Sirijanina, podvizhnika i otshel'nika, byvshego episkopom hristoljubivogo grada Ninevii, Slova podvizhnicheskie. M., 1854.]

Соловьев В. С. Собр. соч. / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 9. [Solov'ev V. S. Sobr. soch. / pod red. S. M. Solov'eva i Je. L. Radlova. 2-e izd. SPb., 1911–1914. T. 9.]

Цветочки святого Франциска / пер. А. П. Печковского // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. М., 1996. С. 763–925. [Cvetochki svjatogo Franciska / per. A. P. Pechkovskogo // Istoki franciskanstva. Svjatoj Francisk Assizskij: pisanija i biografii. M., 1996. S. 763–925.]

Шевырев С. О первых поэтах Италии, предшествовавших Данту // Журн. Мин-ва народного просвещения. СПб., 1837. № 3. С. 501–523. [Shevyrev S. O pervyh pojetah Italii, predshestvovavshih Dantu // Zhurn. Min-va narodnogo prosveshhenija. SPb., 1837. № 3. S. 501–523.]

Cantico delle Creature [Electronic resource] // Storia della letteratura italiana / diretta da Emilio Cecchi e Natalino Sapegno. Milano, 1965; rist. 1984. V. 1. P. 535–536. URL: http://it.wikipedia.org/wiki/Cantico_delle_creature (mode of access: 09.09.2014).

Ozanam A. F. Saint François // Ozanam A. F. Oeuvres complètes, vol. 5. Èd. 2. Paris, 1859.

Статья поступила в редакцию 27.01.2015 г.

УДК 821.161.1 Достоевский-31 + 82.091 **И. В. Ружицкий**

ЕЩЕ РАЗ О «НЕБРЕЖЕНИИ СЛОВОМ» ДОСТОЕВСКОГО*

В статье посредством наблюдений, полученных в ходе работы над Словарем языка Достоевского, дается обоснование осознанного использования писателем языковых средств, таких как повтор, нарушение лексической сочетаемости, употребление слов определенной лексико-семантической группы и др., которые многими критиками творчества писателя квалифицируются как «небрежение словом», нарушение стилистических норм русского языка. Делаются предположения о мотивации в использовании различного вида повторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Достоевский; стиль; небрежение словом; словарь языка писателя.

Существовало и продолжает существовать стереотипное представление о сложности языка Достоевского, о невнимательности автора, иногда доходящей до небрежности, к стилистическому оформлению своих текстов. Такое представление во многом сформировалось в основном «благодаря» отзывам критиков писателя — его современников. Достаточно вспомнить в связи с этим известное *круглый стол овальной формы*:

> Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, к р у г л о г о с т о л а о в а л ь н о й ф о р м ы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель (Преступление и наказание, т. 6, с. 9[1]).

В одном литературном анекдоте М. Н. Катков, читатель более чем искушенный, главный редактор «Русского вестника», в котором был опубликован роман «Преступление и наказание», попросил Достоевского заменить это словосочетание, писатель, подумав, решил, однако, оставить этот фрагмент текста в оригинальном варианте. Критические отзывы, относящиеся прежде всего к стилю Достоевского, мы встречаем с появления самых первых его произведений. Покажем основные направления такого рода критики и дадим им свой краткий комментарий.

В. Г. Белинский писал о том, что в «Бедных людях» и в «Двойнике» видится «сильное влияние Гоголя, даже в обороте фразы», по словам К. С. Аксакова, эти произведения — «жалкая пародия на Гоголя» [цит. по: Иванчикова, с. 9], по словам Д. В. Григоровича, «не только в приеме частого повторения одного и того же слова, но и в постройке самих фраз, в их духе заметно проглядывает влияние Гоголя» [Григорович, с. 92]. Сам Достоевский никогда не скрывал, что учился

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00135 «Многопараметровое представление тезауруса Достоевского» (руководитель — Ю. Н. Караулов).

[1] Здесь и далее номер тома и страницы даются по [Достоевский, 1972–1990].

© Ружицкий И. В., 2015

у Гоголя, к тому же остается совершенно непонятным, почему многими критиками это расценивалось негативно. Отметим, что уже с самых первых произведений язык Достоевского очень сильно отличался от гоголевского стиля, начиная же со второго периода творчества писателя, прежде всего в «Селе Степанчикове», мы находим откровенно ироничное отношение к своему «учителю».

В «Двойнике» и других ранних произведениях многие критики, например В. Г. Белинский и А. А. Григорьев, видели многословие и растянутость, отражающиеся в повторении одних и тех же фраз [см.: Ф. М. Достоевский в русской критике; Иванчикова, с. 8–9]; увлечение Достоевского повтором модальных частиц высмеивал К. С. Аксаков в пародии на поэму «Двойник»: «А этого-то, другого-то и не имеется; таланта-то, господа, поэтического-то, господа, таланта, этак художественного-то и не имеется» [Три критические статьи, с. 35]. В связи с этим, как в «Двойнике», так и во многих других произведениях Достоевского, отражена внутренняя речь персонажа, причем человека, часто находящегося в измененном состоянии сознания, чем, в частности, и обусловлены многочисленные повторы. Сам Достоевский, прислушавшись к мнению своих критиков, в новой редакции «Двойника» 1866 г. сильно сократил повторы и тавтологии [см.: Аванесов]. Надо, однако, сказать, что в большинстве случаев употребление Достоевским модальных частиц и междометий строго мотивировано.

Тот же В. Г. Белинский полагал, что в «Двойнике» герои «говорят почти одинаковым языком» [см.: Три критические статьи], еще более категорично на этот счет высказывался Л. Н. Толстой [см.: Русанов]. По поводу этого стереотипного мнения об «одинаковости» языка героев Достоевского приведем отрывок из книги Е. А. Иванчиковой: «О том, что персонажи романов Достоевского “звучат” по-разному, что, например, язык Дмитрия Карамазова — это язык его чувств, в котором слова отражают каждый оттенок настроения его героя, находим беглые, эмоционально-импрессионистские замечания в работах разных интерпретаторов творчества и мировоззрения Достоевского — Д. С. Мережковского, А. Л. Волынского, в критических этюдах поэта И. Ф. Анненского. “...удивительная канцелярщина Лужина, такая серьезная еще в “Бедных людях”, — писал И. Ф. Анненский. — Но еще выразительнее ироническая небрежность Свидригайлова и восторженная фигуральность Разумихина”. Об индивидуальности речи персонажей Достоевского писал и В. Ф. Переверзев, отмечая, вместе с тем, что “бывают моменты, когда герои Достоевского теряют свой индивидуальный склад фразы”» [Иванчикова, с. 11]. На наш взгляд, более продуктивным стал бы поиск именно таких моментов, чем различий, которые, в общем-то, весьма прозрачны. Это позволило бы выявить типы характеров Достоевского. Например, по многим, чисто языковым показателям схожими оказываются князь Валковский, Свидригайлов и, как ни странно, Ф. П. Карамазов. Что касается часто цитируемых слов Толстого о том, что он не смог дочитать роман «Братья Карамазовы» потому, что все действующие лица, начиная с пятнадцатилетней девочки, говорят одинаковым языком, языком автора, высказывают его мысли, то приведем хотя бы такие примеры, опровергающие данную точку зрения:

[Лиза] Ах, я хочу беспорядка. Я все хочу зажечь дом. Я воображаю, как это я подойду и зажгу потихоньку, непременно чтобы потихоньку. Они-то тушат, а он все горит. А я знаю, да молчу. Ах, глупости! И как скучно! <...> Пусть я богата, а все бедные, я буду конфеты есть и сливки пить, а тем никому не дам. Ах, не говорите, не говорите ничего, — замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не открывал, — вы мне уж прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно. Если я буду бедная, я кого-нибудь убью, — да и богата если буду, может быть, убью, — что сидеть-то! А знаете, я хочу жать, рожь жать. Я за вас выйду, а вы станьте мужиком, настоящим мужиком, у нас жеребеночек, хотите? (Братья Карамазовы, т. 15, с. 21);

[И. Карамазов] Что ты мне давеча говорил про Лизу? — начал опять Иван. (Он становился очень словоохотлив.) — Мне нравится Лиза. Я сказал про нее тебе что-то скверное. Я солгал, она мне нравится... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За будущее. Она завтра бросит меня и растопчет ногами. Она думает, что я из ревности к ней гублю Митю! Да, она это думает! Так вот нет же! Завтра крест, но не виселица. Нет, я не повешусь. Знаешь ли ты, что я никогда не могу лишить себя жизни, Алеша! От подлости, что ли? Я не трус. От жажды жить! Почему это я знал, что Смердяков повесился? Да, это *он* мне сказал... (Там же, с. 86);

[Ф. П. Карамазов] Вы видите пред собою шута, шута воистину! Так и рекомендуюсь. Старая привычка, увы! А что некстати иногда вру, так это даже с намерением, с намерением рассмешить и приятным быть. Надобно же быть приятным, не правда ли? Приезжаю лет семь назад в один городишко, были там делишки, а я кой с какими купчишками завязал было компаньишку. Идем к исправнику, потому что его надо было кой о чем попросить и откушать к нам позвать. Выходит исправник, высокий, толстый, белокурый и угрюмый человек, — самые опасные в таких случаях субъекты: печень у них, печень. Я к нему прямо, и знаете, с развязностию светского человека: “Господин исправник, будьте, говорю, нашим, так сказать, Направником!” — “Каким это, говорит, Направником?” Я уж вижу с первой полсекунды, что дело не выгорело, стоит серьезный, уперся: “Я, говорю, пошутить желал, для общей веселости, так как господин Направник известный наш русский капельмейстер, а нам именно нужно для гармонии нашего предприятия вроде как бы тоже капельмейстера...” (Братья Карамазовы, т. 14, с. 38).

Различия в речи персонажей, Лизы (той самой пятнадцатилетней девочки в высказывании Толстого), И. Карамазова и Ф. П. Карамазова, очевидны: они проявляются и в построении фразы, и в оперировании отсылками к прецедентным текстам, и в использовании суффиксов субъективной оценки, модальных частиц и междометий, и др., хотя, конечно, в том, что везде так или иначе слышен голос автора, Толстой, вероятно, прав.

Относительно мнения о злоупотреблении Достоевским различного рода повторами приведем одно наблюдение, которое в полной мере подтверждается исследованием Л. Хеллгрен [см.: Hellgren]. Достоевский очень избирателен в выборе глаголов введения речи, они практически никогда не дублируются в одном диалоге, в отличие, например, от Толстого, у которого мы как раз встречаем их многочисленные повторы. В сравнительной таблице частоты употребления глаголов введения речи у Толстого, Гоголя, Достоевского и Тургенева («Анна Каренина», «Рудин», «Отцы и дети», «Новь», «Мертвые души», «Преступление

и наказание») Хеллгрен приводит следующие, весьма показательные данные [см.: Hellgren, p. 142]:

> Число различных глаголов: 202
> Тургенев — 105
> Гоголь — 39 (но общий объем «Мертвых душ» значительно меньше)
> Достоевский — 120
> Толстой — 84
> Количество уникальных глаголов у каждого автора:
> Тургенев — 37
> Гоголь — 6
> Достоевский — 54
> Толстой — 23

Что касается глаголов введения речи, их разнообразия у Достоевского по сравнению с другими авторами XIX в., скажем следующее: достаточно проанализировать небольшие фрагменты, например, романов «Идиот» и «Анна Каренина», и мы увидим, что в первом случае на двух страницах употребляются *пробормотала*, *перебила вдруг*, *прибавила*, *вскричала*, *сказала*, *проговорила скороговоркой*, *проговорил тоже почти шепотом*, *повторил решительно*, *обернулась*, *обратилась* (8 способов введения речи и ни одного повтора) и во втором, тоже на двух страницах, — *закричал*, *говорил*, *сказал* (6 раз), *прибавил*, т. е. всего 4 глагола введения речи и 6 раз повторяется *сказал*.

Многие критики негативно относились к немотивированному использованию разговорной формы писем Макара Девушкина, главного героя «Бедных людей». Например, К. С. Аксаков писал, что «так мог говорить чиновник, но он не мог так писать» [цит. по: Иванчикова, с. 8]. Непонятно, чем вызвано столь категоричное суждение К. С. Аксакова. Полагаем, что только так и мог писать романтические, во многом исповедальные письма бедный чиновник середины XIX в., достаточно образованный и склонный к рефлексии. Личные письма самого Достоевского имеют много общего с письмами его героя — и в композиции, и в способах выражения различных интенций, например, жалобы или нравоучения, и в использовании разговорных интонаций изложения. Более того, если бы К. С. Аксаков прочитал такого рода письма в современной электронной сети, то и здесь обнаружил бы много общего с письмами Девушкина, в том числе и в языке. Девушкин — это не просто тип чиновника, это своеобразный психо- и социотип, который, по всей видимости, вечен и даже не очень сильно зависит от принадлежности к национальной культуре.

Критиками, например, в журналах «Иллюстрация» и «Библиотека для чтения», отмечалось пристрастие Достоевского к формам уменьшительности: «Неизвестно, почему вообразили себе наши сатирики, что мелкие чиновники говорят только уменьшительными» [цит. по: Иванчикова, с. 8]. Свою любовь к уменьшительно-ласкательным суффиксам Достоевский сохранил и в более поздних произведениях, причем отчетливо прослеживается зависимость использования суффиксов субъективной оценки от того, кто их употребляет,

от характера персонажа: это маркер прежде всего «шутов» Достоевского, таких как Ежевикин, Фердыщенко, Ф. П. Карамазов и т. п., но в речи, например, Ставрогина или И. Карамазова мы их практически не встречаем.

Достоевского также обвиняли в однообразии и «слащавости» [см.: Замотин, с. 7–9]. В связи с этим скажем, что первые произведения Достоевского настолько разные по жанрам, что говорить об «однообразии» вряд ли возможно, что же касается «слащавости», то данный трудноопределимый эпитет применим разве что к написанным в четком соответствии с канонами романтизма «Белым ночам».

Мы также находим следующие критические отзывы, относящиеся к произведениям первого и второго периодов творчества Достоевского: увлечение «парадными» и «театральными» эпитетами [см.: Замотин]; «подражание языку канцелярских отношений» (А. А. Григорьев) [цит. по: Иванчикова, с. 8–9]; употребление в художественных произведениях «делового слога» (А. А. Григорьев) [см.: Там же]; роман «Униженные и оскорбленные» — «ниже эстетической критики», поскольку «даже в изложении своем (роман) обнаруживает отсутствие претензий на художественное значение» [Добролюбов, с. 51] и т. п. В более поздней критике и вплоть до настоящего времени мы встречаем обвинения Достоевского в многословии, неотредактированности текстов, нестройности слога и т. д. Редкие положительные отзывы критиков языка Достоевского, например, авторская «способность переселяться в кожу своего персонажа» (В. Г. Белинский), говорить его языком, часто прямо противоречат отмеченным ими же недостаткам.

Под напором такого рода критики Достоевский часто сам вынужден был оправдываться, объяснять «стилистическую небрежность» своих текстов нехваткой времени на редактирование, необходимостью писать быстрее, зарабатывая на жизнь только литературным трудом:

> [М. Н. Каткову] «Судьба моя, вероятно, работать *из-за денег*[2], в самом стеснительном смысле слова» (Письма, т. 28/1, с. 298);
>
> [М. М. Достоевскому] «Но написано уже много, бросить нельзя, чтоб начать другую, а долг надо отдать. И всю-то я жизнь буду писать из-за денег! Да хоть бы я имел даже сильный талант, и тот пропадет в этой тоске» (Там же, с. 316); «За что же я-то, с моими нуждами, беру только 100 руб., а Тургенев, у которого 2000 душ, по 400? От бедности я *принужден* торопиться, а писать для денег, следовательно, *непременно портить*» (Там же, с. 325);
>
> [А. Е. Врангелю] «Работа из нужды, из денег задавила и съела меня» (Письма, т. 28/2, с. 119).

Приведем в связи с этим мнение Ю. Н. Караулова, с которым мы полностью согласны: «...будь у Достоевского больше времени для шлифовки слога, он, вероятно, писал бы все тем же стилем пространных монологов, драматических отступлений и словесных нагромождений, — потому что это была его манера, его собственная и неодолимая стилистическая особенность, его естественный способ выражения: от него он не мог отказаться, даже если бы материальная обеспеченность позволила ему по три раза переписывать одну страницу» [Караулов, с. 108–109].

---

[2] Здесь и далее в цитируемых примерах курсив автора, Ф. М. Достоевского.

Первое серьезное научное опровержение стереотипного представления о «небрежении словом» Достоевским мы находим в статье Д. С. Лихачева, писавшего об авторской «сознательной и целенаправленной “неточности” языка» [Лихачев, с. 31], целью которой является создание «неожиданных соединений разных фактов, которые сам читатель должен додумать и объяснить себе» [Там же, с. 35]. То же касается и многочисленных повторов у Достоевского, которые, однако, далеко не всегда рассчитаны только на создание смехового эффекта: «Игра словами одного корня или близких по звучанию, но не по значению, используется Достоевским для каких-то неясных, но очень глубоких сопоставлений» [Там же, с. 37]. Такого рода повторы мы обозначили как игровое употребление слова, используемое в особой, познавательной функции (с их помощью автор находит способы выражения тончайших смысловых нюансов) [подробнее см.: Ружицкий]:

[Голядкин] Не т р о н ь т е меня, ведь я вас не з а т р о г и в а ю (Двойник, с. 147);

Компания была чрезвычайно р а з н о о б р а з н а я и отличалась не только р а з н о о б р а з и е м, но и б е з о б р а з и е м (Идиот, с. 95);

[Кириллов, рассуждая о самоубийцах] Есть два рода: те, которые убивают себя или с большой грусти, или со злости, или сумасшедшие, или там все равно... Те вдруг. Те мало о боли думают, а вдруг. А которые с р а с с у д к а — те много думают. / [Хроникер] Да разве есть такие, что с р а с с у д к а? / — Очень много. Если б п р е д р а с с у д к а не было, было бы больше; очень много; все (Бесы, с. 93);

Да, но мне кажется, что все, что не особенно настойчиво з а п р е щ е н о, то можно бы считать д о з в о л е н н ы м. / — Совсем напротив-с: все то, что не особенно настойчиво д о з в о л е н о, надо несомненно считать уже з а п р е щ е н н ы м. Это краткий комический разговор ч е л о в е к а п о р я д к а с ч е л о в е к о м б е с п о р я д к а, происходивший во Франции (Дневник писателя, т. 25, с. 212).

В ходе работы над Словарем языка Достоевского [см.: СЯД] мы обнаружили многочисленные опровержения того, что Достоевский злоупотребляет немотивированными повторами. Приведем некоторые примеры, кроме тех, о которых уже было сказано выше:

(1) Разнообразные концовки писем, в первую очередь — жене, А. Г. Достоевской:

Любящий тебя Д.;

Твой муж Федор Достоевский;

Ф. Достоевский;

Твой весь, твой муж, тебя обожающий Фед<ор> Достоев<ский>;

Обнимаю тебя крепко, целую бессчетно. Твой Ф. Д<остоевский>;

Благодарю тебя, милая, от души целую и обнимаю. Достоевский;

Твой вечный и верный Фед<ор> Достоевский;

Твой муж верный и любящий. Ф. Дост<оевский>;

Целую тебя миллион раз и обожаю навеки, твой верный и любящий Федор Достоевский;

Целую тебя, твои руки и ноги, твой вечно любящий Федор Достоевский;

До свидания, голубчик, твой нежный очень, хотя и сердитый муж. Ф. Достоевский.

И при этом ни одного раза — Федя и один раз — Федор.

(2) Строгая избирательность Достоевского в выборе языковых средств отражается и в использовании писателем бранной лексики, многообразие которой, причем многообразие функциональное, служит для раскрытия художественного образа: *баран*, *бараний лоб*, *балбесина*, *балясина*, *басурман*, *бирюлина корова*, *болван*, *варнак*, *вахлак*, *верхопляс*, *вольнодумец*, *выжига*, *гвоздырь*, *голландская рожа*, *греховодник*, *дурында*, *ехидна*, *жид*, *жид пархатый*, *каблук*, *каналья*, *князь*, *колбаса*, *колбасник*, *колпаки*, *кошон*, *лайдак*, *маска привозная*, *мерзавец*, *мерзавцы-безобразники*, *мудрец*, *обтирка сапога*, *обшмыга*, *олух*, *парх*, *паршивик*, *паршивка*, *пащенок*, *пентюх*, *пехтерь*, *подлец*, *полишинель*, *посконная голова*, *проклятая тварь*, *пупырь*, *разбойник*, *ракалья*, *ракалья анафемская*, *сволочь*, *сопляк*, *срамец*, *смрадная букашка*, *тать окаянный*, *тварь*, *тряпка*, *туз*, *тузовый*, *ученый*, *фанфарон*, *фурий*, *фурия*, *халдей*, *хамлет*, *цыганка*, *чума бендерская*, *шельма*, *шельмец*, *язва сибирская*, *язычник* и др.

(3) В Словаре языка Достоевского в одной из зон комментария словарной статьи фиксируются все случаи подчинительных связей описываемого слова, вследствие чего материал, представленный в данной рубрике комментария, является достаточно объективным и репрезентативным. Наблюдения показывают, что повторы гипотаксиса у Достоевского чрезвычайно редки, причем не только в контексте одного произведения, но и всего творчества писателя.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что, как это бывает довольно часто в случаях с навязанными и неаргументированными стереотипными представлениями, в реальности все обстоит с точностью до наоборот. Мы, скорее, имеем дело не с «небрежением стилем» у Достоевского, но с предельно строгой избирательностью в выборе тех или иных языковых средств. Это относится и к выбору слова (в частности, глаголов введения речи), и к концовкам писем (так же, как и к скрупулезной продуманности их композиции), и к сочетаемости слов, в том числе и к отклонениям от норм сочетаемости, и к многочисленным повторам. Такая избирательность сопоставима с отношением к тексту филолога, занимающегося культурой речи, или учителя, имеющего большой опыт проверки сочинений. Избирательность, подчас граничащая с патологией...

Аванесов Р. И. Достоевский в работе над «Двойником» // Творческая история. Исследования по русской литературе / под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1927. С. 154–191. [Avanesov R. I. Dostoevskij v rabote nad «Dvojnikom» // Tvorcheskaja istorija. Issledovanija po russkoj literature / pod red. N. K. Piksanova. M., 1927. S. 154–191.]

Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. [Grigorovich D. V. Literaturnye vospominanija. M., 1961.]

Добролюбов Н. А. Забитые люди // Современник. 1861. № 9. С. 99–149. [Dobroljubov N. A. Zabitye ljudi // Sovremennik. 1861. № 9. S. 99–149.]

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. [Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L., 1972–1990.]

Замотин И. И. Достоевский в русской критике. Ч. 1. Варшава, 1913. [Zamotin I. I. Dostoevskij v russkoj kritike. Ch. 1. Varshava, 1913.]

Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979. [Ivanchikova E. A. Sintaksis hudozhestvennoj prozy Dostoevskogo. M., 1979.]

Караулов Ю. Н. Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Слово Достоевского — 2014. Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е. А. Осокиной. М., 2014. С. 107–114. [Karaulov Ju. N. Ob «Idioglossarii Dostoevskogo» // Slovo Dostoevskogo — 2014. Idiostil' i kartina mira / pod obshh. red. E. A. Osokinoj. M., 2014. S. 107–114.]

Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского // Достоевский : материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 30–41. [Lihachev D. S. «Nebrezhenie slovom» u Dostoevskogo // Dostoevskij : materialy i issledovanija. T. 2. L., 1976. S. 30–41.]

Ружицкий И. В. Языковая игра у Ф. М. Достоевского // Рус. речь. 2014. № 4. С. 15–22. [Ruzhickij I. V. Jazykovaja igra u F. M. Dostoevskogo // Rus. rech'. 2014. № 4. S. 15–22.]

Русанов Г. А., *Русанов А. Г.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883–1901 гг. Воронеж, 1972. [Rusanov G. A., Rusanov A. G. Vospominanija o L've Nikolaeviche Tolstom. 1883–1901 gg. Voronezh, 1972.]

СЯД — Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2008–. [Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij / pod red. Ju. N. Karaulova. M., 2008–.]

Три критические статьи г-на Имрек // Моск. лит. ученый сб. на 1847 год. М., 1847. [Tri kriticheskie stat'i g-na Imrek // Mosk. lit. uchenyj sb. na 1847 god. M., 1847.]

Ф. М. Достоевский в русской критике : сб. ст. М., 1956. [F. M. Dostoevskij v russkoj kritike : sb. st. M., 1956.]

Hellgren L. Dialogues in Turgenev's Novels: Speech-Introductory Devices. Stockholm, 1980.

Статья поступила в редакцию 14.03.2015 г.

УДК 791.633(489) + 821.161.1 Достоевский-31 **О. Н. Турышева**

ЛАРС ФОН ТРИЕР КАК ИВАН КАРАМАЗОВ

Статья посвящена творчеству современного датского режиссера и сценариста Ларса фон Триера. Выдвигается и обосновывается гипотеза феномена близости его кинематографа художественному миру Ф. М. Достоевского. Многочисленные параллели трактуются как следствие того, что фон Триер в своих фильмах воспроизводит то мирочувствование, которое Достоевский воплотил в образе Ивана Карамазова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ларс фон Триер; Достоевский; Иван Карамазов; сознание героя; сознание автора.

Близость художественных миров датского режиссера Ларса фон Триера и Ф. М. Достоевского уже неоднократно была проговорена в кинокритике, прежде всего, русской [см., например, Лунгин]. Однако, до сего момента это наблюдение получило свое воплощение лишь в самых лаконичных репликах. Ни развернутого анализа, ни рефлексивного осмысления этого феномена — феномена сходства поэтических миров столь разных художников — пока предложено не было. Между тем, оснований для постановки этого вопроса Ларс фон Триер предоставляет достаточно.

© Турышева О. Н., 2015

С одной стороны, таковым является сама «жестокая» направленность творчества фон Триера, предлагающего своему зрителю эстетический опыт, требующий невероятного напряжения рецептивных возможностей. Своего реципиента фон Триер принуждает к преодолению всех устоявшихся представлений о том, что может, а что не может быть предметом визуализации в искусстве интеллектуального кинематографа[1]. «Жестокость таланта» фон Триера проявляет себя и в провокативности тех художественных решений, которые он предлагает своему зрителю в отношении вопросов, имеющих, казалось бы, вполне определенное решение в культуре христианского мира. Так, в «Медее» (1988) он требует от зрителя принять правоту своей героини, в фильмах трилогии «Золотое сердце» (1996, 1998, 2000) — признать святость, сопряженную с девиантными формами поведения и даже выражающую себя в убийстве, в трилогии «Депрессия» (2009, 2011, 2013) — вникнуть в логику поведения тех своих героинь, которые являются носительницами неискупимой, казалось бы, вины.

С другой стороны, для сопоставления творчества фон Триера и Достоевского есть и содержательные основания: зрителю, хорошо знакомому с русской классикой, нетрудно усмотреть в сюжетах триеровских сценариев очевидные реминисценции из творчества Достоевского. Они имеют как тематический, так и сюжетный формат. Так, фильмы из «Золотого сердца» по-своему разрабатывают «достоевскую» тему трагедии христоподобного человека, губящего себя самого в сострадании к другому: образ Сони Мармеладовой явственно просвечивает в образах героинь фильмов «Рассекая волны» (1996) и «Танцующая в темноте» (2000). К воспоминанию романов Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы», очевидно, апеллируют фильмы «Догвилль» (2003) и «Мандерлей» (2005), а фильмы трилогии «Депрессия» содержат в себе целый комплекс «достоевских» аллюзий, заставляя вспомнить и исступленный надрыв Настасьи Филипповны, и «самоиспепеление на огне плотских страстей» (М. Эпштейн) Свидригайлова и Ставрогина, и подлую казуистику подпольного человека, и страдания героев романа «Братья Карамазовы».

Можно, конечно, предположить, что в основе этих совпадений лежит сознательная авторская отсылка к отдельным произведениям русского романиста, и это, кажется, подтверждается собственными свидетельствами фон Триера. Так, в ряде интервью он называет в круге своего чтения такие романы, как «Идиот» и «Братья Карамазовы». О знакомстве фон Триера с творчеством Достоевского свидетельствуют и его биографы. Однако, только на этом основании настаивать на цитатном характере совпадающих у Достоевского и фон Триера образов и мотивов невозможно. Сам фон Триер, очень сдержанно апеллируя к имени Достоевского, никак не комментирует наличие очевидных параллелей с его творчеством. На фоне множества «достоевских» элементов в кинопоэтике фон Триера это тем более странно, что о влиянии ряда других писателей и режиссеров он в своих интервью говорит подробно, охотно поясняя характер смыслового присутствия их аллюзий в собственном творчестве. Правда, в том случае, когда

[1] Особенно это замечание касается последних фильмов Л. фон Триера.

признает эту ориентацию изначально входящей в состав замысла. По поводу интертекстуальных интерпретаций своих исследователей фон Триер в беседе со Стигом Бьоркманом высказался так: «Существует некий культурный фон, который тоже по-разному на что-то влияет. Но я никогда не задумываюсь, как тот огромный материал в виде книг, кино и прочих художественных впечатлений, который я вобрал в себя, может повлиять на меня при создании моих историй. Эти впечатления остаются со мной, и, естественно, тот опыт и те знания, которые я приобрел в своей предыдущей жизни, могут просочиться в рассказ, над которым я работаю» [Ларс фон Триер, с. 315].

И все-таки думается, что случай с Достоевским имеет иную природу. Выскажем предположение: параллели в данном случае обусловлены не столько интертекстуальными механизмами творчества, сколько мировоззренческой близостью. Но не с самим Достоевским, а с его героем — Иваном Карамазовым. Представляется, что Ларс фон Триер демонстрирует то самое мирочувствование, которое Достоевский воплотил в образе своего героя. Такая гипотеза позволяет объяснить и то, что при обилии наблюдаемых мотивов из Достоевского, они в кинематографе фон Триера получают полемическое по отношению к предполагаемому нами источнику решение. Возможно, это происходит именно потому, что фон Триер не ориентируется на творчество Достоевского, а воспроизводит тип мышления его героя, ментально совпадая с характером его миропонимания. Подобно Ивану Карамазову, сочинителю легенды о Великом инквизиторе, Ларс фон Триер слагает и экранизирует свои собственные поэмы, множеством смысловых совпадений связанные как друг с другом, так и с поэмой Ивана. Последовательно остановимся на тех аспектах творчества фон Триера, которые сближают его с героем Достоевского, оттолкнувшись от главных тезисов Карамазова.

Тезис первый: «*Я не верю в порядок вещей*», «*я... мира божьего не принимаю и не могу согласиться принять*». Этим максимам Ивана Карамазова прямо соответствует следующее высказывание Ларса фон Триера: «Я не могу назвать себя верующим человеком. Уже давно мне представляется, что наша планета, природа и человек не могли быть созданы тем самым милосердным христианским Богом» [Молчанов]. Милосердие (да и само существование) Творца и присутствие смысла в «порядке вещей» подчеркнуто отвергается в последней кинематографической трилогии фон Триера. Это цикл «Депрессия», явственно демонстрирующий переживаемый художником мировоззренческий слом, очевидно, связанный с утратой понимания мира как разумно, «милосердно» устроенного порядка.

В первом фильме этой трилогии — «Антихрист» (2009) — данное мироперeживание находит свое выражение в идее о том, что «природа — церковь сатаны», ее творцом является не Бог, а дьявол. Эта фраза вложена в уста героини, жестоко страдающей от справедливого присвоения себе вины в смерти сына. При этом переживание вины не является следствием потери ребенка, в фильме оно изображено как причина «допущения» его гибели. Героиня, наблюдая ситуацию, опасную для жизни маленького мальчика, не прерывает чувственного удовольствия, фактически принося своего ребенка в жертву оргазму. Будучи уверенной

в порочности женской природы вообще, она таким страшным образом — в согласии на смерть сына — подтверждает свою страдальческую принадлежность к ней, в финале направляя весь гнев на свое женское естество.

Идея о том, что природа лишена разумного начала и производит только смерть, подтверждается всей образной системой фильма. На протяжении всего действия природа изображается как то, что порождает смерть, а не жизнь. Фильм изобилует страшными смертоносными образами. Это секс, завершающийся не зачатием, а убийством ребенка; это цветы, в жизненном цикле которых камера акцентирует разложение опущенных в воду стеблей; это атакующие человека кровососущие насекомые; это пулеметной дробью барабанящие по крыше старого дома падающие желуди, стремящиеся к своей смерти; это выпавший из гнезда птенец, пожираемый муравьями и потом забитый собственным родителем.

Чудовищная символика природы как царства смерти находит свое особенное обобщение в трех образах: оленихи, несущей мертвого олененка, наполовину покинувшего ее утробу (символ скорби, как позволяет реконструировать текст фильма); лисицы, пожирающей свое нутро (символ внутренней боли); и ворона, неизвестно как оказавшегося заживо погребенным в лисьей норе (символ отчаяния). Все эти три образа убедительно поддерживают идею женщины о том, что природа, не просто равнодушная к страданиям и смертям, но сама их производящая, есть создание не Бога, но дьявола. Женщина, отождествляя себя с природой, произносит ей (а значит, и себе) приговор.

Само место действия, в котором женщина казнит себя, а мужчина убивает ее за это, в фильме называется Эдемом. Фон Триер предпринимает тотальную инверсию библейской сюжетики: Адам и Ева[2] не покидают Эдем в знак наказания за преступление, а возвращаются в него, чтобы забыть о вине; Адам из жертвы соблазна сам становится соблазнителем, искушая Еву освобождением от чувства вины; Эдем из места сотворения человека превращается в царство смерти, кладбище человечества[3]. Именно здесь женщина завершает процесс самопознания собственной казнью. Примечательно, что в ряде интервью фон Триер отождествляет себя со своей героиней, разделяя ее уверенность в зле человеческой природы.

Прямое отвержение мира как разумно милосердным Богом устроенного порядка в следующем, втором фильме трилогии закономерно выливается в благословение его гибели. Это фильм «Меланхолия» (2011), в системе персонажей которого режиссер тоже выделяет героиню, на идентификацию с которой прямо указывает в своих интервью. Это Джастин. В ее уста фон Триером вложена центральная идеологема фильма: «Жизнь на Земле — зло», поэтому гибель Земли станет освобождением от того незаметного, казалось бы, апокалипсиса, который ежеминутно свершается в человеческих жизнях, втянутых в неистинные отношения и вынужденные ритуалы. Убежденность Джастин в том, что человечество не заслуживает спасения, воплощается в мощной энергии самоистребления и истребления всей планеты. Так, фильм содержит прямые намеки на то, что она

[2] Эти имена, очевидно, подразумеваются в фильме, недаром герои выведены безымянными.

[3] В одном из последних кадров камера фиксирует горы трупов, усеивающих земли Эдема.

сознательно и планомерно способствует апокалипсису, притягивая несущуюся на Землю планету Меланхолия. Такое откровенное приветствие конца света содержится в сцене, где героиня отдает свое обнаженное тело ночному свету Меланхолии, фактически празднуя свадьбу с тем, что окончательно уничтожит жизнь[4]. В результате Меланхолия, первоначально, вроде бы выбравшая траекторию обходного пути, отзывается на зов Джастин и сокрушает Землю.

Оба рассмотренных фильма выводят свои трагические коллизии из одного переживания. Это переживание, получившее свое четкое описание в исповеди Ивана Карамазова, — «неверие в жизнь», разочарование в «порядке вещей», допущение того, что «все [есть] беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовский хаос», а говоря словами триеровских героинь — «церковь сатаны» и «зло».

Тезис второй: «*Мне надо возмездие*». Идея возмездия также является сквозной в кинематографе Ларса фон Триера. Впервые со всей определенностью она была заявлена в фильме «Медея» (1988). Интерпретируя древний сюжет, фон Триер особым образом расставляет акценты. Убийство Медеей своих детей и самого Ясона выглядит в фильме так, будто в его основе лежит не месть преданной женщины, а возмездие свыше, божественное наказание отступника. После финальной заставки, которая представляет собой имя героини, где буква D оформлена как дерево, на ветвях которого висят повешенные Медеей дети, следует авторское «послесловие»: «Жизнь человека — путешествие во тьму, где только богам подвластно найти дорогу, потому что бог может сделать то, на что человек даже не отваживается и надеяться». В свете этого послесловия Медея представлена богиней, преодолевающей тьму предательства в совершении страшного акта умерщвления своих детей и находящей новую дорогу — в супружестве с Эгеем.

В фильме нет осуждения героини. Так, примечательно, что старший сын Медеи полностью принимает ее право распорядиться жизнями своих детей: сначала он помогает ей в убийстве младшего брата, а потом сам протягивает ей веревку, на которой должен быть повешен, сам делает петлю и сам надевает ее на шею. Ее божественная воля и ее право на наказание не подвергаются никакому сомнению.

Тема справедливости воздаяния, даже связанного с убийством детей, находит свое продолжение в знаменитом «Догвилле» (2003). Героиня фильма Грейс смиренными трудами и милосердным пониманием благодарно оплачивает жителям города Догвилль согласие ее приютить. Однако ответной платой за ее самоотдачу становятся лишь насилие, чудовищное унижение, подлое использование ее бедственного положения и беззащитного тела. Но даже будучи посаженной на цепь и принужденной удовлетворять сексуальные потребности мужчин Догвилля, Грейс не ропщет — в силу того, что мыслит долготерпение в рамках христианской этики: как доблесть всепрощения и смирения. Однако в финале из «безопасного создания», согласного на бесконечное жертвование собой, она превращается в палача, благословляя уничтожение всего города вплоть до грудного ребенка и участвуя в нем, собственноручно расстреливая того, кто ее предал.

[4] Целый ряд образов и ситуаций поддерживает такую расшифровку данной сцены.

Целый ряд критиков финальное преображение Грейс трактуют как свидетельство ее поражения, неспособности до конца осуществить позицию милосердствования. Так, А. Долин, автор единственной русской монографии о творчестве Ларса фон Триера, считает, что Грейс терпит катастрофическую неудачу по той причине, что в основе ее милосердия лежит не боль за страдания близкого, а идея, принцип, в гордыне предназначенная себе роль Иисуса, умозрительная страсть служения, взлелеянная к тому же в противостоянии жестокому отцу. Поэтому, когда «наступает предел доброты, за ней обнаруживается ужасающая пропасть бесстрастного и справедливого возмездия» [Долин, 2007, с. 172]. В рамках данной трактовки Грейс превращается в слабого подражателя Христа, не выдержавшего страданий предписанного себе крестного пути. Однако этой трактовке противоречит готовность самой Грейс принимать страдание и дальше (первоначально она настаивает на том, чтобы отец оставил ее в Догвилле — чтобы испить свою чашу до дна[5]), а также содержание того идеологического спора, который предшествует ее решению об уничтожении города.

Само содержание этого спора удивительным образом напоминает монолог Великого инквизитора, диалогически адресованного молчащему Христу в поэме Ивана Карамазова. Отец Грейс (предводитель гангстеров, Большой Человек, как обозначена его фигура в тексте сценария) подобно инквизитору Достоевского настаивает на том, что добро обеспечивает власть, а вовсе не прощение и вера в человека, ибо «собак», как он говорит, «можно остановить только плетью» [Там же, с. 388].

Фактически, Большой Человек обвиняет свою дочь в том, в чем Великий инквизитор обвинял Христа; с его точки зрения, позиция всепрощения способствует увеличению зла: «Ты снимаешь с них бремя вины. Что может быть высокомернее?» [Там же]. Согласно его мнению, всепрощение, дарованное вне каких бы то ни было требований и условий, а просто во имя любви и веры, оставляет людей в неведении относительно того зла, которое они творят. Именно эта позиция, в рамках которой прощение есть высокомерие, а милосердие — форма безответственности, и побеждает в фильме: Грейс принимает точку зрения своего отца, соглашаясь с идеей преступности смиренной доброты и справедливости воздаяния.

Логика датского режиссера здесь обнажает свою очевидную близость к логике инквизитора и его автора — Ивана Карамазова, отвергающего возможность прощения и требующего возмездия.

Тезис третий: «*Человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал*», «*он слаб и подл*». Это высказывание великого инквизитора находит свое абсолютное подтверждение в фильмах незавершенной трилогии «USA» — «Догвилле» и «Мандерлее» (2005). Сюжеты обоих фильмов сосредоточены на событии испытания человеческой природы. В «Догвилле» предметом испытания становятся элементарные основы человеческого взаимодействия: сочувствие, соблюдение договора, уважение к достоинству другого человека, непосягательство на его

[5] Сцена, антонимичная евангельскому молению о чаше.

свободу. Жители Догвилля этого испытания не выдерживают. Их «слабость и подлость» особенно подчеркнута очевидными христианскими аллюзиями, первостепенной из которых является аллюзия на мотив снисхождения Божественной Благодати. Этот глубинный пласт сюжета с легкостью выявляется посредством расшифровки семантики имени героини (Грейс — от англ. *grace* 'милость'), что позволяет трактовать ее появление в Догвилле в качестве события нисхождения милости Божией или даже пришествия Христа[6], ведь жертва Иисуса в христианстве и трактуется как проявление любви Бога к человеку. В этом плане сюжет фильма оказывается откровенно экспериментальным: фон Триер наглядно показывает, до каких, не подлежащих никакому прощению низостей может дойти человеческая природа в стремлении присвоить и использовать дар доброты и милосердия.

В соответствии с этой интерпретацией, пишущие о «Догвилле» часто вспоминают ветхозаветный сюжет Содома и Гоморры, испепеленных Божественным гневом. В контексте этой аллюзии фильм и рассматривается как притча о справедливости воздаяния.

В «Мандерлее» предмет сюжетного испытания другой — способность человека к свободе. Здесь фон Триер продолжает историю Грейс, помещая ее в контекст американской истории рабства. Однако под исторически конкретным фоном, очевидно, скрывается притча универсального содержания, удивительным образом напоминающая поэму Ивана Карамазова — за исключением, правда, ее финала.

Попав на хлопковую плантацию, где и через 70 лет после отмены рабства практикуется рабский труд, Грейс пытается вернуть бывшим рабам достоинство и свободу, посвящая все свои силы их убеждению и просвещению. Трудясь над созданием коммуны свободных тружеников, она переносит все тяготы, которые выпадают на долю жителей Мандерлея, совершает трагические ошибки, принимая на себя весь груз ответственности за них.

Однако жертвенные труды Грейс не увенчиваются успехом: бывшие рабы стремятся вернуться в рабское состояние, отказываясь от свободы как ненужного бремени — в полном соответствии с тем, на чем в разговоре с Христом настаивает инквизитор Достоевского. Более того, бывшие рабы Мандерлея готовы принудить ее выполнять роль «хранительницы» для не способных к свободе «тварей», рабовладелицы, дарующей хлеб и наказывающей за проступки. И как ни пытается Грейс избежать столь отвратительной для нее роли, в финале она берется за плетку и остервенело бичует оскорбившего ее раба Тимоти — того самого, которого она в самом начале фильма освободила от наказания предшествующей рабовладелицы. Тотальное поражение Грейс в этом фильме связано не только с тем, что она не выдержала тяжести той задачи, которую поставила перед собой, но и с тем, что люди, на которых был направлен ее самоотверженный подвиг, не подтвердили ее веры в свою способность к свободе. Начав свой путь в облике

[6] Ларс фон Триер не отвергает возможности такого толкования «Догвилля» — как истории, идеологически альтернативной Евангелию, истории об Иисусе, который не подставил вторую щеку [Ларс фон Триер, с. 315].

Христа, она заканчивает его ролью инквизитора, убедившись в слабости и подлости человеческой природы. «Мандерлей» вполне определенно подтверждает логику карамазовского инквизитора.

Тезис четвертый: «*Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо*». Интересно, что этот тезис Ивана Карамазова находит свое подтверждение в фильмах, которые следуют за произведениями, как раз изображающими чудо Христовой любви. Т. е., размышляя о возможности любви, фон Триер первоначально посвящает целый кинематографический цикл ее героическим проявлениям (трилогия «Золотое сердце») и только в последующих фильмах акцентирует ее невоплотимость и иллюзорность. Но, повторим, трилогия «Золотое сердце» как раз обращается к образу христоподобного человека, в любви к другому жертвующему собой без остатка. Это Бесс из фильма «Рассекая волны» (1996), которая в стремлении спасти мужа поднимается до абсолютных высот самопожертвования, смиренно принимая все испытания на пути осуществления свой жертвы: утрату доброго имени, презрение толпы, отвращение собственной матери, наконец, страх мученической смерти. Высота подвига Бесс подчеркивается в фильме ее откровенным, в целой серии эпизодов, сопоставлением с Христом. Другая героиня этой трилогии — Карен («Идиоты» (1998)) — добровольно принимает на себя страдание во имя искупления своей вины, а также во имя сострадания к своим друзьям. Наконец, Сельма, героиня фильма «Танцующая в темноте» (2000), приносящая на алтарь своей любви к сыну собственную жизнь. Интересно, что все фильмы этой трилогии подразумевают поэтику житийного жанра: фон Триер здесь рассказывает об исключительных проявлениях любви, причем историю о Бесс он в полном соответствии с жанровыми требованиями жития увенчивает чудом.

Однако в незавершенной трилогии «USA», следующей после «Золотого сердца», изображается как раз тот случай, который Иван Карамазов назвал «надрывом лжи», «заказанным долгом любви», «натащенной на себя эпитимией». В «Догвилле» и «Мандерлее» идеал христианской любви уже изображается как неосуществимый. То, что удавалось героиням «Золотого сердца», героине двух фильмов «USA» уже не удается: милосердная, исходящая из веры в человека позиция Грейс терпит поражение и в первом, и во втором фильме трилогии.

Невозможность сострадательной любви рисуется фон Триером и в последней трилогии — «Депрессия», а именно в ее заключительном фильме «Нимфоманка» (2013). Архетипически сюжет фильма воспроизводит ситуацию «Христос и блудница». Интеллектуал Селигман, слушая рассказ считающей себя преступницей Джо, проявляет, казалось бы, подлинное сострадание: подобно Христу, он отказывается от осуждения грешницы. Однако финальные кадры бесповоротно разоблачают в нем самозванца, лжехриста, баюкающего больную совесть своей гостьи не во имя сочувствия и поддержки, а во имя права требовать вознаграждения, позволившего бы ему реализовать свою подавленную интеллектом сексуальность. Обещание Христовой любви здесь обнажает свою эгоистическую изнанку, что становится причиной справедливого возмездия со стороны героини.

Тезис пятый: «*Остановимся на страданиях... детей... Нельзя страдать неповинному!*». К этому аргументу фон Триер откровенно, настойчиво и почти прямолинейно прибегает в трилогии «Депрессия», всегда используя его с целью акцентирования вины своих героев.

Выше мы писали, что в «Антихристе» болезненная уверенность героини в изначальной греховности женской природы становится причиной «допущения» смерти сына. Однако преступность женщины находит свое выражение задолго до трагического происшествия. Так, после гибели мальчика обнаруживается, что женщина систематически принуждала сына носить ботинки на разные ножки, что в итоге привело к искривлению его маленьких стоп. Это необъяснимое, казалось бы, принуждение, конечно, может быть прочитано в качестве свидетельства демонической иррациональности ее сознания, одержимого болезнью. Однако зрителю, знакомому с творчеством Достоевского, мотив мучительства матерью малолетнего сына слишком хорошо напоминает «фактики» из «коллекции» Ивана Карамазова, сосредоточенные на преступлениях родителей в отношении своих детей. Правда, в контексте фильма мучительство женщиной собственного ребенка находит вовсе не карамазовскую мотивацию: оно показано не как потворство «зверю», дремлющему, как говорит Иван, «во всяком человеке», а как следствие осознанной вины. Причиняя сыну неудобство и боль, героиня фон Триера так подтверждает зло своей души и даже намеренно его усугубляет, связывая свою преступность с принадлежностью к женскому полу. В свою очередь, принятие на себя вины за всех женщин сопрягается в ее сознании с идеей необходимого возмездия, которого она и взыскует, доходя в этом требовании до самоистребления.

В «Нимфоманке», последней картине трилогии, степень преступности героини меряется также «по-карамазовски»: посредством рассказа о том, как сказывается перверсивность поведения героини на судьбах детей, которые невольно становятся персонажами ее истории. Бросив в заботах о своей сексуальности своего собственного ребенка[7], Джо вовлекает в преступный образ жизни другое дитя, в свою очередь подвергающее ее в финале страшному унижению — в отместку за причиненное зло.

Интересно, что в своих фильмах фон Триер помещает эти «фактики» в тот же самый контекст, что и Иван Карамазов: изображенные здесь дети вынуждены нести ответственность за то, что «большие», как говорит Иван, «съели яблоко» и «продолжают и теперь есть его».

Но и в предыдущих фильмах фон Триера, где еще не была так акцентирована идея первородной вины, смерть ребенка является главным авторским аргументом осуждения героини. Так, зрительское сострадание к Грейс в «Догвилле» сменяется более сложной эмоцией, когда она распоряжается об убийстве детей порочного города, сознательно повторяя риторику казни, которая до этого была предпринята их матерью в отношении нее.

[7] Фон Триер, изображая здесь сцену возможной гибели мальчика, прямо цитирует аналогичный эпизод из «Антихриста», на этот раз, правда, завершив его спасением ребенка.

Также измеряется и вина Грейс в «Мандерлее», где из-за ее энтузиазма и утопической веры погибает маленькая девочка, чьи легкие не справляются с последствиями пыльной бури. Ее смерть тяжким бременем ответственности ложится на плечи Грейс, т. к. именно она дала роковое распоряжение срубить лесную полосу, защищавшую Мандерлей от стихии, для строительства новых домов. Таким образом, во всех фильмах страдания детей являются главным способом разоблачения героини. Сколь бы ни было глубоко ее страдание, сколь бы ни были высоки ее цели, слезы детей, втянутых в контекст ее боли, ее справедливого бунта или ее альтруистической деятельности, подрывают благородное содержание ее образа. Однако, напомним, в «Медее» эта семантика отсутствовала: этот фильм был сосредоточен не на осуждении детоубийцы, а на поддержке ее божественного права распоряжаться жизнями своих детей.

Тезис шестой: «*Всё позволено*». Пожалуй, эта карамазовская установка находит свое выражение в том художественном языке, который практикует фон Триер, начиная с фильма «Идиоты», в 1998 г. поразившего каннскую публику откровенными сценами групповой оргии, снятыми с помощью профессиональных порноактеров. Обилие сексуальных сцен и сцен прямого насилия в фильме «Антихрист» также вызвало скандал и заставило эйкуменическое жюри Каннского фестиваля 2009 г. присудить фон Триеру специальный приз за женоненавистничество. Наконец, «Нимфоманка», последний фильм датского режиссера, был запрещен к прокату в целом ряде стран по причине своей очевидной близости к порнографическому жанру. Снимая социально-философские фильмы, фон Триер сознательно нарушает все сложившиеся в искусстве интеллектуального кинематографа нормы. Презрение к негласному запрету на визуализацию того, что в непорнографическом кино визуализировать не принято, конечно, имеет философский смысл. Размышляя о человеке, травмированном современной культурой и бросающем ей вызов, фон Триер не желает прибегать к эвфемизмам. В акте принуждения зрителя к страданию для него оказывается «всё позволено» — вплоть до формирования эффекта отвращения к образной стороне фильма. Да и само художническое поведение фон Триера, кажется, также подразумевает этот принцип. Достаточно вспомнить историю с публичным выражением симпатии Гитлеру на Каннском фестивале 2011 г., за которое режиссер поплатился фактически выдворением с кинофорума. Хотя, думается, что это провокативное высказывание, как и многие другие триеровские жесты, следует рассматривать в контексте феномена юродства, когда намеренное нарушение норм предпринимается с целью разоблачения социальной лжи. Однако сам кинематографический язык последних произведений фон Триера все-таки демонстрирует близость его позиции карамазовскому тезису.

Мы проследили соответствие отдельных элементов творческого мышления Ларса фон Триера тому типу сознания, который у Достоевского связан с фигурой Ивана Карамазова.

Помимо совпадающих аспектов мировоззренческого плана, в творчестве датского режиссера встречается и целый ряд образов, удивительно совпадающих

с теми образами, которые использует Иван Карамазов как автор поэмы о великом инквизиторе. Остановимся на самых выразительных случаях.

«*Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его*». Для Ивана с образом объятий убийцы и жертвы связан образ обещанной «всеми религиями» гармонии, которая, с его точки зрения, «не стоит... цены» прощения зла.

У Ларса фон Триера в фильме «Танцующая в темноте» как раз присутствует сцена, в которой убитый обнимается со своим убийцей. Это сцена убийства полицейского Билла, который похитил деньги Сельмы в надежде выполнить свои обязательства перед женой, обеспечив ей жизнь, достойную ее красоты и притязаний. Примечательно, что кража выглядит как провокация жертвы на сопротивление. Билл скорее всего понимает неосуществимость задуманного: он знает, что деньги заработаны Сельмой непосильным жертвенным трудом, предназначены для операции сына и его брак они вряд ли спасут. Поэтому в кульминационный момент он фактически вкладывает Сельме в руки револьвер, требуя убить его («Умоляю тебя, сжалься надо мной», «Убей, иначе я не отдам тебе деньги»). В рыданиях Сельма принимает мольбу своего друга и выпускает в него более тридцати пуль, завершая дело раздроблением его головы. Невыносимая в парадоксальном сочетании чудовищности убийства и его сочувственного смысла сцена не менее парадоксально разрешается объятиями, которыми в почти любовном, исполненном мягкой нежности танце обмениваются убийца и убитый. Прикосновением ко лбу Билла Сельма заставляет его встать и параллельно танцу пропеть с ней песню, в которой герои уверяют друг друга в прощении, сожалеют о произошедшем и соглашаются в том, что «они все сделали правильно». Билл при этом настаивает, чтобы Сельма торопилась, ведь при том, что он вызвал полицию, он желает Сельме избежать преследования. О скорейшем появлении полицейской машины предупреждает Сельму и его жена, троекратно заключая ее в объятия, когда та в окровавленном платье выходит на порог ее дома.

С одной стороны, включение этого танца в ткань страшного повествования позволяет предположить, что Сельма погружается в те иллюзии, которые она так лелеет в своей любви к мюзиклам. Ее привлекает утопичность их сюжетов и обязательность благополучной развязки. Нечто подобное она и конструирует в своем воображении после убийства Билла, фантазийным способом как будто бы отменяя совершенное.

Однако более достоверным нам представляется иное прочтение этой сцены: Сельма, воображая воскресшего Билла, не отменяет произошедшее, а наполняет его подлинным смыслом, проговаривает (пропевает) его истинное содержание. По слову самого фон Триера, Сельма наделена художническим даром «творить искусство» из самого простого материала повседневности, населяя жизнь гармоническим содержанием, изначально присущим ей, но другим людям не внятным [Ларс фон Триер, с. 291]. Поэтому в сцене музыкального «оживления» Билла Сельма не бежит в иллюзию от страшного события, а проясняет его подлинную суть. Так убийство проявляет свою милосердную сердцевину: двое соединились в акте убийства как соединяются друг с другом любящие и понимающие трагедию

друг друга люди. Недаром в посмертном танце Билла так много нежной благодарности Сельме — за то, что она позволила ему взвалить на свои плечи тот груз, с которым он сам справиться не смог.

Конечно, контекст, в рамках которого разворачивается эта сцена, не имеет ничего общего с тем контекстом, о котором говорил Иван. У фон Триера убийство подано как благодеяние и жертва со стороны убийцы по отношению к убитому, и оттого оно завершается прощением и благодарением. Карамазов такого варианта и не предполагал, настаивая на невозможности прощения. Но сама оригинальная[8] метафора объятий убийцы и жертвы, которой он обозначил будущую гармонию, как будто бы повторяется у фон Триера, ставящего вопросы не меньшего масштаба, нежели Карамазов.

«*Что такое серафим? Может быть, целое созвездие... Есть созвездие Льва или Солнца, не знаешь ли?*». Бред Ивана, мучимого виной, удивительным образом совпадает с фантазиями помешанной на своей вине женщины из фильма «Антихрист», хотя сами образы их больного воображения наполнены противоположным смыслом.

В воображении героини фон Триера на небе восходит созвездие, которое она называет «Трое нищих», образуя его из очертаний лисицы, оленихи, ворона. Эти животные в фильме фон Триера, как мы писали выше, олицетворяют боль, скорбь и отчаяние — чувства, свидетельствующие об утрате героиней веры в разумность человеческой природы и милосердие творца. Вероятно, эти оригинальные триеровские символы созданы по принципу противопоставления евангельским образам трех волхвов, пришедших поклониться новорожденному Христу, и потому их можно рассматривать в качестве маркеров осуществления фильмом противоположного сюжета — сюжета пришествия Антихриста. Но если героиня фон Триера «возводит» на небо предшественников Антихриста, Иван Карамазов, что очевидно, ищет на небе созвездие Христа: Солнце и Лев — известные символы Иисуса.

Конечно, мы не присваиваем этим совпадениям цитатный статус. Но присутствие в кинопоэтике фон Триера оригинальных карамазовских образов и метафор (и особенно в контексте решения тех же самых тем — прощения и вины) становится еще одним аргументом в пользу нашей гипотезы о совпадении характера мирочувствования героя Достоевского и датского режиссера.

Еще одно сходство касается характера завершения поэмы Ивана и «поэм» фон Триера. Иван завершает свою легенду поцелуем Христа, фактически подтверждая восклицание Алеши о том, что его поэма «*есть хвала Иисусу, а не хула*». Триеровская трилогия «Депрессия», очевидно, направлена на «хулу» христианства. Так, сам фон Триер не скрывает того, что в названии первого фильма цикла («Антихрист») он цитирует заглавие знаменитого трактата Ницше. При этом режиссер опускает тот подзаголовок, которым Ницше сопроводил свое сочинение, — «Проклятие христианству». Однако, несмотря на видимую

[8] В Книге пророка Исайи, к которой, очевидно, восходит реплика Ивана, образа объятий нет: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11, 6–8).

дезактуализацию ницшевского пояснения, фильм Триера следует рассматривать именно как опыт проклятия христианству, опыт отрицания и разоблачения основ христианского мировидения.

В «Антихристе» авторское проклятие очевидно подразумевает (воспользуемся выражением Ницше) христианскую «казуистику греха»; в «Меланхолии» — христианское обещание спасения и бессмертия; в «Нимфоманке» — (перефразируем Ницше) христианскую «казуистику сострадания и любви»[9]. Впрочем, можно говорить, что объект авторского проклятия в фильмах трилогии универсален: это те установления культуры современного мира, которые в представлении фон Триера покоятся на христианских мифах и иллюзиях. Центральные герои «Депрессии» реагируют на них поступками, чудовищными как в своем протесте (в «Меланхолии» и «Нимфоманке»), так и в своем подчинении (в «Антихристе»).

И в то же время в финале каждого фильма присутствует элемент, вступающий в конфликт с первоначальной интенцией проклятия. В «Антихристе» это озвученное по окончанию действия авторское посвящение фильма Андрею Тарковскому. В одном из интервью фон Триер так поясняет свою особенную любовь к русскому режиссеру: «Тарковский для меня — воплощенный Святой Дух. Перечитываю Евангелие... Помните то место, где Петр, Иаков и Иоанн видят свет, исходящий от Иисуса..? Так вот: когда я смотрю фильмы Тарковского, то вижу тот же свет» [Долин, 2011]. Думается, что посвящая «Антихриста» тому, кого чтит за Христа, фон Триер как бы вступает в противоречие со своим антихристианским замыслом.

Образ Христа возникает и в последних кадрах «Меланхолии» — второго фильма трилогии, — опять знаменуя колебание между замыслом проклятия христианской иллюзии спасения и финальным решением этой темы.

Джастин, героиня, уверенная в том, что никто не спасется, в ожидании неминуемой катастрофы разыгрывает ритуал рождения Бога: вместе со своим нежно любимым племянником она строит убежище, которое называет «золотой пещерой», «волшебным гротом». Символика этого образа более чем прозрачна: речь идет о пещере Рождества. На деле у героев выходит шалаш, сконструированный из тонких стволов, скрепленных воедино. Конструкция такого убежища очевидно воспроизводит схему, которая была очень популярна в иконографии Иисуса, лежащего в яслях: ясли часто изображались внутри конуса, образованного лучами Вифлеемской звезды. Внутри этого конуса герои и встречают апокалипсис, в финальных, иконописно выстроенных кадрах фильма символически освещенный светом звезды Рождества.

Впрочем, однозначно жизнеутверждающей трактовке этот финал не поддается. Вполне возможно, что утешая ребенка иллюзией спасения в «золотой пещере», героиня сама, наоборот, подразумевает неотвратимую смерть Бога. В акте протеста против иллюзии спасения и бессмертия она символически умерщвляет его во младенчестве: Сын Божий, с ее точки зрения, неизбежно разделит участь всех земных существ, как и ее любимый племянник, кстати, носящий символическое имя Лео, он не достигнет возраста спасения и не осуществит свою жертву.

[9] Недаром слоган «Нимфоманки» — «Забудь о любви».

Однако и в рамках такого прочтения финальных кадров завершение фильма все равно содержит вовсе не хулу жизни на Земле (как это было озвучено по ходу действия: «Жизнь на земле — зло»), а оборачивается скорбным прощанием с ней. Первоначальный замысел оказывается опровергнут финалом.

Также и в «Нимфоманке», где финальным выстрелом героини оказывается повержен Антихрист, на протяжении всего действия выдававший себя за Христа.

Конечно, есть целый ряд факторов, позволяющих сопоставлять фон Триера с самим Достоевским. Но мы все-таки подчеркиваем характерную близость воплотившегося в его произведениях сознания тому типу мирочувствования, который представлен у Достоевского в образе Ивана Карамазова. Критика уже закрепила за фон Триером статус провокатора. Подобно Иван Карамазову, он провоцирует своего зрителя на принятие таких решений, которые явно вступают в конфликт с культурной традицией, в том числе и религиозной. Но в поздних фильмах те решения, которые вытекают из его художественных произведений, с установками самого Достоевского (для которого «лучше оставаться со Христом, нежели с истиной») вряд ли совпадают, хотя в раннем творчестве фон Триера[10] они соприкасались максимально.

Долин А. Ларс фон Триер: Контрольные работы. Анализ, интервью. Догвилль: Сценарий. М., 2007. [Dolin A. Lars fon Trier: Kontrol'nye raboty. Analiz, interv'ju. Dogvill': Scenarij. M., 2007.]

Долин А. «Лежу в гробу...». Интервью с Ларсом фон Триером [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml (дата обращения: 20.04.2014). [Dolin A. «Lezhu v grobu...». Interv'ju s Larsom fon Trierom [Electronic resource]. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml (mode of access: 20.04.2014).]

Ларс фон Триер: Интервью: Беседы со Стигом Бьоркманом / пер. с швед. Ю. Колесовой. СПб., 2008. [Lars fon Trier: Interv'ju: Besedy so Stigom B'orkmanom / per. s shved. Ju. Kolesovoj. SPb., 2008.]

Лунгин П. Добровольные идиоты // Искусство кино. 1999. № 3. С. 49–51. [Lungin P. Dobrovol'nye idioty // Iskusstvo kino. 1999. № 3. S. 49–51.]

Молчанов Д. Триер: фон и фигура [Электронный ресурс]. URL: http://www.kinomania.ru/article/47506/ (дата обращения: 25.07.2014). [Molchanov D. Trier: fon i figura [Electronic resource]. URL: http://www.kinomania.ru/article/47506/ (mode of access: 25.07.2014).]

Статья поступила в редакцию 13.11.2014 г.

[10] Мы имеем в виду «Золотое сердце».

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)“980/1054” + 316.343:321.17 + 930.23(73)

Хартмут Рюсс

НЕ НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРА И ИМИДЖА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Рец. на кн.: *Hanak W. K.* The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980–1054. A Study of Sources / W. K. Hanak. — Leiden ; Boston : Brill, 2014. — xviii + 203 p.

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную стороны монографии американского специалиста по истории раннесредневековой Руси. Показана неактуальность исследования, т. к. текст книги в целом повторяет ее издание 1973 г., не учитывая многие выводы специальной литературы, вышедшей за это время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: У. К. Хэнак; Киевская Русь; княжеская власть; образ правителя.

Интерпретационный подход книги двоякий. Речь идет не только о том, что автор обнаруживает в источниках для исторического познания предмета своего исследования, но и о том, каким образом *духовные*, как правило, летописцы и писатели, истолковывали древнерусскую историю и современность и из каких источников черпали свой материал, дабы завоевать авторитет для *своего* идеологически окрашенного видения «природы» и «имиджа» княжеской власти при Владимире Святославиче (ум. в 1015 г.) и Ярославе Владимировиче (ум. в 1054 г.).

В пяти главах Уолтер Хэнак поднимает вопрос, какие библейские, византийские, варяжские, хазарские и славянские традиции, политические идеи, понятия и события достоверно влияли на изображение образа киевских правителей периода 980–1054 гг. или, иначе, какой брался хронистами и литераторами идейный материал, который соответствовал бы их представлению об институте христианского государя. Таким образом, мы имеем дело с многократно манипулируемыми конструкциями «имиджа», которые лишь ограниченно или вовсе не отражают историческую действительность.

Тем не менее, мы находим у автора целый ряд относительно определенных высказываний о мире так называемых исторических реалий, которые весьма

© Рюсс Х., 2015
© Козлов А. С., перевод с немецкого, 2015

или, по крайней мере, частично соответствуют тому, что духовные писатели формулировали как желаемое или, иначе, как идеал. Так, Хэнак, по-видимому, склоняется к мнению, что проведение ими параллели между государями Владимиром и Ярославом и библейскими царями Давидом и Соломоном могло соответствовать как государеву самосознанию обоих киевских князей, так и их представлению о сущности княжеской власти. Древнерусские хронисты не только весьма «тщательно» выбирали именно те события в жизни Соломона, которые иллюстрировали сходство между личностью и правлением его и Владимира, но и показывали характерные различия, как, например: «Он (Соломон) был мудр, но под конец погубил себя. Он (Владимир) был невежествен, но под конец обрел спасение». Если под 1015 г. ПВЛ в вопросе о наследовании власти вопреки прежней практике, кажется, предпочитает не старшего по возрасту, а способнейшего, то, согласно толкованию Хэнака, хронисты находили оправдание этому в Ветхом Завете, где нельзя найти доказательств регулирования у евреев наследования по праву старшего. Автор приводит еще целый ряд примеров (осуществление репрезентативного строительства, расцветающие торговые связи, сравнение «проклятого» Святополка с библейским Каином и т. д.), которые показывают, как летописцы рассматривали происходящее через призму Библии и тем самым основывали «независимую киевскую историографическую традицию» (p. 145). Правда, нельзя не заметить определенную склонность к преувеличению библейско-древнерусских параллелизмов. Неужели Ярослав и Мстислав при разделе державы в 1019 г. подражали Соломону — как намекает автор, указывая на раздел его царства на области Израиль и Иудея? Разве хронисты упомянули свары по поводу чрезмерного податного обложения при Владимире потому, что подобные конфликты были обычны и при Соломоне? И неужели отсутствие в Библии подробного изображения царств Иудеи и Израиля действительно явилось моделью для сжатого описания частей империи Ярослава и Мстислава между 1019 и 1036 гг.? Заранее скажу: этот первый и самый объемный раздел исследования, выявляющий отсылки древнерусской историографии к Библии (p. 1–69), является, несмотря на некоторые оговорки в деталях, исторически самым интересным и новаторским в книге.

Представление о том, что ранние хронисты Руси благоприятствовали автократии по византийскому образцу, по мнению автора, не находит опоры в источниках. Авторитет Владимира и после принятия христианства базировался на продолжавшем действовать всеохватном обычном праве и традиционных приемах властвования, для которых были характерны совет (с дружиной и со «старейшими») и консенсус. Восхваление Владимира как «нового Константина» Хэнак считает изолированным заявлением в религиозном контексте, которое не основало новой историографической традиции, а также не соответствовало представлениям Византии, которая признавала для киевских государей в международном контексте только низкий ранг. Если киевский митрополит Иларион титуловал как Владимира, так и Ярослава «каганами», то это, по Хэнаку, не выражение какого-то значительного хазарского влияния на определение сути власти киевских князей, а прежде всего подчеркивание независимости их державы

от византийских притязаний на гегемонию. Наряду с этим правдоподобным объяснением автор обращается к весьма спекулятивным соображениям по поводу соотношения двух властей, власти кагана и власти бека, возможно, временно заимствованного на Руси у хазар, — которое он ставит в параллель с разделом компетенций между Владимиром и Олафом Трюгвассоном или между Ярославом и Мстиславом (p. 142 sq), — хотя в другом месте (p. 122) учитывает и нордический образец дуалистической власти. В эту категорию размышлений входит и предположение (правда, не совсем уж невероятное), что знакомство древнерусских писателей с текстами Ветхого Завета, наряду с прочим, можно было бы объяснить присутствием в Киеве хазарских торговцев, исповедующих иудаизм.

Наряду с А. Васильевым (1932), Хэнак рассматривает княжение Владимира и после его обращения в новую веру как «политически абсолютно независимое от Византии». Насколько он следует в этом старой литературе, настолько следует и той ее точке зрения, что только отказ Василия II (976–1025) отдать в жены свою сестру спровоцировал нападение Владимира на Корсунь (Херсон) и привел к тому, что «порфирородную» Анну все-таки выдали. Здесь отсутствует ссылка на важные, но утверждающие иное результаты исследования Анджея Поппе [Poppe] по всему этому комплексу, хотя в списке использованной литературы оно названо. В принятии Владимиром системы десятины автор видит воздействие западного образца — как противовес церковным претенциозностям Византии. То, что, например, Я. Н. Щапов обозначил «фискальную» десятину как *славянское* явление [Щапов, с. 325], не упоминается, — несмотря на то, что его работы присутствуют в списке литературы. Итог оказывается несколько неожиданным (учитывая представленный каталог предполагаемых действий князей по ограничению гегемонистских притязаний Византии, которые, по [Приселков], даже привели к нападению Ярослава на Царьград в 1043 г.): времена правления Владимира и Ярослава якобы принесли с собой на Киевскую Русь (хотя и «неравномерную») «прививку» (inculculation) религиозных и политических идей Византии. То, что они теперь, как члены христианской общности под руководством Византии, с одной стороны, обрели сильное повышение престижа, а с другой стороны, бережно (with caution) соблюдали свою идентичность и независимость в политической «орбите» Константинополя (p. 105), пожалуй, более всего соответствует историческому положению вещей.

Скандинавская модель властвования была, по Хэнаку, действеннее, чем это хотели бы признать духовные авторы Киевской Руси. В «нордическом имидже» Ярослава, который они пытались ослабить ссылками на его любовь к греческим книгам (что является оригинальным, но не совсем убедительным толкованием соответствующего пассажа летописи Нестора!) вроде бы проявлялось продолжительное влияние варяжской культуры властвования на княжеское окружение. Право покинуть предводителя, который не исполняет или недостаточно исполняет свои обязанности по отношению к дружине, как это произошло при Владимире в 980 г., кажется, считалось существенным элементом скандинавского мира политических идей. В качестве ярчайшего примера скандинавского влияния на княжескую среду на Руси автор видит сеньорат как принцип наследования,

введенный Ярославом. Хотя Манфред Хеллманн в свое время установил, что среди всех образов князей портрету Ярослава присущ «особенный блеск», ибо он «в наибольшей степени» соответствовал трем основным требованиям, предъявляемым христианскому государю («сохранять мир, отправлять правосудие и поддерживать порядок»), — Хэнак, наоборот, констатирует отсутствие в древнерусских памятниках подробных оценок «замечательных деяний» князя. Он объясняет это «нордическими сродствами» Ярослава (p. 132), о которых было сказано ранее. Правда, этому не очень соответствует встречающееся в другом месте указание на то, что ПВЛ после 1036 г. характеризует Ярослава как «автократора» (самовластца). Владимиру подобного властного титула летопись, вроде бы, не приписывает (p. 60). Этому полностью противоречит его высказывание относительно того, что Владимир мог обозначать себя на своих монетах в качестве «автократора», в то время как для Ярослава подобные притязания, дескать, зафиксировать нельзя (p. 101). В конечном счете общая оценка скандинавского влияния, сделанная Хэнаком, амбивалентна: переход от дохристианских идеалов властвования к идеалам христианской эры не был ни крутым, ни тотальным, что, демонстрирует, согласно автору, длительное сохранение фундаментальных нордических концептов и практик властвования. С другой стороны, административные мероприятия Владимира вроде бы содержали отчетливое дистанцирование от скандинавской исполнительной децентрализации, т. к. киевские князья, в отличие от скандинавских суверенов, обнаруживали «a remarkably high sense of political order» («удивительно высокое значение политического порядка») (p. 126).

Славянские институты предводителей племен (князья) и военных вождей (воеводы) автор рассматривает как переживающие упадок при Владимире и Ярославе элементы трибализма и партикуляризма, как «силы хаоса». Такая оценка, наверное, связана с тем, что он переоценивает характер «единства» и успех «централизаторских тенденций» при ранних Рюриковичах, а также преувеличивает характер «единства» Киевской державы в первой половине XI в. Еще в XII в. упоминается племенной князь Ходота, боровшийся с Владимиром Мономахом. Известные типические явления поздней фазы Киевской Руси (отсутствие политического и экономического равновесия, быстрая раздробленность, ведущая к политическому упадку) как раз и не позволяют делать вывод о сильно развитой центральной власти. Также весьма гипотетична и модернизирована и характеристика воевод как специфического славянского «военно-аристократического» элитного слоя, который продемонстрировал дефицит «национальной идентичности», следовал партикулярным племенным интересам и потому, дескать, рассматривался в ПВЛ как «инструмент беспорядка». Не высказываемая Хэнаком зависимость от легенды о призыве варягов («земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет») здесь так же узнаваема, как сомнительна привязка должности воеводы к определенному этносу. Упомянутый под 945 г. воевода Свенельд несомненно был варягом, а не славянином.

Народное собрание (вече), чье историческое существование в исследуемых хронологических рамках не подлежит для автора сомнению (хотя все прежние

примеры до первого, определенно засвидетельствованного под 1068 г. веча, весьма спорны), интерпретируется как непрочно учрежденный местный институт, который, по сравнению со временем ранних славян, сейчас ограничивался ролью чисто совещательного органа без участия в законодательном процессе. Впрочем, «призвание» варягов Хэнак видит инициированным со стороны веча (p. 155), в пользу несомненного существования которого на Руси летопись-де приводит под 980 г. пример из Библии о совете между правителем и «старейшими и жителями страны». Упоминание же местных «старейших» в ПВЛ автор также рассматривает как несомненное доказательство существования народных собраний в эпоху Владимира и, в меньшей степени, Ярослава — собраний, которые, однако, подобно князьям и воеводам были, дескать, «инструментами национального раскола» (p. 163), — что является как нетрадиционной, так и сомнительной исторической оценкой этого древнерусского политического института.

То, что отчасти весьма живое исследование Уолтера Хэнака является воссозданием его диссертации 1973 г. (дополненным новейшей литературой), читатель обнаруживает только в одном кратком примечании (n. 125, p. 48) в текущем тексте. Трудно поверить, что, учитывая очень специальную тему, причиной тому могла быть стратегия продаж со стороны издательства. Беглое сравнение с первой публикацией не позволяет заметить каких-либо существенных изменений в версии текста 1973 г. Уже тогда автором не была использована довольно точно соответствующая его тематике статья Манфреда Хеллманна [Hellmann, 1965], а только его работа [Hellmann, 1959] (правда, с неверным указанием на дату публикации — 1934 г. вместо 1959 г.). Если же хотя бы запоздалого внимания автора не привлек такой фундаментальный и по содержанию касающийся исследования Хэнака труд, как монография М. Б. Свердлова «Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в.» [Свердлов], то и это демонстрирует проблему лишь более или менее формально измененного нового издания, которое отделяют от даты первой публикации более чем сорок лет развития советской или, иначе, российской и международной науки.

Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XIII вв. СПб., 1913. [Priselkov M. D. Ocherki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X–XIII vv. SPb., 1913.]

Свердлов М. Б. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. [Sverdlov M. B. Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI — pervoj treti XIII v. SPb., 2003.]

Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти в Древней Руси. М., 1965. [Shhapov Ja. N. Cerkov' v sisteme gosudarstvennoj vlasti v Drevnej Rusi. M., 1965.]

Hellmann M. Vladimir der Heilige in der zeitgenössischen abendländischen Überlieferung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 7. 1959. S. 397–412.

Hellmann M. Das Herrscherbild in der sog. Nestorchronik // Speculum historiale / ed. C. Bauer, L. Boehm, M. Müller. Freiburg ; München, 1965. S. 224–236.

Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus'. Byzantine-Russian Relations between 986–989 // Dumbarton Oaks Papers 30. 1976. P. 197–244.

Рецензия поступила в редакцию 08.02.2015 г.

УДК 821.161.1 Ершов-343.4 + 398.2

Д. В. Ларкович

«НЕРАЗМЕННЫЙ И НЕПРЕХОДЯЩИЙ БРЕНД РОССИИ»

Рец. на кн.: Творчество П. П. Ершова: сказка и стих / отв. ред. С. А. Комаров. — Ишим : Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013. — 328 с. — (Литературные звезды Сибири).

В рецензии дается обзорная характеристика монографии, подготовленной коллективом ученых Тюменского государственного университета и его филиала в г. Ишиме в связи с обсуждением целого ряда актуальных вопросов изучения творчества П. П. Ершова. Взгляд исследователей сфокусирован на центральном художественном сочинении сибирского поэта — стихотворной сказке «Конек-Горбунок», однако это не исключает важных замечаний, касающихся авторской личности Ершова в целом, а также роли и места ершовского поэтического наследия в системе русской литературной классики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская классическая литература; П. П. Ершов; стихотворная сказка; комментарий; культурный контекст.

Посмертная судьба большого художника, как правило, чревата различного рода метаморфозами, непредвиденными поворотами, непредсказуемой сменой читательских симпатий и антипатий, продиктованных конъюнктурными факторами общественного сознания. Нередко «благодарные потомки» в порыве критического энтузиазма подвергают нигилистической обструкции художественные открытия предшественников, ставят под сомнение их эстетическую или этическую ценность, а то и вовсе отказывают тому или иному писателю в праве на авторство его сочинения. Не избежали этой участи Гомер, Шекспир, Рабле, Лермонтов, Набоков, Шолохов и многие другие писатели, чье творческое наследие составляет золотой фонд мировой художественной литературы. Да и как же не подкинуть доверчивым обывателям сенсационную «новость»: «Вы-то, наивные, думали..! А на самом-то деле..!». Расчет такого исследователя-ревизионера банально прост, а главное — беспроигрышен: спекулируя на имени классика, заработать бонусы в актив собственной популярности (пусть даже и весьма сомнительной) и явиться перед изумленной публикой в сияющем ореоле «создателя концепции». Впрочем, мысль эта не нова, а суть ее емко сформулирована в известной крыловской басне: «Ай, моська! Знать, она сильна, / Что лает на слона». Вроде бы, ситуация предельно ясна, и тем не менее она повторяется вновь и вновь.

В преддверии своего 200-летнего юбилея этой участи удостоился и П. П. Ершов, когда читательскому и научному сообществу искусственно была навязана нелепая дискуссия по поводу авторства «русской сказки» «Конёк-Горбунок». Еще в 1996 г. А. А. Лацис, автор ряда парадоксальных пушкиноведческих «исследований» [Лацис, 1999; 2003; и др.], на страницах газеты «Автограф» выступил с неожиданным заявлением о том, что сказку «Конёк-Горбунок» написал великий мистификатор А. С. Пушкин и в 1834 г. опубликовал ее под именем никому не известного

© Ларкович Д. В., 2015

петербургского студента Ершова. Несмотря на откровенную фантасмагоричность, данная версия была подхвачена рядом последователей и даже породила еще более невероятные варианты ее интерпретации [подробнее об этом см.: Савченкова]. Именно поэтому подготовленная в канун ершовского юбилея коллективная монография сибирских ученых «Творчество П. П. Ершова: сказка и стих», помимо всего прочего, ставит перед собой задачу прекратить нелепую дискуссию по поводу авторства «Конька-Горбунка» ввиду ее научной несостоятельности.

Книга открывается полемически заостренным очерком С. А. Комарова «"Конёк-Горбунок" П. П. Ершова: место в культуре и культура замысла», в котором сформулирован программный тезис всего издания: «Задача сибиряков — защитить Ершова и тем самым защитить Сибирь и себя» (с. 9). По мнению автора данного раздела, преодоление литературоведческих мифов о Ершове и восстановление объективной картины, характеризующей его творческую деятельность, возможно никак не путем эмоциональных посылов, а лишь посредством убедительных, научно выверенных аргументов, которыми и стремится оперировать сам С. А. Комаров. Он определяет ряд первоочередных задач, стоящих перед современным ершововедением, к числу которых относятся составление популярной биографии поэта для массовой читательской аудитории, разработка летописи его жизни и творчества по академическим канонам и подготовка академического собрания сочинений.

Что касается «русской сказки» Ершова «Конёк-Горбунок», то, как считает Комаров, постижение ее авторского феномена невозможно без традиционной для филологической науки обстоятельной характеристики поэтики, аксиологии и генетики текста, чему и посвящена основная часть данного раздела. В частности, исследователь высказывает ряд любопытных суждений о типологической близости ершовской сказки «Божественной комедии» Данте Алигьери и приходит к выводу о том, что «Ершов создавал и создал книгу... сопоставимую по духовному статусу с вечной книгой великого итальянца, хотя и несущую иную, русскую, весть миру» (с. 18).

Размышляя о возможных источниках авторского замысла «Конька-Горбунка», к числу основных («ядерных») исследователь аргументированно относит поэму «Руслан и Людмила» и «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина, Ветхий и Новый завет, комическую оперу «Мельник — колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова. В пользу данной гипотезы Комаров приводит ряд убедительных доводов межтекстового и контекстуального порядка, принципиально уточняющих место ершовской стихотворной сказки в общей системе русской интеллектуальной и духовной культуры Нового времени.

Второй раздел монографии, подготовленный А. И. Кушниром, представляет собой развернутую системную характеристику стиховой структуры ершовского поэтического наследия. Собственно стиховедческие штудии автор предваряет обстоятельной историко-литературной справкой, касающейся теории и практики ритмообразования первых десятилетий XIX в. и определяющей конкретные факторы, в условиях которых происходило формирование поэтического самосознания П. П. Ершова.

Исследуя состав рифм двух цензурных редакций сказки «Конёк-Горбунок» (1834 и 1856) в сопоставлении с пушкинскими «Сказкой о царе Салтане» (1831) и «Сказкой о мёртвой царевне и семи богатырях» (1833) и привлекая многочисленные и разнообразные статистические данные, Кушнир приходит к принципиально значимому выводу: «Значительные различия, обнаруженные при исследовании рифменного уровня данных текстов, можно объяснить индивидуальными особенностями творчества поэтов. Однако это может свидетельствовать и об обращении Пушкина и Ершова к разным литературным традициям. Ведь “Сказка о царе Салтане” была написана в ходе творческого состязания с В. А. Жуковским, то есть пусть и косвенно, но мыслилась автором прежде всего в стихотворной традиции XIX века. <...> В то же время в “Коньке-Горбунке” на рифменном... строфическом и содержательном уровне обнаруживаются переклички со стихотворной традицией XVIII века, в частности, с творчеством Г. Р. Державина» (с. 98–99). Думается, что этот вывод, сделанный на основе результатов исключительно корректного анализа стиховой структуры пушкинских и ершовской сказки, в принципе снимает проблему авторства «Конька-Горбунка».

Третий раздел монографии содержит подготовленный Н. А. Рогачёвой научный комментарий к каноническому варианту текста «Конька-Горбунка» (1856), в 1976 г. опубликованному Д. М. Климовой в серии «Библиотека поэта» [Ершов, с. 53–120]. Следует заметить, что данный комментарий отнюдь не дублирует данные своего предшественника, ибо в нем «впервые объектом комментирования стал квазиисторический мир сказки» (с. 164). Учитывая и систематизируя богатый опыт теоретического ершововедения, Н. А. Рогачёва предлагает современный взгляд на проблему генезиса сюжета сказки, функционально-семантическое пространство ее заглавия, рассматривает ключевые аспекты ее поэтики, расшифровывает содержательные коды образной системы, уточняет контекстуальное поле произведения, тем самым реактуализируя те смыслы «русской сказки», которые были прозрачны для читателя середины XIX столетия, но стали неочевидны для читателя начала XXI столетия. Объем и качество комментаторской работы, выполненной Н. А. Рогачёвой, позволяют с большой долей оптимизма смотреть на ближайшую перспективу академического издания ершовской сказки.

В заключительной части монографии представлен библиографический указатель изданий, посвященных жизни и творчеству П. П. Ершова. Указатель составлен З. Я. Селицкой. Он охватывает период с 1868 по 2012 гг. и насчитывает 522 источника. На сегодняшний день это наиболее полная библиографическая сводка работ о Ершове.

Подытоживая краткий обзор коллективного исследования сибирских ученых-ершововедов, уместно вспомнить, что, по законам диалектики, противоречие — источник любого движения, даже если это противоречие создано искусственно. И как тут не воскликнуть: «Спасибо, уважаемые господа псевдопушкинисты, за то, что благодаря вашей необузданной фантазии научная мысль о Ершове получила дополнительный импульс своего развития»! Разумеется, изучение ершовского наследия имеет под собой объективные научные основания и не нуждается в дополнительных, «выморочных» стимулах. Однако приходится признать, что

активность предприимчивых последователей «сенсационного литературоведения» ускорила появление нового серьезного научного исследования, которое дает представление о современном уровне изучения творчества П. П. Ершова и вновь настойчиво напоминает нам о необходимости подготовки полноценного академического собрания сочинений крупного русского поэта, являющего собой, говоря словами авторов книги, «неразменный и непреходящий бренд России и сибирской территории».

Ершов П. П. Конёк-Горбунок. Стихотворения / вступ. ст. И. П. Лупановой ; сост., подгот. текста и примеч. Д. М. Климовой. Л., 1976. [Ershov P. P. Konjok-Gorbunok. Stihotvorenija / vstup. st. I. P. Lupanovoj ; sost., podgot. teksta i primech. D. M. Klimovoj. L., 1976.]

Лацис А. Пушкин: неизвестное об известном. Избранные материалы 1994–1998. М., 1999. [Lacis A. Pushkin: neizvestnoe ob izvestnom. Izbrannye materialy 1994–1998. M., 1999.]

Лацис А. Верните лошадь!: Пушкиноведческий детектив. М., 2003. [Lacis A. Vernite loshad'!: Pushkinovedcheskij detektiv. M., 2003.]

Савченкова Т. П. «Конёк-Горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения» // Лит. учеба. 2010. № 1. С. 127–156. [Savchenkova T. P. «Konjok-Gorbunok» v zerkale «sensacionnogo literaturovedenija» // Lit. ucheba. 2010. № 1. S. 127–156.]

Рецензия поступила в редакцию 27.02.2015 г.

УДК 821.161.1-4 + 82-95

В. С. Рабинович

НЕЗАВЕРШИМАЯ НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

Рец. на кн.: Феномен незавершенного / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 528 с.

В рецензии осуществлен аналитический обзор коллективной монографии «Феномен незавершенного», через призму ее разделов представлены различные аспекты незавершенности в литературе. Рассматриваются подразделы, посвященные проблеме дефиниции незавершенности: предисловие Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова, статья И. Е. Васильева; предисловие А. В. Перцева, посвященное философским аспектам незавершенности; послесловие Л. П. Быкова, в котором исследуется проблема незавершенности творческой биографии; «филологическое расследование» О. Н. Турышевой, в ходе которого одна «незавершенность» в творчестве Ф. Кафки объясняется с помощью другой «незавершенности»; статьи, в которых осуществляется поиск «незавершенного» в «завершенном», будь то архетипические сюжеты (статья Л. Н. Житковой и Н. В. Пращерук) или поэзия А. Т. Твардовского (статья Т. А. Снигиревой); статья О. Г. Сидоровой, рассматривающая феномен незавершенного в аспекте рецепции (в творчестве Дж.-Г. Фаррела); подразделы, посвященные проблеме «незавершенного» в поэтическом тексте (в частности, статья А. М. Меньщиковой об Анне Ахматовой); поэтике незавершенности (статьи М. Ю. Мухина, а также А. В. Кубасова и О. А. Михайловой о многоточии как «знаке незавершенности»).

© Рабинович В. С., 2015

К л ю ч е в ы е с л о в а: незавершенность; интерпретация; А. Т. Твардовский; семантика лексемы; текстовая аномалия; творческая биография; Ф. Кафка; архетипический сюжет; Дж.-Г. Фаррел; постколониальная литература; А. А. Ахматова; многоточие; статистический метод.

О чем этот масштабный исследовательский труд? Сам его предмет — неявен, эфемерен и по большому счету сам отличается понятийной «незавершенностью». Но он *есть*, его присутствие неоспоримо — просто здесь неизбежно приходится довольствоваться *приблизительными дефинициями*.

В монографии немало внимания уделено самой проблеме подбора подходящих дефиниций — как в предисловии «Энергия незавершенности» (*Т. А. Снигирева* и *А. В. Подчиненов*), так и в разделе 1.1. «О семантике лексем “незаконченный, незавершенный”» (*О. А. Михайлова*). Впрочем, если суммировать значения, в которых реально толковалось незавершенное в разных подразделах монографии, то более подходящей представляется максимально широкая дефиниция, предложенная Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненовым: незавершенное — это то, что относится к «поэтике “не”» [Феномен незавершенного, с. 3][1]. К пространству незавершенного относится любая незаконченность — самого произведения, фабулы, структуры, любая «недосказанность», позволяющая толковать сказанное по-разному, любое несовпадение между сказанными словами, подразумеваемым смыслом (или смыслами) и его (их) реальным или потенциальным толкованием. Добавим к этому возможную незавершенность творческой судьбы автора, а также незавершенность рецепции. Получается, что «*завершенное*» литературное произведение — это абсолютно законченный текст, в котором все высказано стопроцентно ясно, все связи — строго логические (никаких ассоциативных!), все смыслы — однозначны и исключают какие-либо альтернативные трактовки и рецепция которого никогда не менялась и не может измениться и всегда полностью адекватна его реальному содержанию. При этом биографическая судьба автора должна полностью совпадать с судьбой творческой. При подобных критериях «завершенность» применительно к художественному тексту — это своеобразный фантом, а незавершенность — изначальное, прирожденное свойство литературы, да и вообще искусства.

Литература, таким образом, — бесконечная игра «неопределенностей», «неясностей», «незавершенностей». Игра весьма увлекательная, дающая эвристический посыл к объяснению неясного, определению неопределенного, завершению незавершенного. Без надежды *до конца* объяснить, определить, завершить... И все же... Важен и самоценен сам процесс, обогащающий культуру новыми смыслами. Монография «Феномен незавершенного» — это словно бы «отрезок» этого непрерывного процесса. Интересный, «смыслоемкий», дающий посыл для последующего поиска.

Немало внимания в монографии уделено «общетеоретическим» аспектам феномена незавершенного — как философским, так и филологическим. Философский базис под исследуемый феномен подведен практически в конце работы — в философском послесловии «Феномен незавершенности в искусстве

[1] Далее ссылки на этот источник даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

и его философская подоплека» (*А. В. Перцев*). Здесь автор выходит за пределы собственно литературы — и выводит те или иные степени «незавершенности» в искусстве из мирообраза, характерного для той или иной эпохи.

Среди теоретических подразделов филологического характера, наряду с уже упомянутыми, можно выделить также подразделы 1.2. «Креативный потенциал текстовых аномалий» (*И. Е. Васильев*) и 1.3. «Идея линеарного / циклического и неоконченного/открытого времени» (*И. Догнал*). Это фундаментальные теоретические исследования, подводящие своеобразный «фундамент» под последующие историко-литературные штудии. Представляется весьма интересным анализ феномена внетекстовых наращений в художественном произведении в подразделе «Креативный потенциал текстовых аномалий». В самом деле — «произведение включает в себя внетекстовые элементы, связи и отношения» (с. 16). Рассмотрев проблему сложных корреляций произведения в целом — и текста как его части, — И. Е. Васильев затем углубляется в проблему «незавершенности» самого текста как источника креативного потенциала — когда «исходные тексты, будучи незаконченными, тем не менее обладают мощным силовым полем, индуцирующим творческую энергию продолжателей» (с. 24) и соответственно «будят воображение читателей, желание довершить начатое предшественником и восполнить отсутствующие в тексте художественные звенья» (Там же).

К числу теоретических разделов монографии можно причислить «филологическое» послесловие «Торжество постскриптума, или Метаморфозы литературной репутации post mortem» (*Л. П. Быков*). Здесь анализируются два таких вроде бы «внетекстовых» фактора, как *судьба* и *рецепция*. Оказывается, что и здесь содержится богатый интерпретационный потенциал. Л. П. Быков в своем послесловии подробно рассматривает всевозможные варианты соотнесенности судьбы биографической — и судьбы творческой: в одних случаях — примерное совпадение и, значит, «законченность судьбы» (А. С. Пушкин, Л. Толстой, И. Бунин, Б. Пастернак и др.); в других — «служитель муз переживает свое творческое “Я”» (с. 513–514), как Н. Тихонов, К. Федин, И. Сельвинский. Отдельное внимание Л. П. Быков уделил писателям «незавершенной судьбы» — как, например, совершенно разные по взглядам, но с одинаково рано оборвавшейся жизнью М. Кульчицкий и П. Васильев.

Основную часть коллективной монографии составляют историко-литературные штудии. И здесь открывается широкий простор для интерпретационной игры. Многие подразделы представляют собой своеобразные «филологические расследования». В качестве эвристического посыла берется та или иная «незавершенность» в избранном художественном тексте — и на ее основе выстраивается оригинальная интерпретация. Например, *О. Н. Турышева* в подразделе 1.4. «Незавершенное в роли интерпретанты (на материале двух текстов Ф. Кафки)» объясняет (и, следовательно, отчасти «завершает») одну «незавершенность» посредством другой «незавершенности». Принципиальная «незавершенность» классического «Превращения» Ф. Кафки, с точки зрения О. Н. Турышевой, заключается в «полном отсутствии предыстории, в опоре на которую возможно было бы хоть как-то объяснить причины метаморфозы героя» (с. 37). В принципе,

общее содержание «Превращения», казалось бы, позволяет проигнорировать эту «неясность» как нечто в общем контексте несущественное. Ведь это в контексте «Превращения» в целом — всего лишь аллегория одиночества, ничтожности и униженности человека, переданного, по выражению Макса Брода, «во власть неумолимых сил» (с. 37).

В ходе своего «расследования» О. Н. Турышева обращается к малоизвестному фрагменту незаконченного (т. е. «незавершенного») текста, изданному уже после смерти Ф. Кафки и условно названному Максом Бродом «Свадебные приготовления в деревне». Там тоже появляется мотив превращения в жука — но уже с объяснением и мотивацией: Эдуард Рабан, не желающий отправляться в мучительную для него поездку, мечтает «послать туда тело» (с. 38), а сам тем временем остаться в своей постели, под одеялом, в образе «какого-то большого жука, жука-оленя или майского жука» (с. 39). Получается, «желание превращения в этом фрагменте самым отчетливым образом мотивировано потребностью во сне, в отдыхе и защите» (с. 39). И, накладывая на «Превращение» текст «Свадебных приготовлений...», а также переписку Кафки с Фелицией Бауэр, которая велась как раз во время работы писателя над «Превращением», О. Н. Турышева приходит к выводу, что и в «Превращении» присутствует родственная «Свадебным приготовлениям» семантика: «“Превращение”, таким образом, является результатом активности бессознательного в попытках избавления от мучительных тягот обыденной жизни» (с. 42).

Получается, разгадка причины превращения Грегора Замзы в жука обнаружена? О. Н. Турышева убедительно обосновала наличие корреляции между превращением несчастного Грегора и мечтой о таком превращении героя «Свадебных приготовлений». И это отчасти исправляет логическую «незавершенность» «Превращения». Но только *отчасти*. Ибо мера и степень корреляции так и остаются загадкой. В какой мере Кафка, работая над «Превращением», имел в виду содержание своих же «Свадебных приготовлений...»? Ведь мотив «превращения в жука» мог возникать в сознании Кафки в самых разных и в том числе не связанных между собой контекстах. Налицо и очень существенная трансформация этого мотива в «Превращении» в сравнении со «Свадебными приготовлениями...»: Эдуард Рабан желает такого перевоплощения, а для Грегора Замзы — это обрушившееся на него извне несчастье; для Эдуарда Рабана жук отождествляется с душой, отделившейся на время от несчастного человеческого тела, а Грегор Замза превращается в жука именно телесно, в то время как его душа безуспешно пытается вырваться за пределы отвратительной «насекомой» телесной оболочки. Короче говоря, корреляция между «Превращением» и «Свадебными приготовлениями», безусловно, есть, и автор подраздела ее вполне убедительно аргументировала, но мера этой корреляции, очевидно, до конца невыяснима, и «незавершенность», таким образом, все равно остается.

Другой образец подхода к «незавершенности» в литературе, присутствующий в данной монографии, предполагает поиск «незавершенного» в «завершенном», точнее — в претендующем на «завершенность». Казалось бы, трудно представить себе нечто более «завершенное», нежели архетипический сюжет; от этой

кажущейся неоспоримости отталкиваются авторы подраздела 3.3. «Незавершенность архетипических сюжетов» *Л. Н. Житкова* и *Н. В. Пращерук*. Но, оказывается, уже самим фактом своей открытости для разных прочтений самые, казалось бы, неоспоримые архетипические сюжеты демонстрируют собственную «незавершенность». Как об этом пишут авторы подраздела, «...продолжающаяся жизнь архетипов в культуре обеспечивается в том числе и их постоянной "готовностью" к обновлению, то есть онтологической характеристикой любого архетипического сюжета является принципиальная незавершенность» (с. 296). Сам подраздел, таким образом, уже начинается с вывода, обобщения — а дальше уже этот вывод убедительно аргументируется и иллюстрируется сопоставлением разных авторских интерпретаций, а значит — и разных авторских прочтений известного архетипического сюжета об Агасфере. В данном случае сопоставляются «три авторских прочтения... легенды: А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским и И. С. Тургеневым» (с. 298), и оказывается, что при наличии объединяющих эти три прочтения констант в каждом случае есть и свое, особое — «пушкинское», «жуковское», «тургеневское», и авторы подраздела подробно анализируют это особое для каждого отдельного прочтения. И это уже есть свидетельство «незавершенности» исходного сюжета. Этот подраздел наводит на мысль о причудливом сочетании в архетипических сюжетах «константности» — и открытости для ранее даже не предполагавшихся толкований.

Трудно представить себе поэта более «завершенного», чем А. Т. Твардовский. *Т. А. Снигирева* в своем литературном «расследовании» (раздел 3.8. «Три лишних строки (литературоведческий этюд)»), подкрепляя исходное стремление Твардовского к «завершенности», приводит его программные строки:

...За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

(с. 378)

В этих строках — изначальное желание сделать «изреченное» правдой (в неявном споре с тютчевским «Мысль изреченная есть ложь»). И, разумеется, — подобный посыл не может не предполагать цели быть адекватно понятым, т. е. однозначно, сообразно той правде, которую поэт знает и должен точно и правильно сказать. Но, однако, в финале его не менее программного стихотворения «Я знаю, никакой моей вины»... — «Речь не о том, но все же, все же, все же...» [Твардовский, с. 452]. Не говоря уже о подчеркнутой формальной «незавершенности», эти строки предполагают и «незавершенность» потенциальной рецепции. Своеобразным эвристическим посылом для «расследования» Т. А. Снигиревой стала некоторая чужеродность подобной «незавершенности» финала творческой манере Твардовского в целом. И ведь действительно — обнаружилось, что и сам Твардовский изначально планировал закончить стихотворение — в своем духе — четкой, афористичной формулой. И такой «итоговой» формулой первоначально стало:

...Только знаю, в дни войны
На жизнь и смерть у всех права одни.
(с. 382)

Четче сказать трудно. А вот по существу... Процитированный Т. А. Снигиревой А. Кондратович назвал это «эрзац-ответом» (с. 383). И сам Твардовский понял, что в данном случае ближе всего к той правде, которую он хотел предельно ясно сказать, — будет именно та самая «незавершенность», то самое «но все же, все же, все же»...

В некоторых подразделах монографии феномен незавершенного рассматривается в аспекте рецепции. Это, прежде всего, подразделы 1.6. «Литературная критика как завершение незавершенного» (*Ю. А. Говорухина*) и 2.3. «Судьба и проза Джеймса Гордона Фаррела» (*О. Г. Сидорова*). В подразделе, посвященном прозе Фаррела, исходным посылом для автора стала бросающаяся в глаза «незавершенность» рецепции творчества английского писателя Фаррела (1935–1979), который не был оценен при жизни — и лишь тридцать лет спустя после трагической гибели был посмертно удостоен престижной Букеровской премии. С точки зрения О. Г. Сидоровой, подобный временной разрыв является свидетельством «незавершенности, открытости ряда вопросов, связанных с именем и творчеством Фаррела» (с. 136), отдельные из которых касаются изменения восприятия английского читателя в постколониальную эпоху. В самом деле, в годы, когда творил Фаррел (1960–1970-е гг.), сама тематика его произведений, относящаяся к истории Британской империи, не была активно востребована британским читателем в силу того, что тогда слишком свежа была память об «одном из самых травматических событий XX в.» (с. 149) — крушении Британской империи. Естественно и закономерно в такой ситуации нежелание вновь «по горячим следам» переживать травматическую ситуацию, лишний раз вспоминать о погибшей империи. Другое дело — последующие десятилетия, «когда острота пережитых событий несколько сглаживается и отходит в область прошлого» (с. 149) — и, соответственно, историческая рефлексия перестает быть столь травмирующей и вновь становится интересной. Отсюда — и посмертный Букер Джеймса Гордона Фаррела.

Интересно, впрочем, что О. Г. Сидорова, отталкиваясь от «незавершенной» рецепции фарреловского творчества, вышла и к фарреловским «незавершенностям» иных уровней — от его незавершенного романа «Станция на холме» и до неявных, подразумеваемых и потому допускающих различные толкования смыслов. Так, например, подробно анализируя исторический роман Фаррела «Осада Кришнапура», О. Г. Сидорова констатирует: «Хотя герои романа одерживают победу над мятежниками (строго следуя исторической правде!), читателю становятся очевидны причины позднейшего падения самой могущественной империи современного мира» (с. 144). В этом контексте О. Г. Сидорова акцентирует неслучайность присутствия в историческом романе «Осада Кришнапура» пассажа, в котором при обороне английской резиденции в индийском городе Лакхнау «гарнизону, у которого закончились боеприпасы, приходится палить из пушек по врагам бюстами классиков... Полет металлической головы поэта

Китса сильно ограничен массой локонов, тогда как голова Шекспира наносит мятежникам ощутимые потери» (с. 143). Фаррел не рефлексирует по этому поводу — он лишь *описывает* — и О. Г Сидорова убедительно показывает, как сквозь историческое описание просматривается неявная (т. е. незавершенная) историческая рефлексия Фаррела. Если культура становится оружием (головы Китса и Шекспира в качестве пушечных ядер!) — значит, сторона, вынужденная так защищаться, в этом противостоянии обречена — и ей лучше отступить.

«Незавершенное» в поэтическом тексте — заслуживающий особого внимания феномен. Среди поэтов наиболее пристального внимания в монографии удостоилась М. Цветаева: «незавершенному» в ее творчестве посвящены три подраздела (их авторы — *А. А. Медведев*, *С. А. Фокина*, *Т. Е. Барышникова*). Среди других поэтов, рассматриваемых в монографии в контексте «незавершенности», — А. С. Пушкин (*Н. А. Рогачёва*), А. Т. Твардовский (уже упомянутый раздел *Т. А. Снигиревой*) и А. Ахматова (*А. М. Меньщикова*). В последнем случае молодой исследователь А. М. Меньщикова скрупулезно анализирует десять редакций ахматовской «Поэмы без героя», среди которых нет ни одного канонического варианта, что уже автоматически предполагает «незавершенность» каждого из рассматриваемых вариантов. Раздел А. М. Меньщиковой представляет собой образец дотошного поэтологического анализа, когда учитываются даже такие, на первый взгляд, незначительные различия между разными вариантами, как поставленное или непоставленное ударение, различия в знаках препинания и др. С точки зрения неискушенного человека, подобные различия могут быть и случайными. Но А. М. Меньщикова так не считает — и видит в этих вроде бы случайных и малозаметных различиях проявление сущностных свойств ахматовской «Поэмы». А. М. Меньщикова последовательно идет от сопоставления различных редакций «Поэмы без героя» в кажущихся «мелочах» к расшифровке «потайных» смыслов, когда чтение разных редакций порождает «наслоение аллюзий на уже имеющиеся связи» (с. 455).

Богатый историко-литературный материал, через призму которого в монографии исследуется феномен «незавершенности», включает в себя также творчество И. С. Тургенева (*О. В. Черкезова*), В. Набокова (*Н. И. Завгородняя*), А. П. Чехова (*К. Д. Гордович*), В. Розанова (*Н. М. Раковская*), братьев Стругацких (*А. В. Снигирев*), М. Пришвина (*Е. А. Худенко*), отечественных драматургов братьев Пресняковых и И. Вырыпаева (*Т. Н. Бреева*), а из зарубежной литературы — творчество И. В. Гете (*А. Н. Садриева*). Среди историко-литературных подразделов, характеризующих более общие тенденции или направления, можно выделить подразделы *Ю. А. Говорухиной*, *Е. В. Пономаревой* и *Е. П. Исаковой*, *Т. Ф. Семьян*.

Часть подразделов книги посвящена поэтике незавершенности, в том числе — «знакам незавершенности». В частности, это подраздел, авторы которого — Т. А. Снигирева и А. В. Подчиненов — развернуто, с опорой на богатый литературный материал, в том числе, что важно, — самый современный, — исследуют феномен фрагментарности в литературе в широком спектре контекстов и смыслов.

Пожалуй, больше всего из «знаков незавершенности» повезло многоточию, которому посвящено целых два подраздела. В одном из них *А. В. Кубасов*

и *О. А. Михайлова* детально прорабатывают историю многоточия — от XVIII в. до наших дней, с опорой на обширный теоретический (начиная от Н. М. Карамзина и далее) и литературный материал, с сопоставлением роли многоточия в произведениях разных авторов — от Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и И. Бунина до самых современных писателей. При этом для авторов подраздела остается действительным исходный постулат: «Многоточие означает недоговоренность — либо семантическую... либо формальную» (с. 258), т. е. многоточие — безусловно, знак незавершенности.

Несколько «карнавальную» струю вносит в монографию подраздел *М. Ю. Мухина*. Фундаментальный тезис о том, что многоточие — знак незавершенности, здесь внешне никак не дезавуируется. Разумеется, «наиболее формальным и самым очевидным, пунктуационным символом незавершенности является многоточие» (с. 285). Это аксиома, это не оспаривается, а только констатируется, — и далее М. Ю. Мухин применяет к многоточию свой статистический метод анализа. Исследователь накладывает трафарет статистического метода на творчество разных писателей: 22,67 миллиона слов. 239 194 многоточия... 67 авторов — от Пушкина и Гоголя до Татьяны Толстой, Дины Рубиной, Акунина и Пелевина. И венцом торжествующей алгебры, которой, наконец, окончательно поверена гармония прозы и поэзии, становятся грандиозные сводные таблицы «Количество многоточий на тысячу слов в прозе и поэзии (сортировка по году рождения авторов)» (с. 292) и «Количество многоточий на тысячу слов в тексте (сортировка по убыванию)» (с. 294–295). И вот здесь-то и обнаруживается незаметная «бомба», способная «взорвать» и статистический метод (точнее, его претензию на «завершенность»), и аксиому о том, что многоточие — непременно знак «незавершенности». Ведь, наряду с немногочисленными случаями, подтверждающими эту аксиому, гораздо больше примеров, подтверждающих обратное. Больше всего многоточий среди поэтов у вполне «завершенного» Роберта Рождественского; очень «многоточивы» весьма «завершенные» Шукшин, Горький, Мамин-Сибиряк, Некрасов; зато очень мало многоточий у гораздо менее «завершенных» Тынянова, Пастернака, Л. Андреева, Бродского, Фета. Значит, либо статистический метод «хромает», либо многоточие вовсе не обязательно есть знак «незавершенности». И заканчивает М. Ю. Мухин свой раздел вполне «карнавально». Оказывается, что многоточие есть всего лишь «достаточно частный признак стиля» (с. 295), своего рода «незавершенный» знак «незавершенности», а применительно к статистическому методу — фиксируется «феномен незавершенности статистических данных» (с. 295). Да и можно ли, исследуя «незавершенность», претендовать на «завершенность» собственного подхода? Это было бы непростительным диссонансом.

Твардовский А. Т. Избр. произведения : в 3 т. Т. 1. М., 1990. [Tvardovskij A. T. Izbr. proizvedenija : v 3 t. T. 1. M., 1990.]

Феномен незавершенного / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург, 2014. [Fenomen nezavershennogo / pod obshh. red. [i vstup. st.] T. A. Snigirevoj i A. V. Podchinenova. Ekaterinburg, 2014.]

Рецензия поступила в редакцию 10.03.2015 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции

НОВАЯ СТРАНИЦА В ЖИЗНИ УРАЛЬСКИХ ФИЛОЛОГОВ:

XI Всероссийская научная конференция «Дергачевские чтения»

6–7 октября 2014 г. на базе Института гуманитарных наук и искусств УрФУ силами департамента «Филологический факультет» при содействии сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета и Объединенного музея писателей Урала была проведена XI Всероссийская научная конференция с международным участием «Дергачевские чтения — 2014». Следуя уже давно сложившейся традиции, нашедшей свое выражение в общем заглавии научного форума, конференция была посвящена памяти Ивана Алексеевича Дергачева (1911–1991), доктора филологических наук, профессора, первого декана филологического факультета Уральского университета. Однако в этот раз она была также приурочена к знаменательному юбилею — 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, одного из самых любимых поэтов И. А. Дергачева, с томиком стихов которого ученый, по его собственному признанию, прошел, не разлучаясь, через горнило Великой Отечественной войны.

Очередные Дергачевские чтения стали уже одиннадцатыми по счету. Преемственность — одна из отличительных черт этой научной конференции, обеспечившая ей стабильность и узнаваемость в научном мире — вот уже на протяжении более чем двух десятилетий, начиная с 1992 г.

Предыдущие юбилейные десятые чтения, состоявшиеся в 2011 г., можно сказать, подвели знаменательный итог почти двадцатилетней работы уральских филологов-литературоведов. По материалам предыдущих конференций был издан специальный указатель, содержащий поименную роспись всех вошедших в сборники материалов статей [см.: Дергачевские чтения]. Заслуга в этом принадлежит издателю-составителю, а в течение многих лет и бессменному председателю оргкомитета конференции — доценту кафедры русской литературы УрФУ А. В. Подчиненову. Поразительный факт, отмеченный в предисловии к указателю самим составителем: «За двадцатилетнюю историю только в сборниках материалов чтений было опубликовано свыше 1000 статей более чем 650 авторов. О росте популярности “Дергачевских чтений” в гуманитарных научных кругах свидетельствует и то, что на юбилейную десятую конференцию в 2011 г. было подано около 350 заявок на участие и представлено почти 200 статей, которые потребовали трех (!) томов материалов» [Там же, с. 5]. Однако, несмотря на столь высокие достижения прошедшего двадцатилетия, проведение нынешних XI Дергачевских чтений призвано было продемонстрировать неослабевающий рабочий ритм научной

жизни, придание нового дыхания объединенному научному форуму уральских филологов.

Основная комплексная тема научной конференции была сформулирована когда-то самим И. А. Дергачевым: «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности». Но меняющееся время заставляло вносить в нее всё новые акценты и коррективы. Так, уже в 2006, а потом и в 2008 г., было предложено некоторое уточнение темы, связанное с проблемами жанра и жанрового сознания, с актуальной и мало разработанной проблемой жанровых номинаций. В 2011 г., когда юбилейные десятые чтения совпали с памятным событием — 100-летием со дня рождения И. А. Дергачева, оргкомитетом было принято решение посвятить конференцию основателям уральской филологической школы, профессорам А. С. Субботину, Г. К. Щенникову, В. М. Паверману, В. П. Круглышовой, Н. Л. Лейдерману [см.: Подчиненов, с. 283].

Вот и нынешние чтения, можно сказать без преувеличения, открыли новую страницу в работе конференции, что подтвердила и вновь откорректированная тема: «Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций».

На конференцию было заявлено свыше 130 докладов очных участников, представляющих различные регионы Российской Федерации: Екатеринбург, Тюмень, Челябинск, Пермь, Курган, Оренбург, Ижевск, Уфа, Казань, Воронеж, Красноярск, Новосибирск, Сыктывкар, Кемерово, Омск, Сургут, Хабаровск. Кроме того, в работе конференции приняли участие зарубежные гости — доктора филологических наук Лю Ядин, Ли Чжицян и Чи Цзиминь из Сычуаньского университета (г. Чэнду, КНР). Около трех десятков докладов было представлено заочно, в том числе стендовые доклады из Тараза (Казахстан), Одессы (Украина), Кракова (Польша), Лондона (Великобритания) и Нагоя (Япония).

Темы пленарных докладов были строго сфокусированы в заданном направлении — типология художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций в русской литературе. Открыл конференцию доклад *Т. И. Подкорытовой* (Омск) «Две концепции крушения культуры (“Слово о полку Игореве” и цикл “На поле Куликовом” А. Блока)». В нем констатировалось, что оба рассматриваемых текста сходны между собой своим провиденциальным пафосом, выявляют одну и ту же опасную склонность русской истории — все время выходить к самой предельной границе, за которой культуру ожидает крушение; оба текста свидетельствуют о своем «пограничном» времени как «безвременье», вызванном исчерпанностью культуротворческих сил Руси-России. Однако, по мнению докладчика, различает двух авторов, древнего и новейшего, разное отношение к катастрофической ситуации своего времени: исторически актуальным и потому ценным для Блока становится взрыв стихии, т. е. то, что в глазах автора «Слова» является гибельным для Руси. В докладе *С. И. Ермоленко* (Екатеринбург) «“Завещания” М. Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции» на материале целого ряда стихотворений поэта, относящихся к жанру завещания, было показано воздействие на литературный текст народнопоэтической традиции ямщицкой и солдатской песни, что позволило углубить представление об особенностях фольклоризма Лермонтова и направлении его идейно-художественной эволюции.

Ход пленарного заседания продолжил доклад *К. В. Анисимова* (Красноярск) «Восточный травелог русской литературы XIX в.: “воображение” имперских окраин и поэтика повествования», в котором была достаточно остро поставлена проблема культурного «пограничья». В выступлении зарубежного гостя *Лю Ядина* (Китай) «Русская литература сквозь призму китайской культуры» на материале произведений современных российских авторов (В. Варжапетян, С. Торопцев, В. Пелевин и др.) были прослежены многосторонние контакты двух национальных культур в процессе поиска новых форм и пересмотра

традиций, а также раскрыта работа над переводом на китайский язык энциклопедии «Духовная культура Китая», подготовленной Институтом Дальнего Востока РАН.

Два последующих сообщения из области высокой науки переориентировали разговор в сферу прикладных исследований. В выступлении работников Объединенного музея писателей Урала *В. Б. Королевой* и *Е. К. Леденцовой* была обозначена тема «Культура участия как “хорошо забытое старое”». Заметим, что в рамках конференции под этим актуальным девизом прошла работа отдельной секции и круглого стола. Последнее в пленарном заседании выступление было выдержано в духе «In memoriam»: профессор УрФУ *Л. С. Соболева* поведала о «новых страницах биографии» И. А. Дергачева. К уже известным граням личности Ивана Алексеевича — университетского ученого, педагога и литературного критика — была добавлена еще одна новая грань — литератора, автора оставшегося в рукописи исторического романа «Мечтатели» об организации в 1836 г. на Чермозском заводе на Каме «Тайного общества вольности».

В течение двух дней на конференции работали три основные литературоведческие секции: «Русская классическая словесность: пути развития, контексты восприятия» (координатор — проф. О. В. Зырянов); «Русская поэзия и проза XX века» (координатор — проф. Т. А. Снигирева); «Зарубежная литература: проблемы изучения и преподавания» (координатор — доц. Л. А. Назарова). В общей сложности на этих секционных заседаниях было сделано около 60 докладов, среди них укажем лишь наиболее значимые: «Мир русской классики в книге И. А. Бунина “Жизнь Арсеньева”» *Н. В. Пращерук*, «Достоевский в польской культурной традиции» *А. В. Спиридоновой*, «Образ Николая Гумилева в русской поэзии XX века» *Н. В. Налегач* (Кемерово), «Спасение по-китайски: влияние китайской философии на русских писателей» *Чи Цзиминь* (Чэнду, КНР), «Мотив каллиграфии в творчестве М. Шишкина и Дж. Джойса» *Е. Н. Роговой* (Кемерово), «Национальные традиции в зарубежной нарратологии: проблема диалога» *Д. В. Спиридонова*.

Четвертая секция «Музей в культуре участия» объединила усилия сотрудников музейных учреждений г. Екатеринбурга, Алапаевска и Нижнего Тагила. В работе секции было заслушано 14 докладов, среди них: «Урок в музее в формате участия» *Л. В. Маштаковой*, «Новые поступления в фонд семьи Удинцевых» *Е. К. Полевичек*, «Ф. М. Решетников. Театр. Почтовое подворье... (Опыт взаимодействия с посетителем)» *Л. А. Катаевой*, «Уровни культуры участия в практике экскурсионного взаимодействия в художественном музее» *Е. Курлаевой* (Нижний Тагил). Работа музейной секции была в первый день дополнена дискуссией в рамках круглого стола «Проекты в культуре участия. Готов ли к ним музей сегодня?» (модератор — ученый секретарь ОМПУ В. Б. Королёва). В ходе обсуждения было прояснено содержательное наполнение термина «культура участия», предполагающего готовность к общей деятельности самого музея и его посетителя, а также продуманы возможные проекты развития музейного дела с учетом избранной концепции и усложняющихся средств современных музейных технологий.

В рамках конференции прошла работа двух крупных научных семинаров. Первый из них — «Литературное наследие М. Ю. Лермонтова в контексте русской и зарубежной литературы» (координатор — проф. УрГПУ С. И. Ермоленко) — состоял из трех заседаний: «Литературное творчество М. Ю. Лермонтова: проблемы поэтики», «Феномен М. Ю. Лермонтова в культурном контексте», «Творчество М. Ю. Лермонтова в свете русско-европейских литературных взаимосвязей». Среди прозвучавших на этих заседаниях докладов отметим следующие: «“Молитвы” Лермонтова: пафос Богопознания» *Л. Н. Житковой*, «Экзистенциальный характер “ночной” поэзии Лермонтова» *Л. Н. Тихомировой* (Челябинск), «“Ашик-Кериб” М. Лермонтова и С. Параджанова» *Л. Р. Клягиной*, «Образ байронического героя в интерпретациях К. Рылеева и М. Лермонтова:

“Войнаровский” и “Измаил-бей”» *Т. А. Ложковой*, «Мотивы Лермонтова в лирике А. Штейгера» *Т. В. Сараевой* (Кемерово).

Завершил работу Лермонтовского семинара круглый стол на тему «Личность и судьба М. Ю. Лермонтова как научный и литературный сюжет» (модераторы — проф. О. В. Зырянов, проф. С. И. Ермоленко). На круглом столе были обсуждены вопросы функционирования мифа о поэте (от пламенного борца за свободу к мистическому гению — выступление *М. А. Алексеевой*), предложены объясняющие контексты понимания феномена Лермонтова в эссеистике В. Розанова — доклад *А. А. Медведева* (Тюмень). Были высказаны также полемические суждения о психологическом и духовном складе поэта: своего рода диалогическими репликами в споре прозвучали доклады китайского коллеги *Ли Чжицяна* «Лермонтов и Передонов: два типа садомазохистской психологии» и профессора УрФУ *О. В. Зырянова* «Проблема личности и природа субъектно-диалогических отношений в творчестве М. Ю. Лермонтова»[1].

Второй научно-практический семинар «Литература Урала и проблемы литературной регионалистики» (координатор — зав. сектором ИИиА УрО РАН Е. К. Созина), по сути, может быть рассмотрен как мини-вариант традиционной конференции «Литература Урала: история и современность», функционирующей уже на протяжении многих лет, начиная с 2005 г. В работу этого семинара были включены две секции: «Культурно-национальные связи в литературе Урала и вопросы регионалистики» и «Литературные классики Урала». Отметим лишь некоторые наиболее значимые доклады, прозвучавшие в этих секциях: «Пермский просветитель Д. Д. Смышляев как литератор» *В. В. Абашева* (Пермь), «Статус и взаимоотношение (обще)русской и украинской литератур в системе теоретических взглядов М. П. Драгоманова» *А. А. Тесля* (Хабаровск), «Пространство Сибири в творчестве Михаила Зенкевича: философия и поэтика» *Н. А. Рогачёвой* (Тюмень), «Ближние и дальние контексты повести Т. Г. Шевченко “Капитанша”» *Д. В. Ларковича* (Сургут), «Первая цензурная редакция “Конька-горунка” П. П. Ершова: чужое слово в аспекте проблемы авторства» *С. А. Комарова* (Тюмень), «Мандельштамовский текст в творчестве Ю. Казарина» *Т. А. Снигиревой*, «Пространство дома в стихотворении Бориса Рыжего “Не вставай, я сам его укрою...”» *Т. А. Арсеновой*, «Специфика символического мышления Т. Черновой» *М. В. Серовой* (Ижевск).

Кроме того, в рамках указанного семинара был организован круглый стол на тему «О подготовке академической “Истории литературы Урала”» (модератор — проф. Е. К. Созина). В работе круглого стола принял участие академик РАН В. В. Алексеев, определивший проблемные точки и перспективы академического издания «История литературы Урала», особенно его 2-го тома. В ходе дальнейшей дискуссии были высказаны очень важные замечания, способствующие консолидации деятельности научного коллектива, группирующегося вокруг сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН.

По уже сложившейся традиции окончание конференции было ознаменовано еще одним пленарным заседанием. С докладом «Топосы азиатского зверинца и европейского зоосада в русской литературе второй половины XIX — начала XX в.» выступил профессор *В. В. Мароши* (Новосибирск). Культурологическая тема была продолжена в выступлении *О. Н. Турышевой* (Екатеринбург) «Ларс фон Триер: с истиной или Христом?», в котором на материале фильма «Антихрист» известного датского режиссера и сценариста был

[1] Развернутые тексты докладов и сообщений, озвученных на семинаре и круглом столе, легли в основу специально подготовленной для 4-го выпуска журнала «Известия Уральского федерального университета» за 2014 г. Лермонтовской рубрики [см.: Лермонтов нашего времени].

предпринят опыт реконструкции важнейшего смыслового пласта, связанного с характером авторского осмысления положения женщины в культуре.

Конференция «Дергачевские чтения» насчитывает без малого 23 года. Для любого научного форума это достаточно большой срок, заставляющий серьезно задуматься как над ближайшими, так и над отдаленными перспективами. Оргкомитет конференции предложил решение: «Дергачевские чтения» будут проходить и впредь с периодичностью раз в два года. Следующие чтения ожидаем осенью 2016 г.

Дергачевские чтения : указатель статей по материалам научных конференций, 1992–2011 / сост. А. В. Подчиненов. Екатеринбург, 2014. [Dergachevskie chtenija : ukazatel' statej po materialam nauchnyh konferencij, 1992–2011 / sost. A. V. Podchinenov. Ekaterinburg, 2014.]

Лермонтов нашего времени. К 200-летию со дня рождения писателя // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2014. № 4 (133). С. 10–75. [Lermontov nashego vremeni. K 200-letiju so dnja rozhdenija pisatelja // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki. 2014. № 4 (133). S. 10–75.]

Подчиненов А. В. Дергачевские чтения. Юбилейная всероссийская научная конференция // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2012. № 2 (102). С. 283–287. [Podchinenov A. V. Dergachevskie chtenija. Jubilejnaja vserossijskaja nauchnaja konferencija // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki. 2012. № 2 (102). S. 283–287.]

О. В. Зырянов

ПАМЯТИ РУМЫНСКОГО КОЛЛЕГИ ПРОФЕССОРА АЛЬБЕРТА КОВАЧА (29.02.1928–27.04.2015)

Ушел из жизни известный специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, основатель и бессменный председатель Румынского общества Достоевского и Фонда культуры «Восток — Запад», профессор Бухарестского университета Альберт Ковач. Случилось это 27 апреля 2015 г. в Порт Четате на Дунае.

Альберт Ковач был тесно связан с Уральским университетом, филологическим факультетом, кафедрой русской литературы, выпускником которой он являлся (1954). После окончания alma mater А. Ковач не порывал связей с ней: до самого последнего времени он входил в состав редакционного совета серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета».

Памятен последний визит румынского ученого в Уральский университет в декабре 2008 г. Тогда Альберт Ковач и его супруга, видный специалист по истории русской литературы, Елена Васильевна Логиновская, также выпускница УрГУ, прибыли в Уральский университет с частным визитом. На встрече с преподавателями и студентами филологического факультета состоялся живой и заинтересованный разговор, охвативший широкий круг вопросов: современные направления достоевсковедения, отношение к опыту отечественной религиозной филологии, национальная специфика творчества Достоевского, эстетика комического у писателя, опыт современной компаративистики и сравнительной поэтики. Обращаясь к аудитории уральских филологов, профессор А. Ковач и Е. В. Логиновская поделились своими воспоминаниями о студенческих годах, проведенных в Уральском университете, признались в своей любви к городу Екатеринбургу, родной кафедре русской литературы.

Наши румынские коллеги, выпускники Уральского университета, тепло вспоминали студенческие годы, проведенные в стенах филологического факультета. Было это еще в первой половине 1950-х гг. С того времени минул внушительный срок. Альберт Ковач стал признанным во всем мире достоевсковедом, автором солидных монографий о писателе: «Достоевский. Об искусстве» (Бухарест, 1980), «Федор Достоевский. Письма о литературе и искусстве» (1990); «Поэтика Достоевского» (Бухарест, 1987; 2-е изд., 2007); «Достоевский: Quo vadis homo? Смысл

бытия и кризис цивилизации» (Бухарест, 2000). Однако российским читателям А. Ковач долгое время оставался известен лишь как автор серии замечательных статей, опубликованных в различных выпусках специального сборника «Достоевский. Материалы и исследования». Позднее к списку русскоязычных публикаций автора прибавилось еще одно внушительное издание — перевод на русский язык ставшей уже классической книги «Поэтика Достоевского» (3-е изд., М., 2008). Книга эта — исследование-эссе об искусстве повествования, жанровых структурах, основных литературных мотивах, мифах и символах в романах Достоевского. После широко известной книги М. М. Бахтина со сходным названием («Проблемы поэтики Достоевского») это действительно новое слово о великом русском писателе, заслуженно пользующемся славой во всем мире.

В последние годы А. Ковач продолжал неутомимо трудиться на ниве гуманитарной науки и просвещения. По мнению близко знавших его учеников, он воспринимал свой никогда не кончавшийся труд как терапию и дарованное ему счастье: превыше всего ценил и любил мировую литературу, искусство, науку; с тревогой следил за тем, что происходит в мире, и делал все, что было в его силах, чтобы способствовать духовному единению европейских культур и сохранению подлинных ценностей человечества.

С 6 по 11 октября 2014 г. под руководством А. Ковача в одиннадцатый раз состоялся международный симпозиум «Европейская цивилизация и русская культура», организованный Румынским общественным фондом культуры «Восток — Запад» в содружестве с Институтом румынской культуры, Фондом Лёвендаля и Фондом поэзии «Мирча Динеску». На этот раз симпозиум был посвящен сразу трем великим классикам русской литературы — М. Ю. Лермонтову, Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому. По личному приглашению А. Ковача и его супруги Е. Логиновской в Бухарест съехались не только румынские русисты, но и представители творческой интеллигенции из России, Молдавии, Великобритании и Германии.

В конце жизни А. Ковач самоотверженно работал над капитальным исследованием — двухтомником «Anno Domini 1854 — Лев Толстой в Бухаресте» и «Лев Толстой в Румынии». Близкие, друзья и ученики профессора надеются увидеть русский перевод этого труда.

В последнее время А. Ковач работал еще над двумя книгами, включающими отдельные автобиографические моменты (одна книга на венгерском языке, другая — на румынском). Их обещают завершить его дети — Андрей Ковач и Мария Динеску. Также А. Ковач вынашивал очень крупный и амбициозный проект — полное издание сочинений Достоевского в новых переводах на румынский язык. Осуществление данного проекта — теперь уже дело учеников А. Ковача.

Похороны профессора А. Ковача прошли по протестантскому (кальвинистскому) обряду. Похоронили Альберта — по его желанию — возле сельской церкви, построенной в XVI в. в сердце Трансильвании, в его родном Чаваше. Вечная ему память...

Редколлегия журнала

Список сокращений

АРАН	Архив Российской академии наук
АС	Археологический съезд
ВМОМКГ	Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГМВ	Государственный музей Востока
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ЕМИИ	Екатеринбургский музей изобразительных искусств
КММКШ	Кировоградский Музей музыкальной культуры им. К. Шимановского
НА ИИМК РАН, РА	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, Рукописный архив
ОИД	Одесское общество истории и древностей
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПВЛ	Повесть временных лет
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
СКГ	Свердловская картинная галерея
СКМ	Свердловский краеведческий музей
СОКМ	Свердловский областной краеведческий музей
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦУТР	Центральное училище технического рисования

Сведения об авторах

Абашев, Владимир Васильевич (vv_abashev@mail.ru). Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Пермь, ул. Букирева, 15; (342) 2396621; journal@psu.ru). Сфера научных интересов — семиотика пространства, динамика региональной культуры, художественная урбанистика, поэтика русской литературы.

Возчиков, Дмитрий Викторович (catullus89@mail.ru). Аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3507538). Ассистент кафедры востоковедения УрФУ (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3502834). Сфера научных интересов — история Венецианской республики, Венецианская Романия, дипломатические и культурные связи Венеции и поздней Византии, образ Востока в Европе эпохи Ренессанса.

Главацкая, Елена Михайловна (elena.glavatskaya@urfu.ru). Доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3507411). Сфера научных интересов — история, религиоведение, антропология.

Деменова, Виктория Владимировна (vikina@mail.ru). Кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 3507449). Сфера научных интересов — искусство Востока, буддийское искусство.

Дмитриев, Андрей Владимирович (khaldeus@academ.org). Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2; (383) 3634234). Сфера научных интересов — история русской армии XVII–XVIII вв.

Елихина, Юлия Игоревна (julia-elikhina@yandex.ru). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Востока, хранитель монгольской, тибетской и хотанской коллекций Государственного Эрмитажа (190000, Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 2; (812) 7109631). Сфера научных интересов — буддийское искусство, археология Центральной Азии.

Зырянов, Олег Васильевич (philologusu@rambler.ru). Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 3507592). Сфера научных интересов — жанровая поэтика русской лирики, духовно-религиозные аспекты отечественной словесности, проблемы литературной регионалистики.

Казакова-Апкаримова, Елена Юрьевна (apkarimova@mail.ru). Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620090, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; (343) 3745343). Сфера научных

интересов — история России, генезис гражданского общества в России, урбанизация и профессионализация в Уральском регионе, общественная жизнь уральского города во второй половине XIX — начале XX в., феномен уральского регионализма.

Кибальник, Сергей Акимович (kibalnik007@mail.ru). Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4), профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Международного общества Ф. М. Достоевского. Сфера научных интересов — русская литература XIX–XX вв., теория литературы, творчество А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, русский авангард.

Ковтун, Наталья Вадимовна (nkovtun@mail.ru). Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, пр. Свободный, 79; (391) 2062687; office@sfu-kras.ru). Сфера научных интересов — феноменология современной русской прозы, поэтика, идеология утопического метажанра, русская современная традиционалистская проза второй половины XX в.

Кринская, Зоя Андреевна (glendevan@rambler.ru). Младший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Казань, ул. Кремлёвская, 2; (843) 2923218). Сфера научных интересов — искусствоведение, буддология, тибетология.

Куликова, Елена Юрьевна (kulis@mail.ru). Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; (383) 3304772). Сфера научных интересов — Серебряный век, французские традиции в лирике акмеистов, экзотические мотивы в литературе модернизма.

Ларкович, Дмитрий Владимирович (dvl10@yandex.ru). Доктор филологических наук, доцент, декан филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета (628400, Тюменская обл., ХМАО-Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; (3462) 223187). Сфера научных интересов — русская поэзия Нового времени, жанровая система русской лирики, поэтика жанровых форм, синтез искусств.

Мазур, Людмила Николаевна (Lmaz@mail.ru). Доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3507532). Сфера научных интересов — сельская истории России XX в., источниковедение, методы исторического исследования.

Мангилева, Анна Владимировна (mangileva-anna@yandex.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии (620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 57; (343) 3119940). Сфера научных интересов — история приходского духовенства Синодального периода.

Маштакова, Любовь Владиславовна (lika170288@mail.ru). Аспирант кафедры русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 3507592). Научный сотрудник Объединенного музея писателей Урала (620000, Екатеринбург, ул. Толмачева, 41; (343) 3598459). Сфера научных интересов — проблемы поэтики лирических книг Вяч. Иванова 1900-х гг.

Медведев, Александр Александрович (amedv1@yandex.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Тюменского государственного университета (625003, Тюмень, ул. Республики, 9; (3452) 462087; russlit@utmn.ru). Сфера научных интересов — религиозная проблематика в русской литературе XIX–XX вв. (Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов, А. И. Цветаева и др.).

Неклюдов, Евгений Георгиевич (ntplant9@mail.ru). Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620090, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; (343) 3745210). Сфера научных интересов — история Урала, экономическая история, история предпринимательства, история права.

Поршнева, Ольга Сергеевна (porshneva@yandex.ru). Доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3507532). Сфера научных интересов — история России первой половины XX в.

Пронина, Мария Геннадьевна (proninamariya@yandex.ru). Старший научный сотрудник Серовского исторического музея (624992, Свердловская обл., Серов, ул. Заславского, 26 — 42; (34385) 63858). Сфера научных интересов — декоративно-прикладное искусство.

Проскурина, Елена Николаевна (Proskurina_elena@mail.ru). Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; (383) 3304772). Сфера научных интересов — автодокументалистика, русская литература XIX–XX вв., творчество А. Платонова, литература первоэмигрантов, сюжеты и мотивы русской литературы, русская литература Сибири.

Рабинович, Валерий Самуилович (zarlit.urfu@gmail.com). Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 3507598). Сфера научных интересов — английская литература XX в., антиутопическая литература.

Рабинович, Евгений Ильич (Svet-evg@mail.ru). Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 3507449). Сфера научных интересов — культурная антропология, буддология и тибетология, иррациональные аспекты культуры.

Ружицкий, Игорь Васильевич (konnitie@mail.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов; (495) 9395329). Сфера научных интересов — лексикология, лексикография, стилистика, лингвокультурология, теория и практика межкультурной коммуникации.

Рюсс, Хартмут (ruessbockhorst@t-online.de). Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Восточной Европы Вестфальского университета имени Вильгельма (48149, Deutschland, Münster, Schlossplatz 2). Сфера научных интересов — история Киевской Руси, Московского государства, российского дворянства (до XVII в.); немецкие военные преступления на территории СССР, немецкий военный плен в СССР.

Тупчиенко-Кадырова, Люция Георгиевна (kadyrovalg@gmail.com). Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения Кировоградского факультета Киевского национального университета культуры и искусств (25000, Украина, Кировоград, пер. Васильевский, 16; (0522) 333493; kfmb@mail.ru). Сфера научных интересов — история, архивоведение, история музыкальной культуры, музыковедение, документоведение, культурология.

Турышева, Ольга Наумовна (oltur3@yandex.ru). Доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 3507598). Сфера научных интересов — теория литературы, художественная рецепция, нарратив о чтении, Ларс фон Триер.

Хренов, Валентин Валерьевич (val-khrenov@yandex.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3505907). Сфера научных интересов — история Кореи, Корейская война, история Турции, экономика стран Восточной Азии, внешняя политика стран Восточной Азии.

Шаманаев, Андрей Васильевич (shamanaev@mail.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343) 3507536). Сфера научных интересов — археология, история археологии, охрана историко-культурного наследия, история охраны памятников старины.

SUMMARY

THE COMPREHENSION OF THE EAST: CULTURAL MEANINGS AND INTERPRETATIONS

Yelikhina Yu. I.
State Hermitage Museum, Saint Petersburg
julia-elikhina@yandex.ru

Early Buddhist Sculpture from Gandhara and Hadda in the Hermitage Collection

The article describes the collection of sculptures from Gandhara and Hadda, and characterizes the style and iconography of its images. The author analyzes the earliest Buddhist sculptures from Gandhara and Hadda kept in the Hermitage Museum collection. The collection consists of thirty-two objects dating back to the early stage of Buddhist art formation and development. The sculptures were created between the 2nd and the 5th centuries AD and depict Buddha, Bodhisattvas and monks. The study of the aforementioned findings is significant as they demonstrate the process of development of iconographic and iconometric canons of Buddhist art that uses antique and late Hellenic traditions as its basis. The art of Gandhara and Hadda served as a standard of the depiction of Buddha and Bodhisattvas. There are works imitating them among the monuments of Cashmere, the valley of the Swat River, the Middle East, Eastern Turkestan, China, Korea, Japan, Nepal, Tibet and South-Eastern Asia.

K e y w o r d s: Buddhism; stone sculpture; Gandhara; Hadda; bodhisattvas; iconography.

Demenova V. V.
Ural Federal University, Yekaterinburg
vikina@mail.ru

Buddhist Bronze Sculpture in the Collection of the Yekaterinburg Fine Arts Museum: Problems of Attribution

The article deals with the description and attribution of the Buddhist metal sculpture of the collection of Yekaterinburg Fine Arts Museum. Additionally, the article studies the routes of such works of art to Ural cities, the sources of the provincial collections in the Urals.

K e y w o r d s: Buddhist art; attribution; Buddhist iconography; collection of Yekaterinburg Fine Arts Museum.

Krinskaya Z. A.
The National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan
glendevan@rambler.ru

Rabinovich E. I.
Ural Federal University, Yekaterinburg
Svet-evg@mail.ru

The Goddess of Artists and Intellectuals: The Worship of Saraswati in the Cultures of the Buddhist East

The article considers the incorporation of Hindu deity into the Indo-Buddhist pantheon, the formation of a new iconography and mythological adaptation. The authors study the reception of Saraswati's worship in Tibet and the Goddess's establishment as a patroness of monastery intellectuals. The authors reveal the peculiarities of the transformation of Saraswati's functional characteristics in the Far Eastern cultures as well as its inclusion into the traditional religious structures through the actualization of the deity's generic features.

K e y w o r d s: Saraswati; Yangchenma; Benzaiten; Indian Buddhism; Tibetan Buddhism; Bon religion; Chinese Buddhism; Japanese Buddhism; Buddhist art.

ProninaM. G.
Serov Museum of History
proninamariya@yandex.ru

The Polovtsov Family as Founders of Eastern Art Collection in the Museum of Baron Stieglitz' School of Technical Drawing

The article focuses on the factors that influenced the creation of a museum at the Central School of Technical Drawing possessing one of the best collections of Eastern art in pre-revolutionary Russia. The article analyzes the complex of Eastern art works with reference to the items donated to the museum by the Polovtsov family. The author considers archival sources on the philanthropic activity of baron A. L. Stieglitz, spouses A. A. Polovtsov and N. M. Polovtsova and their descendants.

K e y w o r d s: Museum of the School of Technical Drawing in Saint Petersburg; Eastern art; A. L. Stieglitz; A. A. Polovtsov; N. M. Polovtsova; A. A. Polovtsov, Jr.

Vozchikov D. V.
Ural Federal University, Yekaterinburg
catullus89@mail.ru

Elephants and Bells: The States of Myanmar in the Eyes of 15th Century Italian Travellers

The paper deals with the images of Ava and Pegu, two powerful medieval states of present-day Myanmar, in the accounts made by two merchants from the Italian maritime republics: Niccolò de' Conti of Venice (1439) and Hieronimo di Santo Stefano of Genoa (1499). The author observes the means of portrayal of the Southeast Asian social and religious practices in these documents, highlights the late medieval Europeans' perception of the regional body culture. The article also examines how the traditional images of India (Indias) in the medieval discourse were influenced by the travellers' personal experience and evolved towards a more realistic portrayal.

K e y w o r d s: Republic of Venice; Genoa; Myanmar; Niccolò de' Conti; Hieronimo di Santo Stefano; orientalism; medieval voyages.

Abashev V. V.
Perm State National Research University
vv_abashev@mail.ru

A Thoughtful Realist in the Holy Land. Sketches of D. D. Smyshlyayev on Mount Sinai and Palestine in the Context of Pilgrim Literature

The book *Sinai and Palestine. From the Travel Sketches of 1865* by Perm enlightener Dmitri Smyshlyayev is analyzed in the context of Russian pilgrim literature. It is shown that the author starts a dialogue with tradition and argues with its canon. In his sketches, Smyshlyayev offered a new variation of the genre in keeping with the spirit of 'the epoch of realism' of the 1860s. His account is organized along the contradictory combination of two types of discourse: the scientific and the guide-book one. Smyshlyayev's travelogue both merges heterogeneous layers of writing and reveals different levels of consciousness: religious and critical consciousness of the Russian 'thoughtful realist' of the 1860s with his rational desacralizing view of the world, with his focus on *delnost'* — one of the key concepts of the 1860s which could be roughly translated as 'efficiency' or 'reasonability'.

K e y w o r d s: pilgrimage; travelogue; Russian culture of the 1860s; D. D. Smyshlyayev; A. N. Muravyev; A. S. Norov.

Kulikova E. Yu.
Institute of Philology, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk
kulis@mail.ru

'*The East Is Both Gentle and Brilliant...*': Pantuns and Peacocks of Nikolay Gumilyov

The article considers the pantun of Nikolay Gumilyov *Goncharova and Larionov*, reflecting Eastern motives. The avant-garde discoveries of artists are written into the rigid form of a Malay genre. The article uses the method of immanent and intertextual analysis of the text, entering intermedial space through comparison

with visual arts. The result of the research is the study of a *forme fixe* of Silver Age poetry: the genre of the pantun based on national Eastern poetry and mediaeval lyrical poetry with oriental motives which becomes part of the new way of expression. Gumilyov presents an Eastern theme in an *Eastern form*.

K e y w o r d s: genre; pantun; Gumilyov; Goncharova; Larionov; East; avant-garde.

Proskurina E. N.
Institute of Philology, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk
Proskurina_elena@mail.ru

The Function of the Chinese Theme in the Provincial Prose of Galina Klimovskaya (with Reference to *The Blue Smoke of China*)

The article analyzes the auto-documental story of the contemporary Siberian writer G. Klimovskaya *The Blue Smoke of China* which is the first one in her book of prose bearing the same name. The story is devoted to the biographer's recollections of her childhood. The article studies the sources and semantic expansion of the Chinese theme which is made part of the space of a provincial text through a child's memory and also the elements that connect the story with the tradition of existential prose. The article describes the functional meaning of the Chinese theme as a connection between the child's celebration of life and the feeling of fear coming from the era between the 1930s and the 1940s.

K e y w o r d s: G. I. Klimosvskaya; *The Blue Smoke of China*; provincial text of Russian literature; Russian literature of Siberia; auto-documental prose; Chinese theme in Russian literature.

Kibalnik S. A.
Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg
kibalnik007@mail.ru

The Myth of Jambyl (Based on Contemporary Kazakh Press)

The article cites excerpts from D. D. Shostakovich's memoirs that have relatively recently been published in Russian and are kept in the Memoirs Archive of composer E. G. Brusilovsky and unveil the mystery of the creative work of Jambyl, a poet of the Stalin era. With reference to the material from a popular Kazakh newspaper *Svoboda Slova*, the author demonstrates how differently and at times painfully modern Kazakhstan perceives the demythologization of the renowned Kazakh akyn.

K e y w o r d s: Jambyl; poet; myth; mythologization; memoirs; newspaper; Kazakh language.

HISTORY

Dmitriev A. V.
Novosibirsk National Research State University
khaldeus@academ.org

Commanding Officers of the Field Troops of the Siberian Corps on the 2nd Half of the 1760s

The article analyzes a number of aspects connected with the commanding officers of the field troops of the Siberian Corps of the 2nd half of the 1760s to determine the peculiarities of the imperial state policy in the sphere of recruitment of the armed forces of the country. With reference to a number of archival materials, the author comes to the conclusion that while outnumbering recruits from other social classes, officers from the nobility were mainly from the small gentry which considerably bridged the gap between them and their subordinates, representatives of taxed classes. The recruitment of people with work and military experience into the Siberian Corps can be explained by the real threat of a military conflict with China.

K e y w o r d s: Russian Empire; 18th century; armed forces; officer corps; gentry; Siberia.

Glavatskaya E. M.
Ural Federal University, Yekaterinburg
elena.glavatskaya@urfu.ru

Lutherans of the Middle Urals in the 18th — 2nd Half of the 19th Century: Institutions, Boarding and Numbers

The article studies the history of the Lutheran tradition in the Middle Urals as of the appearance of the first Lutherans until the late 19th century. With reference to the analysis of academic literature, archival sources and statistical service data, the author traces the history of Ural Lutheran communities formation, their ethnical makeup and the changes in their numbers. The research shows that, contrary to Catholicism, the Lutheran tradition in the Urals was formed as a full-fledged religious institution with all the necessary attributes as early as at the beginning of the 18th century. During its first years of existence, it mainly consisted of Swedes but by the end of the 18th century, the majority of Middle Ural Lutherans were descendants of German lands who came to work at factories. Socially, they were specialists working in the mining and civil spheres. Supported by the authorities, Lutherans were able to keep their faith and identity being surrounded by the dominating Orthodox population and made an integral part of the local communities participating in the development of the region.

K e y w o r d s: history of Lutheranism in the Urals; Lutheran Church of Yekaterinburg; Lutheran landscape of the Urals; number of Lutherans.

Neklyudov E. G.
Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS, Yekaterinburg
ntplant9@mail.ru

Mining Districts of the Urals: Establishment and Structure in the 18th — Early 20th Century

The article studies the evolution of the main structural elements of Ural metallurgy, i. e. state and private mining enterprises between the 18th — early 20th century. The author determines the main characteristics of the mining districts' economy, describes their formation process in the lands owned by the largest entrepreneur dynasties of the Demidov, Stroganov, Yakovlev, etc. Additionally, the article describes the economic, political and legal factors that influenced the changes in the number of districts during all the periods of Ural metallurgy development in the Russian Empire.

K e y w o r d s: Urals; mining industry; mining districts; industrial policy; entrepreneurship; modernization.

Shamanaev A. V.
Ural Federal University, Yekaterinburg
shamanaev@mail.ru

The Collection of Antiquities of St Vladimir's Monastery (2nd Half of the 19th — Early 20th Century)

The article studies the history of the collection of archaeological findings made by the monks of St Vladimir's Monastery in Chersonesus (Crimea) between the 2nd half of the 19th — early 20th century. With reference to archival documents, the author determines the sources of the collection, its items, and analyzes the condition in which they were stored.

K e y w o r d s: Crimea; Chersonesus; history of archaeology; museum studies; church archaeological museums.

Mazur L. N.
Ural Federal University, Yekaterinburg
Lmaz@mail.ru

Rural Bureaucracy in Soviet Russia: Development Peculiarities

Using the topographical approach, the author studies the development peculiarities of rural bureaucracy in the Soviet and post-Soviet society. The article focuses on the social structure of bureaucracy, the functions and means of recruiting. The rural bureaucracy's typological peculiarity whose characteristic feature is its close connection to the rural community and its integration into it is being gradually lost at the moment. The logic of the present-day reform of the local authorities testifies to the isolation of ruling structures and the merging of rural bureaucracy with provincial bureaucracy.

K e y w o r d s: bureaucracy in Russia; rural bureaucracy; structural and functional evolution; place in the governing system.

Tupchiyenko-Kadyrova L. G.
Kirovograd Department of Kyiv National University of Culture and Arts, Ukraine, Kirovograd
kadyrovalg@gmail.com

Letters from S. S. Bogatyrev to Yu. S. Meitus from Evacuation (1941–1942)

The article publishes five letters of music expert, composer and teacher S. S. Bogatyrev to his student and colleague composer Yu. S. Meitus. During the Great Patriotic War, the author was evacuated to Shchuchinsk, Krasnoyarsk and Sverdlovsk where he continued his work. The texts provide information on the artistic, professional and personal life of the musicians.

K e y w o r d s: epistolary documents; music culture; Great Patriotic War; Semyon Semyonovich Bogatyrev; Yuliy Sergeevich Meitus.

Khrenov V. V.
Ural Federal University, Yekaterinburg
val-khrenov@yandex.ru

Turkey's Participation in the Korean War in Turkish Historiography

The article estimates the degree to which the Turkish historiography of Turkey's participation in the Korean war has been studied, as well as the evolution thereof. The author mainly analyzes historical literature in the Turkish language devoted to the diplomatic and political aspects of the Turkish contingent being sent to the Korean war, its participation in the military activities and the role of the aforementioned factor in the process of this country's joining NATO.

K e y w o r d s: Turkey; Korean war; Korea; history of Turkey; military history; historiography.

Yekaterinburg: From the City's History

Porshneva O. S.
Ural Federal University, Yekaterinburg
porshneva@yandex.ru
Kazakova-Apkarimova E. Yu.
Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS, Yekaterinburg
apkarimova@mail.ru

The Capital of the Urals: Yekaterinburg's Administrative Status and Citizens' Identity Evolution between the 18th — Early 20th Century

The article aims to analyze the connection between the evolution of Yekaterinburg's administrative status and that of its citizens' identity between the 18th — early 20th century. With reference to historical and historiographic sources, the authors demonstrate that Yekaterinburg, while being a capital and a European city in many respects, was a dynamically developing place with advanced commerce and industry, science and culture in the period in question. The authors conclude that the myth of the capital character of Yekaterinburg that is an integral part of the citizens' mentality has a long-standing history and express an opinion that Yekaterinburg's capital identity as a macro-region was closely connected to the growth of regional self-consciousness in history.

K e y w o r d s: Yekaterinburg; Urals; city; capital; history; evolution; administrative status; identity; social life; social institutions; city self-government; culture.

Mangileva A. V.
Yekaterinburg Theological Seminary
mangileva-anna@yandex.ru

Teachers of Yekaterinburg Uyezd Seminary in the Memoirs of D. N. Mamin-Sibiryak

The article provides biographic data of the teachers of Yekaterinburg Uyezd Seminary that worked there when the writer-to-be D. N. Mamin-Sibiryak was studying there, among them A. M. Krotkov and the teacher of Greek N. A. Diomidovsky. The real names of these people were discovered thanks to archival sources.

The article describes the events of their lives after that and reveals the informational potential of clerical registers as an information source.

K e y w o r d s: D. N. Mamin-Sibiryak's memoirs; Yekaterinburg Uyezd Seminary; A. M. Krotkov; N. A. Diomidovsky.

PHILOLOGY

Mashtakova L. V.
Ural Federal University, Yekaterinburg
lika170288@mail.ru

The Existence of Number: Numeral Symbols in Vyacheslav Ivanov's *Rosarium*

The article studies the structural components of the composition and architectonics of Vyacheslav Ivanov's lyrical book *Rosarium* that is part of *Cor Ardens* from the point of view of numeral symbolism. Special attention is paid to the analysis of the category of number in the poet's philosophy and the poetics of *Cor Ardens*. The author studies the symbol of the rose and its numeral aspects, central to *Rosarium* along with the development of the aforementioned symbol in the poetics of *Cor Ardens*. With reference to the symbol of the rose, the article studies the gradual development of the symbol into an archetype that includes numeral symbols, and the attainment through this archetype of the theurgical function of poetry crucial for Ivanov's creative work.

K e y w o r d s: Vyacheslav Ivanov; *Cor Ardens*; *Rosarium*; numeral symbols; numerals as symbols; symbol of the rose; rose and cross.

Kovtun N. V.
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
nkovtun@mail.ru

The Book — the Author — the Reader in V. Rasputin's Late Works

The article studies the issue of relationships between the author and the reader with artistic writing. The reference to V. Rasputin's texts as a national artist whose creative work is the nation's attempt to comprehend its own way is significant. In his 1990s texts, the writer introduces a new character, that of an intellectual prophet that is close to the writer's consciousness and for whom the book becomes a beacon and interlocutor but the new knowledge is not universal nor is it part of personal experience. In his final story *Ivan's Daughter, Ivan's Mother*, the writer has to state that the influence of culture on human history is overestimated, that reading stimulates imagination but sends him off the road to his family predestination. All the models of intellectual messianism retreat to the background when contrasted by the intuitively comprehended truth that the characters are granted suddenly by a superior force. In his late texts the author argues the postulates of official religiosity, the unconditional character of bookish ideals, and the logic of history itself. He puts forward an alternative programme rooted in the national version of faith (Old Belief) and the word of sermon.

K e y w o r d s: Rasputin; late creative work; book; reading.

The Language and Images of F. M. Dostoyevsky

Medvedev A. A.
Tumen State University
amedv1@yandex.ru

The Forgiving Heart: The Images of Righteous People in F. M. Dostoyevsky's Creative Work and St Francis of Assisi

The images of righteous people in their love for creation in F. M. Dostoyevsky's work (Prince Myshkin, Makar Ivanovich, Markel, Zosima) are considered in the *minor time* (the writer's epoch) and the *major time* (M. M. Bakhtin) through the perspective of the early Christian tradition of the forgiving heart of all the living(St Isaac Sirin) represented both in its Orthodox Christian (St Sergius of Radonezh) and Catholic (St Francis of Assisi) versions. It is substantiated that this old Christian tradition is explicitly present in Dostoyevsky's works in the form of quotations and allusions to biblical and hagiographic sources

and indirectly — in the form of key Christian concepts (compassion, burning heart, observation, mystery, apophatics, hesychia, splendour, sightliness, joy, tenderness, paradise, etc.). In Dostoyevsky's images of righteous people there are some images, motifs and ekphrasis making the Christ-like characters kindred to St Francis.

K e y w o r d s: Dostoyevsky; image of a saint; images of creation and animals; *major time*; Christian tradition; *forgiving heart*; St Francis of Assisi; Christian concepts; ekphrasis.

Ruzhitsky I. V.
Moscow State University
konnitie@mail.ru

Once again on Dostoyevsky's *Negligence of the Word*

Referring to the data collected during his work on the Dictionary of Dostoyevsky's Language, the author substantiates the writer's conscious use of linguistic means such as repetition, violation of lexical combinability, the use of words of a certain lexico-semantic group, etc., classified by many critics of the writer's creative work as negligence of the word or a violation of the stylistic norms of the Russian language. The author of the article puts forward some explanations of the motivation behind the use of the aforementioned means and repetitions.

K e y w o r d s: Dostoyevsky; style; *negligence of the word*; dictionary of a writer's language.

Turysheva O. N.
Ural Federal University, Yekaterinburg
oltur3@yandex.ru

Lars von Trier as Ivan Karamazov

The article is devoted to the creative work of the contemporary Danish director and scriptwriter Lars von Trier. The author puts forward and substantiates a hypothesis about the kindred character of his cinematographic work to the artistic world of F. M. Dostoyevsky. The multiple parallels are interpreted as a consequence of von Trier's reproduction of the worldview that Dostoyevsky reflected in the image of his Ivan Karamazov.

K e y w o r d s: Lars von Trier; Dostoyevsky; Ivan Karamazov; character's consciousness; author's consciousness.

REVIEWS

Russ H.
University of Münster, Germany
ruessbockhorst@t-online.de

Not a New Study of the Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus'

The review describes the conceptual and content sides of the monograph of an American specialist in the history of Early Medieval Rus'. It shows the lack of topicality of the research as the text is a more or less literal repetition of the 1973 edition overlooking the conclusions made in the related specialized literature that has been published since that time.

K e y w o r d s: U. K. Hanak; Kievan Rus'; princely power; image of a ruler.

Larkovich D. V.
Surgut State Pedagogical University
dvl10@yandex.ru

"Russia's Unspendable and Imperishable Brand"

The review provides a general characteristic of a monograph prepared by several scholars of Tyumen State University and its Branch in the city of Ishim as related to the discussion of a variety of urgent issues connected with the study of P. P. Yershov's creative work. The researchers' approach is focused on the central work of the Siberian poet, i. e. his poetic fairytale *The Tiny Hunchbacked Horse* but at the same time includes a number of important points made about Yershov's personality as a writer as well as the role and place of his poetic legacy in the system of Russian literary classics.

K e y w o r d s: Russian classical literature; P. P. Yershov; poetic fairytale; commentary; cultural context.

Rabinovich V. S.
Ural Federal University, Yekaterinburg
zarlit.urfu@gmail.com

Incompletable Incompleteness

The review includes an analytical review of the multi-authored monograph *The Phenomenon of the Incomplete* describing incompleteness in literature through the prism of its parts. The author studies the subchapters of the book on the definition of incompleteness: the introduction by T. A. Snigireva and A. V. Podchinenov, the article of I. E. Vasilyev; the introduction of A. V. Pertsev devoted to the philosophic aspects of incompleteness; the afterword of L. P. Bykov where he studies the problem of incompleteness of a creative biography; the philological investigation of O. N. Turysheva explaining one type of incompleteness in the creative work of F. Kafka by means of another; the articles that search for the incomplete in the complete, be it archetypal plots (the article of L. N. Zhitkova and N. V. Prashcheruk) or Tvardovsky's poetry (the article of T. A. Snigireva); the article of O. G. Sidorova that considers the phenomenon of the incomplete through the concept of perception (in the creative work of J. G. Farrell); the subchapters devoted to the problem of the incomplete in a poetic text (e. g., A. M. Menshchikova's article on Anna Akhmatova); the poetics of the incomplete (articles of M. Yu. Mukhin, A. V. Kubasov and O. A. Mikhailova on the three dots as a *sign of incompleteness*).

K e y w o r d s: incompleteness; interpretation; A. T. Tvardovsky; semantics of a lexeme; textual anomaly; artistic biography; F. Kafka; archetypal plot; J. G. Farrell; post-colonial literature; A. A. Akhmatova; three dots; statistical method.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2015. № 2 (139)

Редактор и корректор *А. А. Макарова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 19.06.2015. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 25,39. Усл. печ. л. 24,78. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 227.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» издается с 1999 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48320 от 27 января 2012 г.);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2283;
- включен в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим отраслям наук: *исторические науки и археология*, *филологические науки*, *искусствоведение*;
- включен в объединенный каталог «Пресса России. Газеты и журналы. Т. 1», индекс 43143;
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (http://urfu.ru/science/proceedings/) и на собственном сайте журнала (http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2).

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранным сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами). Статьи аспирантов принимаются объемом до 0,5 а. л. (20 000 знаков с пробелами).
- Журнал принимает к публикации научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, освещающие актуальные вопросы *филологии*, *истории* и *искусствоведения*.

- К рукописи прилагается одна официальная рецензия (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе, на одном факультете или на одной кафедре с автором статьи). Статьи без внешней рецензии не рассматриваются.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, аннотацией на русском и английском языках (тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, около 700 знаков), перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; место работы (с указанием адреса и рабочего телфона); ученая степень, звание и должность; код научной специальности; сфера научных интересов; средства связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи ***нумеруются***.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторе и таблица со сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Главному редактору журнала «Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.
- Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, автору не возвращаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — A4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегль) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы** обязательны (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. п., т. д., т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, "..." — внутренние).

- **Точка**, **запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак*[1].
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква *ё*/*Ё*** заменяется буквой *е*/*Е* за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*п**усть встр**еча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.
- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.
- Для ссылок на электронные ресурсы (вместо слов [Электронный ресурс]. Режим доступа:) используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL: http://www.prognosis.ru (дата обращения: 13.03.09)

Примеры оформления ссылок:

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ћосић Д. Косово. Београд, 2004.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01 (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе

Фамилия	
Имя, отчество	
E-mail	
Организация	
Почтовый адрес и телефон места работы	
Ученая степень, звание	
Должность	
Сфера научных интересов	
Контактный телефон	

Сведения о статье

ФИО автора	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail	
Наименование статьи	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Author	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	

Электронный адрес: izvestia.2@yandex.ru